

इस प्रकार स तथा संसृष्ट
संसारसतलस

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

1990

किसका स तहससुध दिसासास

तासससुध सुधससुधसुध सुधसुध-
सुध सुधसुधसुधसुध
सुधसुध
1990

Составление и перевод с английского
А. Е. ПОРОЖНЯКОВА

Ответственные редакторы
С. Д. СЕРЕБРЯНЫЙ, Н. И. СОЛНЦЕВА

Автор послесловия
С. Д. СЕРЕБРЯНЫЙ

Примечания и словарь
Н. И. СОЛНЦЕВОЙ

Сказки и легенды Бенгалии. Пер. с англ. и
С 42 сост. А. Е. Порожнякова. Послесл. С. Д. Серебряного. Примеч. и словарь Н. И. Солнцевой. —
М.: Наука. Главная редакция восточной литературы,
1990. — 304 с.

ISBN 5-02-016595-6

В сборник входят сказки и легенды, широко распространенные среди населения Бангладеш и индийского штата Западная Бенгалия. Как вид устного народного творчества эти сказки и легенды формировались в течение многих веков на основе традиционной культуры Бенгалии и ярко отражают жизнь и быт ее народа.

Читатель познакомится с природой этого далекого уголка Юго-Восточной Азии, с добрым и трудолюбивым бенгальским народом, с его обычаями, традициями и верованиями.

С $\frac{4703020500-083}{013(02)-90}$ Без объявления

ББК 82.33-6

ISBN 5-02-016595-6

© Главная редакция
восточной литературы
ИПКО «Наука», 1990

कालिका

Жил некогда на свете ткач. Род его был богатым, да только отец промотал все до нитки. Вместо великолепного дома уютился теперь ткач в бедной лачуге — один-одинешенек.

Невдалеке было логово шакала. Он помнил, как жили предки ткача, и жалел его.

Вот раз пришел шакал к соседу и говорит:

— Вижу, худо тебе живется, и хочу тебе помочь. Давай-ка я женю тебя на царской дочери!

— На царской дочери?! — изумился ткач. — Да скорее солнце взойдет на западе, чем я стану зятем царя!

— Ты, я вижу, не веришь мне? — обиделся шакал. — Ну, подожди!

На следующий день шакал пустился в далекий путь к царской столице. По дороге он завернул на плантацию бетеля и нарвал там целую охапку листьев. Добравшись до столицы, шакал прошмыгнул мимо дворцовой стражи и прилег возле бассейна, где женская половина царской семьи совершала утренние и вечерние омовения.

Вскоре в сопровождении подруг к бассейну подошла царская дочь. Увидела она шакала и удивилась.

— Прогоните его отсюда, — приказала она служанкам.

Но шакал как ни в чем не бывало поднялся, сладко потягиваясь, будто только проснулся, и, положив несколько листьев бетеля себе в рот, стал их жевать.

Тут царевна с подругами удивились еще больше.

— Что за странный шакал? — зашептали они. — Откуда он тут взялся? Виданное ли это дело, чтобы шакал жевал листья бетеля? Да в нашей столице тыся-

чи людей не могут позволить себе такой роскоши! Наверное, он из какой-то сказочно богатой страны.

— Скажи, шакал, откуда ты пришел? — спросила царевна. — Видно, у вас там столько бетеля, что даже шакалы могут его жевать?

— Любезная царевна, — отвечал ей шакал, — я прибыл из очень богатой страны. Бетеля у нас столько, сколько травы на ваших лугах. Все наши животные — коровы, овцы и даже собаки — очень любят жевать бетель.

— Да будет благословенна та страна, в которой такое изобилие, — промолвила царевна, — и трижды благословен тот царь, который ею правит.

— О да! — гордо отвечал шакал. — Наш царь самый богатый в мире. Его дворец все равно что обитель бога Индры¹. Ваш дворец в сравнении с ним жалкая лачуга!

Царевна наскоро искупалась и поспешила к матери — рассказать ей о необыкновенном шакале, которого встретила у бассейна. Царица потребовала привести его во дворец.

Шакал предстал перед царицей, жуя бетель.

— Мне сказали, что ты прибыл из сказочной страны, — начала разговор царица. — Скажи, ваш царь женат?

— Нет, царица, не женат. К нему сватались многие царевны из разных дальних стран, но он всем отказывал. Как счастлива будет та царевна, которую он возьмет в жены!

— А не кажется ли тебе, уважаемый шакал, — молвила царица, — что моя дочь прекрасна, как апсара — небесная дева², и она достойна стать женой самого прославленного царя в мире?

— О да, ваша дочь самая красивая из всех, кого мне приходилось когда-либо видеть, но я не уверен, что она понравится нашему царю.

— Понравится ли ему моя дочь?! — рассердилась царица. — Да ты только расскажи, какая она, и он тут же потеряет голову. Уважаемый шакал, я хочу выдать дочь замуж. Уже многие царевичи просили ее руки, но я не дала согласия: никто из них не был сыном могущественного правителя. А твой царь, мне кажется, именно тот, кто нам нужен. И я не буду возражать, если он станет моим зятем.

Она послала за супругом. Царь послушал рассказы шакала и не стал противиться желанию царицы отдать дочь такому завидному жениху.

Вернулся шакал домой и говорит ткачу:

— Везет тебе, дорогой сосед! Все улажено, и ты скоро будешь зятем одного из великих царей. Я рассказал им, что у тебя тоже большое царство и пышный дворец, значит, тебе надо теперь вести себя по-умному. Ты должен слушаться меня, а не то мы оба попадем в беду.

Ткач обещал слушаться шакала во всем. Хитрый шакал все хорошенько обдумал. Через несколько дней он снова вернулся в царский дворец и с бетелем во рту лег у бассейна.

Царь с царицей обрадовались шакалу и стали спрашивать, как обстоят дела.

— Могу вас успокоить, — отвечал шакал, — я съездил не зря. Пока все идет как по маслу. Знали бы вы, сколько я потратил сил, чтобы уговорить моего царя жениться на вашей дочери. Сначала он и слышать об этом не хотел, но потом дал согласие. Теперь надо выбрать подходящий день для брачной церемонии. Я ваш друг, и мне хочется дать вам один совет. Если мой царь прибудет к вам, как положено, со всей своей огромной свитой, слугами, лошадьми и слонами³, вы не сумеете разместить всех не только во дворце, но и в целом городе. Будет лучше, если он приедет сюда с небольшой свитой. А вы пошлете ему навстречу своих слонов и лошадей. Вам же меньше хлопот будет.

— Спасибо тебе, шакал, за мудрый совет, — сказал царь. — Я и в самом деле не смогу принять у себя в столице столь многочисленную свиту твоего царя. Скажи ему, пусть приезжает без свиты. А то я разорюсь вконец!

— Ну что ж, — важно заметил шакал, — я постараюсь его уговорить.

Царские астрологи высчитали день, благоприятный для свадьбы⁴, и шакал отправился восвояси. Вернувшись домой, он занялся приготовлениями к свадьбе. Перво-наперво он велел ткачу сбросить с себя грязные лохмотья, пойти к деревенским прачкам и взять у них на время подходящий наряд. А сам отправился к вождю своего шакальского племени и попросил послать с ним, когда потребуется, тысячу шакалов. Затем посетил владыку ворон и уговорил дать ему в провозатые ты-

сячу его черных подданных. О том же он умолял и владыку воробьев.

И вот настал день свадьбы. Ткач нарядился в одежду, взятую напрокат. Шакал появился в сопровождении целой стаи шакалов, ворон и воробьев. Свадебная процессия двинулась в путь и к вечеру прибыла на окраину царской столицы. И тут по команде шакала все участники процессии подали свой голос: завывала тысяча шакалов, закаркала тысяча ворон и противно запищала тысяча воробьев⁵. Никто такого никогда не слышал.

А шакал тем временем направился во дворец и спросил царя, сможет ли он разместить у себя прибывших гостей, которые ожидают на окраине столицы.

Царь, услышав страшный шум, не на шутку перепугался:

— Нет, нет, досточтимый шакал. Видимо, прибыло не менее ста тысяч гостей. Мне негде их разместить. Сделай так, чтобы жених пришел один!

— Ну что ж, попробую, — согласился шакал. — Говорил же я вам, что вы не сможете принять всю свиту моего государя. Так и быть. Пойду скажу ему, пусть снимет с тебя царские одежды и идет сюда, как самый что ни на есть простой человек. Дайте мне лошадь и слугу.

Поблагодарил он шакалов, ворон и воробьев за их услугу и отпустил. Потом усадил ткача на лошадь и отправился с ним во дворец.

Придворные удивились, что жених прибыл один, без всякой торжественности. Но шакал уверил всех, что его государь нарочно надел такой скромный наряд и приехал совсем запросто, потому что об этом просил его будущий тесть.

Брахманы начали свадебную церемонию, и вскоре брачный узел был завязан навечно⁶. По совету шакала ткач старался не открывать рта, чтобы не выдать своего происхождения. Но ночью, улегшись в постель с молодой женой, он взглянул на потолочные балки и громко сказал:

— Эта балка хороша для станины, та — пойдет на навой⁷, а из той, что рядом, выйдет добрый челнок.

«Кто это со мной лежит, царь или ткач? — удивилась царевна. — Наверное, нас обманули, иначе почему бы ему заводить разговор о станине, навое и челноке? Неужели судьба уготовила мне такую долю?»

Утром царица рассказала обо всем матери. Царь с царицей позвали шакала и стали допытываться, в чем дело.

Хитрый шакал тут же нашелся:

— Вы не должны удивляться таким речам вашего зятя, государь. Вокруг его дворца живет более семисот семейств лучших в мире ткачей. Он бесплатно дал им землю и постоянно о них заботится. Видно, они приснились ему во сне.

А сам подумал: «Надо скорее уносить отсюда ноги, пока не поздно».

Пошел он к царю и говорит:

— Государь, важные государственные дела и заботы не позволяют нам оставаться здесь дольше. Мы сегодня же едем домой. Мой господин пойдет пешком, как самый простой человек, а царицу надо нести в паланкине.

Царь с царицей поколебались, но отпустили молодых. У околицы деревни, где жил ткач, процессия остановилась, носильщиков с паланкином отправили домой, и царице пришлось идти дальше пешком. Шакал привел ее к хижине ткача.

— А вот, сударыня, и дворец вашего мужа, — сказал он.

— О Праджапати, бог новобрачных, за что ты наградил меня таким мужем? — запричитала царица, ударяя себя ладонью по лбу⁸. — Лучше бы мне умереть.

Но было уже поздно, и царица смирилась со своей судьбой. Она знала секрет, как сделать своего мужа богатым. Попросила она купить ей немного муки, замесила ее на воде и намазалась тестом. Когда тесто высохло, она стала его отковыривать, и куски его, падая на пол, превращались в золотые монеты. Она проделала это несколько раз, и у них стало столько золота, сколько не набралось бы в сундуках ни у одного царя.

Наняла царица искусных мастеров, и они выстроили чудесный дворец. Вокруг него царица поселила семисот семейств ткачей и пригласила в гости отца с матерью.

Царь прислал свое согласие. Начались приготовления к его приезду: в городе построили лечебницы для увечных животных, собрали всю скотину и положили перед ней целые горы бетеля. Путь царю устлали кашмирскими шальями.

Царь с царицей прибыли в сопровождении пышной свиты и очень обрадовались, когда увидели, что их зять так богат.

— Ну что, разве неправду я говорил? — гордо спросил шакал.

МУДРЫЙ ХИРАМАН¹

Ж

а опушке леса в небольшой хижине жил когда-то бедный птицелов со своей женой.

Вот однажды жена и говорит птицелову:

— Я знаю, почему мы бедны. Это оттого, что ты продаешь всех отловленных птиц. А если мы будем продавать не всех, а некоторых есть сами, наши дела поправятся. Давай сегодня приготовим себе ужин из тех птиц, что попадутся нам в сети.

Птицелов согласился, и они отправились на охоту. Долго бродили муж с женой со своими сетями по лесу, но ничего им не попадалось. И только под вечер, уже по дороге домой, они поймали красивого зеленого попугая-хирамана.

Жена птицелова взяла его в руки, ощупала и сказала:

— Такая маленькая, в ней и мяса-то совсем нет. Стоит ли ее убивать?

И тут вдруг хираман заговорил человеческим голосом:

— Не убивай меня, матушка! Лучше отнеси во дворец и продай царю, он хорошо за меня заплатит.

Муж и жена оторопели: слыханное ли дело, чтобы птица говорила человеческим голосом!

— Сколько же за тебя можно выручить? — спросила жена.

— Доверьтесь мне, — ответил попугай. — Несите меня прямо к царю и предлагайте купить. А когда царь спросит о цене, скажите, что птица, мол, сама знает цену.

На следующий день птицелов направился к царю и предложил ему купить хирамана. Царю красивая птица понравилась, и он спросил о цене.

— Великий государь, — отвечал птицелов, — птица сама вам это скажет.

— Разве хираман умеет говорить? — удивился царь.

— Умеет, государь, — ответил птицелов.

Царь улыбнулся и полушутя спросил:

— Так сколько же ты стоишь, хираман?

— Десять тысяч рупий, государь, — ответил хираман. — Это совсем педорого. Отдайте деньги бедняку-птицелову, а я взамен сослужу вам в свое время большую службу.

— Какую же ты можешь сослужить службу? — не поверил царь.

— Придет время, и вы сами увидите, — ответил хираман.

Царь очень удивился, что птица говорит, да еще так умно, и велел казначею уплатить птицелову десять тысяч рупий.

У царя было шесть жен. Но он так увлекся умной птицей, что потерял к ним всякий интерес. Дни и ночи проводил он теперь в обществе хирамана. Птица не только мудро отвечала на все вопросы царя, но и нараспев произносила имена индуистских богов², а их всего триста тридцать миллионов³.

Покинутые царские жены затаили злобу на попугая и задумали его убить. Но как это сделать, если царь почти никогда не расстается с хираманом?

Однажды царь уехал на два дня на охоту. Вот царские жены и решили не упустить удобного случая, чтобы расправиться с попугаем.

— Давайте пойдем к хираману, — сказала старшая царица, — и спросим, кто из нас самая некрасивая. И та, которую он назовет, убьет попугая.

Все согласились и пошли в покои, где стояла клетка с хираманом. Но не успели они заговорить с птицей, как та стала с благоговением перечислять имена богов и богинь, и у цариц просто рука на него не поднялась.

Но зло есть зло, и на следующее утро царские жены решили довести дело до конца. Они подошли к клетке хирамана и спросили:

— Говорят, хираман, ты — птица мудрая. Если так, то скажи, кто из нас самая красивая и кто самая некрасивая?

Хираман знал, что у них на уме. Он сказал:

— Как я могу ответить на ваш вопрос, находясь в клетке? Чтобы не ошибиться, я должен осмотреть каж-

дую из вас со всех сторон. Выпустите меня из клетки!

Сначала жены засомневались: вдруг птица улетит, если открыть клетку? Но потом закрыли все окна и двери и выпустили хирамана.

Умная птица внимательно оглядела комнату, увидела в стене у пола отверстие для стока воды и поняла, как ей выбраться на волю. Когда царские жены стали требовать ответа, хираман сказал:

— Ни одна из вас не может сравниться красотой с царевной, которая живет за семью морями и тринадцатью реками.

Очень не понравился царским женам такой ответ. Они разозлились и бросились к хираману, чтобы разорвать его на куски. Но он юркнул в сточное отверстие и спрятался в доме дровосека, недалеко от дворца.

На следующий день царь вернулся с охоты и не нашел любимой птицы. Он чуть было не лишился рассудка от горя. На все его вопросы, куда девался хираман, жены отвечали, что знать не знают, ведать не ведают.

Дни шли за днями. Царь так убивался, что приближенные начали опасаться за его рассудок. Он все время плакал и повторял:

— О мой дорогой хираман, куда же ты улетел?

Тогда решено было ударить в барабан и объявить⁴ награду в десять тысяч рупий тому, кто найдет и принесет царю хирамана. Дровосек принес царю его любимца и получил обещанную награду.

Когда хираман рассказал, как с ним поступили царицы, царь разгневался и приказал отвести их в пустыню и оставить там без еды и питья. Приказание было исполнено, и через несколько дней разнесся слух, что их растерзали дикие звери.

Прошло какое-то время, и царь спросил хирамана:

— Ты сказал моим женам, что ни одна из них не может сравниться красотой с царевной, которая живет за семью морями и тринадцатью реками. Скажи, как ее разыскать?

— Ну что ж, государь, — отвечал попугай, — я знаю, где она живет. И если ты будешь меня слушаться, я помогу тебе разыскать царевну и завладеть ее сердцем.

— Что нужно делать? — стал торопить его царь. — Говори скорее!

— Перво-наперво нужно раздобыть коня-птицу Пак-

шираджа, — ответил хираман. — На нем можно за один день пересечь семь морей и тринадцать рек.

— Так идем скорее к моим табунам! Может, в них и найдется такой!

Царь с хираманом стали внимательно осматривать все табуны и конюшни. Много там было статных и горячих скакунов, но хираман проходил мимо. Наконец он остановился возле невзрачного, тощего конька.

— Вот тот, кого мы ищем! — сказал он царю. — Это самый что ни на есть Пакшираддж, только его надо полгода откармливать отборным зерном, чтобы он набрался сил.

Царь сам отвел конька в особую конюшню и стал следить за тем, чтобы каждый день его кормили отборным зерном. Конь быстро набирал силу. Через полгода он был готов к дальнему путешествию.

Тогда по заказу попугая серебряных дел мастер изготовил целый мешок маленьких серебряных зернышек наподобие рисовых. И тут хираман сказал царю:

— У меня к тебе лишь одна просьба, государь. Как только мы сядем на Пакшираджа, стегни его легонько — всего один раз. Если по дороге ты ударишь его еще, он потеряет свою волшебную силу и наша поездка прервется. Не забывай об этом и на обратном пути, а то как бы нам не застрять где-нибудь в глухом месте.

И вот царь с хираманом сели на Пакшираджа. Царь его легонько стегнул, и тот помчался по воздуху, словно молния. Далеко внизу мелькали страны, царства, империи, океаны и реки. К вечеру они увидели богатый царский дворец. У ворот росло большое дерево.

Хираман попросил царя привязать коня поблизости, а самому залезть на дерево. Потом он взял мешок с серебряными рисинками и клювом выложил из них дорожку от дерева через все комнаты и коридоры дворца до покоев красавицы-царевны⁵. После этого он вернулся назад и спрятался на дереве рядом с царем.

Под утро служанка, выйдя из опочивальни царевны, увидела серебряные зернышки, подняла несколько штук и показала царевне. Они ей так понравились, что она вышла из опочивальни и стала собирать их в корзинку одно за другим, пока не оказалась возле дерева.

Царь по знаку хирамана прыгнул с дерева, схватил царевну, усадил ее на Пакшираджа, легонько стег-

нул его и вместе с хираманом пустился в обратный путь. Царю не терпелось поскорее доскакать до дома с желанной добычей. Он забыл наказ попугая и на полпути снова стегнул коня. Пакширадждж потерял свою волшебную силу и опустился возле темного леса.

— Что ты наделал, государь! — воскликнул хираман. — Ведь я тебя просил не хлестать его больше одного раза. Ты все испортил! Здесь и погибнуть недолго.

Делать нечего. Слезли они с коня, огляделись вокруг — никакого жилья. Поели они лесных плодов, построили шалаш и легли спать прямо на голой земле.

На другое утро в лесу охотился правитель той страны. Преследуя раненого оленя, он оказался возле шалаша. Красота царевны ослепила его, и он приказал свите схватить ее, а царю — выколоть глаза и оставить одного в лесу. На самом же деле царь был не один, рядом с ним оставался его добрый хираман.

А царевна вместе с Пакшираджджем попала во дворец правителя. Чтобы похититель оставил ее в покое, она сказала ему:

— Я дала обет: шесть месяцев не смотреть ни на одного мужчину⁶.

Царевна знала, что за шесть месяцев Пакширадждж снова наберет силу. Она попросила построить для нее отдельный домик под тем предлогом, что обет требует ежедневных молитв и обрядов. Там она стала откармливать Пакшираджда отборным зерном. Но рядом не было хирамана, а ей нужно было посоветоваться с ним, как быть дальше.

И вот что она придумала: позвала служанку и приказала насыпать на крышу своего домика побольше пшеницы, риса, чечевицы, овса — всего, что так любят птицы. Пусть они прилетают клевать зерно, вдруг вместе с ними прилетит когда-нибудь и хираман. На крышу домика стали слетаться целые стаи птиц. А хозяйка выходила каждый день и смотрела, нет ли среди них хирамана.

Тем временем хираман находился возле слепого царя и делал все, чтобы помочь ему. Он разыскивал лесные плоды и ягоды, чтобы поддержать его и свою жизнь. И вот он узнал от других птиц, что в ближнем городе на крыше дома одной набожной женщины всегда насыпано много зерна⁷.

Хираман сразу догадался, что это неспроста, и по-

летел туда. Там он увидел царевну и рассказал ей про их с царем жизнь в лесу; стали они вдвоем думать, как им всем вырваться из плена, а царю вернуть зрение. Пакшираджд за это время заметно окреп, и они решили, что скоро можно будет отправиться на нем в путь.

— Хираман, слетай на мою родину, за семь морей и тринадцать рек, — сказала царевна. — Возле ворот дворца увидишь дерево, а на нем — гнездо волшебных птиц — вихангамы и вихангами. Возьми свежий помет их птенцов и приложи его к глазам царя⁸.

Хираман слетал за семь морей и тринадцать рек к бессмертным птицам. И только он приложил помет к глазам царя, как тот сразу прозрел.

Тут как раз истекло шесть месяцев. Красавица-царевна села на Пакшираджда и помчалась в лес за царем и хираманом. Все трое благополучно достигли царской столицы.

Царь и царевна поженились. В любви и согласии прожили они годы, и было у них много сыновей и дочерей, а рядом был мудрый хираман, без усталости повторяющий имена трехсот тридцати миллионов индуистских богов.

КИРАНМАЛА

Ѓ

екогда в Бенгалии правил добрый и справедливый царь. Днем и ночью он заботился о благе своих подданных. Но порой его одолевали сомнения, все ли он делает так, как надо. Однажды призвал он к себе главного советника и спрашивает:

— Скажи мне правду, о мудрый советник, все ли счастливы в моем государстве?

Этот вопрос застал советника врасплох, и он, чтобы выиграть время, в свою очередь, спросил:

— Ты в самом деле хочешь знать правду, государь?

— Не бойся ничего, мой верный советник, и дай мне правдивый ответ.

Поразмыслил советник, да так и не решился говорить прямо.

— В добрые, старые времена, — сказал он, — цари днем тешили себя охотой, а по ночам, переодетые, ходи-

ли по городу, чтобы своими глазами увидеть, как живут их подданные.

Ответ царю понравился.

— Я хочу последовать их примеру, — сказал он. — Подготовь все, что нужно, завтра мы едем охотиться.

Поутру царь отправился на охоту в сопровождении большой свиты. Богато одетые придворные сели на разряженных слонов и коней, и процессия тронулась в путь.

Но охота была лишь предлогом, чтобы уехать из столицы. И стал царь днем охотиться, а ночью бродить по улицам города. Чтобы его не узнали, он переодевался в чужое платье.

Вот как-то проходил царь мимо одного дома и случайно услышал беседу трех сестер.

— Мне хочется выйти замуж за царского садовника, — сказала старшая сестра.

— А мне за царского повара, — призналась средняя.

Младшая сестра хранила молчание. А когда сестры стали допытываться, она промолвила:

— Я хочу выйти за царя и стать царицей.

Сестры рассмеялись и заметили:

— Не много ли ты захотела, сестра? Какая из тебя царица?

Царь стоял под окном и все слышал. Ему захотелось исполнить желания трех сестер. На следующий день он послал паланкин и приказал доставить сестер во дворец.

Испугались девушки: «Что мы такого сделали, что нас требуют к ответу?» Дрожа от страха, сели они в паланкин. Но царь обошелся с ними милостиво.

— Хочу, чтобы каждая из вас повторила сейчас свое заветное желание, о котором говорила вчера вечером. И не вздумайте хитрить, потому что я слышал все своими ушами, — сказал он.

Застыдились девушки, что открылись их секреты, да и боязно им стало. «Что мы наделали?! Ведь он царь! Теперь он нас накажет за такую вольность», — думали они.

Но делать нечего: раз царь и так все знает, стоит ли отпираться?

Бросились они царю в ноги и повторили одна за другой все, о чем говорили за ужином.

— Мы только пошутили, не гневайся и прости нас, великий государь!

Но царь и не думал гневаться. Он сказал, что хочет исполнить их желания. Удивились сестры: слыханное ли это дело? Но царь стоял на своем.

И вот старшую сестру выдали за главного садовника, среднюю — за главного повара, а младшую взял в жены сам царь. Справили пышную свадьбу — все честь по чести.

Крепко полюбил царь царицу. Да и как было ее не любить? Лицом красивая, нравом ласковая. Все во дворце полюбили ее за кротость и доброту.

Так в любви и согласии прожили они несколько лет. И вот однажды царица сказала царю, что собирается родить ему наследника. Обрадовался царь и повелел приготовить для царицы и царевича роскошные покои.

Подходило время родов, и царица попросила царя послать за ее сестрами. Кто как не они могли помочь ей в такую минуту? Не звать же повитух и нянек, которые стали бы помогать ей только за деньги! Царь согласился и приказал доставить во дворец обеих сестер.

Когда старшие сестры увидели, в каких роскошных покоях живет теперь младшая сестра, и узнали, что она собирается родить царевича, то позеленели от злости.

— Младшая сестра оказалась счастливее и богаче нас, — злились они. — Чем мы хуже ее?

И задумали они навредить младшей сестре при первом же удобном случае.

Настал срок царице родить. Слуги увели ее в опочивальню и уложили на богатое ложе. Закрыли двери и оставили трех сестер одних.

Скоро царица родила красивого и здорового мальчика. Тут и решили сестры исполнить то, что задумали. Одна из них схватила царевича, положила его в глиняный горшок и прикрыла тряпкой. Потом выбежала через заднюю дверь к реке и пустила горшок по течению.

Стала царица просить, чтобы ей показали сына, а сестры и говорят:

— Ты родила вот этого кутенка!

И показывают ей маленького щенка.

Горько и стыдно стало царице, но делать нечего, надо терпеть. А сестрам ее горе — слаще меда.

Царь тоже горевал, но жалел царицу и ничего не сказал.

Прошел год, и снова приспело время царице рожать. «Теперь-то уж она родит мне сына», — думал царь. Надеялась на это и сама царица.

В положенное время снова позвали сестер царицы во дворец. И опять они проделали то же самое: положили новорожденного в горшок и пустили по течению. А царице показали слепого котенка: вот, мол, кого ты родила! И снова горевали царь с царицей и злорадствовали сестры.

Еще через год родилась у царицы красавица-дочь. Но и ее ждала та же участь: пустили ее в горшке плыть по течению, а царю с царицей показали деревянную куклу.

Тут уж терпение царя лопнуло, и он разгневался на царицу. «Может, она ведьма или колдунья какая? — подумал он. — Если она — человек, то как могли у нее родиться щенок, котенок и кукла? Надо выгнать ее из дворца, пока она не накликала новой беды».

И повелел царь прогнать царицу. Она молча повиновалась приказу царя, как молча сносила свои несчастья все эти три года.

Некий брахман совершал омовение и утреннюю пуджу на берегу реки. Вдруг видит: плывет по воде глиняный горшок, а в нем маленький мальчик. Подивился брахман чуду и взял ребенка себе. Детей у них с женой не было, и они с радостью приютили найденыша.

Прошел год, и другой горшок с ребенком приплыл к тому же месту. Брахман принес его домой и показал жене. Хорошая женщина согласилась взять и этого мальчика. Старшего назвали Арун, а второго — Варун.

Еще через год брахман снова увидел горшок, а в нем — девочку. Жена брахмана обрадовалась, что у них будет дочь, и назвала ее Киранмалой, что значит «Лучезарная».

Шло время, мальчики подрастали, и брахман начал учить их шастрам¹. А Киранмала помогала по хозяйству и ухаживала за коровой². У брахмана была славная корова с большими ласковыми глазами, по кличке Каджал-лата, и Киранмала очень к ней привязалась.

Быстро шли годы. И вот однажды призвали брахман с женой к себе своих приемных детей и сказали им такие слова:

— Вы уже вступили в пору юности. Нам надо благодарить судьбу, что мы сумели вырастить и воспитать вас, как должно. Вы больше не нуждаетесь в нашей помощи и можете сами заботиться о себе, а для нас наступило время сложить с себя бремя мирских забот и подумать об ином мире. Мы оставляем вам то, что назвали, и покидаем этот мир, чтобы отправиться на небеса³.

Арун, Варун и Киранмала очень горевали. Они считали брахмана отцом, а его жену — матерью, и мысль о разлуке мучила их. Но что поделаешь? Братьям и сестре оставалось лишь горько плакать, когда брахман и его жена покинули этот мир и переселились в рай бога Вишну.

А тем временем царь одиноко жил в своем опустевшем дворце. Однажды он решил развлечься охотой и провел в лесу несколько дней. В погоне за дичью царь притомился и захотел пить. Стал он искать источник и набрел на хижину, где жила со своими братьями Киранмала. Царь попросил у нее напиться, и она принесла ему холодной, свежей воды — прямо из колодца. Красота и скромность Киранмалы пришлись царю по душе, и он стал расспрашивать о ее семье.

— Я — дочь брахмана, который недавно скончался, — отвечала Киранмала. У меня два брата, и больше у нас никого нет.

Удивился царь, что у простого брахмана родилась такая красивая и умная дочь. «Если бы у меня были дети, я не чувствовал бы себя таким одиноким в своем дворце», — подумал он.

На прощание он сказал Киранмале:

— Я — царь этой страны. Ты хорошо приняла меня, и я хочу отплатить тебе за твою доброту. Если тебе что-нибудь понадобится, иди прямо во дворец и ничего не бойся.

Киранмала поблагодарила царя, и он уехал.

Вечером вернулись братья, и Киранмала им все рассказала.

— Давайте построим себе красивый дом и пригласим царя в гости, — стала просить она братьев.

Арун и Варун очень любили сестру и ни в чем ей не отказывали. Принялись они строить дом. Нанять мастеров было не на что, и братья сами клали стены, а Киранмала носила им воду в кувшине. Братья старались

изо всех сил, и дом вышел на удивление — высокий, просторный, настоящий дворец. Братья и сестра искусно расписали его стены. Еще раньше они посадили кусты и деревья, а пока строили дом, вырос и сад.

— Теперь не стыдно пригласить и самого царя, — сказали братья.

Вдруг, откуда ни возьмись, появился саньяси и сказал:

— Вы хорошо поработали, и дом у вас получился на славу. Только его можно сделать еще лучше.

— Лучше мы не умеем, — отвечали ему Арун и Варун.

— Я помогу вам советом. Ступайте на северо-восток, потом возьмите немного восточнее и увидите гору Майя⁴. На ней растут золотые деревья с алмазными цветами. На одном сидит золотой попугай и поет чудесные песни. Наберите там дорогих камней, возьмите с собой и птицу — будет чем удивить царя.

Сказав это, отшельник исчез.

Крепко запомнились братьям его слова. Арун и говорит:

— Милые брат и сестра! Надумал я идти к горе Майя за драгоценными камнями. Вот вам мой меч. Если вы увидите, что он заржавел, значит, меня уже нет в живых.

Простился Арун с братом и сестрой и отправился в дорогу. Прошло уже много времени, а он все не возвращался. Брат и сестра каждый день осматривали меч. И вот однажды Киранмала заметила на нем ржавчину. Оба они опечалились, и Варун сказал:

— Не горюй раньше времени, сестра! Может, брат еще жив. Он, наверное, попал в беду, и я должен спешить к нему на выручку. Береги себя и не тревожься понапрасну. Вот тебе мой лук со стрелами. Если тетива на нем лопнет, знай, что меня уже нет на этом свете.

В один миг Варун скрылся из виду, и Киранмала осталась одна.

Долго пришлось идти Варуну, пока не показалась гора Майя. И тут его окружили небесные девы. Они пели и танцевали, а одна из них воскликнула:

— Куда ты так спешишь, царевич? Остановись, оглянись назад!

И как только Варун оглянулся, он тут же превратился в мраморную статую. Понял он тогда, что произошло с его старшим братом, и горько пожалел о своей

ошибке, но было уже поздно. Больше надеяться было не на кого.

Проснулась утром Киранмала и увидела: тетива лопнула. Что делать? Слезами горю не поможешь. Накормила она корову, оделась как саньяси, взяла меч Аруна и пустилась на поиски братьев⁵.

«Будь что будет, а я найду и спасу их!» — думала храбрая Киранмала.

Она шла не останавливаясь тринадцать дней и ночей. На четырнадцатый день она увидела гору Майя. И сразу Киранмалу окружили звери, духи и небесные девы.

— Стой, царевич! — вопили чудища. — Не трогайся с места, не то мы разорвем тебя на куски.

— Мы проглотим тебя целиком! — пугали ее медведи и львы.

Небесные девы танцевали и пели, маня Киранмалу за собой.

— Зачем тебе идти дальше, о царевич! Остановись, оглянись назад!

Злые духи преграждали ей путь и запугивали:

— Зачем идешь туда? Разве ты не знаешь, что впереди тебя ждет верная смерть?

Чего только они не делали, чтобы остановить Киранмалу: и пугали, и соблазняли, и сулили горы драгоценных камней, и предлагали в жены красавицу-царевну. Даже природа стала на их сторону: в небе — из края в край — засверкали яркие молнии, загредел оглушительный гром, и начался сильный ливень. Вода заливала Киранмале глаза, и она не видела дороги. Но ничто не могло остановить храбрую девушку. Она ни на кого не глядела, не слушала ничьих советов, пропускала мимо ушей угрозы и посулы и с мечом в руке смело шла вперед.

Вот и заветное золотое дерево. Только Киранмала ступила под его тень, как увидела на верхушке птицу.

— Наконец-то! — воскликнула птица. — Слушай и запомни хорошенько все, что я тебе скажу. Сорви цветок с этого дерева и посади меня на свою ладонь; потом зачерпни воды из ближнего источника, возьми вон тот барабан и бей в него что есть силы.

Киранмала исполнила все в точности, как велела ей птица. И лишь только она ударила в барабан в третий раз, как все вокруг переменялось. Прекратился ли-

вень, перестал греметь гром и сверкать молнии. Пропали духи, небесные девы и страшные чудища. В небе засветила луна, и где-то сладко запели кукушки⁶. Невдалеке начали свой танец красивые павлины.

— А теперь сбрызни живой водой эти камни! — сказала птица.

Стоило Киранмале исполнить ее приказание, как несметные обломки скал превратились в юношей, одетых в царские одежды. Среди царевичей Киранмала узнала и своих братьев — Аруна и Варуна.

— Ты вернула нам жизнь, милая девушка! — воскликнули царевичи. — Как нам отблагодарить тебя? Не знаем, кто ты, откуда и зачем пришла, но видим, что сердце у тебя доброе и смелое. Да благословят тебя боги! Пусть даруют они тебе счастье!

Смутилась Киранмала и не знала, что им сказать в ответ. Тут подошли к ней братья и сказали:

— Спасибо тебе, милая сестра! Если бы не ты, стоять бы нам здесь веки вечные.

А Киранмала обрадовалась, увидев своих братьев живыми и невредимыми. Нарвали они с дерева алмазных и жемчужных цветов, взяли отростков и пошли домой. Птицу Киранмала бережно несла в руке.

Дома они посадили отростки в землю, а для птицы Арун смастерил серебряную подставку с перекладиной.

На следующее утро вышла Киранмала поливать саженьцы, смотрит: что такое? За одну ночь они превратились в высокие ветвистые деревья с серебряными листьями и цветами из алмазов и жемчугов. Позвала она братьев. Те посмотрели и очень обрадовались. Старший брат и говорит:

— Теперь ты добилась всего, чего хотела, сестра. Пора, видно, посылать приглашение царю.

И только успел он проговорить эти слова, как птица сказала:

— Конечно, пора! Сейчас самое время.

Недаром говорят, что новости летят быстрее ветра. Весть об удивительном доме и чудесном саде достигла ушей царя раньше, чем он получил приглашение. Царь несказанно удивился:

— Я ведь был там совсем недавно. Как сумели дети брахмана построить новый дом за такое короткое время?

И решил царь убедиться своими глазами, правду ли говорят люди. Не откладывая, он сел на коня и один,

без свиты, поскакал в лес. Видит: стоят на берегу реки высокие хоромы, с которыми не может сравниться даже его собственный дворец. Вокруг сад с чудесными золотыми деревьями, на деревьях вместо цветов жемчуга и алмазы.

Навстречу царю вышла Киранмала, с почестями ввела в дом и поручила заботам братьев, а сама занялась приготовлением угощения.

— Смотри сделай все так, как я тебе говорила, — сказала ей птица. — А когда царь сядет за обед в парадном зале, вели перенести туда мою подставку.

Царь осмотрел дом и сад, всему подивился и все похвалил. Потом царя повели обедать. На сверкающем полу парадного зала расстелили асан⁷ с искусно вытканными узорами из золотых и шелковых нитей. Царя усадили на этот ковер и поставили перед ним большое серебряное блюдо с пловом и овощами, а также небольшие миски с рыбой, мясом и сладостями. В серебряный сосуд налили прохладной воды с ароматными лепестками роз. Киранмала взяла опахало, села напротив царя и стала легонько обмахивать его, выражая этим особое почтение к гостю.

Только царь хотел похвалить хозяйку, как вдруг видит: все блюда наполнены не едой, а золотыми монетами.

— Что все это значит? — рассердился царь. — Вы вздумали шутить надо мной! Разве может человек есть золото?

— А почему бы и нет, государь? — услышал он за своей спиной чей-то голос. — Если один человек может рожать щенят, котят и деревянных кукол, то почему другой человек не может есть золотые монеты?

Царь обернулся и увидел золотого попугая, сидящего на серебряной перекладине. Попугай отчетливо повторил свои слова еще раз, потом сказал с укором:

— Как же ты позволил, о мудрый царь, так легко провести себя? Как мог ты поверить в глупую выдумку и отвергнуть ни в чем не повинных жену и детей?

Понял тут царь, какую ошибку он совершил, когда поверил завистливым сестрам царицы, и на глазах у него навернулись слезы. «Бог не простит мне этого, — думал он. — Как бы я хотел вернуть прошлое!»

— О мудрая птица! — сказал он печально. Всем сердцем скорблю я о том, что содеял. Научи, как мне

искупить свою вину. Я сей же час начну поиски царицы. Знаешь ли ты что-нибудь о моих бедных детях? Остался ли в живых хотя бы один из них? И как мне их отыскать?

— Успокойся, государь! — отвечала птица. — Твои дети все живы и здоровы. Чтобы их увидеть, тебе не нужно далеко ходить — они перед тобой. Эти двое юношей и эта чудесная девушка — твои сыновья и дочь, которых вырастил и воспитал брахман, как собственных детей.

Царь не смел поверить своему счастью. Слезы градом полились из его глаз на серебряное блюдо. Братья не знали, что теперь делать, а Киранмала подбежала к отцу и стала его утешать.

— Не мучь себя, о государь, — говорила она ему с любовью и жалостью. — Разве мог такой благородный человек, как ты, поверить, что бывают на свете столь коварные люди. Мы, твои дети, остались невредимы. Теперь нам надо отыскать нашу бедную мать.

Царь нежно прижал ее к своей груди и благословил, потом обнял сыновей, и они все вместе отправились во дворец. Царю не терпелось начать поиски царицы, и он тут же послал за главным советником. Во все уголки царства поскакали гонцы, но все они вернулись ни с чем — ни одному из них не удалось напасть на след царицы.

Между тем птица подозвала к себе Киранмалу и тихонько шепнула:

— Я знаю, где сейчас твоя мать. Возьми с собой братьев, и отправляйтесь за ней все вместе.

Киранмала и братья тот же час бросились на поиски.

— Ступайте на восток! — напутствовала их птица. — Как только переправитесь через реку, сворачивайте к югу и идите прямо до тех пор, пока не встретите на своем пути рощу. В ней вы найдете хижину, в которой живет ваша мать.

Они так и сделали: переправились через реку, повернули на юг и отыскиали в лесу бедную лачугу. У порога за прялкой сидела худая женщина с морщинистым лицом и седой головой. В ней трудно было узнать прежнюю красавицу-царицу.

Киранмала и братья поклонились ей до земли и рассказали, кто они и зачем пришли. Царица отказывалась им верить. Она то плакала, то смеялась от радости,

а во дворец идти никак не хотела. Еле-еле удалось Киранмале ее уговорить.

Тем временем царь сидел во дворце один и горевал о прошлом. Он уже и не надеялся когда-нибудь увидеть царицу. И тут появились Арун, Варун и Киранмала, а с ними какая-то незнакомая старая женщина. Пригляделся царь и узнал в ней свою любимую царицу. Оба заплакали от радости. Но еще больше радовались их дети.

Теперь все пошло хорошо. Царь с царицей не могли насмотреться на своих сыновей и дочь.

Завистливых сестер жены царь повелел закопать в землю. Но царица и Киранмала упростили его простить их на радостях. Это же сделать советовал ему и золотой попугай. Смилоствивился царь и отменил свой приказ.

ОТКУДА ВЗЯЛСЯ ОПИУМ

Ж

когда жил на берегу священной Ганги один муни — мудрый отшельник. Дни и ночи проводил он в служении богам и благочестивых раздумьях. От восхода солнца и до заката он сидел на берегу реки, погрузившись в молитвы и размышления, а ночью укрывался в прибрежных кустах, в хижине из пальмовых веток, которую он поставил своими руками. Жил старец одиноко, вдали от людей. Но в его хижине завелась мышь — она кормилась крохами от его трапез. Муни щадил все живое вокруг, и мышь совсем его не боялась — сама бежала к нему и играла возле его ног. Стало ли мудрецу жалко зверька или вздумалось завести собеседника, только он взял да и наградил мышь даром речи. Однажды ночью мышь встала перед ним на задние лапки, почтительно сложила передние и сказала:

— О мудрейший, ты был так добр ко мне, что наградил меня человеческой речью. Не гневайся на меня, но я хочу попросить тебя еще об одном благодеянии.

— Чего же ты еще хочешь, мышка? — спросил муни.

— Стоит тебе уйти утром на берег молиться, как в хижине появляется кошка и начинает гоняться за

мной. Если бы она не боялась тебя, она уже давно бы меня съела. Вот я и подумала: нельзя ли превратить меня в кошку, чтобы я могла сразиться со своим врагом на равных?

Муни пожалел мышь, побрызгал на нее святой водой, и она стала кошкой.

Через несколько дней мудрец спросил:

— Довольна ли ты теперь своей жизнью, кошка?

— Не очень.

— Почему? — удивился муни. — Разве сейчас ты не настолько сильна, чтобы победить любую кошку?

— Спору нет, — отвечает кошка, — ты дал мне такую силу, что со мной не справится теперь ни одна кошка в мире. И я их больше не боюсь. Зато у меня появился новый враг. Как только ты уходишь молиться, к хижине подбегает стая собак и поднимает такой лай, что я вся трясусь от страха. Смилуйся надо мной — я хочу быть собакой.

— Будь по-твоему, — молвил муни, и кошка превратилась в собаку.

Через несколько дней собака и говорит мудрецу:

— Как я благодарна тебе, о мудрейший! Я была всего-навсего маленькой мышкой, и ты наградил меня даром речи, потом превратил в кошку, затем по доброте своей сделал собакой. Но вот беда: теперь я уже не могу насытиться теми кусочками, которые остаются от твоего ужина. Как я завидую обезьянам, которые прыгают с дерева на дерево и срывают разные вкусные плоды. Прошу тебя, сделай меня обезьяной!

Добрый мудрец выполнил и эту просьбу. Стала обезьяна прыгать с ветки на ветку и лакомиться вкусными плодами. Но радость ее была короткой. Пришло лето, а с ним и засуха. Трудно теперь было обезьяне доставать воду из прудов и рек. И стала она тогда завидовать диким кабанам, которые целыми днями нежились в лужах.

— Вот у них настоящая жизнь! — сетовала она. — Лежат себе в прохладной воде, им и жара нипочем. Хорошо бы стать кабаном!

И вечером, когда муни вернулся в хижину, она попросила его об этом. Снова пожалел ее старец и превратил в кабана.

Два дня лежал кабан в прохладной луже, а на третий вдруг видит: на слоне, покрытом богатой попоной, мимо едет царь. Он охотился в этих местах и, к сча-

стью, не заметил кабана — иначе бы тому несдобровать.

Понял тогда кабан, как ненадежно его счастье. То ли дело разряженный слон, который носит на спине самого царя. Пошел кабан к мудрецу с просьбой превратить его в слона, и тот сделал его слонем.

Стал теперь слон бродить по джунглям, пока однажды не увидел царя на охоте. Он нарочно подошел поближе, царь увидел, залюбовался им и приказал поймать и приручить. Слона поймали, отвели в царские стойла и быстро приручили.

Вскоре царица пожелала искупаться в водах священной Ганги. Царь приказал привести нового слона, обрядить его как положено и воссел на него вместе с царицей. Слону бы радоваться: исполнилась его заветная мечта. Да не тут-то было! Он возомнил о себе, заупрямился и не захотел везти женщину, будь она даже царицей. Дело кончилось тем, что слон сбросил на землю и царя и царицу.

Царь помог встать царице, заботливо спросил, не ушиблась ли она, отер платком пыль с ее одежд и стал ласково обнимать-целовать.

Увидев это, слон бросился со всех ног в джунгли. «Теперь я знаю, что нет на свете никого счастливее, чем царица, — думал он. — Как обращается с ней царь! С какой любовью он поднял ее с земли, прижал к себе, собственными руками отряхнул одежды от пыли и принялся целовать. Как ей не позавидовать? Пойду-ка я к мудрецу и попрошу превратить меня в царицу». Кинулся слон через джунгли к хижине мудреца и распростерся у его ног.

— Что случилось? Почему ты убежал из стойла? — спросил муни.

— О мудрейший из мудрых! Ты всегда был добр ко мне и исполнял все мои желания. У меня к тебе последняя просьба: лишь сегодня я понял, что счастливее всех на свете — царица. Преврати меня, о мудрец, в царицу!

— Глупый ты глупый! — отвечал ему муни. — Как я могу сделать тебя царицей? Где я возьму для тебя царство и где найду тебе царя в мужья? Я могу сделать одно — превратить тебя в красивую девушку, и ты своими чарами увлечешь какого-нибудь царевича, если боги даруют тебе встречу с ним.

Слон согласился. В один миг мудрец превратил его

в чудную красавицу и назвал ее Постамами, что значит «Маковое зернышко».

Стала Постамами жить в хижине мудреца. Целыми днями она ухаживала за цветами. Однажды из лесу вышел богато одетый юноша и направился к хижине. Мудреца дома не было, а Постамами поливала цветы.

— Кто ты, юноша, откуда идешь и куда путь держишь? — спросила она.

— Я охотился в этих краях, — отвечал незнакомец, — гнался за оленем, да упустил его. Не можешь ли ты дать мне воды? Я хочу немного отдохнуть здесь.

— Я рада тебе, о незнакомец! — отвечала Постама-ни. — Чувствуй себя здесь как дома. Я сделаю все, что нужно. Только мы слишком бедны, чтобы принять как следует такого гостя. Ты ведь, наверное, царь этой страны?

Царь лишь улыбнулся в ответ. Постама-ни вынесла сосуд с водой, чтобы омыть ему ноги, но он сказал:

— Не прикасайся к моим ногам¹, красавица, ведь я только кшатрий, а ты дочь святого мудреца.

— Да нет, государь, я не дочь отшельника и даже не дочь брахмана, — ответила Постама-ни. — А потому не будет никакой беды в том, что я прикоснусь к твоим ногам. Ведь ты мой гость, мой долг служить тебе.

— Можно узнать, кто твои родители?

— Я слыхала от святого мудреца, что они были кшатрии.

— А не был ли твой отец царем? По всему видно, что ты — царица.

Постама-ни ничего ему не ответила. Она зашла в хижину, вынесла блюдо, полное вкусных плодов, и поставила перед царем. Но он не стал прикасаться к плодам до тех пор, пока девушка не ответила на его вопросы.

— Святой мудрец говорит, что моим отцом был царь, — сказала Постама-ни. — Его победили враги, и он вместе с моей матерью укрылся в лесу. Там отца съели тигры, а мать родила меня и умерла. На мое счастье, мать положила меня под деревом, где была колода с пчелами. Я питалась медом, который стекал мне прямо в рот и поддерживал мою жизнь, пока не нашел меня там святой мудрец и не принес в эту хижину. Вот и вся история несчастной девушки, что стоит перед тобой.

— Не говори так, — отвечал взволнованный царь, — ты прекраснейшая из всех, кого мне доводилось встре-

чать, и ты можешь украсить дворец самого могущественного владыки.

Юная отшельница пришлась царю по душе, и в скором времени мудрец совершил над ними свадебный обряд. Постаamani стала любимой женой царя, а его прежняя жена впала в немилость.

Но счастье Постаamani снова оказалось недолгим. Однажды она стояла у колодца, и у нее закружилась голова. Постаamani упала в воду и утонула.

Тогда пришел к царю мудрец и сказал:

— О царь, не надо горевать о случившемся. Что предназначено судьбой, того избежать нельзя. Твоя жена не была царевной. Она родилась мышью, а я по ее желанию превращал ее в кошку, собаку, обезьяну, кабана, слона и красивую отшельницу. Теперь, когда она умерла, вернись с любовью к своей прежней жене. Что касается Постаamani, то я с соизволения богов сделаю ее имя бессмертным. Пусть тело Постаamani покоится в колодце², только засыпь его землей. Здесь вырастет куст, его назовут *поста*, то есть «мак». Из этого мака начнут готовить снадобье — опиум, и оно навеки прославится как целебное лекарство и как страшное дурманное зелье. Тот, кто станет его потреблять, обретет черты, какими обладали те существа, в которых я обращал Постаamani: он будет труслив, как мышь, прожорлив, как кошка, драчлив, как собака, подл, как обезьяна, свиреп, как кабан, опасен, как слон, необуздан, как царица.

ФАКИР-ЧАНД

Ж

или на свете царевич и сын визиря. Они дружили между собой и всегда были вместе: играли, ели, пили, спали, ездили охотиться.

А когда возмужали, то задумали посмотреть дальние страны. И хотя оба были богаты, слуг с собой брать не стали. Сели они на своих крылатых коней Пакшираджей и отправились в путь.

Долго ехали юноши — через бескрайние рисовые поля, через города и деревни, через пустыни и густые леса, где живут тигры и медведи.

Однажды в пустынном месте их настигла ночь. Им пришлось остановиться под большим, развесистым дере-

вом. Друзья привязали к его стволу лошадей, взобрались на дерево и спрятались в гуще ветвей. Дерево росло вблизи озера, воды которого были прозрачны, словно вороний глаз. Царевич и сын визиря решили провести здесь ночь. Они поговорили немного и стали было уже засыпать, как вдруг со стороны озера раздался шум вздымающихся волн, и из воды показалась голова огромной кобры. С грозным шипением поплыла она к берегу. В ее капюшоне сиял тысячами огней огромный бриллиант¹, ярким светом озарявший озеро, берега и всю округу. Достигнув берега, змея положила бриллиант на землю и, продолжая шипеть, двинулась в глубь леса в поисках пищи.

Залюбовались друзья изумительным камнем. Ничего подобного до этого они не видывали, хотя и слышали, что такой камень равен сокровищам семи царей. Их удивление, однако, сменилось ужасом: грозно шипя, змея подползла к дереву, на котором они сидели, и проглотила одного за другим их коней, привязанных к стволу. У царевича и сына визиря волосы встали дыбом: они подумали, что сейчас настанет их черед. Но гигантская кобра поползла в чащу и скрылась из виду.

Тут сын визиря подумал: «Хорошо бы завладеть этим драгоценным камнем». Он когда-то слышал, что притушить сияние бриллианта можно только одним способом — покрыть его конским или коровьим навозом. Осторожно спустившись вниз, он собрал навоз, оставшийся от их лошадей, прикрыл им камень и тут же снова влез на дерево. Кобра заметила, что сияние бриллианта погасло, и бросилась назад, к тому месту, где она его оставила. И сколько ни билась она в ярости вокруг навозной кучи, сколько ни извивалась вокруг нее — ничего не помогало. Вскоре змея замертво растянулась на земле.

Рано утром царевич и его друг спустились с дерева и подошли к тому месту, где лежали бриллиант и мертвая кобра. Сын визиря взял камень и вымыл его в озере. Бриллиант засверкал так же ярко, как и прежде. При свете его они увидели в воде множество рыб. Потом разглядели на дне озера высокие стены дворца.

— Давай посмотрим, что это за дворец, — сказал сын визиря. Так они и сделали: держа в руках волшебный камень, они нырнули в воду и оказались перед воротами дворца. Ворота были открыты, вокруг не видно ни души. Они вошли внутрь и увидели большой краси-

вый сад. Каких только цветов не было в этом саду: розы, жасмин, ландыши и много-много других. Наконец друзья подошли к дворцу. Его стены были покрыты позолотой и украшены большими драгоценными камнями.

Не встретив и здесь никого, царевич и сын визиря вошли во дворец. Комнаты были богато убраны, но безлюдны. Наконец в одной опочивальне они увидели золотое ложе, на котором лежала спящая царевна дивной красоты. Пунцовые губы ярко горели на мраморно-белом лице. Лет ей было не больше шестнадцати.

Застыв в изумлении, друзья не могли оторвать от нее своих зачарованных взоров. Но тут красавица открыла свои чудные очи, увидела незнакомцев и удивленно спросила:

— Как вы сюда попали? Это дворец страшной змеи, которая сожрала моих отца, мать, братьев и всех родственников. Из нашей семьи только я одна осталась в живых. Уходите скорее отсюда, а то она и вас отправит в свою ненасытную утробу!

Тогда сын визиря рассказал девушке, как погибла эта змея, как они с царевичем завладели бесценным бриллиантом и как при его свете добрались сюда, в подводный дворец. Обрадовалась царевна освобождению от чудища, горячо поблагодарила юношей и стала просить их не покидать ее. Они с радостью остались жить во дворце. Царевич, плененный красотой царевны, вскоре на ней женился. Поблизости не было ни одного брахмана, чтобы совершить свадебный обряд, и они просто обменялись цветочными гирляндами².

Жизнь царевича протекала счастливо. Его молодая жена была не только красива, но добра и приветлива. Радовался счастью друга и сын визиря, хотя сам был разлучен со своею супругой.

Время текло незаметно. Настала пора им возвращаться домой. А так как царевич был теперь не один, а с молодой женой, то решили сделать все очень торжественно. Они договорились, что сын визиря отправится к царю и доставит молодым все необходимое. С волшебным камнем в руке царевич проводил друга наверх, попрощался с ним и вернулся в подводный дворец. Они договорились, в какой день и час сын визиря вернется к озеру с лошадьми, слонами и слугами и где будет ждать встречи с царевичем и его молодой женой.

Оставим сына визиря на пути в родные края и посмотрим, что делается в подводном дворце. Однажды, когда царевич после обеда прилег отдохнуть, его супруга, которая никогда не видела надводный мир, решила посмотреть, что это такое. Взяла она волшебный камень, без которого невозможно было найти дорогу ни наверх, ни вниз, благополучно достигла берега озера и присела на ступеньках гхата. Берег был пуст. Она искупалась, вымыла волосы, прогулялась по песчаному берегу и вернулась назад. Царевич все еще спал. Когда он проснулся, она ни словом не обмолвилась о своей прогулке. На следующий день, как только он заснул, она снова всплыла на поверхность озера, и снова никто из смертных ее не видел. Осмелев, она отправилась в путешествие в третий раз. Вышло так, что сын местного раджи приехал на озеро поохотиться и раскинул шатер как раз возле того места, которое облюбовала молодая женщина. Пока слуги готовили обед, он прогуливался по берегу озера. Невдалеке какая-то старуха собирала хворост.

Поднявшись на поверхность озера и увидев на берегу сына раджи и старуху, царица сразу нырнула назад. Но юноша и старуха успели ее заметить. Сын раджи замер от восторга: никогда еще не видывал он такой красавицы. «Наверное, это небесная дева, я читал в книгах, что иногда они спускаются на землю», — подумал он. Ее неземная красота помutilа его разум. Словно каменная статуя, простоял он на одном месте много часов, надеясь увидеть ее вновь. Но она так и не появилась.

Лишившись от любви рассудка, сын раджи беспрестанно повторял: «Только появилась — и сразу исчезла!» И не сошел с места до тех пор, пока его насильно не увезли во дворец. Он бродил по царским покоям, горько плакал и все время твердил: «Только появилась — и сразу исчезла!»

Не описать горя, которое охватило раджу, когда он увидел, что стало с его сыном. Что же произошло, гадал он. Что значат слова: «Только появилась — и сразу исчезла»? Он не мог понять их смысла. И слуги, доставившие юношу, ничего не могли объяснить.

Со всех концов государства во дворец пригласили лучших лекарей, но напрасно. Они так и не смогли понять причину болезни юноши, а тем более вылечить его. Он не отвечал на их вопросы и все время повторял одно и то же: «Только появилась — и сразу исчезла!»

В конце концов раджа приказал бить в барабан и всенародно объявить, что тот, кто вылечит его сына, получит в награду руку царицы и половину царства. Глашатаи били в барабан по всему городу, но ни один человек не подошел и не прикоснулся к нему³. Никто не знал, отчего сын раджи лишился рассудка. Но вот возле барабана оказалась какая-то старуха. Она прикоснулась к нему и заявила:

— Я знаю, что случилось с наследником, и берусь его вылечить

Это была та самая женщина, которая собирала хвост на берегу озера. У нее был слабоумный сын по имени Факир-чанд, поэтому все называли ее «матерью Факира»⁴.

Когда старуху привели к радже, между ними произошел такой разговор:

— Это ты коснулась барабана? И ты знаешь, отчего помутился разум у моего сына? — спросил раджа.

— Да, о воплощение справедливости! Но я ничего не стану говорить, пока не вылечу твоего сына, — заверила мать Факира.

— Как я могу поверить тебе на слово? Моего сына не могли вылечить самые лучшие лекари, — возразил раджа.

— А тебе и не надо, мой повелитель, верить на слово. Старухи, случается, владеют такими секретами, которые неизвестны мудрецам, — сказала женщина.

— Ну что ж, посмотрим. А сколько тебе понадобится времени, чтобы вылечить царицу? — поинтересовался раджа.

— Сейчас я сказать не могу, но готова приступить немедленно, если ты мне поможешь, о повелитель, — проговорила мать Факира.

— Какая же тебе нужна помощь, добрая женщина?

— Прикажи, о светоч мира, соорудить небольшой шалаш на берегу того озера, где занемог твой сын. Я пробуду в нем несколько дней. И пусть твои люди спрячутся в кустах возле шалаша, я их позову, когда надо будет, — сказала она.

— Ладно, я прикажу, — заверил раджа. — Что еще?

— Больше ничего, мой повелитель. Но позволь кое-что напомнить тебе, государь. Ты пообещал отдать половину своего царства и руку дочери тому, кто вернет

разум наследнику. Я женщина и не могу жениться на твоей дочери. А потому обещаю отдать дочь за моего сына и выделить ему половину царства, если я вылечу царевича, — заявила мать Факира.

— Будь по-твоему! — согласился раджа.

Через несколько часов на берегу озера уже стоял небольшой шалаш, в котором поселилась мать Факира. А невдалеке спрятались в кустах царские слуги, чтобы прийти ей на помощь, когда она позовет. Старуха строго-настрого приказала, чтобы на берегу не появлялся ни один человек.

Оставим мать Факира в шалаше на берегу озера, а сами спустимся в подводное царство и посмотрим, что там делает молодая чета. После того случая царевна больше не решалась подниматься на поверхность озера. Но, как известно, женщины любопытнее мужчин, и царевна не могла долго выдержать.

Однажды, когда супруг, как обычно, прилег отдохнуть после обеда, царевна взяла волшебный камень и всплыла наверх. Как только она появилась на поверхности, мать Факира сразу ее заметила через щель в стенке шалаша. Царевна, не видя ничего подозрительного, подплыла к берегу и стала приводить себя в порядок. Мать Факира потихоньку вышла из шалаша, подошла к ней и ласково заговорила:

— Иди сюда, о красавица из красавиц, дай я помогу тебе как следует вымыться и расчесу твои чудные волосы.

С этими словами старуха приблизилась к девушке, которая, не видя никого, кроме нее, спокойно позволила ей поухаживать за собой. Старуха вымыла ей голову, а когда стала расчесывать волосы, то заметила в ее руках волшебный бриллиант.

— Как бы тебе не потерять этот красивый камень, давай-ка его сюда! — сказала она.

Она взяла у царевны бриллиант и завязала его в край своей одежды. Теперь царевна убежать не могла. Старуха дала знак слугам, они схватили царевну и доставили ее к радже.

Сколько радости было в столице, когда пришло известие, что поймали деву из подводного царства. Весь город вышел поглядеть на «дочь бессмертных богов», как ее называли горожане.

Когда царевну доставили во дворец и подвели к сыну раджи, тот пришел в себя и радостно закричал:

— Я нашел ее, я нашел ее...

В его доселе пустых и безжизненных глазах вдруг зажегся огонь разума, он обрел дар речи и снова стал нормальным человеком.

Радости раджи не было границ. Вместе с ним радовались и все приближенные. Они хвалили мать Факира и с нетерпением ждали свадьбы сына раджи и красавицы из подводного царства. Однако пленница попросила мать Факира передать радже, что она дала обет не глядеть в течение года ни на одного мужчину, кроме своего мужа, оставшегося в подводном царстве. Поэтому о свадьбе можно говорить не раньше чем через год.

Сын раджи приуныл, услышав такую новость, но тем не менее согласился на эти условия.

Надо ли говорить о том, что все дни и ночи царевна проводила теперь в глубокой печали и слезах? Как она каялась и корила себя за неразумный поступок! Наконец она надумала бежать. Но как это сделать, находясь в четырех стенах под неусыпным надзором? И даже если удастся бежать, как добраться к своему мужу без волшебного камня?

Все обитательницы дворца и мать Факира изо всех сил старались развлечь красавицу, но безуспешно. Все ей было не мило, она ни с кем не разговаривала и только проливала горькие слезы. Вот уже и назначенный ею годичный срок стал подходить к концу, а она никак не могла утешиться.

Но слезы слезами, а свадьба свадьбой. Раджа посоветовался со своими астрологами, и те определили наиболее благоприятный день и час для бракосочетания. В городе поднялась великая суматоха. Все готовились к торжественному событию: кондитеры день и ночь готовили всякие сладости; молочники договаривались о доставке во дворец сливок и кисло-сладкой дахи; над въездными воротами сооружали площадки для музыкантов, которым не терпелось исполнить свадебные мелодии. Все горожане с радостным волнением ожидали назначенного часа.

Настало, однако, время вспомнить и о сыне визиря, который оставил своего друга в подводном царстве и направился в родные края за лошадьми, слонами и слуга-

ми, чтобы с надлежащим торжеством доставить царевича с супругой во дворец. Эти приготовления заняли у него много времени, но в конце концов все было готово. Внушительный караван пустился в дорогу и достиг озера за два дня до условленной даты. Между манговыми деревьями были натянуты навесы для людей и животных, и в урочный день и час сын визиря подошел к воде и стал ждать. Но вот уже и солнце опустилось за горизонт, но никто не появлялся. Прошел еще один день и еще один, а царевича все не было.

«Что могло случиться с моим другом и его супругой? — размышлял сын визиря. — Может, на них напала другая змея и отомстила за первую или они потеряли волшебный камень и не знают, как выбраться из воды? А может, их захватили в плен во время прогулки по берегу озера?»

Сын визиря сидел на берегу в глубокой печали. Вдруг из ближнего города до него донеслись звуки веселой музыки. Он спросил у прохожего, что там происходит, и тот сказал, что идут приготовления к свадьбе сына раджи, который женится на дивной красавице, появившейся из вод озера. Сын визиря догадался, о ком идет речь, решил разузнать, что произошло, и попытаться спасти царевну. Он отправил домой караван, а сам пошел в город и поселился у одного брахмана.

Когда сын визиря стал расспрашивать своего хозяина, к какому событию готовятся в городе, тот очень удивился:

— Из каких краев ты прибыл, юноша, если не знаешь о тех чудесах, которые случились у нас? Разве ты не слышал, что из вод ближнего озера вышла девушка божественной красоты и послезавтра она выходит замуж за сына нашего раджи?

— Я ничего не слышал, — заверил его сын визиря. — Ведь я прибыл из дальних краев, куда слух об этом еще не дошел. Расскажи мне об этом подробнее.

И брахман рассказал, что год назад, приблизительно в это же время, сын раджи поехал на охоту. У озера он раскинул шатер для отдыха. И вот однажды он увидел, как из глубины вод вышла девушка неземной красоты. Оглядевшись вокруг и заметив людей, она нырнула в воду и исчезла. Сын раджи, увидев ее, потерял от любви рассудок. Его привезли во дворец в безнадежном состоянии. Он ни с кем не говорил, лишь повторял без конца одни и те же слова: «Только появилась — и сра-

зу исчезла». Раджа разослал гонцов во все концы государства за лучшими лекарями, но они ничего не смогли сделать. Тогда раджа велел бить в барабан и объявить: тот, кому удастся вылечить его сына, получит полцарства и станет его зятем. Долго никто не приближался к барабану, пока наконец старуха, назвавшая себя матерью Факира, не подошла и не дотронулась до него. Она заявила, что может вылечить сына раджи. На берегу того озера построили шалаш и спрятали в нем старуху, а недалеко укрылись слуги раджи. Когда красавица появилась из вод озера, мать Факира позвала слуг, они схватили ее и доставили в паланкине во дворец. При виде любимой сын раджи пришел в себя, и было решено их поженить. Но пленница заявила, что дала обет не глядеть ни на одного мужчину в течение года, поэтому свадьбу отложили. Теперь годичный срок на исходе, потому так весело и играют музыканты во дворце раджи.

— Ты рассказал мне удивительную историю! Ну а мать Факира, вернее, ее сын Факир-чанд получил ли он в награду полцарства и дочь раджи в жены? — поинтересовался сын визиря.

— Нет еще. Дело в том, что этот парень — слабоумный. Он часто уходит куда-то из дому, иногда на целый год, потом вдруг появляется и снова исчезает. Его и сейчас нет в городе, но мать говорит, что он вот-вот должен прийти, — ответил брахман.

— А как он выглядит и как он себя ведет, когда приходит домой? — спросил сын визиря.

— Ростом он, пожалуй, с тебя, а годами — немного моложе. Носит набедренную повязку, тело натирает золой, в руках всегда держит зеленую ветку. Как подойдет к дверям материнской хижины, начинает приплясывать и припевать: «Дхуп, дхуп, дхуп!» Говорит очень невнятно, и, когда мать просит его пожить хотя бы немного дома, он всегда отвечает одно и то же: «Нет, я не останусь, не останусь». А если он с чем-то согласен, то говорит: «Хум!»

Так сын визиря узнал, что обитательница подводного дворца всплыла на поверхность одна, без царевича, была насильно схвачена и доставлена во дворец, а волшебный камень находится теперь в руках матери Факира. А это значит, что царевич остался под водой один и не может подняться на поверхность.

Всю ночь сын визиря не сомкнул глаз. «Как помочь

царевичу? — думал он. — Как выманить волшебный камень у старухи и вызволить царевну? А что, если я выдам себя за Факир-чанда и попытаюсь освободить царевну из рук раджи?»

Сказано — сделано. Утром он покинул дом брахмана и отправился в пустынное место на окраине города. Там он скинул свои одежды, опоясал бедра куском материи, едва достигавшим колен, натер хорошенько тело золой, отломил с дерева ветку и в таком виде пришел к дому матери Факира. Там он пустился в пляс, выкрикивая: «Дхуп, дхуп, дхуп!» — и размахивая зеленой веткой. Подумав, что это вернулся ее сын, старуха вышла ему навстречу со словами:

— Входи в дом, сынок, наконец-то боги сжалились над нами!

Мнимый Факир невнятно пробормотал: «Хум» — и продолжал плясать.

— На этот раз ты должен остаться со мной, — заявила ему старуха.

— Нет, я не останусь, не останусь, — отвечал сын визиря.

— Если останешься, я женю тебя на дочери раджи. Ты хочешь жениться, Факир-чанд?

— Хум, хум! — отвечал сын визиря, не прекращая своего безумного танца.

— Пойдем со мной во дворец, я покажу тебе красавицу-царевну подводного царства.

— Хум, хум! — бормотал мнимый Факир-чанд, в то время как его ноги продолжали выделять немислимые фигуры.

— Хочешь увидеть драгоценный камень кобры, равный сокровищам семи царей?

— Хум, хум! — последовал ответ.

Старуха вошла в хижину, вынесла волшебный бриллиант и положила ему на ладонь. Он взял камень и бережно завязал его в край набедренной повязки.

Мать Факира была рада, что сын появился так кстати. Она поспешила с ним во дворец, чтобы сообщить радже о приходе сына и показать Факир-чанду царевну подводного царства. Мнимый Факир и его мать свободно прошли во внутренние покои дворца, потому как старуху теперь все знали в лицо. Пленница, конечно, не проявила большой радости при виде умалишенного, чье полуголое тело было покрыто золой и который беспрерывно кружился перед ней в безумной пляске.

Когда наступил вечер, мать стала звать сына домой, но мнимый Факир-чанд отказался уходить и заявил, что останется во дворце на ночь. Сколько мать ни уговаривала его, он ничего не хотел слушать. Она попросила слуг присмотреть за ним и ушла.

Когда все во дворце улеглись спать, сын визиря пошел к царевне и своим обычным голосом сказал:

— Ты не узнаешь меня, царевна? Я — сын визиря, друг царевича, твоего супруга.

Царевна не поверила своим ушам:

— Ты — сын визиря! Да, я узнаю тебя! Спаси меня! Этот ужасный плен для меня хуже смерти! Я сама во всем виновата. Ты один можешь мне помочь! — И она залилась слезами.

— Не плачь, царевна, — отвечал сын визиря. — Я постараюсь освободить тебя этой же ночью. Ты только слушай меня и делай так, как я скажу.

Убедившись, что во дворце все спокойно, сын визиря вышел во двор.

— Ты куда? — окликнули его стражники.

— Хум, хум! — отвечал мнимый Факир. — Я сейчас вернусь.

Он и в самом деле скоро вернулся, а через час снова прошел мимо стражи туда и обратно.

— Этот сумасшедший, видно, будет болтаться взад и вперед всю ночь, а нам из-за него не спи! — недовольно пробормотал один из стражников. — Пусть делает что хочет.

Сын визиря еще несколько раз прошел туда и обратно, пока не примелькался страже и не изучил все ходы и выходы. Около трех часов ночи, убедившись, что стражники крепко уснули, он сказал царевне:

— Теперь пора. Садись ко мне на спину и крепко привяжись косами.

Она так и сделала. Юноша проскользнул со своей ношей мимо спящей стражи и выбрался за ворота. Никто не встретился им на улицах города, и они вскоре благополучно достигли берегов озера.

Сын визиря развязал узелок набедренной повязки и достал волшебный камень. В один миг добрались они до подземного дворца.

Как описать радость царевича, когда он увидел свою молодую жену и друга?! Без них он чуть не умер от тоски и неизвестности. Они снова и снова рассказывали про все, что с ними случилось: как царевна всплыла на

поверхность озера, как ее схватили и доставили во дворец, как начались приготовления к свадьбе, как сын визиря выдал себя за Факир-чанда и обманул старуху — и так без конца.

Царевич и его супруга не знали, как и благодарить сына визиря за все, что он для них сделал. Они называли его лучшим, самым близким другом и клялись слушаться его советов всегда и во всем.

Они решили вместе вернуться в родные края. Покинули они подводный дворец и с помощью волшебного камня выбрались на поверхность озера. У них не было ни лошадей, ни слонов, и они пошли пешком. Трудное и непривычное для царевича и сына визиря, которые выросли в роскоши, получилось путешествие. А для царевны — и подавно. Когда ей становилось совсем невмочь, царевич усаживал ее себе на плечи. Но долго нести ее не мог, и ей снова приходилось идти пешком. Как сказал бы об этом поэт:

Нежные пальчики ножек лилейных
Ранили острые камни дороги...

Как-то вечером, не встретив на пути никакого жилья, они заночевали в лесу под деревом.

— Вы ложитесь спать, — сказал сын визиря молодой чете, — а я покараулю.

Царевич и царевна крепко заснули, а сын визиря сидел под деревом и охранял их покой. И надо же было такому случиться, что на этом дереве устроили себе гнездо две бессмертные птицы — Вихангама и Вихангами. Они обладали человеческой речью и предсказывали будущее. К великому удивлению сына визиря, птицы повели такой разговор:

— Ты знаешь, сын визиря уже рисковал однажды своей жизнью ради спасения царевича. В другой раз ему это сделать будет очень трудно, — сказал Вихангама.

— Почему? — спросила Вихангами.

— Царевича ожидает много опасностей. Царь, узнав о приближении сына, вышлет ему навстречу слона, лошадей и слуг. А когда царевич взберется на слона и тронется в путь, то упадет и разобьется насмерть, — заявил Вихангама.

— А если кто-нибудь помешает царевичу сесть на слона и посадит его на лошадь, не спасет ли он его этим от смерти? — спросила Вихангами.

— Да, тогда он будет спасен. Но впереди его ожи-

дает новая опасность: когда царевич будет подъезжать к дворцу через главные ворота, они обрушатся и раздавят его, — продолжал вещать Вихангама.

— А если кто-нибудь снесет главные ворота до приезда царевича, будет ли он спасен? — поинтересовалась Вихангами.

— Конечно, в этом случае он избежит смерти, но впереди его ждет еще одна опасность. Когда царевич прибудет во дворец и сядет за праздничный пир по случаю его приезда, ему подадут блюдо из рыбы-рохита⁵. Только начнет он есть голову этой рыбы, как большая кость застрянет у него в горле, и он умрет, — предрек Вихангама.

— А если кто-нибудь другой возьмет голову рыбы с блюда царевича и съест ее, будет ли царевич спасен? — задала вопрос Вихангами.

— Да. Но испытания его на этом не кончатся. Когда царевич и его молодая супруга после обеда пойдут в опочивальню, из-под кровати выползет огромная кобра и ужалит царевича насмерть, — заверил Вихангама.

— Но ведь может так случиться, что кто-то заранее спрячется в опочивальне и, когда кобра выползет, разрубит ее на куски. Спасет ли он этим царевича? — снова спросила Вихангами.

— Действительно, в таком случае жизнь его будет спасена. Но только тот, кто убьет кобру, не должен рассказывать о том, что он сейчас услышал. Если расскажет, то превратится в мраморную статую, — ответил Вихангама.

— И нет средства оживить статую? — удивилась Вихангами.

— Такое средство есть. Мраморную статую можно оживить, оmyв ее теплой кровью родившегося у царевны младенца, — сказал Вихангама.

Беседа вещей птиц продолжалась до утра, пока не посветлело небо на востоке и не начали каркать вороны. Как только спящие путники зашевелились, птицы умолкли. Но сын визиря слышал их разговор от начала до конца.

Утром все трое продолжили путь и вскоре повстречались с целой процессией. Там был слон, лошадь, паланкин и много слуг. Все это послал царь, когда прослышал, что царевич с женой и сыном визиря приближаются к столице. Слон, покрытый дорогой попоной, предназначался для царевича, богато разукрашенный сереб-

ряный паланкин — для царевны, а лошадь — для сына визиря.

Только царевич хотел взобраться на слона, как к нему подошел сын визиря и сказал:

— Позволь мне сесть на слона, а сам поезжай на лошади.

Царевич был удивлен такой дерзостью и подумал, что его друг забывается. Царевичу это не понравилось, но, помня все, что сделал для него сын визиря, он ничего ему не сказал и сел на коня.

Процессия двинулась в путь. Через некоторое время показались царский дворец и празднично украшенные главные ворота. Сын визиря остановил процессию и попросил царевича отдать приказ разрушить ворота и только после этого въезжать во дворец. Эта странная просьба привела царевича в изумление, ведь сын визиря ничего ему не объяснил. Царевич в душе разгневался на своего друга, но, помня добро, которое он ему сделал, приказал разрушить ворота.

Когда они прибыли во дворец, царь устроил им пышный прием. Когда царевич рассказал о том, что им пришлось пережить, изумлению царя и его приближенных не было конца. Все наперебой хвалили сына визиря за находчивость, благоразумие и верность.

Придворные дамы были поражены красотой царевны. И было чему удивляться: бледно-розовое личико, лебединая шея, глаза, как у газели, губы, что спелая вишня, высокий лоб и прямой нос, длинные темные волосы, грациозная, словно у молодой слонихи, поступь⁶ — все при ней. Самые строгие ценители женской красоты не находили в ней ни одного изъяна. Женщины окружили царевну и засыпали вопросами о ее родных, о подводном дворце, где она жила, о змее, которая убила всех ее близких.

Настало время обеда. Столы были уставлены золотыми блюдами с различными кушаньями. Перед царевичем поставили огромную голову рыбы-рохита на золотом блюде.

Не успели гости приступить к еде, как сын визиря схватил рыбью голову с блюда царевича со словами:

— Позволь, царевич, мне съесть эту голову!

Царский сын задрожал от гнева, но сдержался и не сказал ни слова. Сын визиря заметил, что царевич разгневался, но иначе поступить не мог — надо было спасти друга от смерти. А если бы он стал объяснять свои

поступки, то сразу превратился бы в мраморную статую.

После обеда сын визиря попросил разрешения пойти домой. В другое время царевич ни за что не отпустил бы его так рано, но в тот день он был сердит на друга и не стал его удерживать.

А сын визиря вовсе и не собирался идти домой. Он вооружился мечом, незаметно проник в опочивальню молодых супругов и спрятался под кроватью, устланной пуховыми перинами и занавешенной шелковой сеткой от москитов.

Скоро в спальню вошли царевич с царевной. Они разделись и легли в кровать. В полночь, когда молодая чета уже крепко спала, сын визиря увидел, как в спальню пробралась через отверстие для стока воды громадная змея и стала взбираться на кровать по опоре балдахина. Тут сын визиря выскочил из своего укрытия, убил змею, разрубил ее на куски и положил в ларец для бетеля.

Случилось так, что, когда он рубил змею, капля крови попала на грудь царевны. Сын визиря испугался, что змеиная кровь может повредить царевне. Завязал он себе глаза куском ткани в семь слоев⁷, осторожно нагнулся над царевной и слизнул кровь кончиком языка. Царевна проснулась и закричала от испуга. Царевич вскочил, увидел друга и чуть было не убил его на месте, но сын визиря сказал:

— Не гневайся на меня, царевич, я сделал это ради спасения твоей жизни.

— О чем ты говоришь? — вскричал царевич. — Ты уже давно ведешь себя очень странно. Сначала ты не дал мне сесть на слона, которого царь прислал для меня. Я подумал, что ты зазнался и захотел почестей взамен услуг, которые ты мне оказал. Я отдал тебе слона, а сам сел на лошадь. Потом ты велел разрушить украшенные в честь моего прибытия главные ворота, и я исполнил твой каприз. За обедом ты схватил с моей тарелки голову рыбы, считая, видно, что ты заслуживаешь больших почестей, чем я. Потом ты сделал вид, что идешь домой, и я тебя не удерживал, потому что мне надоели твои выходки. А теперь ты стоишь в моей опочивальне, склонившись над моей обнаженной супругой, и говоришь, что делаешь это ради спасения моей жизни. Я же думаю, что у тебя было другое на уме: ты хотел обесчестить царевну.

— Прошу тебя, не возбуждай свое сердце такими мыслями, — печально промолвил сын визиря. — Богом известно, что все это я делал только ради спасения твоей жизни. И ты мог бы убедиться в этом, если бы я был волен объяснить тебе все.

— Ну так объясни! — потребовал царевич. — Кто запрещает тебе говорить?

— Сама судьба, — отвечал сын визиря. — Как только я расскажу тебе все, я тут же превращусь в мраморную статую.

— В мраморную статую?! — воскликнул царевич. — Чтобы я поверил в такую нелепицу! За кого ты меня принимаешь?

— Так ты хочешь, чтобы я все рассказал тебе, дорогой друг? — спросил сын визиря. — Будь по-твоему! Только помни: ты будешь горько сожалеть об этом.

— Рассказывай, да поскорее, — ответил на это царевич, — а то не уйдешь отсюда живым!

Чтобы восстановить свое доброе имя в глазах друга, сыну визиря не оставалось ничего другого, как открыть свою тайну. Но перед этим он еще раз напомнил, какую цену ему придется уплатить. Однако царевич был непреклонен. И тогда сын визиря начал свой рассказ.

— Однажды, когда мы заночевали под большим, раскидистым деревом и вы с женой крепко заснули, я нечаянно подслушал разговор двух вещих птиц — Вихангама и Вихангами. Они предрекли все, что должно было случиться и какие смертельные опасности подстерегают тебя на пути.

Как только сын визиря поведал о первой опасности, ноги его окаменели. Повернувшись к царевичу, он молвил:

— Видишь, друг, нижняя часть моего тела уже мертва.

— Продолжай! — приказал царевич.

Когда сын визиря рассказал о втором предсказании, он окаменел до пояса; когда же дело дошло до истории с рыбьей головой, его тело окаменело до шеи.

— Вот видишь, царевич, — сказал он, — все подтверждается. Если я расскажу тебе о четвертом прорицании вещих птиц, я весь превращусь в мрамор. Ты хочешь, чтобы я продолжал?

— Говори! — настаивал царевич.

— Ну что ж, делать нечего, — промолвил юноша. — Но на случай, если ты станешь раскаиваться и захочешь

вернуть мне жизнь, я скажу тебе, как это сделать. Через несколько месяцев у твоей жены родится ребенок. Если ты убьешь его сразу после рождения и смажешь его кровью мое окаменевшее тело, я оживу.

Не успел сын визиря закончить рассказ об огромной змее, заползшей в опочивальню, как стал мраморной статуей. Тут царевна вскочила с постели, заглянула в ларец и увидела змею, разрубленную на куски. Обоим стало ясно, что их друг был предан им как никто и пожертвовал ради них собственной жизнью. Они долго его оплакивали, а потом спрятали мраморную статую в надежное место и дали обет оживить ее кровью своего первого ребенка, как только он появится на свет.

Прошло положенное время, и царевна родила чудесного мальчика — точную копию матери. Отец и мать были поражены красотой своего первенца и пришли в ужас при мысли, что его надо убить. Но делать нечего: разрубили они ребенка надвое, смазали его кровью статую, и она тут же ожила. Царевичи и царевна радовались, что снова видят своего друга живым и здоровым, а сам он при виде мертвого ребенка очень горевал и решил во что бы то ни стало вернуть ему жизнь.

Он исколесил из края в край всю страну в поисках лучших врачей и знахарей. Но все они отвечали, что могут вылечить человека от любой болезни, пока в нем еще теплится жизнь. Воскресить же мертвого человека не в их власти. Под конец сын визиря вспомнил о своей жене, которая жила далеко от тех мест. Она была ревностной служительницей богини Кали и могла бы упротить богиню вернуть ребенку жизнь.

Он прибыл в дом тестя, где находилась жена, пошел в сад и повесил на дереве тельце ребенка, завернутое в полотно. Жена очень обрадовалась встрече с мужем после долгой разлуки, но вскоре заметила, что он чем-то расстроен. Ее расспросы ни к чему не привели. И вот однажды ночью жена тихонько встала с постели и вышла из дома. А сын визиря все ночи лежал без сна и думал, как оживить ребенка. Увидел он, что жена пошла куда-то, и незаметно за ней последовал.

А она тем временем направилась в расположенный недалеко храм богини Кали, поднесла богине цветы и стала молить ее.

— О Мать Кали! Сжался надо мной и избавь меня от моих горестей, — просила она.

— Что у тебя опять случилось? — спросила боги-

ня. — Ты долго молила меня о возвращении мужа, и теперь он дома. Что тревожит тебя еще?

— Да, Мать Кали, я благодарю тебя за то, что ты вернула мне мужа. Но он почти не говорит со мной, все время молчит и о чем-то думает.

— Узнай, в чем дело, и скажи мне, может, я смогу тебе помочь, — сказала богиня.

Подслушав этот разговор, сын визиря также незаметно вернулся домой раньше жены, лег в постель и притворился спящим.

На другой день, когда жена стала его расспрашивать, о чем он печалится, сын визиря поведал ей все без утайки.

Ночью молодая женщина вновь направилась в храм Кали и рассказала богине все, что узнала от мужа.

— Принеси ребенка сюда, и я оживлю его, — повелела Мать Кали.

На следующую ночь ребенка принесли в храм, и богиня Кали вернула ему жизнь.

Обрадовался сын визиря и со всех ног поспешил в столицу. Увидев ребенка живым и невредимым, царевич и царица преисполнились великой радости и оставили сына визиря с женой жить во дворце. Все четверо жили долго и счастливо.

ШОКХИ-ШОНА¹

В одной деревушке жил бедняк Саид с женой. Детей у них не было. Сварливая жена поносила его последними словами и называла лодырем и бездельником.

Однажды, когда в доме не осталось никакой еды, жена стала ругать Саида:

— До того как жениться, надо было сто раз подумать, сможешь ли ты прокормить жену!

Саид терпеливо все выслушал, а про себя подумал, что нет у него другого выхода, как убить жену. Поймал Саид ядовитую кобру, посадил в глиняный горшок и принес домой. Ночью он решил поставить горшок у кровати жены и выпустить кобру. В полночь, когда жена крепко спала, муж взял горшок, снял с него крышку и остолбенел: вместо ядовитой змеи в горшке было полным-полно золотых монет!

Обрадовался Саид своему счастью, разбудил жену, показал ей сокровища и сказал, что заработал их своим трудом. Гнева жены как не бывало. По наказу Саида она отнесла золото во дворец падишаху и продала бегам за тысячу рупий.

Бегам посчитала, что совершила выгодную сделку, и надежно заперла золото в окованный железом сундук. Наутро она позвала мужа, чтобы похвастаться покупкой. Каково же было их удивление, когда вместо золота они увидели в ящике маленькую девочку необыкновенной красоты.

У падишаха детей не было, и он обрадовался ребенку больше, чем обрадовался бы золоту. По всей столице объявили, что у бегам родилась девочка, и все ликовали по этому случаю. Девочке дали имя Шокхи-шона.

В ту самую пору, когда во дворце звучала веселая музыка, в доме визиря тоже был праздник, хотя и не такой пышный, как у падишаха. У жены визиря родился сын, и назвали его Маник.

Придворные астрологи предсказали, что, когда Шокхи-шона, рожденная под знаком Скорпиона, достигнет своего совершеннолетия, она сбежит из дому с юношей.

Сын визиря Маник и царевна Шокхи-шона учились в одной школе. Повзрослев, они полюбили друг друга, но стыдились признаться в своих чувствах. Случай помог им открыть друг другу сердца. Однажды она уронила тетрадь и попросила юношу поднять ее². Маник ответил взглядом, полным любви.

— Я выполню твою просьбу, царевна, если ты будешь ко мне благосклонна, — сказал он.

Шокхи-шона поняла, что значат его слова. Они стали тайком встречаться во дворце каждый день.

Узнала про это служанка бегам. Она испугалась гнева падишаха и посоветовала влюбленным бежать. Переодевшись в мужскую одежду и взяв пару быстрых лошадей, глубокой ночью Шокхи-шона бежала с Маником. Долго ехали они через лес и наконец увидели чей-то дом. Навстречу им вышла старая женщина. Она показала им доброй и приветливой, а на самом деле это была мать семерых сыновей-разбойников, которые в то время ушли на промысел. Старуха дала путникам сырые дрова и неочищенный рис, чтобы приготовление пищи заняло у них побольше времени³. Она замыслила

недоброе и ждала сыновей, которые должны были вот-вот появиться.

Но у злой старухи была добрая служанка, и, когда хозяйка на минуту отлучилась по своим делам, она рассказала Шокхи-шоне и Манику, куда они попали. Те сразу вскочили на коней и поскакали прочь. Но хитрая старуха успела привязать к хвостам лошадей по дырявому мешочку с горчичными семенами. Семена падали на дорогу и отмечали путь беглецов.

Как только разбойники вернулись домой, мать рассказала им о двух богато одетых юношах. Разбойники не стали терять времени, вскочили на своих быстроногих коней и вскоре настигли беглецов. В схватке Маник сразил мечом шестерых братьев. Седьмого, который был хром от рождения, Маник пожалел и оставил в живых, поручив ему ухаживать за лошадьми.

Хромой разбойник влюбился в Шокхи-шону и вздумал овладеть ею. Он улучил момент, когда Маник спал, и отрубил ему голову. Горько оплакивала Шокхи-шона гибель возлюбленного, а потом набралась мужества и сразила насмерть разбойника. Тут, откуда ни возьмись, появился пир и, вняв горячей просьбе Шокхи-шоны, воскресил Маника. Молодые влюбленные оседлали коней и снова двинулись в путь. Вскоре подъехали они к дому цветочницы Чампы и попросились на ночлег. А цветочница та была колдунья. Она влюбилась в Маника и превратила его в обезьяну. Шокхи-шона в ту пору куда-то отлучалась и ничего об этом не знала.

Колдунья сделала так, что с наступлением ночи Маник обретал человеческий облик, и она проводила с ним время до утра. Если же он пытался бежать, она снова превращала его в обезьяну.

Не найдя Маника, Шокхи-шона чуть не умерла от горя. Но делать нечего: взяла она обеих лошадей, свою и Маника, и стала ходить с места на место и спрашивать, не видел ли кто ее мужа. Она была одета в мужское платье, и слуги царя той страны заподозрили ее в краже лошадей из царской конюшни и посадили в тюрьму.

В ту пору на столицу царя напал дракон, который поедал всех подряд — людей и животных. Он мог проглотить целиком даже тигра и медведя. Что только ни делала стража, чтобы убить его, но все напрасно: пули не пробивали шкуру дракона. Местный правитель пообещал

шал большую награду тому, кто убьет дракона и спасет его подданных от гибели.

А Шокхи-шоне в тюрьме привиделся вещий сон: ей явился пир и научил, как уничтожить дракона. Утром она попросила передать царю, что берется убить дракона, если ее освободят. Когда выпустили Шокхи-шону из тюрьмы, она напала на дракона сзади и нанесла ему удар мечом в то место, на которое указал ей пир во сне. Дракон был убит, и Шокхи-шона получила обещанную награду.

Шокхи-шона рассказала царю, как ее ни за что ни про что посадили в тюрьму. Ему стало стыдно. Чтобы искупить вину своих подданных и вознаградить мнимого юношу за храбрость, он решил выдать за него свою единственную дочь. Шокхи-шоне ничего не оставалось, как согласиться, и через несколько дней сыграли пышную свадьбу.

Прошло немного времени, и дочь царя стала замечать, что молодой муж ведет себя как-то непонятно и все время ее избегает.

Тем временем Маник в одну из ночей написал Шокхи-шоне письмо, в котором сообщал, что с ним случилось. Получив это письмо, Шокхи-шона попросила царя забрать у цветочницы обезьяну и доставить ее во дворец. Это было исполнено, и ночью, приняв человеческий облик, Маник рассказал, как колдунья-цветочница превратила его в обезьяну.

Цветочницу заставили расколдовать Маника, и он снова стал самим собой. По приказу царя цветочницу за ее колдовские дела приговорили к смерти и обезглавили.

Теперь Шокхи-шона призналась царю, что она — женщина. С ее согласия царь отдал свою красавицу-дочь за Маника, и она стала его второй женой. Маник жил долго и счастливо со своими двумя женами.

О ТРЕХ БРАТЬЯХ

В небольшом местечке Чондон-ногор, близ Хугли, жил-был некогда купец по имени Джойодхор, и было у него три сына — Модон, Камадэв и Шундор.

Перед смертью позвал купец к себе Модона и Камадэва и поручил их заботам своего младшего сына Шундора. Сыновья обещали отцу исполнить его волю.

Похоронив отца, старшие братья отправились торговать в заморские страны, а Шундора оставили на попечении своих жен Шумоти и Кумоти. Перед отъездом они дали наставления женам, как воспитывать младшего брата, где его учить и прочее. Их мать давно умерла, и в доме, кроме Шумоти и Кумоти, никого из старших не осталось.

Братья не знали, что жены у них — ведьмы. Каждую ночь они заколдовывали Шундора и, когда он засыпал, выходили из дому, взбирались на дерево и, произнеся заклинание, улетали на нем на свою родину, в Ассам, а на рассвете возвращались.

Шундор ничего об этом не знал: утром, когда он просыпался, невестки находились уже дома как ни в чем не бывало.

Однажды, когда Шундор крепко спал, в дом вошел Сатья-пир и расколдовал его. Проснулся мальчик и видит: невесток дома нет. Он испугался одиночества да так и не смог заснуть до самого утра.

На рассвете Шумоти и Кумоти обрели человеческий облик и вернулись домой. Шундор начал их спрашивать, где они были ночью, и невестки перепугались, как бы он не рассказал все старшим братьям. Однако они ничем себя не выдали, а мальчику сказали, что были заняты важным делом. В тот день невестки наперебой ухаживали за Шундором и кормили его вкусной едой. Вечером, когда он уснул, женщины пошли на берег реки и, возложив цветы и сандал, стали просить богиню Кали, чтобы она разрешила убить Шундора. Богиня дала согласие, и ведьмы направились домой, похваляясь друг перед другом своей способностью умерщвлять и воскрешать людей.

Они подошли к спящему мальчику, поколдовали над ним, и он умер. Перед смертью он просил у Шумоти и Кумоти дать ему воды, но злые ведьмы не захотели утолить его жажду. Они схватили тело мальчика, отнесли в лес и бросили там на съедение шакалам.

Сатья-пир почувствовал что-то неладное и, взглянув всевидящим оком, понял, что произошло. Он тут же поспешил в лес и вернул мальчику жизнь.

— Теперь я знаю, что мои невестки — ведьмы, — сказал Шундор. — Домой мне возвращаться нельзя, они

снова убьют меня. Разреши мне остаться с тобой и посвятить служению тебе всю мою жизнь.

Но Сатья-пир велел мальчику идти домой.

— Если они снова причинят тебе зло, я приду на помощь, — заверил он.

Когда Шундор явился домой живой и невредимый, невестки пришли в ужас, но виду не подали и встретили его радостно. Ночью же, когда он уснул, они перерезали ему горло и, разрубив тело на семь частей, уложили в мешок, оттащили в лес и закопали каждую часть отдельно.

Сатья-пир все это видел. Он собрал воедино все части тела убитого и снова даровал ему жизнь.

Теперь несчастный юноша наотрез отказался возвратиться домой. Тогда пир велел ему забраться на высокое дерево и спрятаться среди густых ветвей.

Видя, что Шундор на этот раз не вернулся, ведьмы уверовали в свои чары, против которых, как они думали, оказался бессилен сам Сатья-пир.

Как раз в это время пришла весть о том, что дочь правителя Ассам хочет выбрать себе жениха и по этому случаю во дворце состоится церемония сваямвары.

Уверенные в том, что Шундор мертв и домой больше не вернется, ведьмы решили отправиться в Ассам на праздник. Они взобрались на то самое дерево, на котором спрятался Шундор, произнесли заклинание и вместе с деревом перенеслись в Ассам.

— Что-то наше дерево сегодня будто тяжелее, чем всегда, — сказала одна из них. Другая ее высмеяла, и они забыли про это.

Прилетев в Ассам, Шумоти и Кумоти отправились во дворец. Шундор тоже спустился с дерева. Сатья-пир перенес его в зал, где собрались претенденты на руку царевны. Оставив юношу среди них, Сатья-пир подошел к царевне, которая поклонялась ему и считала его своим наставником. Он посоветовал ей вручить гирлянду цветов, предназначенную для жениха, Шундору. Царевне Шундор понравился больше всех остальных, и она охотно послушалась Сатья-пира.

Ночь Шундор провел в комнате царевны, но к утру стал беспокоиться, как бы невестки не отправились домой без него и он не остался один во дворце раджи Ассам, где его никто не знал. Его могли принять за бро-

дягу и стали бы смеяться над ним и над невестой, которая выбрала такого простого жениха.

Перед уходом Шундор написал на переднике невесты записку: так, мол, и так, если ты без меня соскучишься, можешь найти меня в Чондон-ногоре.

После этого он спрятался в густой листве дерева и вместе с ведьмами вернулся домой. Каковы же были удивление и ярость невесток, когда они обнаружили, что Шундор снова жив и невредим.

Долго невестки ломали голову, как им повернее избавиться от Шундора, и вот что они придумали. Когда настала ночь, они привязали к волосам юноши заговоренный амулет и превратили его в попугая. Затем отвезли его подальше от дома и оставили в густом лесу.

Однажды охотники, бродя по лесу, поймали этого попугая и направились к побережью, чтобы продать птицу. В это самое время старшие братья Шундора — Модон и Камадэв — возвращались домой на своих кораблях, нагруженных заморскими товарами.

— Послушай, — сказал один брат другому, — вон тот охотник продает попугая. Помнится, наш брат Шундор очень хотел иметь такую красивую птицу. Давай купим его.

Купили братья попугая и повезли с собой. Им и невдомек было, что это их младший брат.

В ту пору царевна проснулась и, не видя в своей комнате жениха, подняла тревогу. Его долго искали, но он как в воду канул. И тут царевна увидела на переднике записку. Она прочитала ее и стала умолять отца отпустить ее в Чондон-ногор.

Раджа снарядил несколько кораблей, нагрузил их разным добром, и царевна отправилась в путь. Через несколько дней корабли достигли Чондон-ногора.

Ведьмы пустились на всякие хитрости, чтобы сбить царевну с толку и не допустить к мужу. Но ей помог Сатья-пир. Он принял облик белой мухи и указал ей дорогу к дому Шундора.

Через несколько дней в гавань вошли корабли Модона и Камадэва. Сестры рассказали своим мужьям, что их младший брат недостойно вел себя в их отсутствие, совсем отбил от рук, связался с распутными женщинами и вот уже месяца два не появляется в доме, и они понятия не имеют, где он сейчас.

— А недавно в наш дом заявила какая-то женщина. Она назвала себя царевной и женой Шундора, но нам о его женитьбе ничего не известно — так закончили они свой рассказ.

Модон и Камадэв очень тосковали в разлуке с любимым братом, и, когда пришла царевна, они приняли ее как жену Шундора, не обращая внимания на неудовольствие своих жен.

Попугая, привезенного для Шундора, они подарили царевне, и та, оплакивая судьбу своего мужа, стала ласкать и гладить его, как будто это был сам Шундор. И вдруг царевна нащупала на его голове что-то твердое, привязанное к хохолку. Это был тот амулет, с помощью которого ведьмы превратили юношу в птицу. Как только она отвязала амулет, Шундор приобрел человеческий облик. Он рассказал царевне о всех своих злоключениях и о колдовстве ведьм-невесток, превративших его в птицу. Потом прошептал ей что-то на ухо и попросил снова привязать амулет к его волосам. Она исполнила его просьбу, и он снова стал птицей.

На следующий день царевна пригласила к обеду старших братьев. Она сказала, что сама приготовит еду, и будет им прислуживать. Когда братья пришли к ней на корабль, они увидели, что стол накрыт на три персоны, и очень удивились.

А царевна и спрашивает:

— Почему вы пришли вдвоем, где же ваш младший брат? Пригласите и его на обед.

Братья подумали, что печаль о муже повредила ее рассудок. Они стали оплакивать судьбу брата и не прикасались к еде.

Но царевна стала снова просить их позвать Шундора, и, чтобы ее успокоить, они закричали:

— Шундор, брат наш любимый, приди отобедай с нами!

Не успели они произнести эти слова, как царевна отвязала амулет от хохолка попугая — и перед ними предстал младший брат.

Как описать радость Модона и Камадэва при виде любимого брата, которого они считали погибшим!

После обеда Шундор рассказал братьям правду об их женах, доказав, что они ведьмы.

Вернувшись домой, братья приказали вырыть во дворе глубокую яму, а женам своим сказали, что на го-

род напали разбойники и им всем от них надо спрятаться.

Как только Шумоти и Кумоти подошли к яме, братья столкнули их вниз и засыпали толстым слоем земли, похоронив заживо.

По совету царевны они взяли себе в жены двух красивых и знатных девушек из Ассама.

Потом они отслужили молебен Сатья-пиру, своему покровителю, и зажили в добром согласии со своими женами.

ИСТОРИЯ О РАКШАСАХ

У некогда жил бедный слабоумный брахман. Детей у них с женой не было. Брахман был ленив, а потому с трудом сводил концы с концами. Он ленился даже ходить в богатые дома за подаванием.

Однажды у правителя соседнего города умерла мать, и он устроил богатые похороны. Туда собрались брахманы и нищие со всех концов страны в надежде на щедрое подавание.

Услышала об этом жена бедного брахмана и стала просить его сходить туда и принести хоть немного денег. Но брахман никак не мог преодолеть свою лень. Жена не отставала, пока наконец он не согласился. Тогда она срубила банановое дерево, сожгла его, из золы сделала щелок и выстирала одежду мужа, да так хорошо, как и прачка не выстирает. Ведь брахман должен быть всегда чистым и опрятным, а в грязной одежде кто же его пустит во дворец?

И отправился брахман в путь. Но так как он был глуп, то ни у кого не спросил дороги, а пошел куда глаза глядят. Шел он, шел и очутился там, где не было ни одной живой души. И здесь он узрел такое, чего не видывал за всю свою жизнь: на обочине лежала целая гора каури, потом пошли груды пайс, монет в четверть рупии, полрупии и серебряных рупий. И наконец, безмерно удивленный брахман увидел целые горы золотых мохуров, которые горели на солнце так, будто их только что отлили на монетном дворе.

Недалеке стоял большой красивый дом. Сначала брахман принял его за дворец царя. У входа стояла

женщина необыкновенной красоты. Завидев брахмана, она улыбнулась и сказала:

— Входи, входи, дорогой супруг! Ты, вижу, не признал меня. Ведь мы поженились еще детьми¹, и с тех пор ты ни разу не появлялся. А я все время тебя поджидаю. Да будет благословен этот день, когда я наконец увидела твое лицо! Войди в дом, омой свои усталые ноги и отдохни после долгого пути. Утоли голод и жажду, а потом мы побеседуем.

Брахман, сколько ни пытался, никак не мог вспомнить лицо этой женщины. Он подумал, что отец женил его еще ребенком. И вот теперь у него есть еще одна жена, да какая! Красивая, как богиня из рая Индры, и богатая. Пока он так размышлял, хозяйка дома сказала:

— Вижу, ты сомневаешься, жена я тебе или нет. Неужели ты все забыл? Помнишь, как пандит связал конец твоего шарфа и край моего сари и ты повел меня вокруг священного огня? Входи, любимый, это твой дом, здесь все твое!

Наконец брахман сдался на ласковые уговоры и вошел в дом. Внутренние покои были богато убраны. Одно удивило брахмана: здесь не было людей. Гуляя утром и вечером в окрестностях, брахман и там не встретил ни единой живой души.

На самом деле та женщина была не человек, а ракшаси. Она сожрала царя, царевну, царскую семью и всех подданных.

Через неделю ракшаси и говорит:

— Как мне хочется повидаться с твоей другой женой! Пойди и приведи ее сюда, нам всем хватит места в доме. Отправляйся завтра утром, я дам тебе для нее красивую одежду, дорогие украшения. Ведь она мне все равно что сестра.

И брахман пустился в обратный путь. Жена его тем временем очень горевала: все брахманы и пандиты, ходившие на похороны, уже давно вернулись домой с щедрыми дарами, а ее мужа все не было, и никто не знал, куда он подевался. Не иначе как его убили по дороге разбойники.

Спустя некоторое время по деревне разнесся слух, что брахман идет домой и несет богатые подарки. Скоро появился и он сам.

— Я отыскал свою первую жену, — начал рассказывать он брахманке. — У нее не дом, а настоящий дворец, по дороге к нему лежат целые горы серебряных

рупий и золотых мохуров. Хватит тебе терпеть нужду! Пойдем со мной туда, где живет моя первая жена, и мы все трое заживем счастливо.

Услышав такие речи мужа о первой жене, о горах серебра и золота, бедная женщина подумала, что он совсем из ума выжил. Но когда он достал из сумки роскошные атласные и шелковые одежды и богатые украшения из драгоценных камней, какие носят царицы, она поняла, что тут дело нечисто.

— Если не хочешь, оставайся здесь одна, а я пойду к своей первой жене, — настаивал брахман.

Наконец жена согласилась пойти с ним, чтобы на месте посмотреть, что и как.

На другое утро они двинулись в путь той же дорогой, которой уже прошел брахман. Не доходя до дворца, они увидели горы каури, рупий и золотых мохуров. Из ворот дворца вышла красивая женщина. Она приветливо улыбнулась и поспешила им навстречу.

— О моя дорогая сестра! — заговорила она, заливаясь слезами. — Как я рада! Это самый счастливый день в моей жизни. Пойдемте в дом!

И зажил наш брахман, как в раю Индры. Он не испытывал недостатка ни в чем, а жены заботились о нем одна нежнее другой. Так продолжалось пятнадцать или шестнадцать лет. У каждой из жен родилось по мальчику. Сын ракшаси был старше. Ему дали имя Сахасрадал. А сына настоящей жены брахмана, родившегося на год позже, назвали Чампадал.

Братья любили друг друга, вместе играли, учились в одной школе и ездили туда на быстрых Пакшираджах.

Жена брахмана подозревала, что ее названная сестра — не человек, а ракшаси, но полной уверенности у нее не было, потому как ракшаси всегда оставалась на чеку и не давала повода ее заподозрить.

Брахман не знал, чем занять свое время, и пристрастился к охоте. В первый раз он убил антилопу и оставил ее на заднем дворе. При виде этого рот ракшаси наполнился слюной. Она затащила тушу антилопы к себе в комнату и стала жадно рвать ее на куски и глотать. Брахманка спряталась в укромном месте и видела, как ракшаси раскрыла свою огромную пасть и проглотила целую ногу антилопы, а затем и все остальное, оставив только маленький кусочек. То же было и со второй антилопой, убитой брахманом, и с третьей. От одно-

го вида свежего мяса ракшаси так возбуждалась, что забывала об осторожности.

На третий раз брахманка не выдержала и спросила ракшаси, куда пропала антилопа.

— Ты думаешь, я ем сырое мясо? — в ярости спросила ракшаси. — По-твоему, это я сожрала антилопу?

— А то кто же? — ответила брахманка.

Ракшаси поняла, что ее изобличили, и поклялась отомстить. Жизнь брахманки, ее мужа и сына висела на волоске. Всю ночь она лежала без сна и думала, что завтра ракшаси проглотит всю ее семью.

Утром, когда Чампа-дал собрался ехать в школу, мать налила в маленький золотой кувшинчик немного молока и дала его сыну.

— Если молоко порозовеет, — сказала она, — значит, твоего отца уже нет в живых, а если оно станет совсем красным — меня уже нет на свете. Садись тогда на коня и скачи как можно дальше от этих мест, чтобы и тебя не постигла та же участь.

А брахман тем временем знать ничего не знал — ракшаси о том позаботилась. Встала она утром с постели и говорит ему:

— Я хочу пойти искупаться. Пойдем со мной!

Брахман ее послушался и пошел за ней. Не успели они подойти к реке, как ракшаси приняла свой настоящий облик, схватила брахмана, растерзала на куски и съела. Потом примчалась домой и проглотила его жену прямо с одеждой.

Тем временем Чампа-дал, выполняя наказ матери, внимательно следил за молоком в золотом кувшинчике. Вдруг видит: молоко порозовело. Понял он, что лишился отца, и горько заплакал. Спустя несколько минут молоко стало красным как кровь. Чампа-дал закричал от страха, вскочил на коня и помчался прочь.

— Постой, брат, скажи мне, что случилось? — закричал ему вслед Сахасра-дал. — Почему ты плачешь? Я поеду с тобой!

— Нет, нет, не приближайся ко мне! — отвечал Чампа-дал. — Твоя мать растерзала моих отца и мать. Я боюсь, что ты растерзаешь меня.

— Не бойся, я не трону тебя! Я хочу тебя спасти. Сахасра-дал поскакал вслед за братом. И тут он увидел огромную фигуру матери в ее настоящем облике — она их настигала.

— Сейчас же остановись, Чампа-дал! — кричала страшная ракшаси. — Я хочу тебя видеть!

— А меня ты видеть не хочешь? — спросил Сахасра-дал. Он подъехал к матери, выхватил меч и отсек ей голову.

Чампа-дал был уже далско. Сахасра-дал догнал его и все ему рассказал.

Чампа-дал очень горевал об отце с матерью. Но теперь он по крайней мере убедился, что Сахасра-дал искренне ему предан. Погоняя своих Пакшираджей, они скакали весь день и к вечеру достигли какого-то города, где были с почетом приняты в одном уважаемом доме.

Скоро юноши услышали, как встревоженные домо-чадцы вполголоса спорили между собой.

— Надо идти мне! Я самая старшая и через год или два все равно умру. Я уже пожила на этом свете, — говорила мать хозяина.

— Нет, пойду я, — возражала ей младшая внучка. — Я еще маленькая, и проку от меня мало.

Тут вмешался ее отец:

— Я — хозяин этого дома и отвечаю за всю семью. Будет справедливо, если пойду я сам!

А его сын сказал:

— Ты — опора семьи, без тебя она погибнет. Поэтому должен идти я!

Гости слушали и ничего не понимали, а спрашивать было неловко. Наконец Сахасра-дал не выдержал и поинтересовался, в чем дело.

— Дело в том, уважаемые гости, что эту часть нашей страны захватила страшная ракшаси. Она съела почти всех ее жителей. Та же участь постигла бы и наш город, если бы раджа не умолил ее не трогать его подданных, — начал рассказывать глава семьи. — Но ракшаси поставила условие, чтобы каждую ночь ей доставляли по одному человеку. У раджи не было другого выхода, и он согласился. Что может поделаться человек против такого чудища? Раджа обязал каждую семью по очереди посылать к жертвенному храму по одному человеку, чтобы утолять голод ракшаси. Сегодня дошла очередь до нашей семьи. Вот мы и спорим, кому идти к ней на съедение.

Юноши посоветовались между собой, и Сахасра-дал заявил:

— Вы нас хорошо приняли, и мы хотим отблагода-

рить вас за это. Сегодня ночью вместо вас к ракшаси пойдем мы.

— Наш долг — служить гостю, как божеству². Мы не можем допустить, чтобы гость страдал из-за нас, — не соглашались хозяева.

Братья долго их уговаривали, и они наконец уступили. Когда стемнело, юноши отправились к храму. Они ввели туда своих лошадей и заперлись изнутри. Сахасра-дал велел Чампе-далу ложиться спать, а сам остался ждать появления чудища. Вскоре Чампа-дал уже сладко спал, но Сахасра-дал был настороже. До полуночи ничего не произошло, но не успели дворцовые часы пробить двенадцать, как послышался страшный шум, и Сахасра-дал догадался, что это приближается ракшаси.

И вот раздался троекратный стук в дверь, и кто-то закричал страшным голосом:

Бух, бух, бух! Раз, два, три!
Человечьим духом пахнет,
Лошадиным духом пахнет,
Кто там прячется внутри?

На это Сахасра-дал ответил:

Здесь Сахасра-дал ночует,
Здесь и Чампа-дал ночует,
Мы не спим, мы не спим,
Мы коней своих храним!

Услышав эти слова, ракшаси зарычала и убралась восвояси. Она поняла, что в жилах Сахасры-дала течет кровь ракшасов.

Примерно через час ракшаси вернулась, опять забарабанила в дверь и спросила громовым голосом:

Бух, бух, бух! Раз, два, три!
Человечьим духом пахнет,
Лошадиным духом пахнет,
Кто там прячется внутри?

А Сахасра-дал ей:

Здесь Сахасра-дал ночует,
Здесь и Чампа-дал ночует.
Мы не спим, мы не спим,
Мы коней своих храним!

Ракшаси снова громко заревела и убралась прочь. Так она появлялась и в два часа ночи, и в три, но, получая на свои вопросы один и тот же ответ, уходила прочь, дрожа от ярости.

Но вот Сахасра-дал не выдержал и захотел спать. Он разбудил Чампу и строго-настрого наказал ему, что,

когда он будет отвечать ракшаси, первым надо произносить имя Сахасры-дала.

Уже под утро ракшаси снова появилась у дверей храма, громко застучала и спросила:

Бух, бух, бух! Раз, два, три!
Человечьим духом пахнет,
Лошадиным духом пахнет,
Кто там прячется внутри?

Чампа задрожал от страха и забыл наказ брата. Когда он начал отвечать, то переставил имена, и получилось так:

Здесь и Чампа-дал ночует,
И Сахасра-дал ночует.
Мы не спим, мы не спим,
Мы коней своих храним!

Тут ракшаси взревела от радости, захохотала так, как хохочут только демоны, и со страшным грохотом вломилась в храм. Шум разбудил Сахасру-дала, он вскочил на ноги, замахнулся мечом и отсек ракшаси голову. Гигантское чудище рухнуло на землю — только стон пошел кругом. Сахасра-дал положил отрубленную голову рядом с собой и улегся спать.

Рано утром шли мимо храма дровосеки. Увидели они огромную тушу и догадались, что это была та ракшаси, которая пожирала людей. Они знали, что царь этой страны обещал отдать свою дочь и полцарства тому, кто убьет ракшаси. Поблизости никого не было, и дровосеки решили присвоить эту заслугу себе. Они отрезали по куску мяса от мертвой ракшаси и отправились к радже за наградой.

Но раджа им не поверил и захотел отыскать настоящего победителя. Созвал он советников и велел им узнать, чья была очередь в ту ночь посылать человека на съедение к ракшаси. Главу этой семьи привели к радже, и тот рассказал, как было дело.

Все пошли к храму, взломали дверь и увидели, что юноши живы и невредимы, как и их лошади. Рядом лежала голова ракшаси. Тут все поняли, что эти двое юношей и есть настоящие победители.

Царь сдержал слово. Он выдал дочь за Сахасру-дала и отдал ему половину своих владений. А Чампа-дал остался во дворце при своем брате.

Прошло некоторое время, и согласие между братьями было нарушено. А произошло вот что. Была у жены царя очень старая служанка. Она бралась за любую работу, все так и горело у нее в руках. Силой и умом она превосходила всех других служанок. Стоило ей отлучиться из дворца хоть на один день, как все в зенане шло кувырком. Поэтому рани и другие женщины во дворце с ней очень считались.

На самом деле это была ракшаси. Приняв облик служанки, она проникла во дворец. Ночью, когда все спали, ракшаси принимала свой настоящий облик и отправлялась на поиски пищи, потому что вместе со всеми она не наедалась.

Чампа-дал был не женат и в жаркое время года спал во дворе, у входа во внутренние покои дворца. Однажды он заметил, что служанка эта выходит ночью за ворота, хватает разных животных — коз, овец, коней и даже слонов — и пожирает их.

Когда служанка поняла, что Чампа-дал знает об этом, она решила от него избавиться. Вот раз приходит она к рани и говорит:

— Я не могу больше служить здесь, о царица!

— Почему? — стала допытываться рани. — Кто тебя обидел?

— Я — беззащитная женщина, — отвечает ей служанка, — и мне трудно стало беречь свою честь. Брат твоего зятя Чампа-дал все время пристает ко мне и говорит всякие непристойности. Лучше мне пойти по миру, чем потерять свою честь. Если Чампа-дал здесь останется, я уйду.

Выбора не было, и рани решила пожертвовать Чампой-далом. Она позвала Сахасру-дала и сказала, что Чампа-дал — беспутный человек и ведет себя недостойно, а потому пусть покинет дворец. Сахасра-дал пытался вступить за брата, но рани стояла на своем.

Сахасре-далу было неловко сказать это брату, и он написал ему записку: так, мол, и так, ты должен сей же час покинуть дворец. Записку эту Сахасра-дал оставил на постели Чампы-дала, когда тот уходил купаться. Чампа-дал прочитал ее и сильно опечалился. Но делать было нечего. Он оседлал своего коня и уехал.

Пакшираджд помчался как стрела, и в несколько часов они прибыли к воротам большого дворца за тысячи миль от того места, где остался Сахасра-дал. Чампа-дал спешился и пошел во дворец, но не заметил там ни еди-

ной живой души. Он переходил из одной роскошной палаты в другую, но все они были пусты. Наконец в самой дальней опочивальне он увидел на роскошной кровати спящую красавицу. Чампа-дал залюбовался ею. В изголовье кровати лежали два жезла — золотой и серебряный. Чампа-дал взял серебряный жезл и коснулся им спящей. Ничего не произошло. Тогда он прикоснулся к ней золотым жезлом. И — о чудо — она тут же открыла глаза, приподнялась и, с удивлением глядя на незнакомца, спросила:

— Кто ты, прекрасный юноша?

Девушка эта была царица по имени Кешавати³, так называли ее за густые длинные волосы. Чампа-дал рассказал ей о себе все без утайки.

— О несчастный, зачем ты приехал в страну ракшасов?! — воскликнула она. — В этом дворце и вблизи него обитает семьсот ракшасов. Каждое утро они отправляются за океан в поисках пищи, а вечером возвращаются. Мой отец был царем этой некогда процветающей страны, у него были миллионы подданных⁴. А потом сюда вторглись ракшасы и растерзали моего отца, мать, братьев и сестер, всех людей и всех животных. Только я осталась в живых: меня спасла одна старая ракшаси, которая меня пожалела. Видишь вот эти два жезла? Моя покровительница каждое утро усыпляет меня серебряным жезлом, а вечером вновь пробуждает к жизни — золотым. Не знаю, что тебе и посоветовать. Если они тебя здесь застанут, тебе несдобровать.

Они стали думать, как избавиться от грозящей беды.

Время шло, и ракшасы вот-вот должны были вернуться. Тогда Кешавати посоветовала Чампе-далу спрятаться в ворохах священного трилистника, что были возложены богу Шиве⁵ в дворцовом храме. Чампа-дал усыпил Кешавати серебряным жезлом и спрятался в трилистнике.

После захода солнца Чампе-далу показалось, что надвигается буря, а затем во дворце поднялся страшный шум и крик. Это вернулись ракшасы, набившие свои животы свежим мясом овец, коров, буйволов, слонов и других животных.

Старуха-ракшаси вошла в комнату Кешавати, оживила ее золотым жезлом и с шумом втянула носом воздух:

- Ох-хо-хо, ух-ух-ух!
Чую, чую человечий дух!

— Что ты, бабушка, — ласково отозвалась Кешавати, — тут нет другого человека, кроме меня. Возьми и съешь меня, если хочешь.

— Зачем мне есть тебя? — отвечала ракшаси. — Лучше я съем твоих недругов.

Она легла на пол, возвышаясь, как горы Виндхья, и быстро уснула. Устав с дороги, заснули и другие ракшасы. А Чампа-дал в своем укрытии беспокойно ворочался с боку на бок.

На рассвете все семьсот любителей сырого мяса, как всегда, отправились на охоту, а с ними, усыпив Кешавати серебряным жезлом, ушла и старая ракшаси.

Убедившись, что дворец опустел, Чампа-дал выбрался из-под трилистника, коснулся Кешавати золотым жезлом и разбудил ее.

Весь день они провели вместе: гуляли по парку, радуясь прохладному ветерку, купались в пруду. За обедом молодые люди составили такой план: Кешавати выведает у старой ракшаси секрет жизни ракшасов, а там будет видно, что делать дальше.

Перед заходом солнца Чампа-дал опять усыпил Кешавати серебряным жезлом и спрятался в священном трилистнике. Потом повторилось то же, что и в первый день: с шумом возвратились сытые ракшасы, старуха вошла в комнату Кешавати, разбудила ее и заворчала:

— Ох-хо-хо, ух-ух-ух!

Чую, чую человеческий дух!

— Что ты, бабушка, — сказала Кешавати, — тут нет другого человека, кроме меня. Возьми и съешь меня, если хочешь.

— Зачем мне есть тебя? — отвечала старая ракшаси. — Лучше я съем твоих недругов!

Она опять улеглась на пол, возвышаясь, как отроги Гималайских гор. Кешавати наполнила пиалу теплым горчичным маслом⁶, подошла к ней и сказала:

— Матушка, у тебя, верно, устали ноги? Дозволь я разотру их тебе!

Стала Кешавати растирать ей ноги и вдруг заплакала. Ракшаси слизнула упавшие ей на руку капли и почувствовала, что они соленые.

— Почему ты плачешь, дочка? Кто тебя обидел? — спросила она.

— Я плачу потому, матушка, — отвечала Кешавати, — что ты уже старая. И когда ты умрешь, меня съедят твои родичи.

— Когда я умру! Так знай, глупенькая, что ракшасы не умирают так, как люди. Их жизнь зависит от тайны, которую не знает ни один смертный. Ладно, так и быть, я открою ее тебе, все равно ты отсюда не выберешься. Слушай: на дне вон того пруда стоит хрустальный столб, на нем сидят две пчелы. Если кто-нибудь из смертных нырнет в пруд, достанет этих пчел и убьет их так, чтобы ни одна капля крови не пролилась на землю, то все ракшасы погибнут. Но если хоть одна капля крови упадет на землю, то из нее появится еще тысяча ракшасов. Поняла? Где тот смельчак, что отважится на такой поступок? И как он узнает тайну нашей жизни? Не печалься, дочка, теперь ты видишь, что я бессмертна.

Кешавати хорошенько все запомнила и пошла спать.

На следующее утро, когда ракшасы отправились на охоту, Чампа-дал разбудил Кешавати, и она рассказала ему все, что узнала от ракшасы. Чампа-дал взял нож, насыпал на край пруда слой золы, разделся, залил в уши по капле горчичного масла и нырнул в воду. В один миг он доплыл до хрустального столба, снял пчел и вынырнул. Потом схватил нож и отсек пчелам головы. Появилось всего две или три капельки крови, и упали они на золу, а не на землю.

Как только Чампа-дал забрал пчел, вдвали раздался страшный вой и рев: это бросились на выручку пчелам разъяренные ракшасы. Но они опоздали. Как только Чампа-дал уничтожил пчел, все ракшасы попадали замертво в том месте, где они были в тот момент. Чампа-дал и царевна видели потом несколько гигантских туш у самого входа во дворец.

Так были уничтожены все семьсот ракшасов. А Чампа-дал и Кешавати решили теперь пожениться и обменялись гирляндами цветов⁷. Царевна до этого не выходила за пределы дворца, и ей, понятно, хотелось посмотреть, что творится в мире. Каждое утро и каждый вечер они отправлялись на прогулку по берегу реки, где Кешавати купалась. Как-то во время купания у нее выпал один волосок, и она привязала его к плывущей по реке створке ракушки. Они пошли домой, а ракушка поплыла вниз по течению и приплыла к каменным ступенькам у спуска к реке, где Сахасра-дал со своими друзьями совершал омовение.

Увидел Сахасра-дал ракушку и пообещал сто рупий тому, кто ее достанет. Все бросились в воду, но Сахасра-дал плавал быстрее всех и схватил ее первым. Он

стал ее разглядывать и увидел привязанный к ней волосок, да какой! Такого он никогда еще не видывал — семь локтей в длину.

«Женщина, которой принадлежал этот волос, наверное, очень красива. Как бы мне ее увидеть?» — подумал Сахасра-дал.

Он вернулся домой печальный и, вместо того чтобы пойти завтракать в зенану, ушел в другой конец дворца.

— В чем дело, сынок, почему ты такой грустный? — спросила зятя царица.

Сахасра-дал показал ей волос и заявил, что должен найти красавицу.

— Не печалься, твоему горю можно помочь, — сказала царица.

Она позвала свою любимую служанку, ту самую ракшаси, и велела ей как можно скорее разыскать девушку, у которой волосы семь локтей в длину.

— Ну что ж, это сделать нетрудно, — ответила служанка и велела построить из дерева-хаджал легкую лодку с прочными веслами. Она взяла с собой отравленных сладостей и несколько красивых плетеных корзин, села в лодку, щелкнула три раза пальцами и пробормотала заклинание:

Лодка, лодка ты не стой!
Лодка, лодка, мчись стрелой!
К Кешавати поспешай,
Ветер, лодку подгоняй!

И помчалась лодка, словно молния. Много городов и стран миновала она, пока не достигла того места, где любила купаться Кешавати.

Служанка сошла на берег, взяла с собой отравленные сладости и пошла к воротам дворца.

— Эй, Кешавати, это я, сестра твоей матери! — закричала она. — Я соскучилась и приехала поглядеть на тебя. Ты дома?

Царевна выбежала из ворот и бросилась гостье на шею, нисколько не сомневаясь, что она действительно сестра матери. А мнимая тетка плакала слезами радости и все вспоминала, какая Кешавати была в детстве. Чампа-дал тоже поверил, что приехала родная тетка жены. После завтрака Чампа-дал отправился отдохнуть, и женщины остались одни.

— Давай пойдем на реку и искупаемся, а то очень жарко, — предложила мнимая тетка.

— Как же мы пойдем, если муж отдыхает? — засомневалась Кешавати.

— Ну и пусть спит! — сказала гостья. — Оставим ему возле кровати вот эти сладости, он встанет и будет их есть, а мы тем временем вернемся.

Они положили горку сладостей у постели Чампы-дала и пошли на реку, как раз туда, где стояла лодка.

— Ой, какие красивые корзинки! — воскликнула Кешавати. — Тетушка, можно мне взять одну?

— Пойдем, пойдем, детка, бери сколько хочешь.

Как только они вошли в лодку, гостья щелкнула три раза пальцами и произнесла:

Лодка, лодка, ты не стой!
Лодка, лодка, мчись стрелой!
Ты к Сахасре поспедай,
Ветер, лодку подгоняй!

Лодка помчалась как стрела. И сколько ни умоляла испуганная девушка остановить лодку, сколько ни проливалась слез, лодка мчалась все дальше и дальше, пока не прибыла к тому месту, где обычно купался Сахасрадал. Служанка привела Кешавати во дворец.

Увидев Кешавати, Сахасрадал залюбовался ее красотой и длинными, в семь локтей, волосами. Женщины в зенане изо всех сил старались ее утешить, но она плакала и требовала, чтобы ее отправили назад к мужу. Наконец она поняла, что стала пленницей, и сказала женщинам из зенаны:

— Я дала обет шесть месяцев не видеть лица ни одного постороннего мужчины.

Тогда было решено поместить ее отдельно от всех в небольшом доме, окна которого выходили на дорогу, и она стала проводить долгие дни и ночи в тоске и слезах.

Тем временем Чампа-дал проснулся и, не видя в доме жены, обеспокоился и стал ее искать. А когда не нашел, то понял, что женщина, которая выдавала себя за тетку жены, похитила Кешавати. Он не стал есть сладостей и выбросил их на дорогу. Ворона, которая начала их клевать, в тот же миг упала замертво. Тогда он окончательно убедился в своей догадке. Как безумный, выбежал он из дворца и пошел куда глаза глядят. Так бродил он по белу свету целых шесть месяцев и все время повторял: «О Кешавати! О Кешавати!» Наконец он пришел в тот город, где жил Сахасрадал.

В домике близ дворца он увидел женщину, которая сидела у окна и плакала. Это была Кешавати. Они сразу узнали друг друга. Кешавати рассказала ему про все: как ее похитили, как привезли сюда, какой она дала обет, почему находится здесь в одиночестве и что завтра истекает срок обета.

Согласно древнему обычаю, по окончании времени обета один из ученых брахманов должен всенародно рассказать все, что ему известно о человеке, который его соблюдал. Чампа-дал решил сделать это сам.

Наутро забил барабан, и глашатай объявил, что царь хочет послушать рассказ ученого брахмана, который знает Кешавати. К барабану подошел Чампа-дал, коснулся его и сказал, что он знает все и готов рассказать.

Утром следующего дня под огромным шелковым балдахином собрались царь, царица, Сахасра-дал, придворные и ученые брахманы со всей страны. Позади всех, укрывшись за пологом от любопытных глаз, стояла Кешавати.

И вот, сидя на помосте, Чампа-дал начал рассказ о Кешавати словами: «Некогда жил бедный слабоумный брахман...» Время от времени рассказчик останавливался и, обращаясь к стоящей за пологом Кешавати, спрашивал, правду ли он говорит.

— Все правда, брахман, — отвечала Кешавати, — продолжай.

Чем дольше говорил Чампа-дал, тем больше бледнела служанка-ракшаси и тем больше дивился Сахасра-дал. Он понял, что брахман рассказывает историю его собственной жизни.

Не успел Чампа-дал закончить свой рассказ, как Сахасра-дал встал со своего места, обнял рассказчика и воскликнул:

— Да ведь это же мой брат Чампа-дал!

Вне себя от гнева, он приказал вырыть глубокую яму и закопать в ней ракшаси живьем.

Так закончилась эта история. Братья никогда больше не разлучались со своими женами и прожили долгую и счастливую жизнь.

У одного купца было две жены. Младшую он любил больше, чем старшую. У младшей на голове было два пучка волос, а у старшей — только один.

Поехал однажды купец торговать в дальние страны, а жены остались дома одни. И стала младшая жена помывать старшей: свалила на нее всю черную работу, день и ночь бранилась, а есть досыта не давала.

Как-то позвала младшая жена старшую и говорит:
— Поищи у меня в голове!

Стала старшая жена расчесывать ей волосы и невзначай вырвала прядь. Обозлилась младшая и выдрала в отместку у старшей последние волосы. Решила тогда старшая жена уйти со стыда в лес. «Пусть помру я там с голоду, — думала она, — или пусть растерзают меня дикие звери».

Случилось ей проходить мимо куста хлопчатника. Остановилась она, набрала прутьев, сделала из них веник и подмела вокруг куста. Хлопчатнику это понравилось, и он дал ей свое благословение.

Пошла она дальше и увидела банановое дерево. Под ним она тоже хорошенько подмела. Банановому дереву это понравилось, и оно пожелало ей удачи.

Потом она увидела загон — там стоял бык. Она убрала навоз и все вычистила. Бык остался доволен и благословил ее.

Дальше ей встретился священный тулси. Она ему низко поклонилась и подмела землю вокруг. Деревце тоже дало ей свое благословение.

Шла она, шла и пришла к шалашу, построенному из веток и листьев. Перед ним скрестив ноги сидел в благочестивом размышлении муні — святой мудрец. Старшая жена робко остановилась за его спиной. Мудрец почувствовал, что за его спиной кто-то стоит.

— Кто бы ты ни был, выйди вперед и стань передо мною, не то я обращаю тебя в пепел!

Старшая жена задрожала от страха и вышла вперед.

— Что тебе надобно? — спросил старец.

— Отец, — отвечала она, — ты все знаешь. Знаешь и то, как мне плохо живется. Муж меня разлюбил, а его вторая жена вырвала у меня последние волосы, и мне пришлось уйти из дому. Сжался надо мной, муні!

Мудрец не шелохнулся, только сказал:

— Видишь вон тот пруд? Иди к нему, окунись один раз и возвращайся.

Пошла старшая жена к пруду, омыла руки и ноги и окунулась в воду — один раз, как велел муни. Когда она вышла из пруда, ее было не узнать. Голова покрылась густыми черными волосами, длинными, до самых пят, тело стало гибким и стройным, а кожа — гладкой и нежной.

Обрадовалась старшая жена, подошла к муни и низко ему поклонилась. А он и говорит:

— Войди в мой шалаш. Там ты увидишь плетеные корзины. Возьми себе какую захочешь.

Старшая жена вошла в шалаш и выбрала корзинку попроще.

— А теперь открой ее, — сказал муни.

Открыла она корзинку, а в ней — золотые монеты, жемчуга и драгоценные камни.

— Возьми с собой эту корзинку, — сказал муни, — и знай, что она не простая. Сколько бы ты ни брала из нее, она всегда останется полной. А теперь иди с миром.

Поклонилась старшая жена муни до самой земли и пошла домой.

Когда она проходила мимо тулси, деревце ей сказало:

— Иди с миром, дочка! Твой муж снова полюбит тебя.

Потом она подошла к загону с быком. Он наклонил голову и сказал:

— Сними гирлянды из ракушек, которыми увиты мои рога, и надень их себе на руки вместо браслетов¹. Когда тебе захочется новое украшение, ты только встряхни ракушками — и получишь то, что пожелаешь.

Банановое дерево подарило ей свой широкий лист.

— Возьми его с собой, дочка! — сказало дерево. — Как только взмахнешь листом, перед тобой появятся лучшие бананы и всякие другие яства.

Напоследок она подошла к хлопчатнику. Он сказал:

— Возьми, дочка, эту ветку. Стоит только потрясти ею, и ты получишь ткань какую захочешь — и хлопковую, и шелковую, и парчовую. Хочешь, попробуй сейчас.

Не успела она потрясти веткой, как в руках у нее оказался кусок красивого, блестящего шелка. Обмотала она этот шелк вокруг тела и со связкой ракушек на

запастях, с корзинкой, веткой хлопчатника и банановым листом в руках пошла домой.

Младшая жена в это время стояла у дверей дома. Смотрит она и глазам своим не верит. Что за диво? Ушла в лес старая, лысая ведьма, а вернулась — красавица.

Старшая жена не стала сводить счеты с младшей: она заботилась о ней, наряжала, кормила чем повкуснее, дарила ей дорогие украшения. Да только все не впрок: младшую мучила зависть. Выведала она у старшей, что все дары та получила от муни, и решила пойти в лес.

Идет младшая жена, торопится. Увидела она на пути куст хлопчатника, но и пальцем для него не пошевелила. Не взглянула она ни на банановое дерево, ни на быка, ни на деревце-тулси, будто их и не было.

И вот пришла она к муни. Тот послал ее к пруду и велел окунуться в воду — только один раз. Окунулась она, и выросли у нее красивые, длинные волосы, а тело стало гибким и стройным.

«Дай-ка, — думает, — окунись еще раз и стану еще краше». Окунулась второй раз и вышла из воды старой и безобразной.

В слезах пошла она к муни, но тот прогнал ее с глаз долой:

— Ступай прочь, непослушная женщина! Не будет тебе от меня дара.

Так и вернулась она домой ни с чем.

Той порой приехал домой их муж. Увидел он волнистые черные волосы первой жены, красоту ее несказанную и полюбил ее больше прежнего. А когда узнал про ее несметные богатства, так и совсем голову потерял. И жили они долгие годы в счастье и согласии.

А младшая жена осталась при них служанкой.

ПОЛЕ КОСТЕЙ

В далекие времена жил на свете царь со своим сыном, царевичем. У царевича было три друга — сын министра, сын котвала и сын богатого купца.

Однажды задумали друзья посмотреть дальние страны. Выбрали день, сели на коней и поскакали. Еха-

ли они, ехали и к полудню увидели густой лес. На его опушке они отдохнули и покормили коней, потом поехали дальше. К вечеру они увидели в чаще храм и остановились близ него на ночлег.

В храме сидел саньяси, погруженный в глубокое размышление. Он даже не заметил путников. Наступила ночь, и в храме зажегся свет. Четверо друзей устроились спать на галерее храма. Вокруг бродили дикие звери, и они решили по очереди сторожить, каждый по одной страже¹.

Сыну купца выпало сторожить первым — от шести до девяти часов вечера. Его время уже подходило к концу, как вдруг он увидел удивительное зрелище: отшельник взял в руки какую-то кость и произнес над ней заклинание. Тотчас раздалось негромкое постукивание, и со всех концов леса к храму стали двигаться кости и собираться в кучу у ног отшельника. В этот момент стража сына купца закончилась, он разбудил сына котвала и лег спать.

Когда сын котвала заступил на караул, он увидел, что отшельник сидит, как сидел, скрестив ноги, в полной отрешенности, а у ног его возвышается груда костей, которой раньше не было.

Время шло, ничего не случилось. Ночная тишина лишь изредка нарушалась воем гиен и волков да рыком тигра. И вдруг к концу стражи отшельник пришел в себя и отчетливо произнес над грудой костей такие слова: «Соберитесь вместе, кость к кости!» И сразу кости зашевелились, и из беспорядочной кучи вдруг сам собой сложился скелет. Удивился сын котвала и хотел было посмотреть, что будет дальше, но его стража закончилась, и он лег спать, не успев ничего сказать своему сменщику.

Сын министра поднялся, протер глаза и заступил на караул. Его стража пришлась на те глухие часы после полуночи, когда в мир выходят духи, привидения, тени умерших и всякая нечистая сила, а все живое объято крепким сном. Смолк вой гиен и волков, уснул в чаще тигр. Время от времени сын министра взглядывал на отшельника и видел, что тот по-прежнему погружен в глубокое размышление, а возле него лежит скелет какого-то животного. Темный лес и ночная темнота навели такой страх на сына министра, что волосы у него стали дыбом. Он просидел три часа и под конец вдруг заметил, как пришедший в себя старец вдруг четко

произнес над скелетом такие слова: «Кости, обрастите мясом и обтянитесь кожей!» И только он это проговорил, как скелет превратился в бездыханную тушу животного. Сын министра перепугался до смерти и хотел посмотреть, что будет дальше, но время его стражи подошло к концу. Он разбудил царевича и лег спать, не сказав, что произошло в храме.

И вот заступил на стражу царевич. Отшельник сидел на том же месте и в той же позе. Рядом лежало какое-то животное, которое не подавало признаков жизни. Царевич успел хорошо выспаться и не испытывал сейчас чувства угнетения, которое появляется у человека после полуночи. Ночные тени понемногу бледнели, а когда на востоке забрезжил рассвет, из храма раздались какие-то звуки. Обернувшись, царевич увидел, как отшельник, пристально глядя на распростертое перед ним мертвое животное, произнес: «Обрети дыхание и встань!» И животное тотчас вскочило на ноги и убежало в лес.

С наступлением утра закаркали вороны, и друзья царевича проснулись. Позавтракав, все четверо сели на лошадей и снова тронулись в путь. Каждый размышлял про себя над тем, что он видел в храме. Путники долго продирались через дремучий лес и в полдень увидели небольшое озеро, на берегу которого они остановились на отдых.

Друзья искупались в озере, поели лесных плодов и прилегли отдохнуть. Тут царевич и спрашивает:

— Вы ничего не заметили в храме? Я расскажу вам, что видел, но сначала хочу послушать вас. Пусть начнет сын купца, раз он заступил на караул первым.

— Я видел вот что, — сказал сын купца. — Отшельник взял в руки какую-то кость и произнес над ней слова, которые я хорошо расслышал и запомнил. Не успел он произнести последнее слово, как послышался странный стук, и в храм со всех сторон стали сходиться кости. Они собрались в кучу у ног отшельника. Я хотел посмотреть, что будет дальше, но настал черед караулить сыну котвала, и я разбудил его.

— А я видел вот что, — сказал сын котвала. — Отшельник взглянул на груды костей и произнес слова, которые я хорошо помню. Как только он произнес последнее слово, кости зашевелились, соединились одна с другой — и образовался скелет. Тут мое время подошло к концу, и я разбудил сына министра.

— Сначала я видел около старца скелет, — расска-

зал сын министра. — А часа через три я заметил, как отшельник поднял глаза и произнес хорошо запомнившиеся мне слова. Скелет тут же покрылся плотью и шкурой, но остался недвижим, и тут настало время будить царевича.

— Теперь вам нетрудно догадаться, что довелось увидеть мне, — сказал царевич. — Отшельник повернулся к мертвой туше животного и изрек слова, которые я запомнил. Животное вскочило на ноги и оказалось стройным оленем. Пока я любовался им, он бросился в чащу леса и исчез. В это время закаркали вороны и наступил рассвет.

Четверо друзей решили, что теперь обладают чудодейственной силой. Они не сомневались, что произнесенные магические слова, могут сделать то же, что сделал волшебник. И они захотели попробовать.

У подножия большого дерева валялась кость какого-то животного. Сын купца взял ее в руки, произнес услышанное им заклинание, и — о чудо — сотни костей собрались со всех концов леса и сгрудились под деревом. Теперь настал черед сына котвала. После его заклинания кости зашевелились, соединились одна с другой и образовали большой скелет. К скелету подошел сын министра, вперил в него взор и повторил слова отшельника. И перед ними возникло туловище огромного тигра. Друзья испугались, что тигр оживет, и стали уговаривать царевича не произносить последнее заклинание.

— Вы убедились в истинной силе заклинаний, услышанных вами от отшельника, — сказал он. — А как мне проверить свое? Конечно, мы можем погибнуть, если оно подействует. Чтобы этого не случилось, полезайте на вершину высокого дерева, туда же заберусь и я, как только произнесу заклинание.

Забрались тогда трое друзей на самые верхние ветви, а царевич остался на нижних. Пристально глядя на мертвого тигра, он произнес магические слова и стал быстро карабкаться вверх.

В мгновение ока тигр вскочил на ноги, издал страшный рык, бросился на их коней, которые паслись недалеке, задрал их, а одного уволок в чащу леса.

Четверо друзей оцепенели от ужаса при виде этой страшной картины. Но для них самих все кончилось благополучно. Они повременили немного и слезли с дерева. Лошадей у них теперь не было, и им пришлось

идти через лес пешком. Вскоре путники вышли на берег моря. На их счастье, мимо проходил корабль, и они стали подавать ему знаки. Команда заметила людей на берегу, корабль причалил и взял их на борт. Капитан, однако, предупредил, что у него мало провизии и он вынужден будет высадить их в ближайшем порту.

Они плыли дней пять-шесть, пока не показались на берегу высокие дома и башни. Четверо друзей подумали, что это какой-то большой город, и сошли на берег. Аллея, обсаженная раскидистыми деревьями, привела их к базару.

Там было безлюдно. В многочисленных лавках лежали груды сладостей, но никто ими не торговал; в кухне наковальня так и манила взяться за молот, но не было кузнеца. Никто не продавал овощи. Они лежали на прилавках и все завяли и высохли. Улицы города тоже были пусты — ни людей, ни животных. Телеги стояли без быков, коляски — без лошадей. Окна и двери домов были распахнуты настежь. Город словно вымер.

Друзья были удивлены и испуганы. Наконец они подошли к величественному зданию, похожему на царский дворец. У ворот лежали щиты, мечи, копья и другое оружие, но стража не окликнула пришельцев. Караульное помещение было пусто, пустовали и конюшни, где полные овса и сена кормушки напрасно ожидали лошадей. Дворец был безлюдным, и только из последней, седьмой по счету палаты навстречу им вышли четыре царевны неописуемой красоты.

Каждая из четырех красавиц взяла за руку одного из четырех друзей и назвала своим мужем. Царевны сказали, что они давно уже дожидаются своих суженых и очень рады их появлению. Во внутренних покоях дворца царевны устроили для них богатый пир. Слуг во дворце не было, и царевны сами прислуживали гостям, предлагая им то одно, то другое кушанье. Потом царевны увели своих мужей к себе в опочивальни.

Когда царевич и его подруга остались одни, царевна стала проливать горькие слезы и на его расспросы ответила так:

— Мне очень жаль тебя, царевич! По твоему обхождению я догадалась, что ты — сын царя. Я доверюсь тебе и расскажу свою печальную историю. Я — дочь царя этой страны, а те три девицы, которые называли твоих друзей своими мужьями, на самом деле ракшасы.

Они появились внезапно в наших краях и сожрали всех моих близких — отца, мать, братьев, сестер и всех родственников, а потом министров и слуг моего отца. После этого они принялись за горожан, царских слонов и коней и истребили в городе все живое. Осталась в живых одна я, но думаю, что скоро они доберутся и до меня. А когда они увидели вас, то очень обрадовались, что могут сожрать еще четверых.

— А как я узнаю, что ты сказала мне правду? — спросил царевич. — Может, ты тоже ракшаси и хочешь усыпить мое внимание, а потом съесть.

— Я тебе докажу, что это не так, — отвечала ему царевна. — Ты знаешь, что ракшаси очень много едят, в сто раз больше, чем люди. За столом вместе с нами они не наедаются и ночью рыщут вдаль от города в поисках людей и животных. Пусть твои друзья понаблюдают, останутся ли их жены с ними на всю ночь. Только смотри, чтобы ракшаси ни о чем не догадались, а то они съедят сначала меня, а потом тебя и твоих друзей.

Наутро царевич позвал сына министра, сына котвала и сына купца, под большим секретом рассказал им все, услышанное от царевны, и посоветовал им проследить, что будут делать их жены следующей ночью.

Вечером сын министра лег с женой в постель и притворился спящим. В полночь его жена, считая, что ее муж крепко спит, встала с постели и куда-то ушла. Вернулась она только под утро и потом почти весь день дремала. Сын котвала и сын купца тоже подсмотрели, что их жены ночью надолго отлучались.

Так продолжалось несколько ночей, пока трое друзей не убедились, что их жены — ракшаси. Царевич по ночам тоже не спал и видел, что его жена не уходит ни на минуту. Она вставала вместе с ним рано поутру и больше не ложилась до ночи.

Царевна рассказала, что, поедая людей и животных, ракшаси выбрасывают кости на северную окраину города. Друзья пошли туда и увидели огромные кучи костей. «Теперь мы видим, что царевна говорила правду, наши жены действительно ракшаси», — подумали они.

Стали друзья гадать, как избежать гибели. По совету царевны они решили, пока их жены спят после бессонной ночи, отправиться на берег моря и дожидаться там какого-нибудь корабля. Пошла с ними и царевна,

взяв с собой узелок с драгоценностями. Скоро они заметили судно и упросили капитана взять их на борт. Царевна велела гребцам грести как можно быстрее и пообещала хорошую награду. Она знала, что, когда ракшасы проснутся и прибегут на берег, они захватят корабль и растерзают пассажиров и команду, если к тому времени они не отойдут от берега на восемьдесят миль. Ведь тело ракшасы может вытягиваться в длину до десяти йоджан. Гребцы налегли на весла, и корабль, подгоняемый ветром, полетел как стрела. Под вечер на берегу раздался страшный рев: ракшасы проснулись и догадались, что четверо друзей вместе с царевной уплыли на корабле. Ракшасы помчались за ними по берегу, а когда поравнялись с судном, то вытянули свои оскаленные пасти и почти дотянулись до кормы корабля. К счастью, расстояние до беглецов было уже больше восьмидесяти миль, хотя и ненамного.

— Сестра, что же ты делаешь? — закричали тогда ракшасы. — Ты хочешь съесть их всех одна и ничего нам не оставить?

Когда сын министра, сын котвала и сын купца услышали эти слова, они заподозрили, что жена царевича тоже ракшасы. Только один царевич верил, что она настоящая царевна.

Капитан корабля сказал своим пассажирам, что идет в далекие края в поисках золота и взять их с собой не может. На следующий день он высадил их близ одного крупного порта.

Путники пошли в город. Вскоре царевна, которая не привыкла ходить пешком, сказала, что она устала и проголодалась. Тогда все расположились на отдых в тени дерева, и царевич послал сына купца на базар за сладостями.

Прошло порядочно времени, а сын купца все не возвращался. Он подумал, что их спутница — такая же ракшасы, как и ее подруги, и не захотел рисковать. Тогда царевич послал на базар сначала сына котвала, потом сына министра, но они тоже не вернулись.

Тогда царевич отправился на базар сам. Там он встретил своих друзей, и они стали говорить ему, что его жена — не царевна, а ракшасы. Царевич и слушать их не хотел, тогда они силой увезли его домой.

Ждала их царевна, ждала и пошла в город. Ее приютила одна бедная женщина. Царевна отдохнула и пошла туда, где жили царевич и его друзья. Там она

продала часть своих драгоценностей, поселилась в богатом доме и наняла слуг.

Царевна объявила, что играет в кости, как никто другой, и пригласила всех желающих помериться с ней силами. Ставка была сто тысяч рупий. А у царя этой страны она добилась разрешения задерживать у себя в доме того, кто не может уплатить проигрыш.

И вот сын купца, сын котвала и сын министра стали с ней играть и проиграли много раз по сто тысяч рупий. Таких денег у них не было, и они стали пленниками царевны. Тогда стал с ней играть сам царевич. Царевна дала ему выиграть в первой игре, и он так увлекся, что проигрался в пух и прах. Заплатить весь долг он не сумел и тоже стал узником в доме царевны. Тогда она сказала ему, кто она.

Друзей царевича она отпустила на свободу, и все были рады благополучному концу. А царь с царицей приняли невестку с великой радостью и устроили сыну пышную свадьбу.

Во дворце царили радость и веселье, и только одна царевна была грустна. Она все время думала о том, что ракшасы растерзали ее родителей, братьев и сестер, что они пожрали всех подданных ее отца и выбросили их кости на окраину города. Тогда царевич и его друзья рассказали ей о том, что они владеют волшебным даром и могут оживить ее родителей и всех обитателей ее родного города. А может быть, отшельник, от которого они узнали, как возвращать жизнь, научит их и тому, как ее отнимать. Тогда они разделяются с тремя ракшасы.

Пошли четверо друзей в лес к отшельнику, поклонились ему в ноги и попросили научить их отнимать жизнь на расстоянии при помощи волшебных чар. Отшельник внял просьбе и наградил их этим даром.

Как раз в это время мимо храма бежал олень. Отшельник зачерпнул горстку воды, пробормотал заклинание, которое царевич хорошо запомнил, и брызнул этой водой в оленя. Олень упал и тут же умер. Тогда отшельник пробормотал над ним другие слова, олень вскочил и убежал в лес.

Друзья отправились вместе с царевной в ее родной город. Не успели они приблизиться к его стенам, как разъяренные ракшасы бросились на них, раскрыв свои оскаленные пасти. Но царевич брызнул в них заговоренной водой, и они замертво упали на землю.

Тогда друзья пошли на северную окраину города, где лежали целые груды костей. Сын купца собрал кости, сын котвала сложил их в скелеты, сын министра одел их плотью и кожей, а царевич даровал мертвым телам жизнь.

Когда царица увидела, что ее родители, родственники и все горожане ожили, она заплакала от радости. И было в том городе великое торжество. Прошло немного времени, и четверо друзей вместе с царевной вернулись в свою страну. Они жили счастливо долгие-долгие годы.

ПОХОЖДЕНИЯ ДВУХ ВОРОВ И ИХ СЫНОВЕЙ

В одной деревне жили два брата. Все знали, что они воры, и потому, где бы что ни пропадало, всегда все сваливали на них, даже когда братья и не были виноваты.

Не стерпели воры такой несправедливости и решили заняться честным трудом. Они перебрались в город и поступили в услужение к одному хозяину: старший стал поливать дерево-чампак, а младший — пасти корову.

Старшему вору велели поливать дерево до тех пор, пока земля не перестанет впитывать воду. Он носил ведро за ведром, но вода тут же уходила в землю, как в яму. Так и таскал он воду до самого вечера, пока не свалился от усталости и не уснул.

У младшего вора дела обстояли не лучше. Корова, которую ему поручили пасти, оказалась норовистой, и, как только он вывел ее за деревню, она задрала хвост и стала носиться как бешеная. В одном месте она вытоптала рисовое поле, в другом — помяла и поломала сахарный тростник, словом, натворила бед. Младший гонялся за ней от поля к полю, от пруда к пруду¹ и слышал за спиной проклятия себе и своим предкам вплоть до четырнадцатого колена. Только поздним вечером поймал он корову и повел домой.

К этому времени проснулся старший вор и увидел младшего.

— Что это ты, братец, так поздно возвращаешься с пастбища? — спросил он.

— Да как тебе сказать, чтобы не соврать? — отвечал младший. — Я повел корову на луг, пустил ее пастись, и она преспокойно стала щипать траву. А я прилег под деревом и уснул в холодке. Проснулся уже к вечеру и увидел, что смиренная моя корова пасется себе в двух шагах от меня. Вот я и веду ее в хлев после такого приятного дня. А как дела у тебя?

— О, я тоже хорошо провел время, — отвечал старший. — Мне пришлось принести всего одно ведро, чтобы полить дерево, и вода до сих пор стоит в лунке. На этом моя работа закончилась, и я лег отдыхать. Так я провел весь день: пел, насвистывал, радовался своей новой жизни и наконец уснул. Только сейчас проснулся.

На этом их разговор закончился. Старший вор поверил младшему и решил, что пасти корову — дело более спокойное, чем поливать дерево. А младший вор, в свою очередь, подумал, что лучше поливать дерево, чем пасти такую корову. Каждый из них захотел поменяться работой с другим.

— Послушай, а не поменяться ли нам с тобой? Давай завтра я буду пасти корову, а ты — поливать дерево, — предложил старший.

— Что ж, я с радостью возьмусь за твою работу и отдам тебе свою. И вот что я тебе еще посоветую: валяться весь день на голой земле не очень приятно. Возьми-ка ты с собой чарпай², — отвечал младший.

На следующее утро старший вор пошел пасти корову, не забыв прихватить с собой чарпай. А младший начал поливать дерево, думая, что будет достаточно одного-двух ведер. Каково же было его удивление, когда он, вылив более ста ведер, так и не насытил жажду чампака. Уже к вечеру бросил он это занятие и без сил растянулся на земле.

Не лучше были дела и у старшего вора. Приведя корову к большому дереву у водопоя, он поставил чарпай и отпустил скотину. Почувствовав свободу, корова стала носиться по полям, прыгать через изгороди и межи, топтать рисовые поля и ломать сахарный тростник. Старший вор гонялся за ней весь день без передышки. А вслед ему неслись проклятия владельцев потравленных полей. Чарпай он все время таскал на голове, чтобы ее не украли. При виде этого другие пастухи хлопали в ладоши и покатывались со смеху. Бедный па-

стух, злой и голодный, ругал себя последними словами за этот обмен. Наконец он с помощью других пастухов поймал корову и привел ее домой уже в темноте.

Оба вора встретились в доме хозяина, посмотрели друг на друга и, ни слова не говоря, рассмеялись. После ужина они легли и завели такой разговор.

— Ну, как дела, братец? — поинтересовался младший.

— Так же, как и у тебя, — отвечал старший.

— Я думаю, наше прежнее занятие было куда лучше, чем честный труд, каким мы сейчас занимаемся, — признался младший.

— Согласен, — сказал старший. — Ну и корова нам попалась! Готов поспорить, что это — самая бешеная корова на свете!

— Норовистая корова — нередкая штука, я видал еще и не таких. А что ты скажешь про этот чертов чампак? Интересно, куда девается вода, которой его поливают? Может быть, под ним яма? — заметил младший.

— Надо покопаться и посмотреть, что там внизу, — предложил старший.

Около полуночи оба вора взяли кирки и лопаты и стали рыть землю под деревом. Спустя некоторое время младший вдруг почувствовал, что его лопата наткнулась на что-то твердое. Это был большой кувшин с золотыми мохурами.

— Что ты там нашел? — спросил старший.

— Да ничего особенного, — отвечал младший, — просто камень.

Старший не поверил ему, но виду не подал. Они покопались еще немного и пошли спать.

Через час или два старший, убедившись, что его товарищ крепко спит, потихоньку встал и пошел к дереву. Там в яме он обнаружил кувшин, а потом и второй. Обрадовался старший вор, забрал оба кувшина с золотыми мохурами и отправился к пруду, откуда они брали воду для полива. Там он зарыл их в ил у правого берега, потом вернулся, потихоньку прилег около своего товарища и заснул.

Не прошло и получаса, как проснулся младший вор, который первым увидел кувшин с мохурами. Он осторожно встал и пошел к яме, вырытой под деревом, но кувшина там не оказалось.

«Значит, здесь уже побывал мой напарник, забрал

кувшин и куда-то его спрятал, — подумал младший вор. — Надо посмотреть, не остались ли на нем какие-нибудь следы».

Стал он осматривать ноги старшего вора и увидел, что они испачканы илом.

«Значит, кувшин с сокровищами спрятан где-то в пруду, — догадался он. — Но где? С какой стороны?»

Когда он обходил пруд, то заметил, что лягушки прыгали в воду только с трех сторон. Значит, кувшин опущен с четвертой стороны. И не успел он влезть в воду, как сразу наткнулся на что-то твердое — это были два кувшина с золотыми мохурами. Он взвалил их на спину той злополучной коровы и отправился в деревню.

На рассвете, когда закаркали вороны, старший вор проснулся и удивился, не найдя рядом своего товарища. Он поспешил к пруду и увидел, что оба кувшина исчезли. Значит, их украл младший вор.

Старший вор пустился в погоню. Но сначала он завернул на городской базар и купил на последние деньги пару самых дорогих башмаков, шитых золотом.

Младший вор со своей коровой двигался медленно. Старший срéзал несколько поворотов, вышел на главную дорогу и пошел впереди младшего на небольшом расстоянии. Когда он прошел около двухсот метров, то бросил на дорогу один башмак, еще через двести метров, недалеко от большого дерева, — другой башмак. А сам залез на дерево и стал ждать.

Младший вор увидел первый башмак и подумал: «Какой красивый башмак, да еще шитый золотом. Теперь, когда я разбогател, такая обувь мне подходит. Но что я буду делать с одним башмаком? На что он мне?»

Он прошел мимо, но в скором времени увидел второй башмак.

— Ага, вот и второй! Ну какой же я осел, что не взял первый башмак. Теперь была бы у меня пара красивой обуви. Правда, и теперь еще не поздно. Привяжу-ка я корову к этому дереву и схожу за тем башмаком.

Привязал младший вор корову к дереву и отправился за первым башмаком. А старший вор спустился вниз, отвязал корову и пошел с ней окольными путями в свою деревню.

Вернулся младший вор и видит: нет коровы. Тогда припустился он со всех ног домой, прибежал туда за долго до старшего вора и спрятался возле его дома.

И как только тот появился, младший вор как ни в чем не бывало вышел из своего укрытия и обратился к нему с улыбкой:

— Вот и ты наконец! Давай теперь делить деньги.

Старший вор охотно согласился. Корову завели на задний двор, сняли с нее кувшины с мохурами, заперлись и приступили к делу.

Они разделили поровну все мохуры, но один остался, и воры не знали, что с ним делать. Они решили на следующее утро разменять его серебряными рупиями и поделить между собой. Но кто должен сберечь этот мохур? Они долго спорили и решили оставить его до завтра у старшего вора.

Когда младший вор ушел, старший позвал жену и других женщин семьи и заявил:

— Завтра утром к нам явится младший вор за своей долей мохура. Но я не хочу отдавать ему его половину. Давайте сделаем так: вы расстелете во дворе кусок ткани, я лягу и притворюсь мертвым. А чтобы все поверили в мою смерть, воткните у меня в головах ветку дерева-тулси. И когда появится младший вор, вы начинайте громко плакать и причитать. Тогда он наверняка уйдет, и золотой мохур достанется мне!

Женщины согласились, и на другой день, около полудня, старший вор лег во дворе на разостланную ткань, в изголовье у него воткнули ветку тулси, и он притворился мертвым.

Не успел младший вор подойти к их дому, как женщины подняли громкий плач и, когда он спросил, в чем дело, набросились на него:

— Это ты виноват во всем! Что ты с ним сделал? Теперь его уже нет в живых. — И снова запричитали во весь голос.

Младший вор разгадал их хитрость:

— Сожалею, что потерял близкого друга. Теперь надо заняться похоронами, а это дело мужское. Вы, женщины, ступайте в дом. Я позабочусь, чтобы его труп хорошо сгорел.

Сплел младший вор из джута веревку, привязал ее к ногам мнимого покойника и потащил по улицам города на шмашан. Старшему вору было очень больно, вся спина его горела от ссадин и ушибов, но он все терпел, чтобы заполучить оставшийся от дележа мохур целехоньким.

Наконец к заходу солнца они прибыли на место

сожжения. Младший вор сложил поленья для погребального костра и вдруг вспомнил, что не взял с собой спички.

«Вот незадача, — подумал младший вор. — Если я побегу домой за спичками и оставлю старшего вора без присмотра, он, конечно, убежит. Что же делать? Дай-ка подвешу его вон на том дереве».

Решено — сделано. Он залез на дерево, подтянул тело мнимого мертвеца кверху и стал привязывать его к толстому суку.

В это время мимо проходила шайка разбойников. Увидел их главарь висящее тело и радостно воскликнул:

— Это хорошая примета! Брахманы и пандиты утверждают, что человеку, увидевшему мертвеца в начале пути, будет сопутствовать удача. Значит, и нам повезет сегодня ночью. Раз так, давайте на обратном пути предадим это тело огню.

Разбойники согласились и отправились в деревню. Там они проникли в дом известного богача, вырезали всю его семью и забрали драгоценности. Прodelали они это так тихо, что в деревне не проснулась ни одна мышь.

Радуюсь успеху, разбойники решили сжечь мертвое тело, что увидели по пути в деревню. Оно оставалось на месте: старший вор ради неподеленного мохура готов был вытерпеть все. Разбойники вырыли под ним яму, натаскали кучу хвороста, перерезали веревку и опустили тело. И только они хотели зажечь костер, как мертвец вскочил и завопил дурным голосом. Тут спрыгнул с дерева и младший вор с таким же жутким криком.

Перепуганные разбойники подумали, что мертвецом завладел злой дух, а с дерева спрыгнуло привидение. Они бросились наутек, оставив на месте награбленное добро. А два вора, вдоволь насмеявшись, забрали их добычу и отправились домой.

Убедившись, что воровская жизнь приносит неплохие доходы, оба решили обучить этому ремеслу своих детей, благо у каждого из них было по сыну. Был в их деревне «профессор воровских дел», который взял обоих подростков в ученики и стал обучать их этой трудной науке. Сын старшего вора подавал большие надежды и обещал превзойти даже своего отца. Его способности проверили в деле.

Невдалеке от дома «профессора» жил один бедняк. На его старую хижину забралась длинная плеть тыквы, большой плод которой созрел как раз посредине соломенной крыши. Бедняк и его жена очень дорожили этой тыквой и стерегли ее.

Ночью хозяева, конечно, спали. Но крыша их хижины была настолько ветхой, что если по ней пробегала даже мышь, то вниз сыпался всякий мусор, и бедняк с женой просыпались. Сорвать тыкву так, чтобы они этого не услышали, было невозможно.

Как-то раз «профессор воровских дел» собрал своих воспитанников и объявил: тот, кто сорвет тыкву, не разбудив хозяев, будет объявлен лучшим учеником.

Сын старшего вора взялся сделать это при условии, что ему будет позволено взять с собой веревку, кошку и нож. Такое разрешение было дано, и вот в два или три часа ночи он подошел к хижине бедняка, прислушался и, убедившись, что хозяева спят, тихонько полез на крышу.

Вниз посыпалась соломенная труха, хозяйка проснулась и стала будить мужа:

— Вставай, вставай, кто-то ворует нашу тыкву!

Тут воришка дернул кошку за хвост, и она жалобно замыкала.

— Ты что, оглохла? — пробормотал спросонья муж. — Это кошка.

А вор тем временем срезал тыкву ножом и обвязал ее веревкой. Но как слезть с крыши, зная, что хозяева не спят?

Жена бедняка не верила, что это кошка. Она посылала мужа выйти поглядеть, нет ли на крыше вора. Пока они препирались, сын старшего вора швырнул кошку на землю, и она отчаянно замыкала.

— Ну что, теперь ты убедилась, что это кошка? — рассердился муж.

А вор тем временем преспокойно слез с крыши и унес тыкву. На следующее утро находчивый вор принес украденную тыкву в школу и рассказал «профессору» и его ученикам, как ему удалось это сделать. Все пришли в восторг, а «профессор» сказал:

— Вот достойный сын достойного отца!

Однако старший вор, отец мальчика, еще не вполне удостоверился в успехах своего сына и решил продолжить испытания.

— Если тебе удастся снять золотую цепь с шеи царицы и принести ее мне, значит, ты уже научился всему и можешь работать самостоятельно.

Дело было очень опасное, но сын согласился.

Молодой вор — так будем теперь называть сына старшего вора — перво-наперво все разведать о царском дворце: какие в нем стены и окна, входы и выходы; изучил привычки царя и царицы; от слуг и соседей узнал, какие во дворце комнаты, где находится царская спальня, кем она охраняется, кто спит в соседних комнатах и все прочее.

И вот молодой вор выбрал самую темную ночь и приступил к делу. Одевшись во все черное, он взял с собой меч, молоток, несколько больших гвоздей и пошел к главным воротам. Чтобы попасть во внутренние покои дворца, ему надо было пройти четверо ворот. У каждого стояла охрана — шестнадцать рослых стражников. Они сменялись через каждый час. Во время смены караула у ворот собиралось по тридцать два человека — те, кто сменял, и те, кто сменялся. Молодой вор это знал.

Подойдя к главным воротам, у которых толпилось тридцать два воина, он смешался с ними, прошел внутрь и спрятался в дворцовом саду. Он был в темном платье, и никто его не заметил. Так прошел он и через вторые ворота, потом через третьи и четвертые и оказался под окнами царской спальни. Она была на третьем этаже. Там горел свет. Изнутри слышался чей-то тихий голос: вор знал, что это служанка рассказывает царю с царицей на ночь сказку.

Как теперь попасть на третий этаж? Все двери внутри крепко заперты, повсюду охрана. Молодой вор все обдумал заранее. Он вынул из котомки молоток и гвозди и стал вбивать их в стену и по ним взбираться вверх. А чтобы не слышно было ударов молотка, он вбивал гвозди под бой водяных курантов, которые отбивали каждый час так громко, что их было слышно по всему городу.

В десять часов он забил десять гвоздей, в одиннадцать часов — одиннадцать, и, когда часы пробили двенадцать, он добрался до третьего этажа. Заглянув в открытое окно, он увидел сонную служанку, которая невнятно что-то бормотала. Царь с царицей уже спали. Вор залез в спальню, сел позади служанки и стал слушать сказку. Царица спала на богато украшенном ло-

же рядом с царем. На шее у нее была тяжелая золотая цепь, блестящая при свете свечей. Голос служанки становился все тише и невнятнее. Наконец уснула и она. Вор снес ей голову и стал продолжать вместо нее полупшепотом рассказывать ту же сказку.

Царь с царицей спали так крепко, что не заметили подмены. Тогда вор стянул с убитой служанки платье, переделался, завязал свою одежду в узел, подошел к царице и осторожно снял с нее золотую цепь. Потом спустился вниз, сказав страже, что идет по срочному делу. Стража думала, что это царская служанка, и пропустила его по первому слову.

Рано утром молодой вор вручил своему отцу золотую цепь царицы. Старший вор не поверил своим глазам.

— Чистая работа, сынок, — похвалил он. — Ты не только сравнялся со своим отцом, но и превзошел его искусством. Пусть боги даруют тебе долгую жизнь.

Проснувшись, царь и царица увидели убитую служанку, а царица обнаружила пропажу своей золотой цепи. Как же это могло случиться, гадали они, как вор мог обмануть бдительность столь многочисленной стражи? Стражники доложили, что на рассвете из дворца вышла какая-то женщина, назвавшаяся царской служанкой.

Тогда царь повелел объявить по городу, что обещает большую награду тому, кто поможет поймать вора и убийцу.

Время шло, но грабитель оставался на свободе. Тогда царь велел привести верблюда и нагрузить его двумя большими переметными сумами с золотыми мохурами. Погонщику было велено идти по городу и кричать:

— Если вор осмелился снять золотую цепь с шеи царицы, пусть он докажет свою смелость и снимет со спины верблюда сумы с золотыми мохурами.

Два дня и две ночи ходил погонщик с верблюдами по городу. Обошел каждую улицу, каждый переулок, но на мохуры так никто и не позарился. На третью ночь погонщик увидел санься, который сидел на тигровой шкуре у огня. Этим санься был переодетый молодой вор.

— Послушай, брат, что это ты все ходишь да ходишь по городу? — спросил санься. — Кто осмелится

напасть на царского верблюда и забрать золото? Садись лучше к огню да покури.

Погонщик слез с верблюда, привязал его к дереву и взял хукку. Молодой вор заранее подмешал в табак ганджу и другое зелье. Накурился погонщик, стал клевать носом и вскоре заснул.

Молодой вор забрал верблюда со всеми сокровищами и привел его окольными путями на свой двор. Той же ночью он убил верблюда и закопал его в землю, а золотые мохуры спрятал в укромном месте. Все это было сделано так быстро и умело, что никто ничего не заметил.

На следующий день царю доложили, что погонщик найден спящим, а верблюд с мохурами бесследно исчез. Царь так разгневался, что и сказать нельзя.

Глашатаи объявили: кто найдет вора, тому будет выдана награда в сто тысяч рупий. Тогда сын младшего вора, который завидовал успехам своего двоюродного брата, подошел и коснулся барабана³.

Переодевшись в женское платье, он пошел туда, где жил сын старшего вора, и стал ходить из дома в дом, плача и причитая:

— О горе мне! Мой сын умирает, и знахари говорят, что его надо накормить верблюжатиной. Кто подаст мне кусочек верблюжьего мяса? Кто спасет моего сына?

Подойдя к дому молодого вора, он запричитал еще громче. Хозяина дома не было, а его жена пожалела бедную женщину и сказала:

— Подожди здесь, я принесу то, что тебе нужно.

Она пошла туда, где был зарыт убитый верблюд, отрезала кусок мяса и отдала просительнице.

Обрадовался сын младшего вора, пошел к царю и все ему рассказал. Царь послал с ним стражников. В ту же ночь молодого вора поймали, верблюда вырыли из земли и все сокровища вернули царю. Молодой вор сознался, что это он убил служанку и снял золотую цепь с шеи царицы, а потом увел верблюда с золотыми мохурами.

— Тот человек, что выдал меня, и его отец — тоже воры и убийцы, — сказал он царю.

Как было обещано, царь отдал сыну младшего вора награду в сто тысяч рупий, а потом приказал вырыть четыре ямы и зарыть в них живыми старшего вора, младшего вора и их сыновей.

Так закончилась история четырех воров.

Жил некогда на свете брахман. Он был так беден, что даже жениться не мог. И надумал он пойти по богатым домам просить подаяние, чтобы собрать денег на свадьбу и на подарки родителям невесты.

Долго ходил брахман с протянутой рукой, пока не собрал сколько нужно. В назначенное время он справил свадьбу и привел в дом жену.

Прошло некоторое время, брахман и говорит своей матери:

— Дорогая матушка, ты и сама видишь, что мне трудно содержать тебя и жену. Позволь мне поехать в дальние страны на заработки. Назад меня ждите не скоро, а пока вот тебе все, что осталось у меня от свадьбы. Хозяйство веди экономно и береги мою жену.

Мать благословила сына, и он отправился в путь-дорогу.

Наступил вечер, и вдруг у них в доме появился оборотень, принявший облик брахмана. Молодая жена удивленно посмотрела на него и спросила:

— Что случилось? Почему ты так скоро вернулся? Ведь ты сказал, что уедешь надолго.

— Сегодня неблагоприятный день для отъезда¹, — ответил оборотень, — вот я и надумал вернуться. К тому же я раздобыл немного денег.

Даже родная мать не заметила обмана. Она была уверена, что это ее родной сын. И зажил в доме мнимый брахман, выдавая себя за сына старой женщины и мужа молодой. Соседи и знакомые ничуть этому не удивились, потому что оборотень и настоящий брахман были похожи друг на друга, как две горошины.

Прошло несколько лет. Вернулся брахман домой и видит: в его доме живет другой человек, точь-в-точь похожий на него самого.

— Ты кто такой? — спросил его оборотень. — И что тебе нужно в моем доме?

— Кто я? — отвечал брахман. — Лучше ответь, кто ты. Я вернулся в свой дом, а это мои мать и жена.

— Что за чепуха! — сказал оборотень. — Каждый знает, что это мой дом, мои мать и жена. И живу я здесь уже много лет. А ты утверждаешь, что пришел к себе домой! Не помутилось ли у тебя в голове, брахман?

И оборотень выгнал настоящего хозяина из дому. Что делать? Пошел брахман к царю и рассказал, что с ним приключилось.

Царь выслушал сначала его, потом его двойника и растерялся. Брахман ходит к царю каждый день, просит вернуть ему дом, мать и жену, а царь не знает, что делать, и все время откладывает решение на завтра.

Долго ходил брахман к царю и каждый раз возвращался в слезах, бил себя ладонью по лбу и приговаривал:

— Ну что это за жизнь? Какой-то негодяй завладел моим домом и женой, а меня выгнал как собаку. И царь, ну что это за царь, который не может решить мое дело?

Дом брахмана находился на окраине города, а недалеко паслись стада коров. Там обычно собирались под большим деревом пастухи и играли в царя и его приближенных. Одного пастуха избрали царем, другого — главным советником, третьего — котвалом, остальных — стражниками. И вот уже несколько дней подряд они замечали, как брахман возвращался домой весь в слезах.

Пастуший «царь» спросил своего «советника», в чем дело, почему брахман плачет. «Советник» не смог ответить на этот вопрос, и пастуший «царь» послал своих «стражников», чтобы они привели к нему брахмана.

Подошли «стражники» к брахману и говорят:

— Тебя зовет царь!

— Зачем? — удивился брахман. — Я только что был у него, и он снова велел приходить завтра. Зачем я ему опять понадобился?

— Да это наш пастуший «царь» хочет тебя видеть, — отвечали «стражники».

— Пастуший «царь»? — удивился брахман.

— Пойдем с нами, сам увидишь.

Привели «стражники» брахмана к своему «царю», а тот и спрашивает:

— Что это ты, брахман, каждый день плачешь?

И брахман поведал ему свою историю.

— Понятно, — сказал пастуший «царь». — Я могу вернуть тебе твои права. Только сходи к царю и попроси его соизволения, чтобы я занялся твоим делом.

Пошел брахман к царю и попросил разрешения обратиться со своим делом к пастушьему «царю».

А царь рад-радешенек: очень ему все это надоело.

На следующее утро назначили пастуший суд. «Царь», который уже смекнул что к чему, принес с собой кувшин с узким горлышком, поставил его рядом с собой и приготовился слушать.

Сначала держал речь брахман, потом — оборотень. Выступали и «свидетели» — все было, как в настоящем суде.

Пастуший «царь» внимательно всех выслушал и сказал:

— Ну что ж, дело ясное. Вот вам мое решение: видите этот кувшин? Кто из вас сумеет влезть в него, тот и есть настоящий хозяин дома. Начинайте!

— Что за чепуха? — рассердился брахман. — Ты — пастух, и ум у тебя пастуший, как я погляжу! Разве может человек залезть в кувшин?

— Если ты этого сделать не можешь, значит, не ты настоящий хозяин дома, — отвечал пастуший «царь». — А что ты скажешь? — обратился он к оборотню. — Если сможешь залезть в кувшин, то дом, мать и жена станут твоими.

— Конечно, смогу! — ответил оборотень.

У всех на глазах он сделался маленьким насекомым и влез в кувшин. Пастуший «царь» тут же заткнул горлышко пробкой и обратился ко всем, кто тут был, с такими словами:

— Теперь вам ясно, кто настоящий хозяин? А ты, брахман, возьми этот кувшин и брось его в море. Сам же иди домой и живи там спокойно.

Брахман сделал так, как велел ему пастуший «царь», и с той поры зажил счастливо.

АСКЕТ И БОГИНЯ

Жили-были царь с царицей. И все было бы хорошо, да только не было у них детей. Однажды пришел к ним некий аскет и говорит:

— Мне ведомо, что вы хотите иметь детей. Я могу дать царице такое снадобье, что она родит близнецов — двух сыновей. Но вы должны обещать, что одного из них отдадите мне.

Условие было тяжелое, но царь принял его: очень уж ему хотелось иметь наследника. Аскет дал царице

снадобье, она выпила его и в положенное время родила двух сыновей.

Прошел год, другой, пятый — мудрец не появлялся, и царская чета решила, что теперь им нечего опасаться старика. Юным царевичам наняли учителей, и они стали быстро одолевать грамоту, учиться верховой езде, стрельбе из лука и другим премудростям. И все любили их за красоту и доброту.

Но аскет был жив и ждал своего часа. В тот самый день, когда юношам исполнилось по шестнадцать лет, он неожиданно объявился и потребовал обещанное. Царь и царица оцепенели от ужаса: они думали, что аскета уже давно нет на свете, а он стоит у ворот дворца и требует одного из сыновей.

Сильно горевали царь с царицей. Думали они, думали, что делать, но так ничего и не придумали. Приходилось расставаться с одним из сыновей, не то аскет своим проклятием испепелил бы и обоих сыновей, и царя с царицей, и всех их подданных.

Но какого из сыновей отдать? Оба были одинаково дороги родительскому сердцу.

Узнали о том царевичи, и каждый из них стал доказывать другому, что именно он должен уйти с аскетом.

— Ты младше меня на несколько минут, ты любимец нашей матери, — отвечал старший, — поэтому ты должен остаться дома, а я уйду.

Много слез пролила мать, много горя пережил отец, пока наконец не решили, что с аскетом отправится старший сын.

Перед тем как покинуть родительский кров, царевич посадил во дворе небольшое дерево и сказал родителям и брату:

— Это — дерево моей жизни: если оно будет свежее и зеленое, значит, у меня все хорошо. Если же вы увидите, что оно стало вянуть, значит, у меня что-то случилось. А если дерево совсем засохнет, стало быть, я погиб.

Поцеловал царевич отца, мать и младшего брата и ушел вслед за аскетом.

По дороге к лесу аскет и царевич повстречали собаку со щенками. Один из щенков говорит матери:

— Мне так хочется пойти за этим красивым и статным юношей. Он наверняка из царской семьи.

Мать разрешила, и старший царевич с радостью взял щенка с собой.

Вскоре они увидели на высоком дереве ястреба с ястребятами. Один из них и говорит отцу:

— Мне так хочется полететь за этим славным юношей. Не иначе он — сын царя.

Ястреб разрешил, и царевич охотно взял ястребенка с собой.

Аскет, царевич, щенок и ястребенок вчетвером продолжали свой путь. Шли они, шли и подошли к небольшой хижине в самой чаще леса, где не было ни одной живой души.

— Вот моя обитель, — сказал аскет царевичу, — здесь ты будешь теперь жить. Твоя обязанность — собирать цветы для моих подношений богам. Разрешаю тебе ходить во все стороны света, только не на север. Туда не ходи, там с тобой может случиться несчастье. Питаться ты будешь плодами и кореньями, а пить — вот из этого ручья.

Царевичу понравились место, куда они прибыли, и работа, которую ему поручил аскет. Стал он по утрам собирать в лесу цветы, аскет брал их, уходил с ними куда-то, а возвращался только к вечеру. Царевич день-деньской бродил по лесу со щенком и ястребенком. Иногда он брал лук со стрелами и охотился за оленями, благо их было много в этих местах. Однажды он ранил оленя, и тот побежал на север. Царевич забыл о наказе аскета и стал преследовать свою жертву. Олень вбежал во двор какого-то красивого дома, царевич — за ним! И вдруг вместо оленя видит он молодую женщину дивной красоты, которая сидит у дверей дома за столиком для игры в кости. Пораженный красотой этой женщины, царевич замер на месте.

— Входи, входи, незнакомец, — ласково промолвила красавица. — Случай привел тебя к моему дому, но не торопись уходить, давай сыграем в кости.

Царевич согласился. Хозяйка поставила такое условие: если царевич проиграет, он должен отдать ей ястребенка, а если выиграет, то она отдаст ему ястребенка, точно такого же, как его собственный.

Красавица выиграла, забрала ястребенка, посадила его в яму и прикрыла крышкой. Тогда царевич, чтобы отыграться, предложил ей сыграть еще раз. Она заявила, что в случае проигрыша он отдаст своего щенка, а при выигрыше получит точно такого же.

Царевич опять проиграл и отдал щенка, которого она посадила в другую яму и прикрыла крышкой.

В азарте царевич предложил сыграть в третий раз. И тут хозяйка поставила еще более суровое условие: если она выиграет, то заберет самого царевича и может делать с ним, что захочет, а если выиграет он — она отдаст ему точно такого же юношу, как он сам. Красавица опять выиграла, схватила царевича, посадила в яму и прикрыла крышкой.

А хозяйка-то была вовсе не женщина, а ракшаси, которая питалась человечинной. При виде нежного тела юноши у нее слюнки потекли. Но в тот день она была сыта и потому оставила царевича на завтра.

В ту пору во дворце родителей царевича поднялся крик и плач. Младший царевич, навещая каждый день дерево, посаженное братом, увидел, что оно вдруг стало вянуть. Это означало, что его брату грозит смертельная опасность.

Младший брат тут же решил ехать к нему на выручку, только сначала он посадил во дворе второе дерево. Потом выбрал в царских конюшнях самого быстрого коня и поскакал в лес.

По дороге он встретил собаку со щенятами. Один из них, принимая его за старшего брата, попросил:

— Прошлый раз ты взял с собой моего брата, а теперь возьми меня.

Младший царевич догадался, что первого щенка взял старший брат, и забрал с собой второго.

Поехал он дальше и увидел на дереве ястребенка, перелетающего с ветки на ветку. Завидев царевича, тот закричал:

— Забери меня с собой, добрый путник, как ты взял моего брата!

Младший царевич прихватил с собой и ястребенка.

Так в сопровождении щенка и ястребенка направился младший царевич в глубь леса и вскоре набрел на хижину аскета. Она была пуста. Младший царевич сошел с коня, пустил его пастись, а сам вошел в хижину, чтобы отдохнуть.

Под вечер вернулся аскет, увидел юношу и говорит:

— Предостерегал я твоего брата: «Не ходи на север, попадешь в беду!» А он, видно, не послушал меня и угодил в лапы ракшаси. Наверняка она уже его растерзала.

— Надо идти ему на выручку, — решил младший царевич. Взял он лук со стрелами и пошел на север.

Вскоре он встретил оленя, ранил его и по его следам пришел в дом ракшаси. Там вместо раненого оленя он увидел женщину дивной красоты и догадался, что перед ним та самая ракшаси, о которой рассказывал аскет.

Хозяйка предложила ему сыграть в кости. Он согласился играть на тех же условиях, что и его старший брат.

Началась игра, и младший царевич выиграл. Хозяйка выпустила из ямы ястребенка и отдала его юноше. Они сыграли во второй и третий раз. Младший царевич снова выиграл, и хозяйке пришлось освободить щенка, а потом и старшего брата.

Братья на радостях обнялись, потом грозно поглядели на ракшаси. Та испугалась и говорит:

— Не убивайте меня, я открою вам страшную тайну и научу, как уберечь от смерти старшего брата.

И она рассказала, что аскет тот поклоняется богине Кали, храм которой находится неподалеку. Старик стремится умиловить богиню человеческими жертвами, чтобы получить от нее дар¹.

Он уже принес в жертву богине шесть юношей, черепа которых стоят в нише внутри храма. Аскет достигнет своей цели, если принесет в жертву еще одного человека, и этим седьмым должен стать старший царевич.

— Идите скорее в храм, — сказала ракшаси, — и вы увидите сами, что я сказала правду.

Братья поспешили к храму богини Кали.

— Подожди меня здесь, а я зайду внутрь и посмотрю, что там делается, — сказал старший брат младшему.

Только он вошел в храм, как из ниши раздался жуткий хохот человеческих черепов.

— Чему вы смеетесь? — спросил перепуганный царевич.

— Как же нам не радоваться? — отвечали ему черепа. — Ведь скоро к нам прибавится еще один — твой череп.

А один из черепов сказал:

— Знай, царевич, через несколько дней истечет срок аскезы старика. Он приведет тебя в этот храм и отсечет тебе голову. Но если ты храбр, можешь избежать смерти и помочь всем нам.

— Скажите, что надо делать, — отвечал старший царевич, — и я выполню все, что требуется!

— А вот что, — сказал череп. — Аскет приведет тебя сюда и велит склониться перед богиней, чтобы отсечь тебе голову. Слушай и запомни хорошенько: когда он скажет, чтобы ты распростерся перед Матерью Кали, скажи, мол, я — царевич и никогда еще ни перед кем не склонял головы. Пусть аскет сперва сам покажет тебе, как это делается. А когда он склонится, ты отсеки ему голову. Как только сделаешь это, мы все оживем, потому что обет аскета выполнен не будет.

— Хорошо, — сказал старший царевич и вместе с братом вернулся в хижину старика.

Прошел день, второй, а на третий день аскет объявил, что ему вместе со старшим царевичем надо идти в храм. Царевич сразу догадался, что старик хочет принести его в жертву богине. Пошел с ними и младший царевич, но аскет не пустил его внутрь храма.

Когда они предстали перед богиней Кали, аскет приказал юноше:

— Склони голову перед богиней!

— Я — царевич и никогда еще ни перед кем не склонял головы, покажи мне, как это делается, — ответил царевич.

Аскет распростерся перед богиней, а царевич быстро выхватил саблю и отсек ему голову. Тут из ниши раздался радостный крик шести черепов, а богиня, довольная царевичем, дала ему тот дар, который безуспешно пытался обрести аскет.

Молодые люди, которых аскет принес в жертву Кали, ожили, а оба царевича вернулись домой живые и невредимые.

БРАХМАН И БРАХМАДАЙТЯ

Ж

ил некогда на свете очень бедный брахман. Каждый день ходил он собирать подаяние. Ему давали немного риса, они с женой варили его и ели с зеленью, которую собирали в поле.

Случилось так, что владельцем их деревни стал новый заминдар, и брахман надумал пойти к нему за подаянием. Выбрал он подходящий день и пошел. За-

миндар как раз в это время расспрашивал слуг о деревне и ее жителях. А слуги ему и говорят:

— Все у нас хорошо, да только одно мешает: стоит возле деревни большой баньян, на котором живут злые духи. По ночам все боятся проходить мимо. Как-то раз несколько деревенских парней отправились туда, а утром их нашли мертвыми. С тех пор никто там ночью не ходит, хотя днем пастухи пасут скот неподалеку.

Выслушал заминдар все, что ему рассказали, и объявил:

— Тот смельчак, кто пойдет ночью к этому дереву, срежет с него ветку и принесет ее мне, получит в награду сто бигхов земли, свободной от налогов.

Никто из слуг помещика не решился на это. Но брахман, услышав заманчивое предложение, подумал: «Я всегда хожу с пустым желудком, да и сейчас у меня подвело живот от голода. Почему бы мне не попробовать? Если удастся срезать ветку с баньяна, я получу сто бигхов земли и не буду ни от кого зависеть. А терять мне нечего: смерть от голода ничем не лучше смерти от злых духов».

Пошел брахман к помещику и сказал, что согласен рискнуть. Помещик подтвердил свое обещание: если брахман принесет срезанную с этого дерева ветку, заминдар дарует ему сто бигхов свободной от налогов земли.

Когда весть об этом разнеслась по деревне, люди стали отговаривать брахмана от безумной затеи.

— Ты совершаешь большую глупость, — говорили они. — Демоны тебя, конечно, убьют.

Отговаривала его и жена, но брахман никого не хотел слушать.

— Мне так и так помирать, — отвечал он. — Если есть хоть малая надежда изменить мою несчастную жизнь, я попытаюсь это сделать.

И вот с наступлением темноты брахман направился к баньяну. Возле деревни росло дерево-бокул. От него до баньяна, убежища злых духов², было рукой подать. Но уже возле бокула смелость стала изменять брахману, он весь задрожал от страха, и у него сильно забилось сердце.

Дерево-бокул было прибежищем некоего брахмадайти. Увидел он брахмана и спрашивает:

— Что с тобой, брахман, почему ты так дрожишь?

Скажи, в чем дело, и я постараюсь тебе помочь. Я — брахмадайтья.

— О благословенный дух, мне надо подойти вон к тому баньяну и срезать с него ветку: заминдар обещал мне за это сто бигхов свободной от налогов земли. Если можешь, помоги мне, я буду тебе очень благодарен.

— Пойдем со мной, — сказал на это брахмадайтья.

Брахман, ободренный добрыми словами покровителя, которого, как он знал, побаивались другие духи, бесстрашно подошел к баньяну. Но не успел он взяться за топор, как к нему кинулись сонмища духов, и, не будь рядом брахмадайтья, они растерзали бы его на куски.

— Эй вы, духи! — закричал брахмадайтья. — Не трогайте этого бедняка-брахмана. Пусть он срежет ветку, она ему очень нужна. Такова моя воля!

— Да будет так, как ты велишь, брахмадайтья! Мы готовы выполнить любое твое пожелание, — отвечали духи. — Не надо брахману трудиться, мы сами срубим для него ветку баньяна.

Не прошло и минуты, как духи вручили брахману толстую ветку баньяна, и он, не теряя времени, помчался к заминдару. Собравшиеся у помещика гости были крайне удивлены, увидев брахмана с веткой в руках.

— Ну что же, — сказал он. — Завтра пойдем к баньяну и проверим: если эта ветка действительно срезана с того дерева, я выполню свое обещание.

На следующее утро заминдар со своей свитой пошел к убежищу духов — баньяну — и убедился, что ветка, принесенная брахманом, была действительно срезана с этого дерева. Позвал он тогда писцов и велел подготовить дарственную о передаче брахману в вечное пользование ста бигхов свободной от налогов земли.

Так брахман разбогател за одну ночь.

На полях, полученных брахманом, уже созрел рис. Пора было начинать жатву, но у брахмана не было денег, чтобы нанять жнецов. Что делать? Пошел он снова к брахмадайтье.

— О брахмадайтья! Милостью твоею я стал владельцем большого поля со спелым рисом. Помоги мне теперь убрать этот рис.

— Не печалься об этом, брахман, — отвечал добрый дух. — Одолжи у жителей деревни на одну ночь сотню серпов, подготовь амбар для зерна и площадку для соломы.

Обрадовался брахман и побежал по деревне собирать серпы. Деревенские жители уже знали, что он богател и охотно одолжили ему свои серпы. Собрал он сотню серпов и сложил их под бокулом. Потом пошел домой, прибрал место для зерна, расчистил площадку под солому, смазал ее навозом и лег спать.

Настала ночь. Когда все жители деревни уснули, брахмадайтъя позвал сто духов — обитателей баньяна и приказал:

— Мой друг брахман получил от заминдара сто бигхов земли с созревшим рисом. Возьмите по серпу и отправляйтесь в поле. Каждый из вас должен сжать по одному бигху риса. Потом принесите снопы к дому брахмана, обмолотите, ссыпьте зерно в отведенное место, а солому уложите в копны. Идите, не теряйте времени, надо все сделать за одну ночь.

— Сделаем! — дружно ответили духи.

Брахмадайтъя показал им дом брахмана, место для зерна и соломы, а потом повел их в поле, где золотился спелый рис. Духи сразу же принялись за дело. Вжик, вжик, вжик — заработали серпы. Вмиг жатва была закончена, рис связан в снопы, доставлен к дому брахмана и тут же обмолочен, зерно ссыпано в амбар, а солома сложена в огромные копны. Вся эта работа была закончена задолго до рассвета, и духи вернулись восвояси.

Не передать радости брахмана и его жены, когда наутро они открыли двери своего дома и увидели зерно и солому. Поражены были и деревенские жители. «Не иначе как вмешались боги», — думали они.

Через несколько дней брахман снова пошел к бокулу и сказал брахмадайтье:

— О брахмадайтъя, ты сделал мне столько добра! Не откажи еще в одном благодеянии. Боги были милостивы ко мне, и я хочу накормить тысячу брахманов³. Для такого угощения нужно много продуктов, но где их взять?

— Это дело благое, — отвечал брахмадайтъя. — Я дам тебе все, что нужно, только укажи, куда это сложить.

И вот накануне назначенного дня кладовая в доме брахмана заполнилась кувшинами топленого масла, мешками муки и сахара, сотнями кувшинов молока, простокваши, творога и другой провизией. За работу принялись сто поваров-брахманов⁴ и наготовили горы

всевозможных сладостей. Приглашенные брахманы сытно поели. Сам хозяин, однако, есть не стал: он надеялся поесть вместе с брахмадайтеей. Но тот, незримо присутствуя на обеде, сказал, что участвовать в трапезе не может: сделав доброе дело для брахмана, он закончил свое пребывание на земле, и боги уже прислали за ним пушпаку, чтобы забрать его на небо.

А брахман прожил долгую счастливую жизнь и вырастил много сыновей и внуков.

ЦАРЕВИЧ ШОБУР

ил некогда на свете купец. У него было семь дочерей. Вот однажды он их и спрашивает:

— А знаете ли вы, дочки, на чьи средства живете?

Отвечает ему старшая дочь:

— Я живу на твои средства, отец.

Такой же ответ дали и другие дочери. Только самая младшая ответила иначе:

— Я, отец, живу на свои средства.

— Что ты сказала, неблагоприятная? — рассердился купец. — Ну что ж, посмотрим, как ты будешь жить дальше, не имея за душой ни пайсы. Вон из моего дома!

Позвал купец носильщиков, приказал им отнести младшую дочь в паланкине подальше в лес и там оставить. Дочь попросила разрешения взять с собой в дорогу корзинку с нитками и иголками.

Села она в паланкин, носильщики вскинули его на плечи и побежали в лес, приговаривая: «Хуп! Хуп! Хуп!» Не пробежали они и одной мили, как навстречу им старуха, нянька этой купеческой дочери.

Остановила старуха носильщиков и спрашивает:

— Куда это вы несете мою дочку?

— Мы несем ее в лес, как приказал купец, — отвечают носильщики.

— Тогда и я пойду с вами, — говорит им старуха.

— Да как же ты пойдешь, старая, с нами? Ты за нами не угонишься, мы бегаем быстро, — говорят ей носильщики.

— Как хотите, но я должна быть рядом с дочерью, — отвечает старуха.

Тогда носильщики усадили старуху в тот же паланкин и побежали дальше.

К полудню добрались они до темного-претемного леса, забрались в самую чащу и уже под вечер высадили младшую дочь со старухой у большого дерева. Оставили их там, а сами побежали назад.

Непокорная дочь оказалась в трудном положении. Ей не было еще и четырнадцати лет, выросла она в роскоши, ни в чем никогда не нуждалась. А теперь очутилась в глухом, темном лесу совсем одна, если не считать старухи-няньки. Даже деревьям стало ее жаль. И вот тогда огромное дерево, под которым проливали слезы старая да малая, и говорит им:

— О несчастные, мне так жаль вас! Скоро сюда придут дикие звери и наверняка вас растерзают. Так и быть, я вам помогу и дам приют в своем стволе. Как только я его приоткрою, прячьтесь поскорее в середину. Я тут же закрою его, и ни один зверь вас не достанет.

С этими словами дерево приоткрыло свой ствол, девушка со старухой вошли внутрь, и оно вновь приняло свой обычный вид.

Спустились сумерки, и звери выбрались из своих логовищ: свирепые тигры, грозные медведи, толстокожие носороги, грузные слоны, рогатые буйволы. Все они учуяли человеческий дух и со страшным ревом стали бегать вокруг дерева.

Девушка и старуха слышали страшный рев диких зверей, которые бросались на дерево, ломали его ветви, царапали кору, стремясь пробраться внутрь. И только с восходом солнца звери убрались прочь. Тогда дерево сказало своим гостям:

— Бедные страдалицы, звери убрались восвояси. Уже светло, выходите.

Дерево выпустило их наружу. Вот тогда они и увидели, какие раны нанесли дереву звери: нижние ветки были обломаны, корни подрыты, а ствол сильно исцарапан.

— Доброе дерево, — обратилась к нему девушка, — ты спасло нас от смерти такой страшной ценой. Тебе, наверное, очень больно?

Она пошла к ближнему озеру, набрала глины и замазала ею все дыры и царапины на стволе дерева.

— Спасибо тебе, добрая девушка, — сказало дерево, — мне стало теперь намного легче. Но меня сейчас

не так беспокоит своя боль, как ваша судьба. Ведь вы с нянькой не ели уже более суток. А я ничем не могу вам помочь, ведь я не фруктовое дерево. Дай няньке немного денег, пусть она пойдет в город и купит чего-нибудь поесть.

Дочь купца порылась в своей корзинке и нашла там пять каури. Дерево обрадовалось и посоветовало купить на них жареного риса. Пошла старуха в город и попросила лавочника продать ей немного риса. А тот высмеял ее и прогнал:

— Ступай прочь, старая карга, твои каури ничего не стоят, и никто тебе за них ничего не продаст.

Но другой лавочник сжалился над старой женщиной и насыпал ей целый подол жареного риса.

Принесла нянька рис, стали они его есть, а дерево и говорит:

— Поешьте немного, а остальное рассыпьте по берегу озера.

Девушка с нянькой так и поступили, хотя не знали, для чего это нужно. Оплакивая свою несчастную судьбу, они провели целый день в слезах, а на ночь спрятались внутрь дерева. И снова дикие звери пытались добраться до них, скребли и терзали дерево, но безуспешно.

А на берегу озера произошло вот что: поклевать жареного риса туда слетелись сотни павлинов. Толкая друг друга и теряя перья, птицы жадно набросились на еду, и скоро весь берег был усыпан яркими павлиньими перьями.

Рано утром дерево разбудило своих гостей и послало их собирать павлиньи перья. Девушка сделала из них красивое опахало, нянька отнесла его во дворец, показала царевичу, и тот хорошо за него заплатил. С тех пор каждое утро женщины собирали павлиньи перья и продавали опахала в городе. Когда у них накопилось много денег, дерево посоветовало им нанять рабочих и построить дом. И вот закипела работа: одни обжигали кирпичи, другие рубили лес, третьи распиливали бревна на доски, четвертые готовили раствор, пятые возводили стены. Не прошло и нескольких месяцев, как был готов богатый дом, что твой дворец, и дочь купца вместе с нянькой поселились в нем. Возле дома разбили цветник, посадили фруктовые деревья и стали рыть пруд.

А судьба родителей девушки сложилась несчастли-

во. Богиня удачи² отвернулась от купца, несчастья следовали одно за другим, и он потерял все свое состояние. Дом и имущество пришлось продать, и купец с женой и шестью дочерьми впал в нищету.

Прослышал купец про богатый дом, рядом с которым рыли пруд, и решил наняться вместе с женой в землекопы.

Однажды их дочь наблюдала из окна за рабочими и вдруг видит среди них своих отца и мать. Они были одеты в грязные лохмотья, и она с трудом их узнала. Слезы сострадания полились из ее глаз, и девушка велела служанке вести родителей скорее в дом.

Бедные отец с матерью страшно испугались: они подумали, что строительство водоема подходит к концу и поэтому их хотят принести в жертву богине Кали³. Когда же им приказали сбросить с себя рубище и надеть новые, красивые одежды, они перепугались еще больше.

Каково же было их удивление, когда хозяйка дома со слезами бросилась им на шею и они узнали в ней свою младшую дочь. Она рассказала все, что с ней случилось. Понял тогда отец: она была права, когда сказала, что живет на свои средства. Долго говорила дочь с отцом и матерью, а на прощание дала отцу много денег, чтобы он мог вернуться в родной город и снова открыть торговлю.

Прошло время, и купец снарядил судно для торговли в заморских странах. Все было готово, он взошел на борт корабля и дал команду отплывать, но судно не сдвинулось с места. Купец не знал, что делать. И тут его осенило: ведь он спросил своих шестерых дочерей, что им привезти из дальних стран, а о младшей, которая вернула ему богатство, он позабыл.

Купец спешно направил гонца к младшей дочери, чтобы спросить, какой она хочет подарок. Прибежал гонец к ее дому, а младшая дочь как раз в это время молилась. Ей сказали, что прибыл гонец от отца, а она ответила:

— Шобур (дескать, «подожди»).

Гонец подумал, что она хочет подарок, который называется «шобур», и помчался обратно.

Вернулся гонец на корабль и сообщил купцу, что его дочь хочет получить в подарок «шобур». Теперь судно легко отчалило от пристани, и попутный ветер туго надул паруса. Купец побывал в разных странах и выгод-

но продал свои товары. Жене и шестерым своим дочерям он накопил много подарков, а младшей дочери подарка нигде не мог сыскать. В каждом городе ходил он от купца к купцу и все спрашивал о «шобуре», но те отвечали, что никогда о такой вещи и слыхом не слышали.

Прибыл наконец купец в последний порт, стал ходить по улицам и выкрикивать:

— У кого есть «шобур»? Мне нужен «шобур»!

Эти крики услышал царевич, которого звали Шобур. Позвал он купца и стал расспрашивать. А когда узнал, в чем дело, улыбнулся, пошел в свои покои и принес деревянную шкатулку, в которой лежало небольшое опахало с вделанным в ручку зеркальцем.

— Вот тот «шобур», — сказал он купцу, — о котором говорила твоя дочь.

Добыв наконец желанный подарок для младшей дочери, купец приказал поднять якорь и поплыл в родные края. Он благополучно прибыл домой, вручил всем подарки, а шкатулку послал младшей дочери. Та, думая, что это обыкновенная шкатулка, не стала ее рассматривать и отложила в сторону. Через несколько дней она вспомнила о подарке отца и решила посмотреть, что там внутри. В шкатулке лежало красивое опахало с маленьким зеркальцем.

Не успела девушка взмахнуть опахалом, как перед ней предстал царевич Шобур со словами:

— Ты звала меня, красавица? Что тебе нужно?

Испуганная внезапным появлением царевича и пораженная его необыкновенной красотой, купеческая дочь стала спрашивать, кто он такой и как он здесь оказался.

Царевич рассказал, как долго и упорно отец искал для нее подарок, а потом открыл ей секрет: если она опять захочет с ним повидаться, пусть достанет опахало и взмахнет им.

Провели они в ее доме несколько дней, полюбили друг друга и решили пожениться. Царевич вернулся домой и сообщил отцу, что нашел себе невесту. Царь обрадовался и назначил день свадьбы, на которую прибыл купец вместе со своими шестью дочерьми.

Радости молодых не описать словами, но, как это часто бывает, следом за счастьем пришло горе. Шестеро дочерей купца завидовали своей младшей сестре и задумали погубить ее молодого мужа. Они взяли несколь-

ко бутылок, разбили их на куски, мелко истолкли и посыпали этим порошком его постель. А царевич и знать ничего не знал. Лег он спать, но не прошло и нескольких минут, как он почувствовал страшную боль во всем теле: толченое стекло стало проникать внутрь через все поры. Обезумевшего от боли царевича подхватили слуги и, не медля ни минуты, увезли в родные края.

Чего только ни делали царь с царицей, чтобы вылечить сына, никакие доктора, знахари и колдуны не помогали. Он кричал от боли день и ночь, но никто не мог сказать, чем он болен, и никто не мог облегчить его страдания.

Нельзя себе даже представить горе молодой жены. Не успели они пожениться, как страшная болезнь обрушилась на ее мужа, и его увезли от нее за тридевять земель. Она никогда не бывала в его родных местах, но теперь решила отправиться туда, чтобы попытаться облегчить его муки.

Оделась она как саньяси⁴, взяла с собой кинжал и тронулась в путь. Молодая и хрупкая, не привыкшая к долгой ходьбе, она скоро устала и присела отдохнуть в тени дерева. На его вершине было гнездо вещей птиц Вихангама и Вихангами. В ту пору птиц в гнезде не было, там находились лишь их птенцы.

Только молодая женщина (теперь мы будем называть ее саньяси) задремала, как птенцы подняли страшный крик: к дереву, подняв раздутый капюшон и зловеще шипя, приближалась огромная кобра. Саньяси вскочил, разрубил ее надвое, и птенцы сразу успокоились.

Тут в воздухе показались Вихангама и Вихангами, опасавшиеся, как бы птенцов не проглотила кобра — их извечный враг. Не слыша обычного крика птенцов, птицы перепугались еще больше. Подлетев к гнезду, они с радостью увидели, что их детеныши живы и невредимы. Птенцы проглотили принесенный им корм и рассказали, как юный саньяси уничтожил змею. И действительно, под деревом валялась мертвая змея, разрубленная надвое.

Тогда Вихангами сказала своему супругу:

— Юный саньяси спас наших детей от смерти, надо и нам сделать для него что-нибудь хорошее.

Вихангама ответил:

— Да, ты права, надо что-то для нее сделать: это не мужчина, а женщина. Она только недавно вышла за-

муж за царевича Шобура, а тот тяжело заболел. И знаешь когда? Сразу после свадьбы. Он лег в постель, куда завистливые сестры его жены насыпали толченое стекло. Оно проникло в его тело, и сейчас он в страшных муках умирает во дворце своих родителей. А его храбрая жена в облике саньяси пробирается к нему, чтобы хоть чем-нибудь ему помочь.

— А разве нет средства, чтобы его вылечить? — спросила Вихангами.

— Такое средство есть, — отвечает Вихангама. — Если кто-нибудь соберет под деревом наш старый, засохший помет, разотрет его в порошок и, оmyв царевича семь ⁵ раз семью кувшинами воды и семью кувшинами молока, вотрет щеткой этот порошок в его тело, царевич будет спасен.

— Мне очень жаль эту бедняжку! — печально молвила Вихангами. — Как она одолеет такое расстояние пешком? Сколько на это уйдет времени? Пока она туда доберется, царевич наверняка умрет.

— Признаться, мне тоже ее жалко. Может быть, мне взять ее на спину и отнести к царевичу, а затем вернуться? Это можно сделать, но при условии, что она не возьмет оттуда никаких подарков, — говорит Вихангама.

Дочь купца слышала этот разговор вещей птиц и упростила Вихангаму отвезти ее к мужу. Птица согласилась, молодая женщина собрала сухой помет, растерла в порошок и с этим чудотворным снадобьем уселась на спину Вихангамы.

Как молния, полетели они через леса и горы и вскоре прибыли ко дворцу родителей Шобура. Молодой саньяси заявил царю, что может исцелить больного.

Царь сначала не поверил молодому саньяси, ведь во дворце уже перебивало столько лекарей! Но по совету своих приближенных он разрешил начать лечение. Саньяси приказал принести семь кувшинов воды и семь кувшинов молока и вылил их содержимое на царевича. А затем кисточкой из птичьих перьев втер волшебный порошок в тело царевича. После этого на царевича вылили еще шесть раз по семь кувшинов воды и по семь кувшинов молока. Вскоре боль прошла, и царевич выздоровел.

На радостях царь предложил исцелителю горы сокровищ, но тот ничего не взял, кроме кольца с руки царевича.

Вернувшись на берег моря, где ее ожидал Вихангама, девушка села ему на спину, и они быстро долетели домой. На следующий день она взмахнула чудопалахом, и перед ней предстал царевич Шобур. Она рассказала ему все и показала кольцо.

Сколько было радости, сколько веселья! Царевич простил жениных сестер, забрал жену к себе во дворец и прожил с ней долгие годы в мире и согласии. И было у них много детей, внуков и правнуков.

БЕДНЫЙ БРАХМАН

Жил-был бедный брахман. У него была жена и четверо детей. Жить им было не на что, и брахман собирал подаяние. На свадьбе или на похоронах он наедался досыта, да и домой приходил не с пустыми руками. Но свадьбы и похороны случаются не каждый день, и брахману трудно было сводить концы с концами. Жена то и дело ругала его за то, что в доме никогда не было денег, а дети их бегали по деревне голодные и раздетые.

Несмотря на бедность, брахман был добрым, благочестивым человеком. Не было дня, чтобы он не сотворил в положенное время молитвы. Своей покровительницей брахман считал богиню Дургу. Он не пил ни капли воды, не брал ни крошки в рот до тех пор, пока не выведет красными чернилами имя Дурги по крайней мере сто восемь раз¹. По многу раз в день взывал он к ней, моля помочь ему в бедственном положении.

Однажды, когда в доме совсем нечего было есть, забрел брахман в глубь леса и стал со слезами молиться богине:

— О Дурга, о мать Бхагавати, положи конец моей бедности! Если бы у меня не было семьи, я бы так не горевал. Но ты благословила меня женой и детьми. Сжался надо мною, о мать-богиня, и помоги мне прокормить свою семью!

Случилось так, что в этот день и час бог Шива со своей супругой Дургой совершали утреннюю прогулку. Увидев издали брахмана, Дурга обратилась к своему божественному супругу с такими словами:

— О владыка Кайласы, видишь ли ты вон того бед-

ного брахмана? Мое имя не сходит с его уст. В своих молитвах он все время просит меня помочь ему в его несчастной судьбе. Может быть, мой владыка, поможем ему и сделаем так, чтобы его семья перестала голодать? Давай подарим ему волшебный горшок. Тогда у него будет в досталь жареного риса.

Владыка Кайласы согласился и своей всевышней волей тут же создал волшебный ханди.

Позвала богиня брахмана и говорит:

— Послушай, брахман! Я сжалилась над твоей несчастной судьбой и вняла твоим бесконечным молитвам. Вот тебе горшок. Стоит только перевернуть его вверх дном и потрясти, как из него начнет сыпаться сладкий жареный рис. Поставишь горшок кверху горлышком — рис сыпаться перестанет. Ты сам, твоя жена и дети будете теперь наедаться досыта. Ты сможешь еще и продавать рис, сколько захочешь.

Обрадовался брахман, поклонился богине и, подхватив горшок, бросился со всех ног домой. Когда он пробежал с полдороги, вздумалось ему проверить, правду ли сказала богиня. Перевернул он горшок вверх дном, потряс — и, о чудо, из него посыпался такой вкусный рис, какого он не пробовал за всю свою жизнь. Завязал он немного риса в узелок и двинулся дальше.

Наступил полдень, и брахман почувствовал голод. Но разве можно есть, не совершив омовение и молитву? Посмотрел он по сторонам и увидел постоянный двор, возле которого поблескивал пруд.

«Здесь можно, пожалуй, остановиться, совершить омовение, помолиться и перекусить», — подумал брахман.

Вошел брахман на постоянный двор, поставил возле себя горшок, узелок с рисом и закурил. Потом умастил себя горчичным маслом и направился к пруду. Горшок он отдал хозяину и наказал беречь пуще глаза.

Пока брахман занимался омовением и молитвой, хозяин решил посмотреть, что это за горшок оставил ему брахман. А вдруг там какие-нибудь драгоценности? Любопытства ради открыл он горшок, но ничего там не увидел. Почему же брахман так дорожил этим горшком? Хозяин стал вертеть горшок и так и эдак, а когда перевернул вверх дном, из него вдруг посыпался отменный жареный рис. Хозяин позвал жену и детей посмотреть на чудо. Сладкого жареного риса насыпалось столько, что они заполнили им всю посуду, какая на-

шла в доме. Соблазн завладеть чудесным горшком был так велик, что хозяин двора не устоял и решил поменять его другим, обычным горшком.

А брахман, закончив омовение и молитву, как был в мокрой одежде вернулся на постоянный двор, бормоча священные тексты из вед. Здесь он переоделся и написал на листе бумаги красными чернилами сто восемь раз имя Дурги. Потом развязал узелок и начал есть рис.

Наевшись и отдохнув, он попросил у хозяина свой горшок. Тот отдал ему другой горшок, с виду точно такой же. Брахман взял горшок и пошел дальше, не переставая радоваться своей удаче.

«То-то будет довольна жена! И дети полакомятся всласть, — размышлял он про себя. — Скоро я разбогатею и буду держать голову высоко, как все богачи».

Пришел брахман домой, позвал жену с детьми и объявил:

— Знаете, что я принес? В этом волшебном горшке наше богатство и счастье. Смотрите, какой чудесный рис посыплется из него, как только я переверну его вверх дном.

Услышав такие слова, добрая жена брахмана решила, что муж сошел с ума. Сколько брахман ни переворачивал, как ни тряс горшок, из него так ничего и не высыпалось.

Тут брахман понял, что хозяин постоянного двора вместо волшебного горшка подсунул ему обычный. На следующий день пошел брахман на постоянный двор и обвинил хозяина в подлоге. А тот не стал ничего слушать и прогнал брахмана со двора.

Что делать? Опять пошел брахман в лес и рассказал богам о своем несчастье. Дурга только головой покачала и молча вручила ему другой ханди. Бросился брахман перед ней на колени, взял горшок и пошел домой. А отойдя немного, решил испробовать чудодейственную силу нового горшка. Перевернул, потряс горшок — и, о ужас, вместо сладостей из него вдруг выскочила дюжина огромных, страшных демонов и давай бить и колотить брахмана! Он не растерялся, быстро перевернул горшок вверх горлом, прикрыл его крышкой, и демоны сразу исчезли. Догадался брахман, что этот горшок был ему дарован, чтобы наказать хозяина постоянного двора.

По дороге домой брахман опять завернул на постоянный двор, вручил хозяину на сохранение новый горшок и попросил покараулить.

Обрадовался хозяин, позвал жену с детьми и говорит:

— Ну и везет же нам! Тот же брахман принес еще один горшок. Из него, наверное, посыплется не рис, а шондеш. Несите поскорее ведра и корзины.

Не успел он перевернуть горшок вверх дном, как оттуда выскочили демоны и давай что было сил колотить хозяина и его домочадцев. А потом принялись разносить в пух и прах постоянный двор. И все бы там разрушили, если бы хозяева не бросились в ноги брахману, вернувшемуся после омовения и молитвы, и не умолили его сжалиться над ними и спасти от этих страшных чудовищ.

Довольный брахман быстро загнал всех демонов обратно в горшок. Потом забрал оба горшка и направился в родную деревню.

Дома, крепко заперев двери, созвал он всю свою семью и, перевернув вверх дном первый горшок, потряс его. Как из рога изобилия, посыпался рис. Брахман, жена и дети наелись вдосталь и стали наполнять все имевшиеся в доме горшки, блюда и прочую посуду.

На следующий день брахман открыл лавку и стал торговать сладостями. И потянулись к нему сотни людей, чтобы отведать божественного дара. Не прошло и нескольких дней, как к брахману стали приходиться покупатели из соседних деревень, и он прославился как лучший торговец сладостями. Каждый день он продавал сотни пудов сладкого жареного риса и быстро разбогател. Тогда он построил кирпичный дом и зажил как богатый помещик.

Дни шли за днями, и однажды он чуть не разорился. Его дети по ошибке взяли не тот горшок, перевернули, потрясли, и оттуда выскочили демоны. Схватили они жену брахмана и детей и давай колотить! Хорошо, что подоспел брахман и перевернул горшок вниз дном. Чтобы такого впредь не случалось, запер он этот горшок в чулан — подальше от неразумных детей.

Но, как известно, человеческое счастье недолговечно. Один раз, когда брахмана и его жены не было дома, дети захотели полакомиться жареным рисом. Взяли они горшок, заспорили, кому трясти первым, и подрались между собой. Горшок упал и разбился вдребезги,

Не описать, как горевал брахман, обнаружив по возвращении домой черепки вместо горшка. Детям, конечно, попало, но что проку? Волшебного горшка этим не вернешь.

И брахман решил снова идти в лес и еще раз попытать счастья. Шива и Дурга выслушали его и согласились помочь в последний раз.

— Вот тебе еще один горшок, — сказала ему Дурга. — Только смотри, если опять потеряешь или разобьешь его, больше ничего не получишь!

Поклонился брахман богине, взял горшок и поспешил домой. На этот раз он нигде не останавливался, а дома, спрятавшись от детей, перевернул волшебный горшок вверх дном и начал его трясти. И из него вдруг посыпался не рис, а шондеш. Да еще какой! Ни один самый искусный повар не мог бы похвастаться такими чудесными сладостями. Это была пища богов!

Брахман открыл новую лавку. Отовсюду шли к нему покупатели. Ни один праздник, ни одна свадьба или похороны не обходились без его шондеша. Богатству брахмана позавидовал местный заминдар. Дознался он, что знаменитый шондеш сыплется из волшебного горшка, и решил завладеть им. Скоро и случай к тому представился: готовилась свадьба сына заминдара, для которой требовалось много сладостей. Заминдар попросил брахмана принести горшок к нему домой, чтобы готовить шондеш прямо на месте. Брахман принес волшебный горшок, наготовил заминдару горы шондеша, а тот вместо платы и благодарности отнял у него горшок, а самого выгнал в шею.

Решил тогда брахман наказать злодея-заминдара. Пошел он домой, достал спрятанный в чулане горшок, пошел к заминдару и выпустил у его дома демонов. Дай им волю, они камня на камне не оставили бы от дома заминдара и истребили бы все живое вокруг. Кинулся заминдар в ноги брахману и стал умолять о пощаде. Тот по доброте своей сжалился над заминдаром и водворил демонов на место.

С тех пор ни заминдар, ни кто-либо другой никогда больше не обижали брахмана. И он прожил много лет в счастье и довольстве.

ил в Майменсинхе богатый купец по имени Дханешвар. У него были четырехлетний сын Ратнешвар и девятилетняя дочь Каджалрекха. Девочка была очень красива. Когда она улыбалась, ее белое личико походило на раскрывшуюся белоснежную лилию, плывущую по волнам в сезон дождей и сияющую, как жемчуг.

Купец, видно, прогневил чем-то богиню счастья, и она отвернулась от него. Послушайте, что с ним произошло.

Купец любил играть в кости и проиграл все свое состояние: слуг, лошадей, слонов, имущество и деньги. Из двенадцати кораблей, что он получил от отца, не осталось ни одного. Дханешвар разорился начисто. Единственным его утешением были теперь сын и дочь.

Время шло, и наступила пора выдавать Каджалрекху замуж. Но дурная слава о купце разошлась по всей округе, и никто не хотел брать в жены его дочь.

Однажды в дом купца пришел саньяси. Он подарил хозяину попугая и кольцо.

— Эту птицу называют Дхарма-мати, что значит «Праведная». Если ты будешь слушаться ее, то снова вернешь все свои богатства, — сказал саньяси.

Обрадовался купец подарку, посадил птицу в клетку и стал холить ее и лелеять.

Однажды купец спросил попугая:

— Скажи мне, мудрая птица, когда кончатся мои несчастья? Мой дом совсем разрушился, в нем не осталось даже простой кровати, и я сплю на голом полу. У меня нет ни кувшина для воды, ни кружки, чтобы напиться, и я черпаю воду пригоршнями прямо из пруда. Хожу с протянутой рукой по домам. Таков мой удел. Отец оставил мне много лошадей и слонов, а теперь мои конюшни стоят пустые. Есть у меня только сын и дочь, которые, как два светильника, освещают мой дом и скрашивают мне жизнь. Но как мне прокормить их, досточтимая птица?

— Не печалься, купец, — отвечал ему попугай, — твои бедствия скоро кончатся. Саньяси подарил тебе кольцо — это кольцо удачи. Продай его и на вырученные деньги почини разбитые корабли. Пригласи для этого искусных плотников. На оставшиеся деньги купи товаров и начинай торговать. Плыви на восток и там

за один год выручишь столько, что сможешь потом жить по-царски целых двенадцать лет.

Купец сделал все, как велела птица: продал кольцо удачи и на вырученные деньги нанял искусных плотников, которые починили старые отцовские корабли. Потом он накупил много товаров, загрузил ими суда и двинулся на восток. По милости богов купец вскоре вернул все свое состояние и снова стал владельцем лошадей, слонов, слуг и всякого добра. Теперь его богатства едва вмещались в переполненные сокровищницы. Легче было сосчитать звезды на небе или песчинки на берегу реки, чем его богатства.

Теперь у купца была одна забота — выдать Каджалрекху замуж. Ей уже шел двенадцатый год¹, и медлить с замужеством было нельзя. Купец не знал, как взяться за дело, и спросил совета у птицы.

Попугай выслушал его и сказал:

— Ты преодолел одни несчастья, но впереди тебя ждут другие, от которых ты не скоро избавишься. Твоей дочери предназначено выйти замуж за мертвеца. Не оставляй ее в своем доме, а увези в лес.

Услышав это предсказание птицы, купец горько заплакал:

— О злая судьба! Больше всего на свете я хочу счастья дочери, а она должна выйти замуж за мертвеца. Родители растят своих дочерей, чтобы выдать их за достойных женихов, а я должен увезти свою любимую дочь в лес. Еще в детстве она лишилась матери, и я всегда окружал ее заботой и любовью. О горе мне! Не успел я избавиться от одной беды, как попал в другую.

— Твоему горю не помочь, — отвечала птица.

Делать нечего: снарядил купец корабль, взял с собой дочь и отправился в путь. Они плыли несколько дней, пока не увидели на берегу безлюдный лес. Там судно бросило якорь, купец сошел на берег и повел дочь в лес. Они шли очень долго, и Каджалрекха совсем пала духом.

«Как мне бросить тебя здесь, милая дочь? Когда ты была маленькой, я согревал тебя теплом своего тела. Чего я только не вытерпел, пока вырастил тебя! И вот теперь я сам привез тебя сюда, чтобы оставить в лесу одну и не думать больше о твоём замужестве. Видно,

наши черные дни никогда не кончатся» — так думал купец, и сердце его разрывалось от горя.

— Отец, дорогой, куда ты ведешь меня? Ты сказал, что мы едем торговать, но наш корабль бросил якорь в этом пустынном месте, и ты заводишь меня все глубже и глубже в лес. Если ты хочешь избавиться от меня, то почему не дал побыть дома с любимым братом и родными хотя бы еще несколько дней? Не знаю, зачем ты привел меня в этот темный лес, но чует мое сердце, что ты хочешь меня здесь оставить. Отец, спроси у деревьев, у кустов, у лиан, доводилось ли им слышать, чтобы отец поступал так с родной дочерью! Небесные светила — звезды, луна, солнце и планеты — они все видят, они — стражи добра. Спроси у них, слышали ли они, чтобы ребенок был оставлен в лесу по совету птицы? Вот река. Она несет воды с гор в море. Спроси у нее, знает ли она, чтобы отец по слову птицы увез дочь в лес и там бросил? — причитала Каджалрекха.

И вот зашли они в самую чашу леса, где не было ни одного живого существа — ни человека, ни зверя, ни птицы, и увидели ветхий храм, запертый изнутри. Отец с дочерью присели на его ступеньки отдохнуть. Полуденное солнце жгло немилосердно, и Каджалрекха изнывала от жажды и голода.

— Я не в силах идти дальше. Где ты, мамочка? Где ты, мой дорогой брат? Злой рок преследует меня днем и ночью. Отец, дай мне хоть каплю воды, я умираю от жажды! — причитала Каджалрекха.

— Подожди здесь немного! — сказал купец и отправился на поиски воды.

Когда он ушел, девушка поднялась, подошла к дверям храма и легонько дотронулась до них. Двери открылись. И только Каджалрекха вошла в храм, как вдруг двери снова закрылись. Как ни старалась она их открыть, ничего не получалось.

Тем временем отец принес воду и стал громко звать дочь. Никто не отзывался. Потом он услышал голос дочери, которая что-то говорила ему из-за дверей храма. Он снова закричал:

— Иди сюда, дочка, я принес тебе воды!

Каджалрекха объяснила отцу, что с ней случилось. Он изо всех сил налегал на дверь, пытаясь открыть или

выломать ее, но ничего не смог сделать. Каджалрекха оказалась пленницей в храме.

Убедившись, что дверь открыть нельзя, купец спросил:

— Доченька, скажи, что ты видишь в храме?

— Я вижу ложе, а на нем тело юноши, — отвечала сквозь слезы дочь. — Около него горит светильник. Из тела юноши торчат сотни игл и стрел.

— О моя бедная дочь, — закричал отец. — На твоём челе написан неотвратимый приговор судьбы, и я не в силах помочь тебе! Видишь, предсказание птицы сбылось. Само провидение против тебя. Ты будешь женой этого мертвого царевича. О боги! Как я вернусь домой, оставив здесь сокровище своего сердца? Слушай же волю своего отца: юноша, которого ты видишь, — твой муж, запомни это! Солнце, луна и боги, покровители леса, тому свидетели². Прими же мое благословение, мы больше никогда не увидимся. Если ты чиста и непорочна, сможешь вернуть мужу жизнь³. А когда оживишь царевича, твое изгнание кончится. Пусть боги помогут тебе!

Отец и дочь плакали так, что даже лесные звери не удержались от слез. Отец ушел, и Каджалрекха осталась в лесу одна. Они не могли даже увидеть друг друга при расставании.

Долго плакала Каджалрекха. Ей было очень страшно одной в храме, где лежал мертвый царевич. Она подошла к его ложу и запричитала:

— Проснись, прекрасный юноша, и взгляни на меня, несчастную, хоть разочек. Я никогда раньше не встречала тебя. Мой жестокий отец оставил меня в этом храме и сказал, что ты — мой муж. Лик твой прекрасен, как луна⁴, но его омрачают смертельные тени. Ты словно утреннее солнце за облаками. Кто повинен в твоей смерти? Кто бросил тебя одного в глухом лесу? Видно, твой отец так же бессердечен и жесток, как и мой. Кто бы ты ни был, мой повелитель, я буду тебе верной женой, как приказал мне отец. Пока жива, я буду с тобой. Доверься мне, открой глаза и взгляни на меня, скажи хоть слово. Молю тебя, пробудись. Зачем ты пугаешь меня?

Вдруг дверь храма отворилась, и Каджалрекха увидела старца-саньяси. Сколько до этого ни пытались отец с дочерью открыть дверь, она не поддавалась. А сейчас она широко распахнулась, едва старец коснулся ее.

Каджалрекха подумала, что этот саньяси сможет оживить ее мужа. В слезах она склонилась к его ногам. А тот стал ее утешать:

— Не бойся, девушка, мертвый юноша — царевич, это я велел перенести его сюда. Вынь одну за другой все иголки из его тела. Последними вынь две иглы из глаз и помажь ему глаза соком вот этих листьев. Помни, впереди у тебя еще много испытаний. Не противься злу и не старайся уйти от неминуемого⁵. Мертвый царевич — твой муж, но ты не должна говорить ему об этом, что бы с тобой ни случилось. Жди, когда ему скажет об этом птица Дхарма-мати. Если ты не послушаешься моего совета, останешься вдовой.

Сказав это, саньяси ушел.

Семь дней и семь ночей вынимала Каджалрекха иглы из тела царевича. Все это время она ничего не ела и ни разу не выходила из храма⁶.

На восьмой день оставались лишь две иглы — в глазах царевича. Тогда Каджалрекха вышла из храма и стала искать, где бы ей искупаться⁷. Невдалеке она увидела пруд. К воде вели каменные ступени. Только стала она сходить по ступеням, как вдруг на берегу пруда появился старик с девушкой лет четырнадцати.

— О госпожа, не нужна ли тебе служанка? — спросил он.

С виду это была ничем не приметная деревенская девушка.

— А кем она тебе приходится, добрый человек? — спросила Каджалрекха.

— Это моя дочь, — ответил старик. — Бедность довела меня до того, что я готов продать свое родное дитя. Я уже предлагал ее по всем окрестным деревням, но никто не захотел ее купить⁸. Потом мне встретился саньяси. Он сказал, что здесь, в лесу, находится царевна, которой нужна служанка. Видать, ты и есть та царевна, о которой говорил саньяси.

И подумала тогда Каджалрекха: «Один жестокий отец бросил свою дочь в лесу; другой, еще более жестокий, хочет продать свою дочь из бедности. Эта девушка такая же несчастная, как и я».

Она пожалела бедняжку и, надеясь найти в ней подругу, купила девушку у старика за свой золотой браслет.

Каджалрекха сказала служанке:

— Иди в этот храм. Когда увидишь мертвого царевича, не пугайся. У него под подушкой ты найдешь несколько листьев, приготовь из них сок. Я приду вслед за тобой, извлеку иглы из глаз царевича, смажу ему глаза этим соком, и он оживет.

Она сказала это Канкан-даси⁹, и вдруг ей стало страшно. Левый глаз у нее задержался¹⁰.

Канкан-даси нарочно медленно пошла к храму, и в голове у нее тотчас созрел коварный план. Подойдя к царевичу, она извлекла оставшиеся две иглы из его глаз и смазала глаза юноши соком. Царевич сразу ожил.

— Теперь ты должен на мне жениться! — потребовала Канкан-даси.

Царевич, не зная, кто она на самом деле, тут же дал клятву:

— Ты вернула мне жизнь, и я обещаю на тебе жениться!

Затем, приложив руку к сердцу, торжественно продолжал:

— Клянусь, ты станешь владычицей моего сердца. Пусть Дхарма будет свидетелем тому, что сегодня же я введу тебя в свой дворец и ты станешь царицей. Мои приближенные, родственники, слуги — все оставили меня, когда я был в беде. Они бросили своего владыку в глуши и ушли наслаждаться жизнью. Я ожил благодаря тебе. Нет у меня никого дороже тебя.

Царевич не спросил, кто были ее родители, к какой касте она принадлежала. Он обещал жениться на ней только потому, что она, как он думал, спасла ему жизнь.

В это время в мокрой после купания одежде¹¹ в храм вошла Каджалрекха. Каково же было ее удивление, когда она увидела, что ее муж ожил.

Каджалрекха взглянула на него, и сердце ее затрепетало от радости. Лик его был прекрасен, и весь он светился, как луна после затмения. Царевич тоже был поражен необычайной красотой Каджалрекхи; никогда еще он не встречал женщины столь прекрасной. Она была в расцвете юности и сверкала, как бриллиант.

— Как ты сюда попала, милая девушка? Как тебя зовут? Кто твои родители и где ты живешь? Как тебе разрешили уйти из дому одной и что ты делаешь здесь, в этом глухом лесу?

— Это моя служанка, — поспешила сказать Канкан-даси. — Я купила ее за браслет, и зовут ее Канкан-даси.

Так царевна стала рабыней, а рабыня — царевной.

Во дворце, куда вскоре вернулся царевич (все называли его Игольчатый), Каджалрекха стала служанкой.

Несмотря на все ее старания и усердие, лжецаревна стирала белье, днем и ночью ухаживала за лжецаревной. Несмотря на все ее старания и усердие лжецарица была ею недовольна. Она все время старалась унижить и оскорбить несчастную. Лжецаревна не доверяла Каджалрекхе и все время следила за тем, чтобы она не сказала кому-нибудь правду.

Царевич, однако, внимательно наблюдал за обеими. Ему все больше нравились скромность Каджалрекхи, ее умные речи, обходительность и, конечно, красота, подобная лунному сиянию.

— Кто ты, красавица? — спросил он ее однажды. — Где твой дом? Назови мне свое имя, расскажи, кто твои родители. Быть служанкой — не твой удел. Мне кажется, ты знатного происхождения и только по воле злой судьбы низведена до положения служанки. Твоя несравненная красота затмевает даже гордую луну. Доверься мне, красавица, и ничего от меня не таи.

— Я — Канкан-даси, — отвечала ему Каджалрекха. — Твоя жена купила меня за браслет. Я жила в лесу в нищете и одиночестве, а теперь благодаря твоей доброте у меня есть пища и кров. Ни отца, ни матери, ни брата у меня нет, о повелитель! Как легкое облако, гонимое ветром, брожу я по белому свету, одинокая и беспомощная.

Царевич задавал ей такие вопросы не раз и не два, но не мог добиться ответа. Между тем его жизнь с лжецаревной стала невыносимой. Ее грубость, невоспитанность, глупая болтовня и самовлюбленность не знали предела.

Царевич все больше пленялся Каджалрекхой. Без нее жизнь казалась ему бессмысленной. Он перестал есть, спать и заниматься делами государства.

Однажды призвал он к себе главного советника и говорит:

— Я поеду в далекие края и буду странствовать девять месяцев. Постарайся пока разузнать все, что можно, о той, которая называет себя Канкандаси.

После этого царевич пошел к царевне и спросил, какой ей привезти подарок из дальних стран. Та попросила плетеную корзину, совок и лоток для веяния зерна, ножную лущилку для риса из древесины тамаринда, латунное кольцо, что крестьянки продевают в ноздрю, и пару бронзовых браслетов для ног¹².

Царевич удивился такому выбору. Он подошел к Каджалрекхе и задал ей тот же вопрос.

— У меня все есть, мне ничего не нужно, — ответила Каджалрекха.

Когда же царевич стал настаивать, она сказала:

— Если уж ты так хочешь, привези мне птицу Дхарма-мати.

Царевичу нетрудно было найти то, что просила лжецаревна, и по этим вещам он понял, что у него за жена. Но птицу Дхарма-мати, которую пожелала Каджалрекха, он отыскать не мог, и это его очень печалило. Путешествуя из одной страны в другую, он так и не нашел того, что искал. Прошло шесть месяцев, потом восемь. Наконец царевич попал в родной город Каджалрекхи.

Когда на площади забил барабан, возвещающий желание царевича купить птицу Дхарма-мати, купец Дханешвар поспешил увидеть этого человека. Только его дочь знала о существовании такой птицы. Он был уверен, что независимо от того, жила ли она в радости или в печали, — только она, и никто другой, могла послать человека на поиски этой птицы.

Дханешвар продал Дхарма-мати царевичу, и тот поспешил домой, радуясь, что ему удалось наконец найти столь редкостный подарок для Каджалрекхи и он может ей угодить.

Дома царевич отдал лжецаревне то, что она просила, а Каджалрекхе — попугая. При этом он ничего не сказал ни той, ни другой.

Пока Игольчатый царевич отсутствовал, главный советник иногда спрашивал совета у лжецаревны. Но она плохо разбиралась в делах и давала их не подумав. А главный советник боялся ей перечить и делал, как она хотела. Из-за этого государство терпело ущерб.

Один раз над страной нависла опасность, и главный советник не знал, как поступить. Тогда он решил посоветоваться с Каджалрекхой. Она дала такой разумный и мудрый совет, что опасности удалось избежать.

Главный советник тайно доложил обо всем Игольчатому царевичу и подсказал ему, как испытать достоинства обеих женщин. Царь позвал друзей на угощение и велел поручить каждой из них приготовить еду. В первый день гостей принимала лжецаревна, а во второй — Каджалрекха.

Лжецаревна приготовила самые простые хмельные напитки и грубые кушанья, да еще и посолить их забыла. Царевич не мог поднять головы от стыда, когда еду подали гостям.

На следующий день настал черед Каджалрекхи. Она встала чуть свет, вымылась и пошла на кухню, чистая телом и душой. Заколов волосы и подвязав косынку, она окропила кухню священной водой из Ганги¹³. Затем натолкла на камне нужные приправы, замесила тесто из рисовой муки, нарезала зелень, сварила бульон из голубей, приготовила карри из рыбы различных сортов. Вкусное печенье на сливках и сахарном сиропе дразнило аппетит одним своим видом. А изогнутый пирог-чандрапули напоминал только что народившийся месяц. Золотые кубки она наполнила ароматными напитками, разложила на блюдах разные сладости. Рис положила на золотые блюда и украсила красиво нарезанными дольками лимона. В чаши из золота налила сливки и дахи, а рядом положила очищенные спелые бананы. Золотые сосуды наполнила прохладной водой для омовения лица и рук, а в золотую шкатулку уложила искусно свернутые листья бетеля с орехом и пряностями, приправленные сладким цветочным соком.

Когда все было готово, Каджалрекха осталась на кухне¹⁴ на случай, если понадобится сделать еще что-нибудь.

На этом испытания не кончились. К ночи бдения Коджагар-ратри¹⁵, которой заканчиваются празднества в честь богини Лакшми, царевич по совету главного министра поручил лжецаревне и Каджалрекхе разрисовать двор цветными узорами-алипона.

— У меня будут гости, — сказал царевич, — постарайтесь украсить двор как можно лучше.

Лжецаревна изобразила лапы ворон¹⁶, журавлиные следы, амбар для горчичного семени и кукурузных початков.

А Каджалрекха взяла несколько горстей риса и залила его водой. Когда рис размок, она промыла его, растерла между камнями, приготовила жидкую пасту и приступила к работе. Сначала она вывела ступни своих дорогих отца с матерью, о которых не переставала думать ни днем ни ночью; затем нарисовала две житницы, дорогу к ним, а на дороге — следы богини счастья¹⁷, вдоль дороги — стебли риса, склонившиеся до самой земли под тяжестью крупных зерен; вслед за этим — дворец великого бога Шивы и его супруги Парвати на горе Кайласе; большой лист лотоса, а на нем — Вишну и Лакшми, сидящих вместе; на колеснице, влекомой огромным лебедем, нарисовала Моношу-дэви, дарительницу побед. Потом пошли ведьмы и сиддхи¹⁸, а за ними — небесные девы-апсары. Среди деревьев она расположила Вана-дэви — богиню леса; богиню Кали, охраняющую от бед; бога войны Карттикею и бога мудрости Ганеша, восседающих каждый на своей вахане¹⁹.

Очень искусно изобразила она также Раму, Ситу и Лакшману, летящую по воздуху Пушпаку, колесницу бога Куберы, а также богов Яму и Индру. Под конец она нарисовала море, солнце и луну, старый, полуразрушенный храм в чаще леса и мертвого царевича в храме, а рядом — всех приближенных Игольчатого царя, кроме себя.

Окончив работу, она зажгла светильник, наполненный жертвенным священным маслом, и склонилась до самой земли.

Царевич вместе со своими друзьями, министрами и гостями сначала пошел посмотреть, что нарисовала лжецаревна, а затем — Каджалрекха. Все сошлись на том, что Каджалрекха происходит из знатной семьи.

В жизни Каджалрекхи единственным утешением был попугай Дхарма-мати. Она часто изливала перед ним свою душу, расспрашивала об отце и брате, умоляла ответить, когда окончатся ее страдания.

— Скажи мне, птица, — говорила она, — что произошло в нашем доме с тех пор, как я его покинула? Вот уже десять лет скитаюсь я в чужих краях и терплю

великие муки. За все это время я ни разу не видела своих родных. Где сейчас мой дорогой брат? Что он делает? Я вижу его только во сне, и то редко. Мои несчастья были предначертаны судьбой, разве могла я их избежать? Отец отвез меня в дремучий лес и там оставил. В лесу я увидела мертвого царевича. Семь дней и семь ночей вынимала я иглы из его тела. А впереди меня ожидали новые страдания. Я купила девушку-служанку за браслет, а вышло так, что она стала царевной, а я — служанкой. О мудрая птица, ты живешь на этом свете со времен сатья-юги, скажи мне, когда же кончатся мои несчастья?

— Не плачь, девушка, — отвечала птица. — Не проливай больше слез. Сегодня ночью я расскажу обо всем, что ты хочешь знать.

Было уже далеко за полночь, когда Каджалрекха снова окликнула птицу:

— Сейчас глубокая ночь, и скоро наступит рассвет. Ты не спишь? Давай продолжим беседу. Знаешь, в доме моего отца работают десятки слуг, а здесь по воле рока я стала служанкой. В доме моего отца роскошные ложа, а тут я сплю на голом полу. Отец покупал мне яркие шелковые сари, а в этих краях я ношу дешевые сари из грубого полотна. За собственный браслет я купила служанку, но она обманула меня и стала царевной, а меня сделала служанкой. Скажи, когда кончится ночь скорби моей?

— Не плачь, милая, — отвечала птица, — не горюй, красавица, я расскажу тебе все, как есть. С тех пор как ты покинула отчий дом, отец твой ни разу не плавал на своих кораблях и совсем забросил дела. Все эти десять лет он пребывает в глубокой печали и ослеп от слез. В родном доме все оплакивают твою судьбу, слуги бросают работу, как вспомнят о тебе, слоны и лошади перестают есть, когда кто-нибудь произнесет твое имя. Солнце светит не так ярко, как прежде, а ночью встает бледная от печали луна. Птицы на деревьях не поют больше своих песен. В доме горят светильники, но и они не в состоянии разогнать тьму перед глазами твоего отца. Ты страдала десять лет и будешь страдать еще два года. После этого счастье и радость вернутся к тебе.

Каждую ночь Каджалрекха и Дхарма-мати вели такие беседы. Снова и снова задавала она птице один и тот же вопрос: когда же окончатся ее злоключения?

И птица старалась утешить девушку ласковыми словами. Так продолжалось до тех пор, пока не произошло еще одно событие.

Как-то царевича приехал навестить его друг. Когда он увидел Каджалрекху и побеседовал с ней, то понял, что она происходит из знатной семьи. Ее красота и благородство поразили его, и он совсем потерял голову. Дни и ночи юноша только и думал о том, как увезти девушку к себе во дворец и сделать своей женой. Но Игольчатый царевич и сам сходил с ума по Каджалрекхе. Целыми днями он не покидал женскую половину дворца в надежде увидеть Каджалрекху. Царевич совсем охладел к царевне, и та была готова на все, чтобы избавиться от Каджалрекхи.

И вот лжецаревна задумала опорочить соперницу. Она вступила в сговор с другом царевича. Оба надеялись, что, если им удастся исполнить свой коварный план, царевич отвернется от Каджалрекхи.

Девушка спала отдельно от всех, в ее спальне находилась лишь птица Дхарма-мати. По совету своего сообщника лжецаревна покрыла порог спальни Каджалрекхи тонким слоем алого порошка, по которому друг царевича прошел без обуви, оставив на пороге следы своих ступней — туда и обратно.

Наутро лжецаревна растрезвонила по всему дворцу, что к Каджалрекхе ночью входил мужчина. Сообщники сумели убедить в этом царевича. Тот разгневался, велел привести Каджалрекху и потребовал объяснений.

Со слезами на глазах держала она перед ним ответ:

— Я всегда сплю одна, и у меня никто не бывает. Какой злой недруг выдумал про меня эту ложь? Все небесные силы могут подтвердить мои слова. Луна и звезды ночью не спят — я призываю их в свидетели. В комнате у меня постоянно горит светильник, ничто не укроется от его бдительного ока — вы можете спросить у него. Пусть сама ночь будет моим свидетелем. Попугай проводит в клетке всю ночь, пусть принесут его в суд, и он вам расскажет все, как есть.

Золотая клетка с попугаем была доставлена в зал царского суда.

— Скажи нам правду, мудрая птица! — обратился к ней царевич. — Поклянись перед богами, что прошлой ночью служанка была одна в своей комнате. Скажи,

чиста она или нет. Перед этим праведным судом дай правдивый ответ — виновна эта девушка или невинна?

— О царевич, — отвечала птица, — я не знаю, что тебе сказать. Я не помню, что было прошлой ночью. У этой девушки несчастливая судьба, и она опять попала в беду. В этом смысле она виновата, и ты можешь отправить ее в изгнание.

Мудрая птица знала заранее, что ее показаниям все равно никто не поверит и злоключения Каджалрекхи не окончены. Поэтому она не пошла против судьбы и дала такой уклончивый ответ.

Царевич вынес решение — сослать Каджалрекху на пустынный остров — и поручил своему другу отвезти ее туда.

— Несчастливая покидает тебя сегодня, о высокочтимый царевич! — сказала Каджалрекха. — С этого дня я уже не буду больше жить в твоём дворце. Помни о той, которая служила тебе когда-то. Прости, если я виновата перед тобой. Пусть ты забудешь меня, это неважно. Я молю бога лишь о том, чтобы он дал мне еще раз увидеть тебя, хотя бы перед смертью.

Прощаясь с лжецаревной, она плакала и просила прощения.

— Я совершила много ошибок, высокочтимая царица, — говорила она. — Прости и не забывай свою служанку.

Когда Каджалрекха прощалась с попугаем, слезы градом полились из ее очей. Взойдя на корабль, она призвала солнце и луну в свидетели. Собравшиеся на берегу горожане горько скорбели о ее несчастной судьбе.

Когда корабль вышел в открытое море и берега совсем исчезли из виду, друг Игольчатого царевича сказал Каджалрекхе такие слова.

— Мой дом находится в городе Канчанпуре. Отец мой очень богат, конюшни полны лошадей, а стойла — слонов. Девятьсот тысяч коров пасется на пастбищах, богатства наши неисчислимы. Посреди озер выстроены беседки для отдыха и развлечений, дворец богато украшен, полы в нем устланы дорогими коврами, а кровати — из чистого золота. Я не женат и до этого о женитьбе не думал. Прошу тебя, осчастливь наш дом своим присутствием, согласишься стать моей женой. Все слуги в доме будут выполнять твои малейшие жела-

ния. Если ты согласна, я сейчас же прикажу повернуть корабль к моему городу.

— Ты друг царевича, — промолвила Каджалрекха, — а я только его служанка. Из-за своей несчастной судьбы я снова обречена на изгнание, и он отправил меня с тобой, чтобы ты завез меня на безлюдный остров. Зачем тебе, такому знатному человеку, жениться на служанке?

— Ты была служанкой, — отвечал юноша, — а теперь я сделаю тебя владычицей. Ты убедишься в этом, как только переступишь порог нашего дворца. Тебе там очень понравится, поверь мне!

— Выслушай, юноша, мою печальную историю, — молвила девушка. — Мой отец счел меня виноватой в чем-то и отправил в изгнание. Потом я стала служанкой во дворце Игольчатого царевича. Он тоже заподозрил меня, возвел на невинную бремя обвинений. Прикажи лучше бросить меня в эти глубокие воды. Покрытая позором, я не могу больше показываться людям.

Друг царевича не стал больше ничего слушать и приказал капитану плыть домой.

Горю Каджалрекхи не было предела.

— Мое сердце сейчас разорвется от горя. Некому меня, несчастную, защитить, некому пожалеть! Муж обвинил в неверности и изгнал из дворца. За дурные деяния в каком-то из прошлых рождений меня преследует одно несчастье за другим. Теперь вот этот злой человек мучает меня. О боги! Если я чиста перед мужем, пусть по моему велению встанет из воды остров! ²⁰.

Не успела она произнести эти слова, как среди моря вырос островок, и корабль уперся в него носом.

— Она колдунья! — закричали все на корабле. — Это из-за нее мы сели на мель. Надо скорее от нее избавиться!

Что тут было делать? Хочешь не хочешь, пришлось высадить Каджалрекху на остров. Как только она сошла на берег, корабль тут же отчалил и вскоре скрылся из глаз.

К тому времени Дханешвар скончался и заморской торговлей занялся его сын и наследник Ратнешвар. Однажды молодой купец возвращался из дальних стран домой. Ночью их настигла буря, и корабль бросил

якорь у того самого острова, где высадили Каджал-рекху. Она пробыла здесь полгода и едва не умерла, питаясь лишь молодыми побегами тростника.

Утром молодой купец увидел на совершенно безлюдном острове удивительно красивую девушку. Брат и сестра не могли узнать друг друга — ведь Каджал-рекха покинула дом, когда Ратнешвару было всего четыре года. Ратнешвар сошел на берег, уговорил ее взойти на корабль и привез домой. Каджалрекха сразу же узнала город и отчий дом. Но она ничего никому не сказала и только украдкой плакала в одиночестве.

Конюшни и стойла, как и прежде, были полны лошадей и слонов. Не только матери, но и отца Каджал-рекхи уже не было в живых.

— Без них дворец мне кажется пустым и заброшенным, — горевала она. — Вот на этой кровати я спала в объятиях матери, а здесь я не раз видела счастливые сны юности. Вот комната, где мать кормила меня. Увы, нет у меня теперь ни отца, ни матери, нет со мной даже моей любимой птицы Дхарма-мати.

Так в слезах проводила она дни за днями. И вот однажды к ней вошел Ратнешвар и сказал:

— Моя дорогая гостья, с ликом прекрасным, словно луна. Мой корабль подобрал тебя на дальнем, пустынном острове, я избавил тебя от верной гибели. Там тебя наверняка съели бы крокодилы или акулы, а здесь ты окружена заботой и вниманием. Я не женат, и ты, видно, тоже не замужем. Подумай о юности, которая столь быстротечна. Я хочу жениться на тебе. У меня нет ни матери, ни отца, дом мой неприютен и пуст. Если ты согласна, мы завтра же поженимся. Я уже пригласил друзей и родных, брахман готов нас сочетать брачными узами. Музыканты и те уже собрались. Скажи, что ты согласна. Мы оба будем счастливы. Ты будешь жить в холе и неге, а слуги — исполнять малейшие твои желания.

— Но ведь ты не знаешь, откуда я родом и из какой семьи. А вдруг я из неприкасаемых — из касты хади или из касты дом? Шастры ведь запрещают такие союзы.

— Твое лицо сияет, словно луна, — отвечал на это Ратнешвар. — Ты не можешь быть из низкой касты. Конечно, мне хотелось бы знать, кто твои родители, где твой дом и как ты очутилась на острове. Если можешь,

расскажи мне обо всем. Но я не посмотрю ни на что и все равно женюсь на тебе.

— Как мне ответить на твои вопросы? С двенадцати лет я скиталась по лесу, — сказала ему Каджалрекха. — Во дворце Игольчатого царевича есть попугай, который знает историю моей жизни. Если ты задумал жениться на мне, привези сюда эту птицу, и тогда ты все поймешь.

Молодой купец приказал слугам нагрузить корабль золотом и драгоценностями и отправиться за птицей.

Игольчатый царевич, отправивший Каджалрекху в изгнание, безумно по ней тосковал и, покинув родной город, стал ездить из одной страны в другую в поисках любимой. Много пересек он морей, побывал в разных странах, но нигде не мог ее найти.

В его отсутствие во дворец прибыли люди, посланные Ратнешваром. Лжецаревна соблазнилась грудой золота и драгоценностями и продала им попугая Дхарма-мати.

Настал день, когда глашатаи под барабанный бой возвестили, что молодой купец Ратнешвар привез из-за моря невесту и собирается на ней жениться. А когда стало известно, что птица Дхарма-мати расскажет перед всеми историю этой «морской девы», у дома Ратнешвара собрались толпы людей из разных каст и сословий. Свидетелями удивительного события захотели стать даже раджи, знатные купцы и богачи. Попал туда случайно и Игольчатый царевич.

В назначенное время слуги принесли золотую клетку с попугаем, дверцу которой по просьбе птицы оставили открытой. Когда стих гул толпы, попугай вылетел из клетки, сел на нее сверху и начал рассказывать:

— Я — попугай, и зовут меня Дхарма-мати. Послушайте, уважаемые гости, что я вам поведаю. В одном из южных городов жил очень богатый купец по имени Дханешвар. У него были сын и дочь. Девочку звали Каджалрекха. Уже в десять лет она отличалась редкой красотой. Когда на ее лице появлялась улыбка, казалось, что она одаривает всех жемчугами и бриллиантами. Ее можно было сравнить с прекрасной водяной лилией, орошенной дождем. Сыну Дханешвара в то время было четыре года, его звали Ратнешвар.

С самого детства злой рок обрушивал на Каджалрекху одно несчастье за другим. Как-то купец решил посоветоваться со мной о женихе для своей дочери. Мое имя — Дхарма-мати, а это значит: я всегда говорю только правду. Заглянув в будущее, я увидел, что ей предназначено выйти замуж за мертвого царевича.

В течение двенадцати лет Каджалрекха должна была нести бремя великих испытаний. Если бы купец оставил ее дома, с ним произошло бы несчастье. Я посоветовал ему отвезти дочь в глухой лес. Только при этом условии ее несчастья могли окончиться благополучно. Купец послушался, снарядил корабль, взял с собой дочь, меня и тронулся в путь. Мы долго плыли и наконец достигли дремучего леса. Отец взял девушку и повел в чашу.

Когда они подошли к старому храму, отец велел дочери подождать, а сам отправился на поиски воды. Каджалрекха открыла дверь храма и вошла внутрь. Когда купец вернулся и окликнул дочь, она уже была пленницей в храме. Как ни старались отец с дочерью открыть дверь, это им не удалось. У купца не было другого выхода, как оставить девушку в храме и вернуться домой.

С этими словами попугай вспорхнул и перелетел на карниз второго этажа.

— А теперь я вам расскажу об Игольчатом царевиче, — продолжал он свой рассказ. — В городе Чампа жил раджа по имени Хирадхар. У него не было сына, который мог бы продолжить род. И сколько ни молился раджа богам, все было напрасно.

Однажды к нему зашел саньяси и предсказал, что боги сжалятся над ним и у него родится сын редкой красоты и больших талантов. Для этого жена раджи должна съесть манговый плод, который саньяси принес с собой.

Рани съела плод, и у них действительно родился сын, но мертвый. Раджа послал за саньяси, и тот велел воткнуть в тело младенца сотни иголок и стрел, отчего его стали называть Игольчатым царевичем. После этого саньяси приказал отвезти ребенка в лес и оставить там одного.

Раджа выстроил в глубине леса небольшой храм и положил в него сына. Мальчик был очень красив. Он рос и развивался нормально, хотя и оставался неподвижным.

Он уже стал юношей, когда в храм вошла Каджалрекха. Отец завез ее туда и сказал, что по велению рока она должна выйти замуж за мертвого царевича.

Девушка все время плакала, ее слезы могли бы растопить даже камень. Она омыла слезами тело юноши. Семь долгих дней и ночей сидела она возле царевича и вынимала иголки из его тела. На восьмые сутки девушка пошла на пруд совершить омовение, оставив две иглы на глазах юноши и волшебные листья у его изголовья, которые дал ей саньяси.

В это время к пруду пришел старик и предложил Каджалрекхе купить его дочь. Она пожалела несчастную и за свой браслет купила девушку. Но случилось так, что служанка стала царевной, а Каджалрекха — служанкой...

Слово за слово, попугай поведал обо всем, что произошло во дворце у царевича, какие горести выпали на долю Каджалрекхи, как жестоко преследовала ее Канкан-даси, ставшая лжецаревной. Все узнали из уст попугая, как Игольчатый царевич был обманут и как поручил он своему другу отвезти девушку на безлюдный остров.

Тут попугай залился слезами, и голос его прервался от волнения.

— Бесчестный друг царевича, — продолжал попугай, — стал принуждать Каджалрекху выйти за него замуж. Слезы невинной девушки растрогали даже море, и оно породило остров на пути корабля.

С этими словами Дхарма-мати взлетел и, кружась над собравшимися, так закончил свою речь:

— Сегодня кончился двенадцатый год ее страданий. И вот теперь на ней хочет жениться ее родной брат Ратнешвар.

Сказав эти слова, попугай исчез.

Игольчатый царевич, не понявший толком, жива ли Каджалрекха или умерла, горько заплакал.

Ратнешвар был глубоко потрясен тем, что услышал. Он подошел к сестре, чтобы высказать ей свою любовь, и стал умолять, чтобы она его простила.

Так брат и сестра нашли друг друга, а попугай Дхарма-мати переселился в царство богов.

Игольчатый царевич торжественно отпраздновал

свою свадьбу с Каджалрекхой, погостил немного у Ратнешвара и возвратился в родной город.

По прибытии он оставил молодую жену на корабле, а сам отправился во дворец. Во внутреннем дворе он приказал вырыть глубокую яму, лжецаревне сказал, что с юга к ним подходят полчища царевича Ратнешвара, которые собираются разграбить город.

— Вот почему я хочу спрятаться в этой яме и укрыть в ней казну, — добавил он.

Лжецаревна собрала все свои драгоценности и, как только яма была готова, со всех ног бросилась в нее, чтобы никто не успел ее опередить.

По знаку царевича яму завалили землей и камнями. Тогда он вернулся на корабль и забрал Каджалрекху во дворец. После этого они прожили долгие-долгие годы в счастье и согласии.

МАЛАНЧАМАЛА

Ж

ил-был царь, и не было у него детей. Собрал он однажды со всех концов своей земли астрологов, брахманов и отшельников и велел им совершить жертвоприношение, чтобы боги даровали ему сына.

По завершении всех обрядов главный жрец сказал царю:

— Надлежит тебе, царь, соблюдать пост три дня и три ночи. На четвертый день отправляйся в сад, где увидишь на манговом дереве два золотистых плода. Сорви их и разговейся. Сам съешь тот плод, что справа, а царица пусть съест тот, что слева. У вас родится сын.

По велению царя во дворце умолкла музыка и прекратилось веселье — жизнь замерла. Царь заперся в олочивальне и три дня не выходил оттуда, не смыкая глаз и не принимая пищи.

На четвертый день ему привели его любимого коня Пакшираджа. Царь совершил омовение и пошел в храм поклониться святыням. Затем он сел на коня и в один миг оказался в саду, где росло манговое дерево. Оно уже давно не давало урожая, а тут царь увидел на нем два прекрасных золотистых плода. Протерев глаза и убедившись, что это не сон, царь обрадовался и подумал, что надо принести богам в жертву сладости.

Золотистые плоды висели на одной ветке. Чего только ни делал царь, чтобы их сорвать: пробовал сбить плоды палкой, стрелой из лука — ничего не помогло.

— Что за чудеса! — сказал царь. — Почему я никак не могу сорвать эти плоды? Наверное, их надо добыть вместе с веткой, чтобы не перепутать, какой левый, какой правый. Пусть теперь кто-нибудь из вас попробует достать эти плоды, — приказал он свите.

Советники царя, военачальники и другие царедворцы один за другим подходили к дереву, но их всех постигла неудача. Одни стреляли из лука, но стрелы сворачивали в сторону; другие пытались достать плоды крючьями, но те тут же ломались; третьи пытались взобраться на дерево, но ствол становился скользким, и люди падали, при этом один сломал руку, другой — ногу.

Царь сорвал с себя жемчужное ожерелье, сбросил корону и хотел влезть на дерево сам. Тут к нему подошел котвал и говорит:

— Да сопутствует тебе победа, государь! Разреши мне достать эти плоды.

— Когда пошли ко дну слоны и кони, кузнечик говорит: «Давай я поищу брод!»¹ — ответил ему царь.

Приближенные царя стали смеяться над котвалом, а царь сказал:

— Ну что ж, попробуй. Только вот тебе мое условие: если достанешь плоды — получишь награду, если нет — лишишься головы.

— Эх, была не была, — сказал на это котвал.

Он поклонился царю в ноги, взял горсть земли и пробормотав какое-то заклинание, бросил этой землей в плоды. Они тут же упали прямо в руки царю. Придворные не знали, куда глаза девать от стыда.

Громко заиграла во дворце музыка, заржали кони в конюшне, проснулась царица в своей опочивальне. А царь снял с себя покрывало, накинул его котвалу на плечи и поехал во дворец.

В пути плоды оторвались от веточки, перепутались, и теперь уже трудно было сказать, какой из них был правый, а какой — левый. И вышло так, что царь съел тот плод, что был слева, а царица — тот, что справа.

Через некоторое время царица зачала. Царь на радостях одарил придворных жемчугом и другими

драгоценностями, велел раздавать беднякам милостыню.

Прошло положенное время, и царь велел собрать со всей страны музыкантов, танцоров, барабанщиков. Девять дней звучала во дворце такая громкая музыка, что птицы облетали его стороной. На десятый день у царицы родился мальчик, краса которого затмила луну.

Все радовались и веселились, царь приносил благодарственные жертвы богам и раздавал пищу людям и животным. Он повелел рыть для своих подданных пруды и колодцы, строить рынки и дороги². И все превозносили щедрость государя.

На шестую ночь царский двор был превращен в огромный шатер под балдахин с золотыми кистями, в нем горели светильники в три ряда, наполненные чистым топленным маслом. Сто и один³ оркестр играл непрерывно. С четырех сторон двора горели костры. Дворец охранялся воинами и стражниками. Вход в комнату роженицы устлали лепестками цветов, вдоль стен висели цветочные гирлянды, пол посыпали красным порошком, а воздух был напоен ароматом сандала⁴. Здесь должны были пройти Дхара, Тара и Бидхата — боги судьбы, чтобы начертать свои письмена на лбу малютки-царевича.

Наступила ночь. Служанки и няньки улеглись у порога на пол и принялись рассказывать царице разные истории о царях и их возлюбленных. Царица уснула под эти сказки. Последней рассказывала сказку цветочница. Но вот и она задремала. Когда пробило полночь, уснула и стража.

В это самое время на дорожке, украшенной цветами, появились со связками перьев в руках Дхара и Тара. Поперек входа лежала спящая цветочница. Боги призвали в свидетели три небесных звезды⁵, переступили через спящую цветочницу и вошли в спальню царицы.

Первым взялся за перо Дхара. Он начертал на теле ребенка знаки учения, мудрости, процветания и славы, а на ладонях — символы знамени и лотоса⁶. Дхара так старался, что исписал все перья.

Теперь за работу принялся Тара. Но не успел он поднести перо к челу ребенка, как тут же отбросил его и вскочил.

— Что ты там обнаружил? — спросил его Дхара.

— Мальчик будет жить только двенадцать дней, —

ответил Тара. — Пойдем, нам больше нечего здесь делать.

— Двенадцать дней? — переспросил Дхара. — Дайка я посмотрю.

Дхара начал свои вычисления, и, сколько он их ни повторял, все время получалось число «двенадцать». Дхара пытался поставить после двенадцати ноль, но он тут же таинственно исчезал. Тогда и Дхара в сердцах отбросил перо.

Если боги начнут плакать, заплачут все люди на земле. Поэтому они вытерли слезы концами своих одежд и собрались уходить. Но на пороге лежала цветочница, и, призвав в свидетели три небесных звезды, боги стали перешагивать через нее. Дхаре удалось это сделать, а Тара споткнулся о цветочницу. Она проснулась и ухватила его за ногу.

— Кто ты такой? — спросила она. — Бог или человек, дух или разбойник? В этой комнате спит царица, и я, цветочница, охраняю ее порог. Даже сама смерть не может сюда войти.

— Я — бог судьбы, — ответил ей Тара, — отпусти мою ногу, о цветочница!

— Бог судьбы?! Тогда скажи мне, что ты начертал на челе царевича! — потребовала цветочница.

— Ты не должна этого знать, — сказал Тара, — отпусти же меня!

Но цветочница не послушалась и крепко связала ему ноги передником. Тогда бог уронил слезу и промолвил:

— Жизнь царевича продлится только двенадцать дней, вот все, что я могу тебе сказать.

— Двенадцать дней! — закричала цветочница на весь дворец. От ее крика лопнули барабаны, смолкли оркестры, а часовой с испугу пронзил себя собственным копьём.

Царица вскочила с постели и стала спрашивать, что случилось. Прибежали царь, советники, придворные, и все начали требовать у цветочницы объяснений.

Цветочница билась головой о камни и причитала:

— Государь, сколько ты совершил жертвоприношений, чтобы родился вот этот ребенок, прекрасный, как луна! Но он не проживет и двух недель — только двенадцать дней! О боги, разве это справедливо?!

Царь и все придворные онемели от горя, а царица упала как подкошенная. Слоны порвали цепи и убежа-

ли из стойл, лошади замертво упали в конюшнях. Пакшираджд, любимый конь царя, не притронулся к корму. Все родственники царя и брахманы собрались у мангового дерева и дали обет не принимать пищи.

Дхара, Тара и Бидхата пошли к другим богам и сказали:

— Разве это справедливо, что царевич, родившийся после стольких жертвоприношений, проживет только двенадцать дней? Царство, где он родился, стоит на краю гибели, и земля утопает в слезах.

Тогда владыка богов под видом пожилого брахмана направился к манговому дереву.

Люди увидели, что к ним приближается старый брахман, окруженный сиянием, и стали спрашивать:

— Кто ты, о лучезарный брахман? Знаешь ли ты, что по велению судьбы наш царевич должен скоро умереть? Помолись, спаси его, если можешь.

— Даже солнце и луна попадают в пасть демона Раху⁷, — сказал брахман. — Кто может противостоять судьбе? Но не надо отчаиваться. Я хочу взглянуть на ребенка.

Царь и советники повели брахмана во дворец. Осмотрев внимательно лоб, ладони и лицо царевича, он сказал:

— Жизнь этого ребенка, семи дней от роду, может быть продлена, если вы жените его на девочке, которой сегодня исполнилось двенадцать лет.

Царь сложил к ногам брахмана свои лучшие драгоценности, но разве нужны они богу? Тем не менее он выбрал самый крупный бриллиант и унес его с собой. Поравнявшись с домом котвала, бог бросил бриллиант через забор и удалился.

Прошла ночь, сады наполнились благоуханием цветов и пением птиц. Во все концы государства спешили гонцы, чтобы разыскать девочку, которой исполнилось двенадцать лет. Но они возвращались один за другим, не найдя такого ребенка. Царь и его приближенные опять направились к манговому дереву и стали поститься.

В это время по ту сторону пруда появилась Маланчамала, дочь котвала, которой как раз в тот день исполнилось двенадцать лет. Она спустилась к воде и стала отмывать бриллиант, брошенный богом им во двор. Ночью прошел дождь, и драгоценный камень был весь в грязи. Девушка несла кувшин, и, когда она сту-

пала со ступеньки на ступеньку, маленькие бубенчики ножных браслетов весело позванивали.

— Кто эта девушка, чьи колокольчики звучат так сладко? Не богиня ли это? — спрашивали друг друга собравшиеся под манговым деревом.

Музыкант, игравший на вине, прислушался и заметил:

— Это, наверное, жужжат пчелы около своего улья в саду.

— Нет, — сказал другой музыкант, — это весело гогочут гуси, плавающие в пруду.

— Нет, не похоже, — сказали остальные.

Придворные подошли к пруду — узнать, что же это было, и увидели девушку, которой только что исполнилось двенадцать лет и на ногах которой весело звенели колокольчики.

— О девушка двенадцати лет! — вскричали все. — Чья ты дочь?

Она была дочерью котвала, и это смутило царя. Звуки колокольчиков на ее ногах напоминали жужжание пчел. Вдоль дорожки, по которой она шла, прямо на глазах распускались цветы. Ее руки были, как шея у лебедя, черные волосы волнами ниспадали вниз. Лицо ее было, как светлая луна, и вся она казалась богиней, отлитой из золота. И все-таки это была лишь дочь котвала. Царь засомневался и пошел за советом к царице.

— Если девушка так красива, давай женим на ней нашего сына, а котвала ты сделаешь одним из своих приближенных, — сказала царица.

После долгих раздумий царь решил последовать совету царицы и послал известить о своем решении котвала.

Получив такое приятное известие, котвал накинул на себя покрывало, подаренное царем, взял в руки копьё и в таком виде пошел по соседям.

— Я один сумел сорвать манго для царя, — говорил он. — А теперь моя дочь выходит за царевича. Я скоро породнюсь с царем, вы должны дать мне назар.

Котвал провел к своему дому широкую дорогу, поставил роскошные ворота.

«Что бы мне такое сделать еще, чтобы как следует подготовиться к этому важному событию?» — думал он.

А жена говорила ему:

— Мы — люди бедные, не чета царю. Я не согласна отдавать дочь за царевича, который скоро умрет!

— Дорогие отец и мать, — сказала им Маланчамала. — Придется нам подчиниться царской воле. Только сначала пусть отец сходит к царю и поставит ему три условия, на которых я согласна стать его невесткой.

— Что еще за условия? — удивился котвал.

— Спроси его, будет ли разрешено жениху погостить в доме тестя; еще спроси, согласятся ли мой свекор-царь и свекровь-царица отвесть пищу, приготовленную моими руками⁸. И последнее: преподнесут ли они мне, как положено, подарки на свадьбу. Если да, я выйду замуж за их сына.

Котвал пошел к царю, а Маланчамала попросила мать помочь ей одеться. Делать нечего: открыла бедная мать сундук и со слезами на глазах стала наряжать невесту.

Тем временем котвал пришел к царю и сказал:

— О царь царей, я знаю, ты велик и могуч, но не сегодня завтра я буду называть тебя своим братом. Моя дочь станет жить во дворце, но разрешишь ли ты своему сыну прийти в дом тестя?

Царь сердито посмотрел на котвала:

— Сначала пусть придет сюда невеста, а там будет видно!

— А согласятся ли досточтимый царь и царица отвесть пищу, приготовленную моей дочерью? — задал котвал второй вопрос.

— Мы поговорим об этом после свадьбы, — ответил царь.

— А получит ли моя дочь от вас свадебные подарки, которые полагаются невесте? — продолжал допытываться котвал.

Тут царь разгневался:

— Лучше не задавай мне таких вопросов, котвал. Я тебе уже сказал, что мы все решим, когда невеста придет во дворец.

Котвал вернулся домой и рассказал дочери про свой разговор с царем.

Дочь надела свои лучшие наряды, поклонилась в ноги отцу и матери и сказала:

— Я готова идти во дворец. Только сначала, отец, спроси у царя, разрешат ли мне взять тело царевича, если он умрет в первую же ночь после свадьбы.

Котвал пошел к царю и передал ему эти слова дочери.

Царь не на шутку рассердился:

— Как ты смеешь ставить мне такое условие? Что это за невеста, которая задает царю вопрос за вопросом и хочет заранее связать меня словом. Эй, стража! Схватите этого человека и заточите в тюрьму! А его дочку доставьте во дворец, и сей же час справим свадьбу!

Грозный приказ царя был тут же исполнен. Царские слуги схватили длинные бамбуковые шесты, привязали к ним паланкин и доставили невесту во дворец.

Это была не свадьба, а горе: не было ни сватов, ни гирлянд, ни поста, ни прочих обрядов; подружки не умащали тело невесты благовониями; только откуда-то издалека раздавались звуки одинокой флейты⁹. Брахманы прочитали нараспев нужные мантры, младенец заплакал, и подоспевшая царица стала его успокаивать; невеста семь раз обошла вокруг жениха¹⁰, взяла его на руки и пошла в брачную комнату. Как только она переступила порог, хлынул ливень, дворцовые башни обрушились и дворец загорелся. Новорожденный забился в судорогах и скончался на руках Маланчамалы.

Смерть царевича всех потрясла: царь лишился рассудка, царица упала замертво, и сотни горожан собрались у стен дворца, чтобы выразить свою скорбь.

— Она — ведьма! — кричал царь. — Хватайте ее за волосы и тащите во двор! Нужно вырвать у нее глаза и сжечь их.

Разъяренная толпа выломала двери и бросилась к Маланчамале.

— Спросите сначала моих свекра и свекровь, исполнят ли они свое обещание, — сказала девушка служанкам и нянькам.

— Какое обещание?

— Они обещали, что разрешат жениху погостить в доме моего отца. Согласны ли они сейчас на это?

— Ах, вот что! — закричал царь. — Так отправьте котвала туда, куда ушел мой сын.

И Маланчамала услышала звук топора, которым палач отсек котвалу голову.

— Ну что ж, понятно, — ответила Маланчамала. — А сдержат ли царь с царицей другие свои обещания?

— Какие обещания?

— Отведают ли они пищи, приготовленной моими руками?

— Эй, няньки, сейчас же отрубите руки дочке котвала! — закричал царь.

Няньки схватили топор и отрубили девушке кисти обеих рук.

— Понятно, — сказала Маланчамала. — А как насчет других обещаний?

— Каких обещаний?

— Пусть царь поднесет мне дары: дойную корову, пять светильников, заправленных коровьим маслом, сандаловые поленья, золотой очажок, ложку, унизанную жемчугом, золотой и серебряный кубки, подушки из пуха белой горлицы¹¹, одеяла с кружевами ручной работы и серебряный карандаш, чтобы класть на веки каджал¹². И пусть он забудет о своем сыне и невестке.

— Ах, так ей нужны подарки? — вскричал царь. — Сейчас она их получит!

И вместо коровы ей дали осла, вместо сандаловых поленьев — камни, вместо золотого очага — корзину из тростника, вместо кубков и ложки — разбитый глиняный горшок. На шею ей повесили ожерелье из скорлупы кокосовых орехов, а на спину привязали корзину с коровьим навозом. Потом ей обрили голову, одели в грязное тряпье, посадили на осла и стали возить по городу.

— Спросите моего свекра и свекровь, выполнят ли они другие свои обещания? — спрашивала Маланчамала.

— Какие обещания?

— Мой муж умер в первую ночь нашего брака, и они обещали отдать мне его тело.

— Отдать тело?! Зажигайте погребальный костер!

На речном берегу, где сжигают покойников¹³, разожгли погребальный костер. Пламя быстро охватило поленья и взметнулось к небу. Маланчамале отрубили нос и уши, выкололи глаза, вложили ей в руки мертвого царевича и бросили в огонь.

В эту самую минуту хлынул ливень и залил огонь. Духи и демоны почуяли добычу и закружились над почти совсем потухшим костром¹⁴. Конь Пакшираджд, обезумев, сорвался с привязи и с диким ржанием примчался к костру. Царь, придворные и весь народ перепугались до смерти, бросились в город и крепко заперли за собой ворота.

А в середине тлеющего костра осталась Маланча-мала с младенцем-царевичем на коленях.

Спрашивает тогда Маланча:

— Мой муж умер или спит?

— Умер!

Маланча спрашивает во второй раз:

— Мой муж умер или спит?

— Умер!

Маланча задает тот же вопрос в третий раз:

— Мой муж умер или спит?

— Спит.

Маланча улыбнулась и крепко прижала к себе ребенка, а духи стали лизать ее раны.

— Маланча, это ты сидишь на костре?

— Да.

— Что ты будешь делать с таким мужем? Отдай нам мертвое тело.

— Не отдам!

Дрова на костре словно бы ожили: у поленьев выросли руки и ноги, и они пошли: топ, топ, топ!

— Маланча, это ты сидишь на костре? Смотри, сколько нас тут дожидается мертвого тела. Отдай нам его!

— Не отдам!

В дыму костра показались огромные оскаленные челюсти. Раздался громкий хохот, и страшный голос спросил:

— Маланча, ты все еще здесь?

— Да, а что?

— Отдай нам ребенка, и тогда огонь погаснет совсем.

— Не отдам!

— Не отдашь?

— Нет!

Откуда-то появилась старуха и прохрипела страшным голосом:

— Тебе все равно умирать, Маланча. Отдай ребенка мне!

С другой стороны появился старик и прошамкал:
— Тебе грозит неминуемая смерть! Отдай ребенка, и ты спасешься.

Из воды высунулись крокодилы и огромные рыбы:
— Отдай нам младенца, мы утолим им свой голод!

Роящиеся в воздухе духи разевали пасти и восклицали:

— Маланча, отдай нам эти нежные косточки. С какой радостью мы их погложем!

А Маланча сидела, крепко прижимая ребенка, и не обращала внимания на то, что творилось вокруг.

Дни шли за днями, месяцы за месяцами. На песчаном берегу реки вырос густой лес. Тогда перед Маланчамалой явились посланцы бога смерти — братья Каладута и Шаладута.

— Отдай нам мертвое тело, это приказ самого бога смерти, — потребовали они.

— Кто вы такие? — отвечала им Маланча. — Отнимите его у меня, если можете.

И Каладута с Шаладутой растаяли в лунном свете. Потом к Маланчамале подошла удивительно красивая девушка.

— Это ты, Маланча? — спросила она. — В детстве мы дружили с тобой, помнишь? Что это? Ты держишь на руках мертвое тело? Брось его, брось — оно уже начало гнить!

— Кто ты такая? Я не помню тебя, — сказала Маланчамала. — Видно, ты не знаешь, что чувствует жена к своему мужу?

— О Маланчамала! — вскричала девушка. — Так этот покойник — твой муж? Дай мне его подержать, а сама сходи на реку за водой.

— В реке нет воды. Если бы там была вода, все было бы по-другому.

— О Маланча, смотри, небо покрылось черными тучами, сейчас хлынет ливень. Пойдем, дай мне ребенка, я помогу тебе встать.

Маланча только крепче прижала мужа к своей груди и промолвила:

— О боги будьте свидетелями! Вот мой младенец-супруг у меня на руках. Если я чиста и верна ему, ты, искусительница, обратишься в пепел, лишь прикоснешься ко мне. Ага, ты боишься! Значит, ты злой дух. Убирайся отсюда! А ты, ночь, если не кончишься сию же минуту¹⁵, я, Маланча, с этим ребенком на руках клянусь превратить твои звезды в огни, а цветы — в звезды!

Ночь испугалась этой угрозы и отступила, из-за леса осторожно выглянула утренняя заря. И тогда все ночные видения отступили.

— Посмотри на своего малыша, — сказала Маланче подруга.

И Маланча вдруг почувствовала, как ребенок начал потихоньку шевелить ручками и ножками. У нее появилось такое сильное желание увидеть его, что она прозрела. Маланчамала поняла, что находится вместе с ребенком на песчаном берегу реки. Когда же ей захотелось приласкать и накормить ребенка, она почувствовала, что у нее растут ладони и пальцы; потом у нее появились нос и уши, а голова покрылась красивыми черными волосами.

— Прости меня за то, что я тебя обидела, — сказала Маланча подруге. — Пусть боги пошлют долголетие твоему мужу!

И тут Маланча увидела рядом с собой золотой очажок, сандаловые поленья, мягкие подушки, ложку, усыпанную жемчугом, и серебряный кувшин, полный молока. Она разогрела молоко на сандаловых дровах и накормила ребенка с ложечки, усыпанной жемчугом; затем вытерла ему лицо и шею шелковым передником, уложила в кроватку и укрыла вышитым одеяльцем. Повернувшись спиной к солнцу, Маланча взяла серебряный карандаш, подвела глаза малыша черной сажей и укачала его.

Так и стала жить Маланча со своим маленьким мужем на песчаном берегу. Она ничего не ела и только кормила ребенка. Она подводила ему глаза и укрывала его краем своей одежды. Если он улыбался — смеялась и она, если он плакал — плакала и она. Когда он лепетал первые, еще непонятные слова, Маланча отвечала ему; она купала его в своих слезах, отирала с него пыль своими волосами, согревала его теплом своего тела и не спускала с него глаз.

Так прошел год. Маланча кормила ребенка молоком из волшебного кувшина, который тут же вновь наполнялся.

Но вот к кувшину повадились духи. Они вытягивали губы, как клювы, и пили молоко. Когда в кувшине ничего не осталось, Маланча с ребенком на руках стала искать человеческое жилье, чтобы попросить молока для своего маленького мужа.

Долго шла она по пескам, но конца пути не видела. Если солнце ударяло ребенку в лицо, она прикрывала его своей одеждой; если шел дождь, заслоняла своим телом; если поднимались песчаные вихри, укрывала

своими волосами. Под конец Маланча совсем выбилась из сил.

Наконец она пришла в густой, темный лес. Ни человеческого жилья, ни молока для ребенка здесь не было. Навстречу ей вышел огромный тигр.

— Я уже стар, — прорычал он, — и не могу теперь охотиться, как бывало. Отдай мне своего ребенка, я утолю им голод.

— Это мой муж, — отвечала ему Маланча. — Он еще так мал, что ты им не наешься, а только больше захочешь есть. Лучше съешь меня.

— Это твой муж? — удивился тигр. — И ты бродишь с ним в этих диких местах? Ладно, я не стану есть ни тебя, ни ребенка. Можете жить здесь, я буду вас охранять.

— Спасибо, дядюшка тигр, — отвечала ему Маланча, — скажи, как мне достать молока?

— Молока? Да, ведь вы — люди, а человеческий детеныш не вырастет без молока. Тогда погоди, может, я разыщу для вас корову.

Тигр ушел и долго не возвращался.

Маланча стала плакать и приговаривать:

— О боги, где же вы! Ребенок умирает с голоду, и я готова пожертвовать жизнью ради капли молока.

В это время появилась тигрица с маленькими тигрятами. Она спросила:

— Скажи мне, милая, кто ты, почему так горько плачешь и зачем тебе молоко? Может быть, подойдет мое, тогда я накормлю ребенка.

— Да, подойдет, — ответила Маланча.

Между тем тигр вернулся ни с чем: он так и не смог найти корову.

И стал Чандраманик (так звали маленького царевича) жить среди тигров и питаться молоком тигрицы. Вместе с ними в лесу жила и Маланча. Она нянчила мальчика, собирала для него цветы и плоды, учила говорить. А когда он засыпал, пела ему колыбельные песни. Так прошло пять лет. И однажды Маланча сказала тиграм:

— Дорогие дядюшка и тетюшка, настало время, когда я должна вас покинуть.

— Как так? — удивились тигры. — Скажи нам, кто тебя обидел. Мы тут же разорвем его на куски.

— Никто меня не обижал. Я должна вам открыть,

что мой муж — царевич. Ему исполнилось пять лет, и я должна найти для него учителя.

— Только-то и всего? Ну, это мы сейчас устроим. В лесу полным-полно грамотеев, кричащих «хукка-хуа»¹⁶. Скажи только, и будет тебе целый десяток таких учителей.

— Нет, дядюшка, такие наставники нам не подходят. Мы пойдем в ближний город и поселимся на его окраине. Не забывайте про нас.

Маланча заплакала. Тигры проводили ее до опушки леса. Они так горевали, что не могли ни пить, ни есть.

А Маланча с царевичем на руках пустилась в дорогу. Она шла несколько дней и увидела запущенный сад. В нем не было ни цветов, ни воды. Там рос один только колючий кустарник, в котором жили ядовитые змеи.

Было жарко, и измученная Маланча решила отдохнуть в этом саду. И только она присела под деревом, как вокруг зажужжали пчелы, начали летать красивые птицы, а все деревья покрылись листьями и цветами. Из дома вышла удивленная цветочница.

— Вот уже двенадцать лет, как в моем саду не цвели деревья и не было воды в водоеме. А сегодня весь сад благоухает и в пруду распустился чудесный лотос. Отчего же так преобразился мой сад? Почему мне снова улыбнулось счастье?

Она посмотрела вокруг и увидела в тени дерева-бокул красивую девушку с ребенком на коленях, лицом светлую, как богиня.

— Из какого рая ты пришла сюда, дитя? — спросила ее цветочница. — Сад мой зацвел, и над твоей головой поют кукушки. Скажи мне, кто ты такая?

— Я простая девушка, — отвечала ей Маланча. — Я только хотела немного отдохнуть под этим деревом.

— Ты очень похожа на мою племянницу, которая умерла двенадцать лет назад. Все эти годы я горько оплакивала ее безвременную смерть. Может быть, ты и есть моя племянница в новом рождении?

— Не знаю, тетушка. Я просто зашла в этот сад отдохнуть.

— Входи же в мой дом и будь моей гостьей.

Цветочница была рада, что снова сможет ходить во дворец и продавать там цветы. А Маланча надеялась,

что будет через нее узнавать все, что происходит в городе.

— Ты, наверное, устала и проголодалась, — сказала цветочница. — Сейчас я приготовлю тебе что-нибудь поесть.

— Дай мне, тетушка, немного молока, — попросила Маланча.

Накормив ребенка и уложив его спать, Маланча пошла в сад, нарвала цветов и поставила их у постельки своего маленького мужа. Потом она подошла к цветочнице и сказала:

— Тетушка, я не ем пищи, приготовленной чужими руками. Я буду сама готовить себе еду.

Это понравилось хозяйке, и она дала ей все необходимое.

Маланча не сказала цветочнице, что ребенок — ее муж.

Цветочница жила в старой, полуразвалившейся лачуге, и Маланча попросила хозяйку построить новое жилье. На деньги, вырученные от продажи цветов, они построили новый, просторный дом из трех комнат. В одной поселилась Маланча с ребенком, в другой — цветочница, а третья оставалась свободной.

— Скажи, тетушка, а есть ли в этом городе школа? — спросила однажды Маланча цветочницу.

— Конечно, — ответила женщина. — Есть школа при дворце, в ней учатся и царские дети, и дети горожан. С утра до вечера сидят сгорбившись и жужжат, как пчелы, да каркают, как вороны, пока не охрипнут, даже смотреть жалко.

— Надо отдать туда Чандраманика — сказала Маланча. — Купите ему, тетушка, перо с чернильницей и отведите в школу.

Чандраманик начал ходить в школу и возвращался оттуда весь испачканный чернилами. Теперь в свободной комнате он учил уроки. Маланча попросила цветочницу ухаживать за ребенком: мыть его, кормить и укладывать спать. А сама Маланча только готовила еду. Она старалась реже попадаться ему на глаза, чтобы он не принял ее за свою мать. Незаметно для своего маленького мужа она с любовью наблюдала за ним, смотрела украдкой, как он ест и играет.

Так прошло еще семь лет.

Правителем этой земли был царь по имени Дудхабаран. Его семь сыновей и дочь ходили в ту же шко-

лу, что и Чандраманик. И вот братья заметили, что их сестра стала хуже учиться.

— В чем дело, Канчи? Нам кажется, ты стараешься, но почему ты стала плохо учиться? — спросили ее братья.

— Взгляните, братья, — отвечала им Канчи, — как прекрасен этот юноша! Его лица сияет, как луна, а сам он похож на молодого бога. Говорят, что он сын садовника, но для меня в нем заключены все веды и пураны. По-моему, он — не простой человек.

Эти слова встревожили братьев.

— Надо сделать так, чтобы он больше не появлялся в школе, — решили они.

Братья подозвали к себе Чандраманика и заявили ему:

— Твое лицо и руки испачканы чернилами, и одежда у тебя грязная. Если ты завтра придешь в школу в таком виде, мы отдадим тебя палачу.

А про себя братья подумали, что сыну садовника негде взять новую одежду и он больше в школе не появится.

Домой Чандраманик вернулся весь в слезах.

— Узнай, тетушка, почему он плачет, — попросила Маланча цветочницу.

— Он говорит, — отвечала хозяйка, — что жить ему осталось конец дня и ночь, а утром его отдадут палачу.

И цветочница рассказала Маланче, что случилось в школе.

— Вот тебе деньги, тетушка, — сказала ей Маланча, — пойди и купи ему такую одежду, которой могли бы позавидовать даже царевичи.

У Маланчи было много денег: она продала тот бриллиант, что нашла когда-то у себя во дворе.

На следующий день царевичи поразились, когда увидели, в каких богатых и красивых одеждах пришел в школу Чандраманик.

— Где он мог взять такую одежду, которой даже мы не имеем? — спрашивали они друг друга.

— Ну, что вы теперь скажете? — спросила Канчи братьев. — Разве похож он на сына садовника?

Царевичи подозвали Чандраманика и сказали:

— Стыдись, сын садовника! Ты надел богатый наряд, а пришел пешком. В такой одежде ходить пешком нельзя! Если завтра тебя не принесут сюда в роскошном паланкине, мы отдадим тебя палачу.

А про себя братья подумали, что теперь он в школу не явится. Одежду ему могли и подарить, а паланкин — дело другое. В паланкинах носят только знатных людей.

Чандраманик опять пришел домой в слезах, разделся и бросился на пол, громко рыдая.

Маланча послала цветочницу узнать, в чем дело, и та рассказала ей, что царевичи опять пригрозили ему палачом.

— Почему? — удивилась Маланча.

— Потому что он богато одет, а в школу ходит пешком, — отвечала хозяйка.

— Вот тебе деньги, иди в город и найми самый дорогой паланкин, — велела Маланча.

Долго искала цветочница паланкин, но никто из носильщиков не соглашался нести сына садовника.

— Заплати носильщикам по десять золотых монет, и они согласятся, — сказала Маланча и дала хозяйке толстый кошелек.

И вот Чандраманик прибыл в школу в самом богатом паланкине, под золотым балдахином — в таких носят только царей да вельмож. Позади него несли пустые паланкины, попроще. На улицах собрались толпы зевак, а школьники повскакали со своих мест и разинули рты от удивления.

— Поглядите, братья, каким светом озарилась вся школа, — сказала Канчи. — Он точно драгоценный камень в золотой оправе. Вас семеро, а сестра у вас только одна; если вы не выдадите меня за Чандраманика, я покончу с собой.

Крепко задумались братья: трудную задачу задали им сестра.

— Вот что, сын садовника, — сказали они наконец. — Ты выполнил два наших условия. Теперь ты должен достать коня, и мы устроим состязание. Выиграешь его — твое счастье, а если нет, то мы отдадим тебя палачу.

А про себя царевичи подумали: «Где уж сыну садовника ездить верхом! Как только он попробует сесть на коня, тут же с него упадет и разобьется насмерть».

И снова Чандраманик пришел домой весь в слезах.

— Что-то опять неладно, — сказала Маланча цветочнице. — Пойди узнай!

Цветочница расспросила мальчика и доложила обо всем Маланче.

— Делать нечего, — сказала Маланча. — Надо искать коня. Вот тебе, тетушка, деньги на расходы. Я вернусь через три дня.

И Маланча стала ходить из одного края в другой, прошла двенадцать царств и в тринадцатом пришла в город, безлюдный, как пустыня. Дворцовые ворота были закрыты, двери всех домов заперты изнутри. Вся жизнь в городе замерла, потому что Пакширадж, любимый конь царя, взбесился, бегал по городу и убивал каждого, кто попадался ему.

Когда Маланча узнала об этом, она воскликнула: — Где ты, о Пакширадж! Помнишь ли ты Чандраманика?

Пакширадж услышал голос Маланчи и прискакал к ней.

— Откуда ты знаешь Чандраманика, красавица? — спросил он. — Увижу ли я его когда-нибудь опять?

— Пойдем со мной, Пакширадж, — сказала ему Маланча, и конь последовал за ней.

— Кто эта девушка? Чандраманик умер много лет назад, но стоило ей упомянуть его имя, как взбесившийся конь сразу успокоился. Уж не чародейка ли она? — дивились жители города.

— Пойдите и разыщите ее! — приказала царица служанкам.

А Маланча шла и пела: «О царь, это тот самый конь, на котором ты ездил за двумя манговыми плодами. И у тебя родился сын, которого ты женил на дочери котвала. Это она уводит сейчас твоего коня. Осталось всего несколько дней до завершения двенадцати лет. И тогда ты обо всем узнаешь, но не теперь».

И Маланча покинула город.

— Что это? — спросил царь. — Я слышал голос Маланчи?! Это она уладила коня и спасла город. Когда-то я жестоко покарал ее, приказал отрубить ей руки и уши. И вот теперь она вернулась. Отпирайте свои двери, горожане!

Мать и братья Маланчи узнали ее и очень обрадовались, когда увидели, что уши и нос у нее снова на месте и походят на цветочные бутоны, пальцы, что цветы чампака, а зоркие глаза сияют, как звезды.

— Маланча, Маланча! — закричали они и бросились за ней. Но Маланчи с Пакшираджем и след пропал.

Царь разослал гонцов по всему государству на поиски невестки. Жену котвала пригласили во дворец и устроили в ее честь богатый пир. Царица ела вместе с матерью своей невестки и не боялась осквернить себя.

Дни проходили за днями. Все с нетерпением ждали известий о Маланче.

Тем временем в столице царя Дудхабарана в то утро, как обычно, протрубила раковина¹⁷, и ученики заспешили в школу.

Слова праведной женщины всегда сбываются. Маланча возвратилась домой с чудо-конем. Цветочница вышла ей навстречу и видит: глаза коня мечут огонь, уши стоят торчком, и вся земля дрожит от стука его копыт.

— Возьми коня и оседлай его, — сказала ей Маланча.

— Я готова сделать все, что хочешь, только не это. Я боюсь даже поглядеть в его сторону.

— Не бойся его, тетушка, он тебя не тронет.

— Нет, нет, я не могу.

Делать нечего. Опустила Маланча голову и стала седлать коня. Так, не поднимая ни головы, ни глаз, она помогла своему мужу сесть в седло. Затем, завязала на конце своего сари несколько узлов и сказала коню такие слова:

— Ты знаешь, что тебе надо делать, Пакширадх. Мой муж еще мальчик, и я вверяю его тебе. Весь день я буду развязывать один узелок за другим, и, как только развяжу последний, ты должен доставить его сюда.

Когда Маланча подавала мальчику поводья, он увидел ее лицо. Маланча быстро наклонила голову и стала вытирать пыль с его башмаков.

— Кто ты, прекрасная девушка? — спросил ее Чандраманик. — Ты всегда находишься рядом, но никогда со мной не разговариваешь. Ты готовишь мне еду, но не подаешь ее. Сегодня наконец я впервые увидел твое лицо, твои руки и ноги, а ты прикоснулась к моим ногам¹⁸. Кем же ты мне доводишься?

— Кто я, хочешь ты знать? Я — дочь котвала.

И Маланча распустила волосы, будто желая привести их в порядок, и закрыла ими свое лицо. Потом выдернула нитку из своей одежды, быстро обмотала ее вокруг шеи коня¹⁹ и отпустила его.

Пакшираджд взвился в воздух и понесся как птица, а Маланча упала на землю и предалась печали.

Семь царевичей замерли от удивления, когда Чандраманик подъехал к школе.

— Смотрите, ведь это настоящий Пакшираджд. Даже в наших конюшнях нет таких лошадей, — стали говорить между собой царевичи. — Где сын садовника взял такого коня?

Как птенец, у которого отросли крылья, конь рвался вперед и в нетерпении бил копытами землю. Чандраманику пришлось туго натянуть поводья.

А царевичи не знали, как им теперь быть.

«Раз мы сами предложили скачки, придется в них участвовать, — решили они наконец. — Даже если он и выиграет, мы все равно прикажем отрубить ему голову».

— Послушай, сын садовника! — воскликнули царевичи. — Если ты посмеешь опередить нас, мы прикажем тебя казнить. Ты должен отвести коня на семь с половиной миль назад и начинать скачки последним.

Началось состязание, и царевичи помчались вперед один за другим. Чандраманик выждал положенное время и отпустил поводья. Пакшираджд взмыл в воздух и мигом обогнал все семь лошадей.

— Нет, — закричали братья, — состязание еще не окончено! Мы скакали на восток, теперь поскачем на север.

Чандраманик лишь улыбнулся в ответ. Они поскакали на север, а потом на юг, и всюду Пакшираджд был первым.

— Довольно, — сказали царевичи, — ты выиграл. Поедемте теперь во дворец.

Чандраманик хлестнул Пакшираджда кнутом, и нитка, повязанная на шею коня Маланчамалой, оборвалась и упала на землю. Никто этого не заметил. Только Пакшираджд сразу стал задыхаться и остановился у ворот дворца.

— Кто этот юноша, выигравший гирлянду победы? — закричали собравшиеся.

В золотой башне дворца сидела царевна Канчи, подобная золотой богине. Она первая увидела приближение Чандраманика и сбросила вниз свитую ею цветочную гирлянду. Гирлянда коснулась головы Чандраманика и повисла у него на шее.

— Что происходит, что происходит? — закричали в толпе.

А произошло вот что: царевна одарила Чандраманика гирляндой²⁰. И тут уж ничего поделывать было нельзя: надо было готовиться к свадьбе.

Подоспевшие царевичи с показной любовью проводили Чандраманика во дворец. Царь собрал своих приближенных и спросил:

— По нашим законам можно ли отдавать царскую дочь за сына садовника?

— Можно, — отвечали придворные, — только после этого он должен провести двенадцать лет в заточении.

На том и порешили. Сыграли свадьбу. Весь город веселился три дня и три ночи. На четвертый день семь царевичей заковали Чандраманика в цепи и заточили в темницу.

После состязания Пакшираддж направился к пруду, на берегу которого лежала в слезах Маланча.

— Почему я не сказала ему, кто я и кем ему довожусь, ведь он так просил меня об этом! — стонала она.

Тут Маланча увидела, что Пакшираддж вернулся без седока.

— Что я наделала! — зарыдала она. — Скажи мне, Пакшираддж, что случилось с моим мужем?

— Что тебе ответить, красавица? — сказал Пакшираддж. — В дворцовой башне сидела царевна с цветочной гирляндой в руках. Вот эта гирлянда и затянула твоего мужа во дворец.

Тогда Маланча поднялась и вытерла слезы:

— Теперь я могу считать себя счастливой. Сегодня Чандраманику исполнилось двенадцать лет. Предназначенное мне — сохранить жизнь своего мужа в течение двенадцати лет — я выполнила. Прости меня, Пакшираддж, что я причинила тебе столько бед, и помни Маланчамалу. Передай вот это письмо моему свекру.

«О царь, ты доводишься мне свекром, — писала она. — Ты помнишь, что жизнь твоего сына-царевича должна была оборваться на двенадцатый день его жизни. Сегодня заканчивается его двенадцатый год, он жив, здоров и находится сейчас во дворце царя Дудхабарана. Там живет царевна, умеющая искусно сплетать гирлянды. Твой сын женился на ней, и все его беды

остались позади. Когда ты прочтешь это письмо, вступи на мгновение в воду пруда, возле которого ты впервые увидел меня, и вспомни про дочь котвала».

Маланча передала письмо Пакшираджу и, перед тем как отпустить, накормила и напоила его. А сама, чуть живая от горя, вся в пыли, вернулась в дом цветочницы. Она собрала свои вещи и отдала их хозяйке со словами:

— Тетушка, я хочу открыть тебе свою тайну: тот, кого я растила вместе с тобой все эти годы, — мой муж. Сегодня я отдаю тебе все, что имею, и прощаюсь с тобой. Не поминай лихом, а я буду благодарна тебе всю свою жизнь.

Цветочница чуть не умерла с горя. А Маланча, простившись с ней, направилась в родной город, чтобы утопиться в пруду напротив дома котвала.

«У пруда, где я нашла бриллиант, в городе, где я потеряла отца, придет конец всем моим мукам. О, как должна быть счастлива царица Канчи в объятиях своего мужа! Сегодня буду счастлива и я, простившись с жизнью в водах нашего пруда. Нет, мой муж ни в чем не виноват, ведь он хотел узнать, кем я ему довожусь, а я не сказала ему правду», — думала Маланча.

Выйдя из дома цветочницы и миновав сад, малый и большой пруды, Маланча вошла в лес, где не было ни одной живой души. В глубине леса она повстречала тигра и тигрицу.

— Милые тетушка и дядюшка, съешьте меня! — взмолилась Маланча.

— О дитя! — обрадовались Маланче тигры. — Где же ты была все это время?

— В доме цветочницы.

— А где ребенок, который был с тобой и которого мы кормили своим молоком? Где Чандраманик?

— Царица той страны, куда мы пошли от вас, преподнесла ему гирлянду. Я счастлива тем, что выполнила свой долг, и теперь вы можете меня съесть.

Маланча все рассказала тиграм, а они ей и объяснили:

— Да ведь это была не свадебная гирлянда, а тюремная цепь. В той стране существует обычай: когда сын садовника женится на дочери царя, его заключают в тюрьму на двенадцать лет.

Эти слова поразили ее словно гром. Она помнила

только одно: ее муж в опасности и его нужно спасти.

— Вот что, — сказал ей тигр. — Возьми серу из наших ушей и смажь ею себе голову. А потом мы все вместе пойдем в город.

Маланча достала серу из ушей тигра и тигрицы, смазала себе голову и сразу сделалась невидимой. Вместе с тиграми она пошла в город царя Дудхабарана.

Тем временем Пакшираджд возвратился в свой родной город. При виде его все горожане разбежались, а царь с царицей испугались за Маланчу, думая, что бешеный конь ее убил.

— Не бойся ничего, великий царь! — сказал Пакшираджд. — Возьми лучше вот это письмо и прочти его.

— Сейчас принесут длинный крюк и возьмут у тебя письмо, а ты ко мне близко не подходи! — отвечал в страхе царь.

Прочитав письмо, царь несказанно обрадовался:

— Мой Чандраманик жив! Скажи мне скорее, Пакшираджд, где сейчас мой сын?

— Он сейчас в столице царя Дудхабарана.

Царь приказал вернуть назад всех гонцов, которых он послал на поиски Маланчи, собрал большое войско, разделил его на четыре части и направил во все стороны искать столицу царя Дудхабарана.

Двинулся на поиски Чандраманика и царь со своею свитой.

По пути они остановились возле какого-то сада и увидели женщину, которая бегала от дерева к дереву, ломала цветущие ветки деревьев, бросала в пруд комья земли и кричала как безумная:

— Отвечайте, где моя племянница, куда девался мой дорогой мальчик?

«Мой любимый Чандраманик закован в цепи, — пела она. — Его верная жена, моя племянница, потеряла мужа и ушла в лес. Вот в этом пруду купалась она каждое утро и каждый вечер, по этой тропинке ходила с кувшином за водой. А здесь сидел и учил уроки мой славный Чандраманик, на этой кровати он спал».

Из ее песни царь узнал все, что ему было нужно, и приказал разбивать лагерь и ставить шатры, а сам сел и написал царю Дудхабарану такое послание: «Я, царь Чандра из Чандрапура, пишу это письмо и спра-

живаю: не у тебя ли находится мой сын? Сообщи мне, о Дудхабаран, где ты прячешь моего сына и как ему живется. Его имя — Чандраманик, он учился в школе вместе с твоими детьми. Правда ли, что твоя дочь надела на него свою гирлянду?

Прошу тебя добром, сними с моего сына цепи и отдай его мне вместе со своей дочерью, которая теперь по праву принадлежит нашей семье».

В ответ Дудхабаран написал: «Если это твой сын — приходи и возьми его силой».

Царь отдал приказ своим войскам напасть на столицу Дудхабарана и сам повел их в бой. Но армия Дудхабарана была сильнее, она разбила войско Чандры, а самого царя взяла в плен.

Так печально закончился день. А ночью в темницу мужа проникла невидимкою Маланча. Она увидела, что он сильно похудел и лежал в цепях на голом и грязном полу. Она вытерла слезы и подошла к нему, чтобы разорвать цепи. У нее ничего не было под рукой, и она стала рвать их зубами. Через час она разорвала одну цепь, сломав себе восемь зубов. К утру она разорвала все остальные цепи, и они со звоном упали на пол. Она довольно засмеялась и потеряла сознание. У Маланчамалы не осталось ни одного зуба, из десен текла кровь.

Чандраманик проснулся и увидел, что его цепи разорваны. Маланчу он видеть не мог, потому что она была невидимкой. Вскормленный тигрицей, юноша обладал громадной силой, и ему удалось выломать двери и выйти на волю.

Тигр и тигрица ждали его возле тюрьмы. Они сразу узнали Чандраманика и вместе с другими тиграми напали на дворец.

— Наш Маник на свободе! — ревели они. — Теперь мы истребим всех во дворце.

И тигры стали рвать на части и пожирать всех подряд — людей, лошадей и слонов. Это было настоящее тигриное пиршество.

Они сожрали царя Дудхабарана, его семерых сыновей, всех придворных и теперь искали по всему дворцу царевну Канчи.

Как только Маланча пришла в себя, она выскочила во двор и бросилась к тиграм:

— Что же это вы наделали?! О горе мне! Вы не оставили в живых ни одного человека. Некому теперь

зажечь светильники в этом огромном дворце. Не трогайте тестя и тещу моего мужа, не трогайте их сыновей и царевну Канчи — она для моего мужа дороже всех сокровищ.

— Мы уже проглотили царя, царицу, их сыновей и всех придворных, а сейчас ищем царевну. Разрешите нам съесть и ее.

Маланча стала биться головой о стену и кричать:

— Не трогайте, не трогайте ее! Если вы еще не наелись, съешьте лучше меня.

— Так и быть, мы не тронем ее, — сказали тигры. — У нас был сытный обед, и мы хотим теперь только пить.

Маланча взяла кувшин и пошла к пруду за водой.

Вот так в столице Дудхабарана не осталось в живых ни одного обитателя. Освобожденный из тюрьмы отец Чандраманика приказал громко бить в барабаны и вместе с сыном и царевной Канчи двинулся в обратный путь.

По дороге они остановились около пруда, чтобы освежиться и попить воды. В это время Маланча как раз набирала там воду. Наполнив два кувшина, она поставила их слева от царя, прикрыла их двумя зелеными листочками и поклонилась.

— Ты кто такая? — спросил царь.

Маланча ответила ему песней: «Какой сегодня счастливый день! Через долгих двенадцать лет я, недостойная, узрела стопы своего свекра²². Ты направляешься сейчас к себе во дворец. Для женщины дом ее свекра — это рай. Некогда ты изгнал меня из этого рая, царь! Какое же утешение можешь ты предложить мне теперь?»

— Опять эта дочка котвала! — вскричал царь. — Я ее знать не хочу! Поехали дальше, не станем здесь больше задерживаться. У моего сына уже есть жена — молодая царевна, и никакой дочки котвала ему не надо!

— Но, царь, — начали говорить ему приближенные, — ведь она обуздала Пакшираджа и спасла наш город.

— Ну и что?

— Она напустила тигров на столицу царя Дудхабарана.

— Ну и что?

— Она спасла жизнь царевичу, великий царь!

— Если вы еще будете говорить мне про нее, я прикажу отрубить вам головы! Что бы она ни сделала, она — дочь котвала. Кто из вас слышал, чтобы дочь нищего стала царицей? Если она хочет говорить со мной, пусть приходит сюда достойно, как положено царской невестке.

Напоив тигров, Маланча наняла роскошный паланкин, надела богатые одежды и явилась перед очи царя. Старый тигр подошел к царю и рывкнул:

— Теперь твоя невестка предстала перед тобой как настоящая царица. Возьми ее с собой во дворец, царь!

В ответ царь обрушил на них ливень из острых стрел.

— С нас довольно! — закричали тигры. — Только скажи нам, Маланча, и мы разорвем этого царя и всю его армию. Мы съедем царицу Канчи, а твоего мужа Чандраманика отдадим тебе.

— Как вы можете так говорить? — заплакала Маланча. — Тогда уж лучше съешьте меня!

И она запела:

«Для свекра я подмету дорогу своими волосами, сама же побреду вслед за ним тернистой боковой тропинкой. Дядюшка тигр и тетушка тигрица, не обижайтесь, но я прошу вас оставить меня».

Но тигры уходить не захотели.

Царь со своим войском двинулся по главной дороге, а Маланча — за ними по тернистой боковой тропинке. От Маланчи не отставал старый тигр со своим семейством.

При приближении царя к столице громко забили барабаны, заиграла музыка, и он вошел во дворец вместе с царевичем и его молодой женой. А Маланча осталась за воротами, предаваясь печали. Тигры не захотели бросить ее в тяжелую минуту и остались с ней.

Она стояла там семь дней, плакала и пела: «Здесь дом моего свекра — мой рай. Для меня это святое место, здесь я обрела себе мужа, тут была наша свадьба. Дом моего свекра мне дороже дома из чистого золота».

— Дядюшка, — сказала Маланча старому тигру, — мое место здесь. Не беспокойся обо мне и возвращайся в лес.

— Одно твое слово, Маланча, и мы разорвем царя и его невестку на куски и вернем тебе Чандраманика, — повторял старый тигр.

— Ни за что на свете! — отвечала ему Маланча. — Лучше уж разорвите меня.

Тогда тигры решили на время уйти и оставить ее одну.

Не успели они скрыться из виду, как царь велел страже прогнать Маланчу прочь. Выгнали из дворца и ее мать.

Маланча с матерью остались без крова. Они стали скитаться с места на место, и у них не осталось никакой надежды. Наконец мать не выдержала:

— Что хорошего в такой жизни? Лучше мне утопиться!

И с этими словами она бросилась в пруд.

— Матушка, что ты наделала? Зачем оставила меня одну на этом свете? Я не могу сейчас последовать за тобой, ведь мои надежды еще не сбылись. Перед смертью я должна увидеться со своим свекром и своим мужем, хотя бы один раз. О я несчастная, как же я могу умереть теперь!

Но, покинутая всеми, она больше не могла выносить эту тяжелую жизнь и все-таки решила утопиться. Но к какому бы пруду она ни подходила, везде ей что-нибудь да мешало: в один пруд были набросаны колючие ветки, другой наполнен грязью, а третий охраняли царские стражники. Так и не удалось ей покончить с собой. Она и сама не знала, радоваться этому или печалиться.

«Мой свекор не хочет, чтобы я освободилась от моих печалей. Он хочет, чтобы я мучилась и дальше. Я покорюсь его воле, ведь у меня никого больше нет на этом свете», — думала она.

Ночью в крепости каждые три часа били барабаны, под бой которых Маланча незаметно пробралась во дворец. Осторожными шагами она вошла в комнату, где спал царевич со своей молодой женой.

Маланча неслышно отворила дверь и увидела опочивальню, ярко освещенную восемью светильниками, заправленными коровьим маслом. На золотом ложе, застланном расшитым золотом покрывалом, спали новобрачные — будто два цветка в лунную ночь.

Маланча постояла у дверей, осмотрелась, потом вошла в спальню и прибавила огня в светильнике. Она

подошла к спящим, постояла у их изголовья, потом у ног, смотрела на новобрачных и не могла насмотреться.

Но вот послышались крики ворон, возвестившие наступление утра. Словно очнувшись, Маланча взяла священного блюда немного зеленой травы и несколько зерен риса²³, вырвала из своей косы два волоса, благословила новобрачных и, положив все это у ног царевича, запела: «Будь счастлив, царевич, будь счастлива, царевна! Пусть будет все так, как просит в своих молитвах преданная мужу женщина!

Пусть светильники, освещающие этот дом, горят сотни лет, не угасая; пусть балдахин с золотыми кистями красуется над этим тронем во веки веков.

О леса, деревья, земля, вода! Да пребудет над этим домом ваша защита!

Пусть башни этого дворца величаво вздымаются в небо и да не повергнет их злой неприятель!

Пусть солнце и луна всегда освещают своими золотыми лучами славный купол царского дворца!

Пусть вечно живет и процветает царевна вместе со своим мужем! Я желаю им счастья!

Я вырастила его ценой многих страданий, и теперь я счастлива. Что бы ни ожидало меня впереди — превращусь ли я в прах или в воду, стану ли птицей или презренной тварью, — это неважно. То, что я сейчас вижу, навсегда усладит мой взор!»

С этого дня Маланча стала тайно проникать в спальню новобрачных каждую ночь. И вот однажды, когда она напевала у их изголовья свою печальную песню, царевич проснулся, привстал и спрашивает:

— Что здесь происходит? Кто это поет в нашей спальне?

— Это поет тот, кто имеет право входить сюда, — негромко ответила ему Маланча. — Прости, что я разбудила тебя, царевич! Я — здешняя служанка. Не бойся ничего, спи спокойно, я сейчас уйду.

— Служанка? Что-то раньше я тебя здесь не видел. Скажи лучше правду, не то я возьму меч!

И он запел: «Служанка? Нет, это неправда! Твое лицо я видел в саду, когда жил у цветочницы. Если ты служанка, почему я тогда испытываю непонятную радость при встрече с тобой, почему так бьется мое сердце? Я смутно помню твои нежные руки, взрастившие меня. Служанка? Нет, скажи это кому-нибудь другому,

кто не знает тебя. А я тебя знаю, так скажи мне сейчас правду, кем ты доводишься мне».

— Взгляни на окно, царевич! Оно уже окрасилось в розовый цвет зари. Сегодня я не могу тебе ничего сказать, мне пора уходить.

И только Маланча повернулась, чтобы уйти, как Чандраманик схватил ее за конец сари.

— Я не отпущу тебя до тех пор, пока ты мне не откроешь своей тайны, — сказал он.

Маланча низко склонила голову и промолвила:

— Ты не должен так поступать со мной, царевич!

На шум прибежали служанки, стражники и даже сам царь.

— Ты кто такая? — строго спросил царь Маланчу.

— Отец, это дочь котвала, — ответил сын.

— Дочь котвала?! — изумленно переспросил царь.

— Да, — отвечал царевич, — она заслуживает лучшего обращения.

— Скажи ей, чтобы поскорее убиралась отсюда тем же путем, каким пришла, и никогда больше здесь не появлялась, — приказал царь.

Маланча ушла, ничего не сказав. После этого на дворец стали обрушиваться бедствия: одна за другой падали башни. Несчастья продолжались двенадцать лет. У царевича за это время родилось семь детей, и все они умерли.

«Все несчастья из-за этой ведьмы Маланчи», — думал царь.

Однажды, возвращаясь вместе со своей свитой домой, царь вдруг увидел: по обе стороны дороги распустились цветы. Слышалась нежная мелодия флейты. Царь взглянул на стены дворца и увидел, что все восемь башен снова стоят на своих местах, будто они никогда и не падали. Семеро его внуков вернулись из царства смерти и окружили царя.

— Что произошло? — спросил царь.

— Это все сделала дочь котвала, — отвечал царевич. — Как видишь, она может все разрушать и все восстанавливать.

— Не верю! — воскликнул царь. — Если она может возвращать жизнь мертвым, пусть она вернет жизнь своим отцу и матери.

Не успел царь войти в зал собраний, а навстречу ему котвал:

— Приветствую тебя, царь царей!

А на женской половине дворца к царице подошла жена котвала и сказала:

— Столько лет мы жили с тобой рядом, сестрица! Вот я и надумала повидаться с тобой.

Царь не знал, что и думать, все смешалось у него в голове. Наконец он решил отправиться на охоту, чтобы прийти в себя на свежем воздухе.

В лесу царь заблудился, и всех его приближенных разорвали тигры. Он долго бродил в одиночестве и чуть не умер от жажды, пока не увидел наконец высохший водоем.

На берегу стояла молодая красивая женщина с кувшином в руках.

— Нет ли у тебя в кувшине воды, красавица? — еле выговорил царь. — Ты спасешь меня от смерти, если дашь мне напиться.

— У меня в кувшине молоко, — ответила ему женщина.

— Молоком нельзя утолить жажду! Может быть, у тебя найдется хоть капля воды?

Женщина улыбнулась и вдоволь напоила царя водой из своего кувшина.

— Кто бы ты ни была, красавица, да украсишь ты своим присутствием дом твоего свекра. Ты вернула мне жизнь, когда я умирал от жажды. Да сопутствует тебе счастье всю твою жизнь, — сказал ей царь на прощание.

Женщина опустила кувшин на землю, прикоснулась к ступням царя и запела: «Я сегодня так счастлива, что и сказать не могу, о мой свекор! Я впервые в жизни услышала от тебя ласковые слова. Если суждено мне сегодня умереть, я умру счастливой, мой отец! Позволь мне прикоснуться к пыли на твоих ногах».

— Так это ты дочь котвала Маланча? — спросил царь.

Низко ей поклонившись и подняв соединенные руки ко лбу²⁴, царь промолвил:

— Пойдем со мной во дворец, милая невестка!

Радуюсь его словам, Маланча запела: «Этот темный лес теперь мне будто родной дом, будто рай. Здесь услышала я ласковые слова от моего свекра. Я получила то, чего так долго желала. Жизнь во дворце меня теперь не манит. Здесь, на этом священном месте, на зем-

де, которой касались твои башмаки, я построю себе хижину и буду в ней жить до самой смерти».

Глаза царя наполнились слезами.

— Я причинил тебе много горя, моя дорогая дочь! Я не знал твоих добродетелей. Прости меня, и пойдем со мной во дворец.

Маланча запела в ответ: «Зачем ты говоришь о прощении, отец! Мне не подобает слушать такие слова от высокочтимого государя. Ты так ласково говорил здесь со мной! И мне навсегда хочется остаться в этом благословенном лесу. Но раз ты этого хочешь, я обещаю тебе прийти во дворец через несколько дней. Мне надо разыскать тигров — моих дядю и тетю, а еще цветочницу, которую я тоже называю тетей».

— Ну что ж, — отвечал царь. — Позволь мне тогда вернуться во дворец одному. Я обновлю дороги, очищу водоемы и все подготавливаю для достойной встречи тебя и твоих близких.

Царь отправился во дворец и стал раздавать деньги бедным, строить дороги, водоемы, приюты для паломников. По обе стороны главной дороги, ведущей во дворец, он велел насыпать груды ракушек каури для раздачи нищим, а дорогу приказал посыпать красным порошком.

И вот заиграли оркестры, и царь в окружении семерых внуков вышел к воротам дворца встречать Маланчу.

Тем временем Маланча разыскала в лесу старого тигра и тигрицу, которые выли от тоски по ней, и взяла их с собой. Потом пошла к цветочнице, которая плакала не переставая со дня их разлуки. Маланча вытерла цветочнице слезы и взяла ее с собой. Все вместе они пошли во дворец царя Дудхабарана, где не осталось ни одной живой души.

В ночь полнолуния Маланча вошла во дворец, оторвала от своей одежды несколько кусочков ткани и, заправив коровьим маслом восемь светильников, зажгла их. В главном зале дворца она просидела неподвижно три дня и три ночи в йогической позе.

На четвертый день двери во дворце распахнулись, и жизнь в нем забила ключом, как и прежде. Все люди, которые жили раньше во дворце и которых съели тигры, теперь ожили.

Маланча взяла с собой царя Дудхабарана, семерых его сыновей и всех придворных, которых она тоже ожи-

вила, окропив их останки маслом из священных светильников.

Когда шумная процессия была еще на расстоянии семи дней пути от дворца ее свекра, там уже слышали, что приближается Маланча со своей свитой.

Не успела Маланча подойти к дворцу, как барабаны громко возвестили о ее прибытии. Казалось, будто в водоемах заплескала вода и зацвели лотосы. Стражники, воины, министры, придворные и даже сам царь и царица закричали от радости. Так преданная мужу Маланча прибыла в дом своего свекра.

Она вошла во дворец вместе с отцом и матерью. Дхара и Тара и другие боги спустились с небес, чтобы быть свидетелями этого счастливого события.

Навстречу Маланче вышли свекор, свекровь, все придворные и родственники. Ее осыпали зеленой травой, благословляя, в низком поклоне прикасались к пыли у ее ног. Весь дворец наполнился радостными возгласами. Тут появился Пакширадх и объявил царю, что он оживил всех людей, убитых им за прошедшие двенадцать лет.

Маланча подошла к царевне Канчи и промолвила:

— Сестра, сплети мне сегодня красивую гирлянду из цветов.

Канчи сплела ей гирлянду, прижала к своей груди и поцеловала, а Маланча надела эту гирлянду на шею Чандраманика.

Семь дней и семь ночей во дворце царили радость и веселье. Бедняки вдоволь наелись масла, дахи и всяких сладостей, приготовленных на молоке. Тигры напали на неприятельские войска соседних государств, уничтожили их и вернулись во дворец, чтобы утолить жажду. Их уложили спать на золотых ложах.

Царь обнял котвала, называя его своим другом и братом, и отдал ему во владение много земель. Он поблагодарил тигров за помощь и обошелся с ними очень почтительно.

Цветочница не захотела возвращаться домой, она поселилась в царской столице, где выращивала себе новый сад. Царь Дудхабаран погостил у Чандры и через несколько дней вернулся в свою столицу.

Маланча объявила Канчи главной царицей, но горожане считали царицей Маланчу и называли ее царствующей богиней.

С тех пор небо стало покровительствовать этому царству. Люди, птицы и звери радовались наступившему миру и покою.

Солнечные лучи и лунное сияние освещали высокие башни дворца, и они сверкали, как золотые. А царь, царевич Чандраманик и внуки царя выложили золотом и дорогими камнями дорожки от дворца к священному манговому дереву и к дому котвала.

И все зажили в счастье и довольстве.

तथासाक्षात्

Ж

ил когда-то в деревне Канир-бари заклинатель змей по имени Мунир. Все знали, что он умеет исцелять от змеиных укусов, и люди издалека приходили к нему за помощью. Мунир брызгал целебной водой, шептал какие-то таинственные слова, и человек, считавшийся обреченным, поднимался на ноги и шел домой.

При всем том он никогда не брал деньги за лечение¹, а если кто-нибудь настаивал, говорил:

— Иди и отдай эти деньги тому, кто нуждается в них больше меня.

Мунир жил просто, довольствуясь малым. Урожай с небольшого участка земли, который он унаследовал от отца, давал ему самое необходимое. Все любили его за бескорыстие.

Однажды бедняка из соседней деревни укусила на берегу Ганги ядовитая змея. Он упал и пролежал без сознания несколько часов. Наконец случайные прохожие наткнулись на него и принесли домой. Возле жалкой лачуги бедняка собрались почти все жители деревни. Они пробовали разные средства, чтобы удалить яд из тела несчастного, но ничего не помогало.

— А не позвать ли к нему Мунира? — предложил один из крестьян.

Все согласились, и в деревню Канир-бари был направлен посланец. Мунир прибыл быстро и сразу принялся за работу. Но, несмотря на все его искусство, больной не подавал признаков жизни. Снова и снова предпринимал Мунир попытки, но безуспешно. Тем временем яд сделал свое дело, и бедняк умер.

Потрясенный неудачей, которая была едва ли не первой в его жизни, Мунир бессильно опустился на землю. Он понял, что не смог противостоять судьбе.

В это время из хижины раздавался плач ребенка.

— Чей это ребенок? — спросил Мунир.

— Это дочь умершего, — ответили ему.

— А где же ее мать?

— Она умерла в родах. Этот бедняк один выхаживал девочку после смерти жены.

— И у нее больше никого нет?

— Да вроде нет.

— Кто же теперь возьмет девочку? — спросил Мунир.

Никто из жителей деревни, влачивших жалкое существование, не решился на это. Один за другим бедняки стали расходиться, и возле хижины остался один Мунир. Он зашел внутрь взглянуть на ребенка: в углу на куче тряпья лежала девочка, одинокая и беспомощная. Смерть ее отца означала смерть и для нее...

Муниру стало жалко ребенка. Он взял девочку на руки и, почти не сознавая, что делает, унес с собой.

И хотя Мунир был человеком добрым и отзывчивым, он не доверял женщинам.

— На женщин полагаться нельзя, — говорил он. — Они лживы, а их любовь непостоянна. Избави меня бог от такого зла.

Однако теперь, движимый состраданием, он забрал девочку к себе.

В первые дни у Мунира было много хлопот с ребенком, и он проклинал себя за свою опрометчивость.

— Ну что я за дурень? — говорил он себе. — Прожил беззаботно сорок лет, а тут взвалил на себя такую ношу.

Постепенно Мунир становился менее угрюмым. Он привык к девочке, играл и разговаривал с ней.

— Какое имя тебе дать? — спрашивал он девочку. И назвал ее Манджурма, что значит «Ниспосланная».

С годами его любовь к девочке становилась все сильнее. Он нежно заботился о ней, она была теперь единственной радостью в его жизни.

Когда девочке исполнилось пять лет, Мунир начал приносить ей куклы и подолгу смотрел, как она играет одна, а иногда вместе с соседскими детьми. Дом его наполнился веселым детским смехом. Он больше не чувствовал себя одиноким.

Среди детей, с которыми играла девочка, был семилетний мальчик по имени Хасан. Они подружились и проводили много времени вместе. У Хасана были боль-

шие блестящие глаза и темные вьющиеся волосы. А когда Манджурма и Хасан повзрослели, нежность, связывавшая их в детстве, переросла в любовь.

К пятнадцати годам Манджурма стала красивой девушкой. Она выполняла всю работу по дому, готовила пищу и заботилась о Мунире. Когда она грациозно двигалась по дому, занятая нехитрыми домашними делами, Мунир украдкой наблюдал за ней и радовался каждому ее движению. Она была словно молодая кобылица, горячая и пугливая.

А Хасан превратился в ладного и умного юношу. Он был влюблен в Манджурму, как и она в него.

Девушка лелеяла мечту, что придет время и Хасан станет ее мужем. Подобные же мысли владели и Хасаном. Они часто встречались потихоньку от всех у реки, куда Манджурма ходила за водой.

Наконец настал день, когда Мунир понял: надо отдавать девушку замуж. Эта мысль повергла его в уныние. Он становился все угрюмее, все задумчивее и почти перестал есть и спать.

«Манджурма изменила всю мою жизнь, — думал он. — Теперь я живу, как все люди. Что станет со мной, если она покинет меня? Я не смогу жить без нее!»

И в один прекрасный день он объявил Манджурме, что станет ее мужем.

Что она могла ответить ему на это? Ей показалось: что-то словно угасло у нее внутри.

И вот Мунир женился на Манджурме. Никто не увидел в этом ничего дурного, но для Манджурмы все будто покрылось мраком. Со стороны казалось, что она спокойно приняла свое новое положение, но на самом деле она чувствовала себя скорее мертвой, чем живой.

— У меня отняли любимого, — горько жаловалась она на судьбу. — Каждый вечер он ждет меня у реки на тропинке, где мы встречались с ним, каждый вечер играет на флейте, чтобы напомнить мне о нашей любви. Его музыка так печальна, что мое сердце разрывается от муки. — И она заливалась горячими слезами.

Однажды, через несколько недель после женитьбы, заклинателя позвали к человеку, которого укусила змея. Деревня, где это произошло, находилась в двух днях пути от Канир-бари. Мунир дал молодой жене наставления, как ей вести себя в его отсутствие, и уехал.

Вечером того же дня Манджурма пошла к реке на свидание к своему возлюбленному. Хасан был вне себя от счастья. Обнявшись и не обращая внимания на людей, они пошли в дом Мунира. Три дня и три ночи провели они вместе, не уставая говорить друг другу о своей любви.

На исходе третьего дня они решили бежать из деревни. Глухой ночью молодые люди покинули дом и пошли куда глаза глядят. Много дней шли они, не замечая тягот и опасностей пути. Они падали от усталости, не имели ни крова, ни пищи, но все терпели во имя своей любви. Они пересекли много долин и рек, лесов, кишаших диким зверьем, но все шли и шли до тех пор, пока деревня Канир-бари не осталась далеко позади.

Через день после их ухода Мунир возвратился домой. Ему не терпелось увидеть свою молодую жену. Дверь дома была распахнута. Все в доме оставалось на месте, не было только Манджурмы. Мунир искал ее в доме и вокруг него, но не нашел. Устав после дальней дороги, он присел на кровать и стал дожидаться жену, думая, что она отлучилась ненадолго. Прошло десять минут, полчаса, час, но она все не приходила. Наконец он понял, что Манджурма сбежала с другим.

От этой мысли Мунир обезумел. Он больше не мог ни минуты оставаться в доме и выскочил из него с диким криком:

— Манджурма, Манджурма!

Он обошел все места, где могла быть Манджурма, зная заранее, что поиски напрасны.

— Она была красива, как богиня, — бормотал он, — чиста, как вода горного ручья. Она ни в чем не виновата. Это он соблазнил ее сладкими речами и увел от меня. О, я убью его!

Поздно ночью Мунир снова пришел к реке, к тому месту, куда приходил уже много раз, измученный и обезумевший от горя. Он все еще не терял надежды найти свою Манджурму. Внезапно ему почудились две тени, движущиеся на другом берегу реки.

— Манджурма, Манджурма! — закричал он в страстном порыве. — Я иду к тебе, подожди меня, любимая!

С этими словами Мунир бросился в быстрые воды реки, и они поглотили его навсегда.

а одном из островов близ Читтагонга был когда-то небольшой торговый порт Сафияпур. Из многих заморских стран приходили сюда корабли с разными товарами.

Владел городом купец по имени Маник. Много было у него доходных земель, и для их охраны он держал большое войско.

У Маника было двое детей — сын Амир и дочь Бивала. Амир был красив и умен, знал разные науки и искусства¹, да и в торговом деле понимал толк. Сестра же его Бивала совсем на него не походила: некрасивая, глупая, да вдобавок еще и злая. Оттого и замуж ее никто брать не хотел.

Амир счастливо жил у своих родителей до той поры, пока однажды не вздумалось ему повидать чужие земли. Старик-отец долго колебался, но в конце концов отпустил Амира. Когда корабль был готов к отплытию, Маник пришел проститься с сыном и дал ему такой наказ.

— Сын мой, — сказал он, — ты оправаляешься в дальний путь. Держись ближе к берегу и избегай сильных течений. А ты, Гурал Дхар, — обратился он к капитану корабля, — береги моего сына: ты знаешь, он мне дороже жизни.

Наконец корабль отчалил. Сначала он держался берега, но вскоре Амиру это наскучило.

— Что ты жмешься к берегу, как трус? Выходи в открытое море! — сказал он капитану.

Гурал Дхар пытался напомнить ему о просьбе отца, но это только раззадорило Амира, и он сам повел корабль в открытое море.

Вскоре поднялась сильная буря, и корабль сбился с пути. Два дня и две ночи команда боролась с бурей, а на третье утро, когда ветер немного утих, показалась земля. Это был остров Теланья. Корабль пристал к берегу, и путники увидели красивый тенистый сад. На ветвях деревьев сидели и пели сказочные птицы. Прекраснее всех была птица-майна, которая распевала суры из священного Корана. Амиру она так понравилась, что он захотел ее поймать. Долго гонялся он за майной, но она никак не давалась в руки. Рассердился Амир, натянул

лук, пустил стрелу и убил птицу. Замертво упала она на землю.

Не знал Амир, что эта майна — любимица Бхелуа, дочери богатого купца, жившего на острове Теланья. Купец незадолго до того умер и оставил после себя семерых сыновей и дочь Бхелуа. Ей только что исполнилось четырнадцать лет, и красоты она была неописуемой.

Горько заплакала Бхелуа, когда узнала, что ее любимица-майна убита. Ничто больше на свете не радовало девушку, ничто не веселило. Видя ее неутешное горе, братья сказали:

— Клянемся тебе, милая сестра, что найдем виновного и покараем его.

Вскоре братья узнали, что некий чужеземец охотился в их саду и убил майну. С отрядом воинов они ворвались на корабль, схватили Амира и заключили в темницу. Несчастливого бросили на холодный пол, а на грудь навалили большой, тяжелый камень.

Вдовая мать Бхелуа жила недалеко от темницы. Услышала она однажды стоны пленника и пошла взглянуть на него. Когда женщина увидела, как страдает красивый юноша, ей стало жалко его.

— Откуда ты родом и кто твои родные? — спросила она.

Выслушав рассказ Амира, мать Бхелуа позвала своих семерых сыновей и приказала освободить пленника.

— Снимите камень с его груди, это мой племянник, сын моей родной сестры Шонай, которая вышла замуж за купца из Сафияпура, — объявила она.

Амира выпустили из темницы и приняли как родного. А мать Бхелуа и говорит сыновьям:

— Когда-то мы с сестрой дали клятву: если у одной родится сын, а у другой — дочь, они станут мужем и женой.

Клятва сестер была исполнена: Амира и Бхелуа поженили, веселая свадьба продолжалась целый месяц. Настало время Амиру возвращаться домой.

— Моя дочь — настоящее сокровище, — сказала ему мать Бхелуа на прощание. — Береги ее!

— Не беспокойся, — заверил ее Амир, — она будет жить в счастье и довольстве.

И Амир приказал поднять паруса.

Весть о прибытии молодого купца быстро облетела Сафияпур, и жители города поспешили в гавань поздра-

вить Амира с благополучным возвращением. Увидев Бхелуа, все поразились ее красоте.

— Она прекрасна, словно небесная дева, — шептали горожане друг другу.

Мать Амира была рада невестке — она хорошо помнила клятву, которой обменялась со своей сестрой Шонай в детстве. Довольны были и старый купец, и все их родственники. Только завистница-сестра Бивала возненавидела Бхелуа и затаила на нее зло. Не прожили молодые и нескольких месяцев, как Бивала стала говорить матери:

— Корабли ржавеют в порту, матросы получают деньги ни за что ни про что, а Амир проводит время в удовольствиях и безделье.

Снова и снова твердила она одно и то же, пока не добилась своего.

Позвала мать Амира и говорит:

— Послушай, сынок, ты проводишь в праздности дни и ночи около своей жены. Что подумают о тебе люди?

Устыдился Амир этих слов и тут же пошел к Гурал Дхару.

— Послушай, капитан, — сказал Амир. — Завтра поутру мы отплываем в город Удджайн, так что готовь корабль!

Вечером, когда Амир вернулся домой, Бхелуа заметила его печаль, и сердце ее забилося от волнения.

— Что случилось, мой господин? — спросила она.

— Мужчина должен обеспечивать себя и свою семью, — ответил ей Амир. — Утром мы расстанемся с тобой. Пожелай мне доброго пути.

— Но как же я буду жить без тебя? — заливалась слезами Бхелуа. — Возьми и меня с собой.

— Твое место дома, а не на корабле. Наберись терпения, я скоро вернусь.

Рано утром Амир покинул город. Он так торопился, что даже не посчитался с погодой: плотный туман, словно саван, окутал все вокруг. В такое время даже самые опытные моряки не решились бы выйти в море. Скоро корабль Амира сбился с пути и целых четыре дня плыл наугад в густом тумане. Наконец путники увидели какую-то гавань. Был уже вечер, и они никак не могли понять, куда они прибыли. Но вот недалеко показалось небольшое суденышко, и капитан спросил у лодочника, что это за город.

— Видно, совсем потеряли голову моряки на кораб-

ле Амира, что не узнают даже своего родного Сафнапура, — засмеялся тот.

Стыдно стало капитану, и он запретил команде сходить на берег. Они с Амиром решили, что на следующее утро, чуть свет, пока никто еще не проснулся в городе, снова уйдут в море. Лишь Амир сошел на берег и под прикрытием ночи незаметно пробрался в комнату жены. Увидела Бхелуа мужа и кинулась ему на шею.

— Я так горевала все эти дни, что и сказать не могу, — жаловалась она, а он ласково ее утешал.

Они провели вместе ночь, а на рассвете Амир также незаметно вернулся на корабль. Второпях он забыл закрыть за собой дверь. Утром Бивала увидела, что дверь в комнату невестки открыта, и тут же поспешила со своими наветами к матери.

Бхелуа спала в это утро дольше обычного. Бивала разбудила ее и закричала:

— Ты опозорила наш дом, распутница! Признавайся, с кем ты провела эту ночь?

— Ко мне приходил муж, — отвечала Бхелуа со слезами на глазах. — Клянусь священным Кораном, что это был он.

Но ей никто не поверил — ведь ни один человек не видел Амира в городе. Долго судили-рядили, как наказывать Бхелуа за неверность. Одни говорили, что падо ее утопить в море, другие — напустить на нее собак.

— Пусть живет, — решила наконец Шонай, — сделаем ее своей служанкой.

И стала Бхелуа прислуживать в доме мужа. Работала она день и ночь, а ела не досыта. Ее оскорбляли, отобрали у нее украшения, даже те, что подарили ей братья. Так в горе и муках прошел целый год, а об Амире не было ни слуху ни духу.

Однажды Бхелуа послали за водой. День был жаркий, место пустынное, и она оставила кувшин на берегу, а сама вошла в воду, чтобы искупаться.

В это время некий купец, по имени Бхола, подплывал к гавани на своем корабле. Видит купец: неподалеку от берега купается женщина. Красота Бхелуа поразила его, и он решил ее похитить. Мигом спустили лодку с матросами, они схватили Бхелуа и привезли на корабль. Вокруг не было ни души, и никто не слышал ее криков о помощи.

Боясь потерять свою добычу, Бхола тотчас повернул корабль и ушел в море.

Бхелуа отказывалась от еды и питья. Сначала Бхола не заговаривал с ней, а когда Сафияпур остался далеко позади, он подошел к своей пленнице и сказал:

— Я везу тебя в свой родной город Каттани, там у меня богатые поместья и дом не хуже, чем иной дворец. Если ты согласишься стать моей женой, все будет твое.

— Но я уже замужем, — воскликнула Бхелуа, — моего мужа зовут Амир.

Услышав имя ее мужа, Бхола решил пойти на хитрость:

— Поверь мне, красавица, всего несколько дней назад Амир умер в порту Маслибандар. Я сам был на его похоронах.

Бхелуа не поверила хитрому купцу, и тот, рассердившись, удалился. Но через несколько дней, поздно ночью, когда все матросы спали, он снова пришел к ней. Бхелуа не спала и думала свои горькие думы.

— Забудь свою печаль и стань моей женой, — ласково сказал Бхола и хотел обнять ее. Бхелуа страшно перепугалась. И тут ей в голову пришла одна мысль. Она сказала:

— Я мусульманка и должна шесть месяцев соблюдать траур по своему мужу. Потом ты можешь жениться на мне. Но помни, если ты прикоснешься ко мне раньше этого срока, я убью себя.

Бхола подумал и согласился.

Тем временем Амир благополучно добрался до Уджайна. Судьба благоприятствовала ему в делах, и он нажил большое состояние. Довольный успехом, Амир не помышлял о возвращении домой в течение нескольких месяцев. Но вот однажды ему приснилась Бхелуа. Сон был тревожный и странный. Амир решил немедленно возвращаться.

Идя на всех парусах, корабль вскоре достиг Сафияпура. Без промедления Амир поспешил домой. Предчувствие не обмануло его: жены дома не было.

Навстречу ему вышла сестра и объявила:

— Скажи нам спасибо за то, что подлая Бхелуа больше не живет в нашем доме. Ты должен забыть ее, жениться на другой девушке и жить с нею счастливо.

— А где Бхелуа? — вскричал в отчаянии Амир. — Что вы с ней сделали?

— Она умерла три дня назад, — ответила Бивала. Амира как громом поразило.

— Отведите меня на ее могилу, — потребовал он.

Бивала повела брата на берег моря и указала на свежий могильный холмик. Вне себя от горя, Амир упал на могилу и стал разгребать землю руками. Каково же было его удивление, когда он вдруг наткнулся на труп собаки. Тут Амир все понял. Тогда он бросил все свои богатства и пошел по свету искать жену.

Долго бродил он из края в край, пересекал реки и горы, пробирался через непроходимые леса. С большим трудом преодолел водовороты Карнапхули и достиг устья реки Иссамути. Амир ходил от деревни к деревне и уже совсем было потерял надежду, когда судьба привела его в деревушку Саед Нагар, где жил талантливый музыкант Тона Баруй. Ходили слухи, будто искусство этого музыканта обладало волшебной силой: с помощью своей музыки он мог укротить тигра, а реку заставить течь по другому руслу. Амир пошел к Тона Баруйе, рассказал о своем горе и попросился к нему в ученики.

— Ты хорошо сделал, сын мой, что пришел ко мне, — сказал старый мудрец.

Тона Баруй смастерил для своего ученика небольшую саранги. Все свое мастерство вложил учитель в этот инструмент: деку он сделал из дерева-байлан, колки — из прекрасного дерева-манпабан, струны — из жил змеидарас, а смычок — из дерева-нарша. Стоило слегка коснуться смычком струн саранги, как она издавала мелодичный и жалобный звук, будто кто-то звал: «Бхелуа, Бхелуа!»

Простился Амир со своим учителем, взял саранги и пошел от дома к дому, от деревни к деревне, играя одну и ту же мелодию. Вскоре достиг он города Каттани, где Бхола держал Бхелуа взаперти в своем доме.

Счастливый случай привел Амира к дому купца как раз в тот момент, когда Бхола вошел к Бхелуа со словами:

— Сегодня кончается твой траур. Прошло шесть месяцев, и ты должна выполнить свое обещание и стать моей женой.

Опустила Бхелуа голову, ничего ему не ответила, и Бхола принял ее молчание за согласие.

И вдруг молодая женщина услышала свое имя, произнесенное нежным и печальным голосом. В изумлении вышла она на балкон и увидела нищего, играющего на саранги. Глаза их встретились, и они тотчас узнали друг друга. Бхелуа попросила Бхолу накормить бедного музыканта и приютить его в доме.

В полночь она неслышно встала с постели и пробралась в угол двора, где лежал без сна ее муж. Они шепотом поведали друг другу обо всем, что с ними приключилось.

— Скоро рассвет, — опомнилась наконец Бхелуа. — Нам надо бежать отсюда!

— Нет! — ответил Амир. — Я сын честного человека и не могу украсть тебя, как это сделал Бхола.

На следующий день он подал прошение городскому судье Мунафу, и тот распорядился арестовать Бхолу и привести в суд.

— Этот человек — колдун, — сказал Бхола судье. — Он ходит от дома к дому, играет на саранги и соблазняет чужих жен.

Выслушав его, Мунаф приказал привести Бхелуа. Старик-судья был потрясен красотой молодой женщины и вспылал к ней любовью.

— Скажи мне, — ласково спросил он Бхелуа, — кто из этих двоих мужчин действительно твой муж?

— Властелин моего сердца — вот этот бедняк, — ответила Бхелуа и указала на Амира.

Судья рассердился на Бхолу и прогнал его прочь. Затем, обернувшись к Амиру, сказал:

— Ты не годишься в мужья такой женщине. Если я верну тебе жену, ее отнимет кто-нибудь другой, и ты снова станешь докучать мне жалобами. Оставь Бхелуа у меня, я позабочусь о ней сам.

И не успел Амир раскрыть рта, как его выпроводили из суда.

Великая скорбь охватила Амира. Но с судьей не поспоришь. Он решил вернуться домой за подмогой.

Когда родственники Амира узнали правду о Бхелуа, они устыдились того, что сделали, и решили искупить вину. Быстро снарядили они войско, и четырнадцать кораблей под водительством капитана Гурал Дхара направились к чужим берегам.

Между тем судья узнал, что бедняк, которого он прогнал из суда, — молодой купец из Сафияпура Амир и он идет с большим войском, чтобы силой освободить свою жену. Испугался судья и поспешил к Бхоле.

— Из-за этой женщины я попал в большую беду. Она отвергла меня, потому что любит тебя. Я вернул бы ее тебе, только вот беда — она сейчас нездорова, — заявил судья.

В это время со стороны моря донесся шум, и судья

сказал Бхоле, что Амир идет с большим войском. Бхола очень испугался, но у него не было другого выхода, и он решил вместе с судьей защищать город.

Семь дней продолжалась жестокая битва. Войско судьи и Бхолы потерпело полное поражение. Пойманного Бхолу Амир велел казнить на месте, а судью, которому было девяносто лет, пощадил. Судья рассказал, что Бхелуа заточена в его доме. Когда Амир увидел жену, у него сжалось сердце: в разлуке с ним она много дней не ела и не пила, рассудок у нее помутился.

Бхелуа перенесли на корабль. Амир не отходил от нее ни на шаг и все время говорил ей о своей любви, но она оставалась безучастной.

Жители Сафияпура праздновали победу Амира. Возвратились назад все четырнадцать кораблей, но никто не знал, что Бхелуа уже нет в живых: по дороге она умерла. Похоронили ее на берегу моря.

Велико было горе Амира. Все дни он проводил на могиле жены, а ночами струны его саранги все пели и звали: «Бхелуа! Бхелуа!» И даже теперь, когда волны ударяют о морской берег под Сафияпуром, в тишине ночи раздаются мелодичные звуки, будто кто-то зовет печально и нежно: «Бхелуа! Бхелуа!»

МАХУА

Д

авным-давно в горах Гаро, недалеко от снежных вершин Гималаев, жили цыгане. Время от времени они снимались с места и бродили по деревням, показывая разные фокусы и акробатические номера, и так зарабатывали себе на жизнь. Иногда они спускались к реке Дхану, в округе Майменсинх, и, собрав немного денег, возвращались в родные места, жили там несколько месяцев, а затем вновь отправлялись в путь.

Их главарем был человек богатырского сложения. Звали его Хомра. Несмотря на его свирепый вид и жестокий нрав, в таборе он пользовался уважением. Цыгане видели в нем главаря, под опекой которого они сами, их жены и дети были в безопасности. Его всегда слушались беспрекословно.

Цыгане занимались не одной акробатикой. Тихие и

мирные днем, под покровом ночи они порой преображались и тогда становились бандой грабителей — забирались в дома и уносили с собой все, что попадалось под руку.

Жила в таборе девушка лет шестнадцати, по имени Махуа, приемная дочь Хомры. Ни одна другая девушка-цыганка не могла сравниться с ней красотой и искусством акробатики. Тоненькая и стройная, быстрая и легкая, словно птица, всегда веселая и жизнерадостная, она как никто умела танцевать на канате, натянутом между двумя бамбуковыми шестами.

У Махуа были большие темные глаза и длинные черные волосы, окутывавшие ее стройную фигурку. И хотя цыгане принадлежали к низшей касте, все движения Махуа были грациозны, как у настоящей принцессы. Короткая красная кофточка, красная юбочка, ниточка цветных бус на шее — вот и весь ее наряд.

Говорили, что Хомра выкрал ее из дома одного пожилого брахмана, когда ей было всего шесть месяцев. Вырастила ее жена Хомры. Девочка была необычайно красива, и ей дали имя Махуа, что значит «Горный цветок». Потом жена умерла, и Хомра один растил девочку, заботливо и нежно. И вот теперь она расцвела, и, если говорить правду, именно благодаря ее красоте и искусству цыгане могли зарабатывать себе на жизнь.

Цыгане редко наведывались в крупные города и посещали больше деревни. Они старались, чтобы их появление выглядело эффектно. Флейтисты и барабанщики доставали инструменты и начинали играть веселые мелодии. Собаки приветствовали их лаем, за ними с криком и шумом бежали мальчишки. Для деревенских жителей, молодых и старых, приход цыган с их громкой музыкой и захватывающими представлениями всегда был большим событием.

Во главе процессии царственно выступал Хомра. За ним, смеясь и танцуя, шла Махуа. Потом — флейтисты и барабанщики, а затем — танцоры и акробаты с семьями. Кто-то нес на себе узлы с пожитками или декорации, кто-то вел мула, нагруженного брезентом, веревками и бамбуковыми шестами, кто-то — охотничью собаку или козу с подвязанным выменем. Вместе с цыганами в большой ржавой клетке всегда путешествовал старый попугай с томными глазами. А один пожилой цыган носил с собой деревянный ящичек с талисманом: ходили слухи, что это была кость дьявола.

В деревне Баманканда, расположенной на реке Дхану, жил богатый молодой брахман по имени Надер-чанд. Он еще не достиг совершеннолетия, когда умер его отец, оставивший ему богатое наследство. С помощью матери юноша справлялся с хозяйством и стал уже довольно независимым, хотя и не выходил из-под ее воли. А мать очень любила его и считала, что его ниспослало ей само небо.

Однажды, когда Надер-чанд сидел с друзьями во дворе своего большого дома, появился слуга и с поклоном доложил:

— Господин, в деревню пришли цыгане. Они просят разрешить им дать представление. Их довольно много, а среди акробатов есть молодая девушка редкой красоты, по имени Махуа. Я видел ее собственными глазами и могу заверить, что никогда еще не встречал девушки привлекательнее ее.

Слова слуги заинтересовали молодого брахмана. Это был человек талантливый, с большим воображением. Он любил разные зрелища и охотно согласился посмотреть выступление цыган.

Не прошло и часа, как все приготовления были закончены, и двор заполнился зрителями, среди которых было много друзей Надер-чанда и именитые жители деревни.

Представление началось. Акробаты прыгали, кувыркались, танцевали, проделывали всевозможные трюки на земле и в воздухе. Затем настала очередь Махуа. Она грациозно подошла к высокому бамбуковому шесту и слегка покачала его, чтобы убедиться, что он прочно укреплен в земле. Прodelала она это скорее по привычке, чем из боязни. Молодой Надер-чанд, сидя в кругу своих друзей, глядел на нее с улыбкой и интересом. Она взобралась на шест и стала танцевать на туго натянутом канате. Ее браслеты мелодично позвякивали в такт барабанам и флейтам.

— Боже мой, она сейчас упадет! — прошептал Надер-чанд.

Но Махуа не упала, а, закончив свой танец, спустилась с шеста и предстала перед молодым брахманом.

— Я показала вам свое искусство, господин, и жду награды.

Надер-чаид тут же снял с пальца золотое кольцо с бриллиантом и бросил девушке. Возглас изумления про-

катился среди присутствующих. Махуа подняла кольцо и поклонилась. Хомра, увидев щедрость Надер-чанда, вышел вперед.

— Господин мой, — сказал он смиренно, — дай нам немного земли, где мы могли бы жить, и да благословит тебя бог.

Надер-чанд был так доволен выступлением Махуа, что тут же исполнил просьбу Хомры и дал цыганам деньги на постройку жилья.

Невдалеке от деревни Баманканда, на земле, которую подарил Надер-чанд, цыгане построили большой дом и стали в нем жить.

Однажды Надер-чанд возвращался с вечерней прогулки берегом реки и у ступеней гхата повстречал молодую женщину с кувшином на плече. Он сразу же узнал Махуа, так как все время помнил о ней. Глаза их встретились, и взгляды были красноречивее любых слов.

После этого вечера двое влюбленных стали часто встречаться на том же месте и в то же время. Как лиана со временем все крепче обвивает дерево, так и любовь к Махуа все сильнее завладевала сердцем Надер-чанда. Если бы речь шла только о богатстве или положении, он всем пожертвовал бы ради своей любви. Но Надер-чанд принадлежал к священной касте брахманов, а Махуа была пария, можно сказать, неприкасаемая. Даже малейшее подозрение в связи с девушкой-цыганкой могло навлечь на юношу грозу и разбить сердце матери.

Что он мог поделать? Ночь за ночью лежал Надер-чанд без сна, пытаясь найти выход из ужасного положения. Его цветущее лицо осунулось и поблекло, он стал избегать друзей и проводил дни в печальном уединении. Весь день с нетерпением ожидал он захода солнца — часа, когда можно будет встретиться с любимой.

Однажды, придя на свидание, Надер-чанд был встревожен печальным и расстроенным видом Махуа. Он спросил, в чем дело, и замер в ожидании ответа. Махуа никак не могла решиться сказать и наконец голосом, полным отчаяния, произнесла:

— О мой повелитель, отец открыл нашу тайну и решил навсегда покинуть Баманканду, бросив дом и имущество. Мы уходим сегодня ночью. Как я буду жить, не видя тебя? — спросила она, глядя на него глазами, полными слез.

— Моя Махуа... — начал Надер-чанд, но не смог

вымолвить больше ни слова. Так и стояли они в полном молчании. Наконец Махуа сказала:

— Если ты захочешь увидеть меня, приходи в горы и найди дом, дверь которого выходит на юг, она увита чампаком. Наша труппа пробудет там некоторое время, а затем мы отправимся в новые странствия.

Сказав это, она ушла. А Надер-чанд остался стоять на месте будто громом пораженный.

Прошло три месяца. И вот однажды, когда Хомра сидел на пороге своего дома в горах Гаро, к нему подошла Махуа с юношей, одетым в крестьянское платье. Незнакомец был молод и статен. По его изнуренному виду Хомра понял, что юноша не ел уже несколько дней. Гость не поднимал головы и избегал смотреть в глаза.

— Отец, — сказала Махуа. — Я встретила этого человека в лесу. Он говорит, что у него никого нет. Юноша хочет вступить в нашу труппу. Он мечтает научиться нашим акробатическим номерам и готов слушаться тебя во всем.

Хомра испытующе посмотрел на юношу.

— Хорошо, парень, — сказал он многозначительно, — увидим, на что ты годишься.

Ночью, когда все уснули, Махуа тихо поднялась со своей постели. На небе не было ни луны, ни звезд. Она с трудом пробралась к берегу реки Кангша, где под деревом, на куче сухих листьев, спал молодой крестьянин.

— Мой повелитель, проснись, — прошептала она. И, увидев, что он открыл глаза, добавила: — Я боюсь, что отец догадался, кто ты, и замыслил тебя убить. Мы должны бежать, пока не поздно.

Они бросились к привязи, где стояли кони Хомры, взяли двух самых быстрых скакунов и пустились в путь. Они ехали всю ночь и на рассвете остановились на опушке огромного леса. Махуа расседлала коней и ласково похлопала их по крупам.

— Передайте моему отцу, — сказала она, — что его дочь Махуа растерзали тигры.

И лошади поскакали назад.

Взявшись за руки, Надер-чанд и Махуа вошли в лес, покинув мир во имя своей любви, и стали жить вдвоем беззаботно, как птицы. Они питались плодами, которые росли повсюду в изобилии, утоляли жажду холодной и чистой ключевой водой. Во время дневной жары они укрывались под сенью больших, тенистых деревьев, а ночью спали в пещере или в дупле дерева. Они

чувствовали себя безгранично счастливыми, забыв родителей и не думая больше о мире, лежавшем за пределами этого леса. Молодые люди радовались птицам и их песням. Иногда Махуа сплетала из диких цветов гирлянды и надевала их на шею любимого, а он разыскивал и приносил ей самые вкусные плоды, охранял от всяких невзгод, защищал от диких зверей. Постепенно все обитатели леса привыкли к ним и признали своими друзьями. Влюбленные бродили с места на место и нигде подолгу не задерживались. Жизнь для них была словно сон, не омраченный мыслями о пробуждении. Так прошло много месяцев.

Но однажды, когда они были в глубине леса, Махуа внезапно услышала собачий лай. Она замерла на месте, скованная страхом.

— Что случилось, любимая? — спросил с тревогой Надер-чанд.

— Увы, настал конец всему, и так скоро... — ответила Махуа голосом, полным отчаяния. — Ты слышал лай? Это собака моего отца, я знаю ее голос. Отец выследил нас и через несколько минут будет здесь. Выхода нет, это судьба.

Не успела она произнести эти слова, как из-за деревьев появился Хомра со своими людьми и собаками. Черный цыган пылал от ярости. Держа в руках огромный отравленный кинжал, он приблизился к ним.

— Махуа, — загремел его голос, — если ты хочешь жить, убей этого человека!

Дрожащими руками, но с твердостью в сердце она взяла кинжал из рук цыгана. Будто забыв о Хомре, его людях и собаках, она медленно подошла к своему любимому.

— Мой милый муж, — сказала она дрогнувшим голосом, — прости меня за мой поступок, но другого выхода нет. Это судьба...

С этими словами она вонзила себе в грудь кинжал и, бездыханная, упала к ногам возлюбленного. Сделала она это молниеносно, словно дикий зверь, доведенный до отчаяния.

На мгновение Хомра остолбенел. Затем он повернулся к своим людям и в бешенстве закричал:

— Чего вы ждете? Убейте его!

И верные цыгане не посмели ослушаться приказа своего главаря.

Терега водоема покрылись цветами чампы и пагеш-вара. Кто ты, юноша, ломающий ветви кустов и обирающий с них цветы? — спросила Чандравати.

— Я живу на том берегу реки, — отвечал Джайчандра. — А ты сама, милая девушка, зачем собираешь цветы малати?

— Я пришла сюда рано утром за цветами для своего отца. Он поднесет их Шиве в храме во время пуджи, — сказала Чандравати.

Они собирали самые свежие и самые красивые цветы. В тростниковой корзинке Чандравати лежали пунцовые джавы, желтые чампы и гандхи различных оттенков — белые, желтые и красные; рядом красовались голубые апаражиты и аташи в форме полумесяца. Не были также забыты чудные цветы маллики и ароматные цветы малати.

С тех пор Чандравати и Джайчандра стали собирать цветы вдвоем. Каждый день, утром и вечером, они встречались у водоема, и никто не догадывался об их встречах.

Когда Чандре хотелось сорвать цветы с высоких ветвей малати, Джайчандра пригибал душистые ветви, чтобы девушка могла выбрать самые красивые и крупные соцветия.

И вот однажды на рассвете Чандравати собрала много цветов, но на этот раз уже не для отца. Она свила из них гирлянду и надела ее на шею юноше¹.

Впервые Джайчандра написал ей любовное послание на лепестках цветов.

В это короткое письмо он вложил всю свою душу: «Знаешь ли, девушка, как я тоскую в одиночестве? Когда ты ушла, веселый мир цветов померк в моих глазах. У тебя строгий отец, и он бережет тебя пуще глаза. А мои родители давно умерли, и я живу в доме дяди. Как рассказать тебе, что происходит со мною? С того дня, как мы повстречались, я сам не свой. Как ты ко мне от-

посишься? Если у меня есть хоть малейшая надежда назвать тебя своей невестой, я положу все, что у меня есть, к твоим стопам и стану рабом твоих желаний. Если же нет, я не стану больше собирать цветы и, простившись с тобой, уйду в дальние страны».

Над горизонтом поднялся желтый диск солнца. Полускрытое легкими облаками, оно засверкало золотом на небосклоне и окрасило все в золотистый цвет².

Когда ночь отступила, Чандравати встала и, как обычно, отправилась со своей корзинкой за утренними цветами. Сначала она набрала огненно-красных цветов джавы для пуджи, а потом стала собирать белые цветы с дерева-бокул и душистые малати, чтобы свить из них гирлянду для Джайчандры.

В этот момент появился юноша со своим письмом, написанным на лепестках цветов.

— Ты так занята, девушка, собирая эти прекрасные цветы. Позволь мне прервать твоё занятие и сказать тебе несколько слов, — обратился к ней Джайчандра.

— Я уже набрала достаточно цветов. Посмотри на восток, солнце поднялось высоко, и я не могу опаздывать. Отец ждет цветы, чтобы сотворить молитву Шиве, — отвечала Чандравати.

— Ну что ж, я не стану тебя удерживать. Прощай, быть может, навсегда, — сказал Джайчандра.

Юноша вручил ей своё послание и удалился, не сказав больше ни слова.

Цветочное послание юноши Чандравати завязала в уголок своего сари и пошла в храм. Там она вымыла пол водой из священной Ганги. Затем, повернувшись лицом к алтарю, разостлала коврик для отца, поставила в вазу цветы, растерла на камне кусочек сандала и приготовила ароматную мазь.

И вот в храм вошел Баншидас — отец Чандравати. Он сел перед изображением бога Шивы и стал просить его ниспослать дочери счастье. Она уже вступила в пору юности, а подходящего жениха все не находилось.

— О Шива, о извечный! — молил отец. — Благослови мое дитя. Каждый день я буду приносить тебе лесные цветы и возлагать их перед тобою вместе с цвета-

ми моей души — благочестием и верой. Даруй мне свою милость и благослови Чандравати женихом, угодным ее сердцу. Я бедный человек и не могу дать за ней большое приданое. Услышь мои молитвы, Шива!

Возложив Шиве цветок, отец Чандравати стал просить бога прислать не откладывая свата, который предложил бы хорошего жениха. Другой цветок он возложил, прося о том, чтобы жених происходил из почтенной семьи. Поднеся третий цветок, он попросил Шиву, чтобы каста жениха была бы не ниже его собственной — ведь он принадлежал к знаменитой семье Бхаттачарья из Патуари.

Затем он пал ниц перед изображением бога, моля:

— Даруй моей дочери счастье в браке, о великий Шива!

Исполнив свои обязанности в храме и видя, что отец погрузился в молитву, Чандравати удалилась в свою комнату и осторожно развязала узелок с цветочным посланием Джайчандры.

Она прочитала его, и слезы полились у нее из глаз. Что она могла ему ответить? Потом прочитала еще раз и снова заплакала.

— Что это со мной? Зачем думать о несбыточном? Ведь я беспомощна, будто птичка в клетке. Для меня достаточно видеть его лицо, слышать его голос и собирать с ним цветы. Разве этого мало? Я уже стала взрослой, и отец хочет выдать меня замуж. Мною распоряжается отец! Что я могу сказать Джайчандре о своих чувствах? Он собирает для меня цветы, и я люблю его. Он дорог моему сердцу с детских лет, но разве я могу сказать ему об этом?

И она написала короткий ответ: «Я не знаю, что тебе ответить. В нашем доме всем распоряжается отец. Я только послушная дочь».

Чандравати вернулась к себе и, призвав солнце и луну в свидетели своих чувств, стала просить, чтобы боги даровали ей в мужа Джайчандру. Сложив руки, она склонилась перед Шивой, прося его о ниспослании ей счастья. Потом она отправила письмо Джайчандре.

С этого дня Чандравати проводила все дни взаперти.

В их саду росли кусты чампы и нагешвара. Чандравати стала собирать цветы в своем саду, но мысли ее были далеко.

— Я так хочу видеть тебя! — шептала она. — Я хочу назвать тебя своим мужем, своим защитником. Из белых цветов бокула и душистых цветов малати, я сплела бы тебе гирлянду. А вот эти пламенные джавы я сложила бы у твоих пог, о мое божество! Маллика и малати источают сладостное благоухание, и я клянусь ими, что избираю тебя в мужа не только в этой жизни, но и во всех своих будущих рождениях. Вон там растут тернистые кстаки — не вырастут ли такие тернии и на моем пути, кто знает?

Так размышляла она в одиночестве, проливая слезы.

Между тем переговоры о замужестве Чандравати шли своим чередом.

Однажды к Баншидасу явился сват и сказал:

— Я знаю, что у тебя есть взрослая дочь. Почему бы не выдать ее за хорошего жениха?

— Что ж, — отвечал Баншидас, — если такой найдется, я готов вести переговоры.

— В деревне Сундха живет юноша по имени Джайчандра. Он красив, как бог Карттикея, образован и принадлежит к уважаемой касте брахманов-земледельцев³. Думаю, что он — достойная пара для твоей красавицы-дочери, и уверен, что она будет с ним счастлива. Западные ветры принесли прохладу, воды спали, и реки текут медленно, верхушки манговых деревьев сплошь покрыты цветами. Сейчас самое подходящее время для свадьбы.

Астролог тщательно изучил ладони невесты и жениха и заявил:

— Планеты никогда еще не предсказывали столь удачного союза.

По завершении переговоров был определен день и час брачной церемонии. Все предвещало счастливый и радостный праздник. Дул теплый, южный ветер, далеко разносилось кукование кукушки, и целые тучи пчел вились над цветущими манговыми деревьями. Деревья, увитые нежными лианами, горделиво стояли в новом уборе из свежей листвы.

Родственников угощали бетелем; женщины пели свадебные песни. Во дворе, украшенном разноцветными узорами альпона, после необходимых приготовлений женщины начали возносить молитвы и предлагать подношения богам.

Первым они воздали хвалу Шиве — извечно существующему и безначальному, потом Шьяме и, наконец, Вана-Дурге, покровительнице лесов.

Невеста исполнила все положенные обряды адхиваса⁴. Сосуды были наполнены водой чорапани, все обрядовые песни и хвалебные гимны были спеты. Отец Чандравати совершил во дворе храма шраддху⁵ по своим предкам, женщины вырыли жертвенный алтарь⁶, а из вынутой глины сделали кирпичи и смазали их, как положено по обычаю, маслом. Мать невесты вместе со старшими родственницами обошла дома соседей, испрашивая благословение для своей дочери. Она несла на голове блюдо с подношениями богине счастья Лакшми. Позади нее шла тетка невесты с кувшином и распевала обрядовые песни.

Джайчандра повстречал девушку-мусульманку на берегу реки, куда она пришла за водой. Ее пленительная походка напоминала движения птицы-кханжан, а голос был нежнее, чем у кукушки. Когда она появилась у каменных ступеней гхата, все вокруг будто озарилось сиянием.

«Кто ты, красавица? — подумал Джайчандра. — Откуда ты? Брось на меня хоть один ласковый взгляд. Я вижу тебя здесь уже не в первый раз и никак не могу насмотреться».

Приходя к реке, Джайчандра раздвигал ветви дерева-хиджал и украдкой наблюдал за незнакомкой. И вот однажды на то место, где цветы свисают к самой воде и становятся совсем малиновыми, он осторожно положил любовное послание.

«Она взглянет сюда и увидит это письмо, — думал он. — О хиджал, обитатель этих берегов, смотри: я положил сюда письмо, в котором излил свое сердце. Когда красавица появится здесь, вручи ей мое послание. Ты, солнце, освещающее самые темные уголки земли, поведай красавице, как я страдаю. Она скоро придет сюда, а я спрячусь за кустами и буду смотреть, как она, искупавшись, мягко взойдет по ступенькам, подобно вол-

не, которая бежит от берега, чтобы снова к нему вернуться».

На другой день он пошел в сад, где буйно цвели прекрасные тагары, жемчужные белые и белые с красными полосками шефалики. С цветами в руках и с тилаком⁷ на лбу он пошел к реке, забыв обо всем на свете. Сердце его горело, пронзенное стрелой любви.

А в доме Баншидаса весело играла музыка и не переставая звучали свадебные песни. Женщины вили из цветов гирлянды и исполняли положенные обряды.

И вдруг тень страшного греха упала на этот дом и омрачила его добрую славу. Люди спрашивали друг друга, в чем дело, и отказывались верить слухам. Но когда из комнаты невесты послышались горестные рыдания, даже Баншидас потерял над собою власть. О горе! Рушилось все: и чистота его касты, и честь его семьи.

— Всею виной — злая судьба! — говорили меж собой соседи. — Бывает, и мудрый ошибается; спотыкается даже такое огромное животное, как слон; корабль, благополучно пересекший бурное море, случается, тонет у пристани.

— Что поделаешь? — говорили они Баншидасу. — Нас всех постигло великое горе. Жених совершил ужасный поступок, женившись на девушке-мусульманке и отказавшись от своей касты.

Это было как удар грома среди ясного неба, как неожиданная буря, разрушившая купол храма. В доме смолкла музыка, прекратилось веселье. Баншидас неподвижно сидел на земле, будто сраженный молнией.

— Что же теперь будет, Чандравати? — спрашивали невесту подруги.

Все они горько плакали над судьбой несчастной девушки. Она же сидела молча, не пролив ни слезинки. До этого она была нежной и мягкой, как глина, а теперь будто окаменела.

Подруги посылали Джайчандре проклятия, а невеста была сурова и строга, и глаза у нее были сухие. Прошел день, другой, третий. Чандравати, как всегда, садилась за трапезу, но не притрагивалась к пище. Она крепилась изо всех сил, не выказывая своего горя.

И только по почам, когда она оставалась одна, несчастная девушка горько плакала. Ее подушка не про-

сыхала от слез. Все ночи она не смыкала глаз, словно ее ложе было усыпано острыми иглами и колючками. Ей вспоминалось, как они с Джайчандрой собирали цветы на берегах водоема, как купались в реке Пхулесвари. Его ласковая улыбка стояла перед глазами, нежные слова любви всплывали в памяти и не давали заснуть. Но по утрам только бледность щек выдавала ее ночные страдания.

Никто лучше Баншидаса не умел читать мысли дочери, и любящий отец страдал вместе с ней.

Прошло немного времени, и в их дом опять зачастили сваты, но Чандравати сказала отцу:

— Я решила не выходить замуж и посвятить себя служению Шиве⁸. Я буду служить ему всю свою жизнь. Сжался над своей бедной дочерью, о отец, и дай ей свое благословение.

Опечаленный отец вынужден был согласиться.

— Хорошо, — сказал он, — раз ты так решила, я не буду стоять на твоём пути. Но исполни мою просьбу: напиши «Рамаяну» на языке бенгали.

И вот для Чандравати был сооружен храм, и в нем установлена каменная статуя Шивы. Чандравати стала ревностно служить великому богу, а в свободные часы сочиняла «Рамаяну» на языке бенгали. Тот, что читает «Рамаяну», написанную святой Чандравати, очищает себя от грехов.

Так и жила она в безбрачии, отдав Шиве все свои помыслы, все желания. Если кто-нибудь обращался к ней, она едва внимала и почти ни с кем не разговаривала. И никто никогда не видел улыбки на ее лице. Бутон распустился только на одну ночь, чтобы утром поблекнуть и увянуть.

Однажды Чандравати сидела в храме, отрешившись от всего. Она громко читала мантры и совершала священные обряды. Стоял май месяц, и солнце посылало с небес свои обжигающие лучи. Манговые деревья блистали обилием спелых плодов, которыми были усыпаны их ветви.

Уединение Чандравати было нарушено посланцем Джайчандры, принесшим от него письмо. В нем Джайчандра рассказывал свою печальную историю и просил о встрече.

«О моя дорогая Чандравати, наберись терпения и

выслушай, что я тебе поведаю. Мое тело и душа пылают огнем, ибо я вкусил яд, думая, что это нектар. Гирлянда цветов на моей груди оказалась ядовитой змеей. Я сам призвал смерть к своим дверям. Я отвернулся от священного дерева-тулси, любимого богами, и припал к мерзкой шелковице, пристанищу ведьм и всякой нечисти. Я сам возложил на свою голову груз печали, кого же мне теперь в этом винить? Все мне теперь кажется отравленным — и воздух, и вода, и пища. Что же мне делать? Сможешь ли ты, о Чандравати, простить такого негодяя, как я?

Твой образ постоянно терзает мне сердце. Я вижу твое прекрасное лицо, твои глаза, твой взгляд, слышу твой милый голос. Я так хочу упасть к твоим ногам и омыть их своими слезами!

Поверь мне, о любимая, о святая, я не прикоснусь к тебе, не подойду близко. Я буду лишь радоваться, глядя на твое светлое лицо, излучающее святость. Друг моего детства и любовь моей юности, как страстно я хочу быть около тебя! Увидеть тебя еще раз, хоть на мгновение, а после этого можно и умереть.

Я знаю, что ты не можешь питать любовь к такому чудовищу, как я. Но, прошу тебя, позволь мне низко поклониться тебе в последний раз и сказать „прощай“. Это будет наша последняя встреча. Нет для меня теперь ни мира, ни счастья на земле. Я только взгляну на тебя и пойду навстречу смерти. Это предопределено провидением и, значит, неизбежно».

Чандравати читала это письмо и беззвучно плакала. Она прочитала письмо еще раз, затем еще и читала до тех пор, пока не смыла буквы своими слезами.

— Отец! — сказала она Баншидасу. — Ты один знаешь мои страдания и поймешь меня. Джайчандра прислал мне письмо и просит о встрече.

— Не смей этого делать, — ответил отец. — В твоём сердце может быть только одно желание — служить великому богу Шиве. Ни о чем другом ты даже и помышлять не смеешь. Как ты можешь думать о человеке, который превратил твою жизнь в пустыню? Разве можно служить Шиве, возлагая ему цветы, оскверненные нечистым прикосновением, или фрукты, кем-то надкушенные? Твое сердце не может быть чистым в служении Шиве, если ты допустишь в него даже мысль об этом человеке. Я знаю, это был хороший юноша, его разум был чист, как воды Гапги. Но он осквернил себя.

Провидение велит тебе больше с ним никогда не встречаться. Иди, дорогая дочь, по избранному пути и не позволяй никому смущать твой покой.

Чандравати послушалась отца и ответила на просьбу Джайчандры отказом. Набрав свежих цветов и молодой травы, она вошла в храм и, возложив их богу, стала молиться. Сев около статуи Шивы в позе йога, Чандравати закрыла глаза, вознося молитвы из самой глубины своего сердца.

Наконец слезы ее высохли, и она отвлеклась от всего мирского. Ее душа и разум слились с Шивой. В душе Чандравати наступил покой, и ее уже больше не волновали мысли об этом мире, о доме и даже о близких людях. Поглощенная мыслью о Шиве, она забыла все, что с ней случилось и причинило ей такие страдания. Джайчандра теперь ничего для нее не значил. Шива, один только Шива был теперь для нее все и даже больше, чем все.

В это время к храму подошел Джайчандра и постучал.

— Открой мне, о Чандравати! — умолял он. — Открой хоть на минуту, чтобы я мог взглянуть на тебя в последний раз! Молю тебя о последней встрече, дай мне увидеть тебя, услышать, что ты простила меня!

Он долго стучал в дверь, а потом, как безумный, стал биться об нее головой. Но, погруженная в йогу, вся в мистическом трансе, Чандравати не слышала ни одного постороннего звука.

— Открой двери, Чандравати! — кричал он. — Покажись хоть на один миг. Ты для меня как цветок, посвященный богу, как священная река Ганга. Мое прикосновение осквернит тебя, я знаю, я хочу только увидеть хоть на мгновение твое лицо, твои прекрасные глаза. Я взгляну на тебя с порога, не входя в храм. Заклинаю тебя в последний раз, ответь мне!

Но Чандравати не проронила ни звука. Она лежала на полу храма, недоступная для всего мирского.

Посмотрев вокруг, Джайчандра увидел красные цветы малати. Сорвав несколько цветков, он написал их соком на дверях храма: «Прости меня, Чандравати, подруга моего детства и спутница моей юности! Жаль, что ты не разрешила мне взглянуть на тебя. Теперь я уже больше никогда не попрошу об этом. Прощай!»

Когда Чандравати пришла в себя, она поднялась и вышла из храма. Слова, написанные на двери, бросились ей в глаза. Она взяла кувшин, пошла на реку за водой и увидела: волны прибили к берегу тело Джайчандры. Даже мертвый он был прекрасен. Казалось, будто лунные блики играли на волнах. Глаза его были полуоткрыты, сомкнутые уста замолкли навсегда. Обезумев от горя, Чандравати застыла на месте, пораженная этим зрелищем.

ШУНАЙ И МАДХАВ

В шесть лет, когда Шунай весело смеялась, сидя у матери на коленях, она сверкала, как бриллиант, светилась, как жемчужинка...

В семь лет ее милое личико озаряла прелестная улыбка, и казалось, будто на землю опустилась маленькая луна, дарящая людям счастье.

В восемь Шунай уже ловко заплетала в косы свои длинные черные волосы, а на ее щечках будто расцвели нежные лилии.

Когда ей исполнилось девять, она излучала сияние красоты, наполняя отчий дом небесным светом.

Когда же наступил десятый год и к цифре один присоединился ноль¹, боги за что-то разгневались на нее и ниспослали ей великие горести.

Послушайте историю этой несчастной девушки.

В десять лет Шунай потеряла отца. Братьев у нее не было, осталась у нее лишь одна опора — вдовья мать. Не было у них и близких друзей, которые могли бы протянуть им руку помощи или разделить с ними горе. Бедная мать одиноко влачила тяжкое существование. Видя это, Шунай украдкой проливала слезы — она сочувствовала матери всем своим маленьким сердцем.

С каждым днем их жизнь становилась все труднее и труднее. Страданиям матери не было предела. С годами Шунай расцветала, словно цветок, и это внушало матери страх за ее судьбу.

«Шунай так красива! Она скоро вступит в пору юности, — думала мать. — Негоже нам жить одним — что подумают про нас люди? Что будет с дочерью, если я заболею и умру?».

И она решила переехать к своему брату в деревню Дигхалхати.

Бхатук Тхакур был брахман и исполнял в деревне все обряды. Детей у него не было. Жил он с женой на то, что получал от деревенских жителей.

Сестра с дочерью явились к нему поздно вечером и попросили приюта.

— Ты знаешь, что произошло, милый брат, — сказала вдова. — Видно, мне было на роду написано потерять мужа. Шунай уже взрослая, а у нас нет никого, кто позаботился бы о ее замужестве. Я долго думала, что делать, и решила перебраться к тебе.

Брахман и его жена были рады сестре и племяннице и оставили Шунай с матерью у себя. Все чаще и чаще советовались брат и сестра о том, где найти для Шунай подходящего жениха.

А Шунай теперь стала настоящей красавицей. На ее щеках, казалось, распустились сотни цветов чампака, а длинные вьющиеся волосы спускались до самых пят. Дядя подарил ей голубое сари с красивой каймой по краям и посередине. В этой одежде девушка каждый день ходила с кувшином на реку за водой.

По берегам реки, где она брала воду, в изобилии росли кусты-кеа, и сладкий запах их цветов привлекал тысячи пчел. С кувшином в руках, одетая в яркое сари, девушка была так красива, что прохожие останавливались и засматривались на нее.

Шунай исполнилось уже двенадцать лет, и она сделала первый шаг к юности. Радостная и счастливая, она походила на парусник, весело бегущий по разливу августовских вод.

— Откуда пришла к нам эта красавица? Как золотые вспышки молнии озаряют темные тучи, так разогнала она мрак и уныние, царившие в доме брахмана, — говорили соседи. — Пора тебе, красавица, вить гирлянду² из цветов малати. Не забудь вплести в нее маленькие цветы бокула, которые упали вон с того дерева и, точно драгоценные камешки, лежат на земле. Знаешь ли ты, что вчера утром к вам в дом приходил сват и что над его предложением думают сейчас твои родственники? Мать совсем потеряла голову, и невдомек ей, что судьбы, которую предначертал создатель, не избежать.

Предложение свата было отклонено, так как матери жених не понравился.

Другой сват тоже получил отказ.

— Эти женихи не подходят для моей дочери, — говорила мать. — Моя дочь красива, как светлая луна. Она достойна жениха красивого, как бог войны Картикея. Он должен быть богат и знатен, иметь землю и хороший дом.

Каждый месяц в их доме появлялись новые сваты, но мать не приняла ни одного предложения.

Легкий ветерок шевелил кусты-икари, вызывая нежный шелест листвы и колыхание ветвей, перевитых серебристой паутиной. Рядом росло дерево, на котором круглый год переливались золотые, яркие цветы, менявшие оттенки в зависимости от времени года.

Каждый вечер на берег реки выходил юноша с луком и стрелами из длинных камышии и с прирученным соколом в клетке. Юноша был прекрасен, словно молодой месяц. Как только начали распускаться цветы кетак и их сладкий аромат, подхваченный ветром, наполнил воздух, он впервые повстречался с красавицей Шунай.

«Откуда ты, о прекрасный юноша, где ты живешь? — подумала про себя Шунай. — Кому мне задать этот вопрос и кто на него ответит? Мы встретились с ним глазами, и мое сердце попало в плен. Благодарю тебя, о милостивое провидение, что ты послало мне этого юношу! О моя милая пчелка! Скажи мне, какой цветок ты столь упорно ищешь. Мне так хотелось бы поймать тебя и спрятать среди тех цветов, которые я вплетаю в свои косы. Если бы ты был пташкой, любовь моя, я посадила бы тебя в клетку и стала держать возле себя дни и ночи. Я готова идти за тобой повсюду, куда бы ты меня ни повел!»

«О прекраснотикая! — думал меж тем юноша. — Кому ты вьешь сегодня весь день эту гирлянду? Вчера я написал тебе письмо на листке лотоса. Знаешь ли ты, что я там написал?»

Шунай получила письмо юноши и прочла его. Она читала его с бьющимся сердцем раз, и два, и три, пока не выучила наизусть каждую строчку. Потом опечалилась и заплакала.

Вот что написал ей юный Мадхав:

«Ты мне дороже всего на свете, милая девушка. Я схожу с ума от любви к тебе. На берегу реки растет

дерево-хиджол, покрытое тонкими маленькими листочками. Если ты придешь туда, чтобы побыть со мной, я открою тебе свое сердце и свои думы. Мы укроемся с тобой меж ветвей кетаки и будем говорить о любви.

Мой отец богат и знатен, и я готов сделать для тебя все, чего бы ты ни пожелала. Я подарю тебе огненно-красное сари и каждое утро стану собирать для тебя цветы, а ты будешь сплетать из них гирлянды. Около нашего дома раскинулось большое озеро с каменными ступеньками, спускающимися к воде. Если твоим нежным ручкам будет тяжело поднимать кувшин с водой, я приду и помогу тебе. Мы будем вместе плавать в голубых водах этого озера, радуясь друг другу; на твоих руках будут ярко блестеть браслеты из жемчуга, а на груди сверкать бриллиантовое ожерелье.

Посреди озера устроена беседка для свиданий, мы будем проводить там вечера. В большой гостиной нашего дома мы будем играть в кости, а в брачной комнате — предаваться утехам любви. И оба мы будем счастливы.

Каждое утро я буду собирать для тебя цветы в нашем саду, чтобы ты украшала ими волосы. Пробуждаясь ото сна, ты будешь видеть у своей постели вазу, полную душистых цветов малати.

Я отдам тебе все свои богатства, все сокровища, более того, свое сердце, которым ты и так уже владеешь. Любимая, стань моей спутницей на всю жизнь».

Шунай вытерла слезы и написала ему ответ:

«О друг моего сердца, послушай теперь мою историю. Я только-только вступила в пору юности и еще не замужем, но мать и дядя уже ищут для меня жениха.

О, если бы я была одним из тех цветков кетаки, которые цветут на берегу реки, я без опаски встречалась бы с тобой каждый день. Если бы ты, любимый, был месяцем, сияющим в вышине, я любовалась бы тобой всю ночь напролет, и никто мне ничего не сказал бы. Если бы ты был рекой, я припала бы к ее водам, чтобы утолить жажду моей души.

Увы, я всего лишь женщина, пленница моего дома! До моих печалей никому нет дела. С того дня, как я увидела тебя на берегу реки, мое сердце, как безумное, следует за тобой повсюду. Но я не могу рассказать об этом матери, стыд смыкает мои уста.

Ты можешь довериться моей подружке Шалле и передать через нее свои письма. Напиши мне, что нас

ждет впереди, когда мы будем вместе и когда осуществятся наши мечты. Я пишу тебе с надеждой на счастливый исход, хотя все это еще, наверное, будет так не скоро!»

Шунай надушила письмо сандалом, вручила его вместе с гирляндой цветов своей подружке Шалле и велела отнести то и другое Мадхабу. Шалла ушла, и Шунай осталась одна, предаваясь то сомнениям, то надежде со всем пылом ранней юности.

Был в той деревне отъявленный негодяй и мошенник, по имени Багхра. Однажды он пришел к дивану Бхабне, томившемуся от безделья, и доложил:

— В твоих владениях, о повелитель, в доме брахмана Бхатука, живет девушка необыкновенной красоты. Ей недавно исполнилось двенадцать лет, она еще не замужем. Если ты, повелитель, захочешь, можешь взять ее в жены.

Обрадовался диван, одарил Багхру золотом и велел заняться этим делом.

— Послушай меня, брахман, — сказал Багхра брахману Бхатуку, — у тебя в доме живет красивая девушка. Несколько дней назад диван Бхабна увидел ее у гхата, когда прогуливался в лодке по реке. С тех пор он не может забыть ее. Если ты согласишься отдать ее за дивана, все остальные жены его гарема станут ее служанками. А тебя он наградит пятьюдесятью двумя пурами свободной от налога земли и прикажет вырыть перед твоим домом большой пруд с каменными ступеньками. Таково желание дивана.

Бхатука был жадным, как все жрецы. Он соблазнился обещаниями наград и земли и, позабыв про совесть и честь, принял предложение. Он задумал тайно нарушить законы касты и сделать все так, чтобы ни мать, ни дочь ничего не знали. Но по деревне пошли слухи об этой сделке, которые дошли до Шунай.

— Милая моя подружка, — сказала Шунай Шалле, — возьми это письмо и беги к Мадхаву. Скажи ему, что он должен во что бы то ни стало увезти меня отсюда до наступления вечера. Я не знаю, что будет со мной, когда на небе зажжется первая звезда. Мой дядя — злой и коварный человек, он уже договорился обо всем с

диваном Бхабной. Беги и скажи Мадхаву, пусть он поторопится.

Шалла передала Мадхаву письмо и все ему рассказала. Он тут же послал с ней ответ.

«Сегодня мне приснился дурной сон, — размышляла меж тем Шунай. — Мое сердце говорит: „Не ходи на реку!“ Из левого глаза вдруг ни с того ни с сего упала слеза, и непонятный страх сжал мое сердце. Во рту у меня пересохло, и нет сил поднять даже пустой кувшин. Что же это со мной? Ноги отказываются нести меня к реке. На сухой ветке вон того дерева пронзительно кричит ворона, на потолке зашелкала ящерица, и кто-то громко чихает. Все это плохие приметы, мне не надо идти на реку».

И Шунай решила никуда не ходить, но тут же передумала.

— Послушай, Шалла, — сказала она подружке, — если я не пойду сегодня за водой, я не смогу увидаться с любимым. Он рассердится на меня и больше никогда не придет.

С этими словами она взяла кувшин и медленно направилась навстречу своей судьбе. Впереди шла ее подруга и наперсница Шалла.

В кустах, около спуска к реке, стояла лодка, скрытая ветвями. И как только Шунай подошла к этому месту, люди, посланные диваном, схватили ее и силой усадили в лодку.

— О Шалла! — закричала Шунай, — беги домой и сообщи матери, что люди дивана увозят меня силой. Скажи ей, что кувшин, который я принесла с собой, остался плавать на воде у гхата как свидетель моей печальной судьбы! Передай моему дяде, пусть он радуется той земле, которую он получит в награду. Скажи владыке моего сердца, что его Шунай попала в когти к тигру — дивану Бхабне! О солнце и луна, о ночь и день, будьте моими свидетелями! Когда увидите моего любимого, расскажите ему о моих страданиях! Вы, птицы, летающие высоко в небесах, летите к моему любимому и расскажите, что его Шунай похитили слуги дивана. Ты, дерево-хиджол, растущее на берегу реки, ты видело все, что случилось. Скажи ему, где я, если он будет меня разыскивать. И вы, цветы кетаки, дарящие сладкий аромат этим пустынным берегам, молю вас, сообщите обо всем моему любимому. Будьте и вы моими свидетелями, реки и озера, птицы и звери! Само прови-

дение против несчастной Шунай. О ветер, ты гуляешь по земле с первого дня творения, передай же моему любимому, что Шунай теперь умерла для него.

О бедная я, несчастная! Зачем я пошла сегодня на реку? Пария собирается вкушать священное масло жертвенного огня! Если бы я знала, что может со мной случиться, я бы привязала кувшин к шее и утопилась в реке.

Почему же он не пришел? Я боюсь не за себя, а за него. Может, с ним что-то случилось? Не опрокинулась ли его лодка, ведь река сегодня такая бурная? О птицы, скорее летите к нему и передайте, что его Шунай увозят к дивану Бхабне, увозят не за какой-нибудь проступок, а за то, что она слывет красавицей!

И тут навстречу похитителям из-за излучины реки вышла лодка Мадхава.

— Эй, люди, почему вы так быстро гоните лодку? Чью молодую жену вы увозите насильно? — закричал он. — А ты кто, красавица? Почему ты так горько рыдаешь?

Узнав Мадхава, Шунай начала громко кричать. В сумерках произошла жестокая схватка. Мадхав вырвал Шунай из рук похитителей и умчал на своей лодке.

Почему в городе слышится громкий звук трубы? Что это за праздник и чему так радуются горожане? Собирайте, друзья, цветы из всех городских садов: сегодня празднуют свою свадьбу Мадхав и Шунай. Слышите? Женщины поют свадебные песни и просят богов послать молодым счастье, другие женщины украшают гирляндами брачную комнату. Вот они направляются по каменным ступенькам к реке и набирают воду в кувшины, чтобы совершить священный обряд адхиваса. Они так счастливы: сегодня Мадхав женится на Шунай.

— Как ты можешь, Мадхав, спокойно сидеть дома, когда твоего отца заковали в цепи и увезли во дворец дивана?

Получив такое известие, Мадхав побледнел от страха. Он немедленно приказал готовить судно и отправился во дворец.

Шунай осталась в доме с подружкой. Послушайте ее баромаши:

«В июле Мадхав поехал на лодке к дивану, чтобы спасти своего отца, и я осталась одна с Шаллой, своей единственной подружкой. Весь месяц я провела в ожидании и слезах, не понимая, почему он так долго не возвращается.

В августе весь город отмечал праздник в честь богини Моноши-дэви. Но разве мне было до веселья, если я не получила весточки от любимого?

В сентябре созревают обильные плоды тала, и из них делают сладости. Все радуются, только над нашим домом и над моей юностью нависла тень великого горя.

В октябре в каждом доме празднуют Дурга-пуджу. Все люди возвращаются домой, только моего милого нет на празднике.

В ноябре, когда мелеют реки, как ждала я своего любимого! Слуги тосковали по нему, а мать плакала не переставая. Так в горе и слезах прошел весь месяц.

В декабре туманы поднимаются вверх, начинает светить яркое солнце. Но как могу я чему-нибудь радоваться, если моего друга все еще нет?

В январе наступают холода и плотные туманы окутывают землю. Зимой сильнее тоска по любимому. Я лежу без сна в своей постели, а его все нет и нет.

Затем приходят весенние месяцы — февраль и март. Люди радуются приходу весны, все, кроме несчастной Шунай.

В апреле наступают праздники, а он все еще не возвращается, и я схожу с ума от горя. Кончается год³, я ни разу не собирала цветы и не украшала свои волосы. Безрадостно проходит моя юность, а я вся исхудала, краса моя поблекла. Где и с кем ты сейчас, мой любимый?

В мае среди листвы появляются спелые манго. Жара становится невыносимой, и подружки обмахивают меня пальмовыми листьями. Но разве могут они остудить мое пылающее сердце?»

Свекор Шунай вернулся домой, вошел в покои невестки и со слезами на глазах сказал:

— Ты знаешь, Шунай, что мы любим тебя больше жизни. Но у меня только один сын — единственный светильник в нашем доме, и я могу его потерять. Диван Бхабна обвинил во всем меня и заковал в цепи. Когда же мне на выручку пришел Мадхав, диван освободил

меня и заточил в темницу его. О невестка, на тебя вся надежда! Диван жесток, как демон, он велит казнить Мадхава, если не заполучит тебя. Теперь только ты можешь спасти моего сына!

Выслушав мольбы свекра, Шунай вытерла слезы и приказала готовить судно. Она решила ехать к дивану — спасти мужа — и взяла с собой маленькую коробочку с ядом.

Как только диван узнал о ее приезде, он поспешил к ней навстречу. Ему показалось, будто во дворец спустилась с небес сама луна.

— Выслушай меня, диван! — сказала Шунай. — Ты заключил в тюрьму моего мужа. Освободи его сейчас же, но не говори ему, что я здесь, и предупреди об этом своих людей. Если ты исполнишь все в точности, я стану твоей женой.

В темнице, скованный цепями по рукам и ногам, с тяжелым камнем на груди лежал Мадхав. Диван освободил его и отправил домой на том же судне, на котором прибыла Шунай.

Теперь послушайте, что случилось с Шунай.

Была темная, беззвездная ночь. В роскошном дворце, окруженном стражниками и часовыми, Шунай мысленно прощалась с матерью и просила у нее прощения.

Потом перед ней предстал милый ее сердцу образ Мадхава. Она низко склонила голову, мысленно прикоснувшись к его стопам, потом стала молиться матери Дурге, чтобы та придала ей силы. Несчастная открыла коробочку с ядом. Перед ее глазами вдруг встал образ давно умершего отца.

Когда в спальню неслышными шагами вошел диван, Шунай лежала без сознания. Тело ее потемнело, сжигаемое страшным снадобьем, будто огнем.

Увы, в свой последний час она не увидела ни матери, ни свекра, ни свекрови, ни подружки Шаллы, которые ее так любили. Но горше всего то, что не было рядом с ней ее дорогого и любимого мужа.

Злодей не смог удовлетворить свою сатанинскую страсть. Ради спасения мужа Шунай пожертвовала собственной жизнью.

В октябре на низовьях вода стала медленно убывать. Однажды мать, поднимая сына с постели, сказала:

— Вставай, Чандвинод, хорошенько умойся и иди в поле. Посмотри, не размыло ли там валки¹, а то уйдет вся вода. Слышишь, как гроыхает в небесах? Похоже, гром снова призывает дождь пролиться на землю. Иди скорее, черные тучи покрыли небо, и гром гремит все сильнее. Вставай, сколько можно спать?

Не успел Чандвинод подняться с постели, как начался страшный ливень. Вода затопила поля, и все работы там прекратились. Крестьянам грозило страшное бедствие — погибал урожай.

Пришел ноябрь, и стало ясно, что осенний урожай уничтожен стихией. Рис стали продавать по полторы меры за рупию². В ноябрьские холода Чандвинод сильно простудился, и его била лихорадка. Мать испугалась за его жизнь. Она плакала дни и ночи и дала обет богине Дурге принести ей в жертву двух буйволов, если сын выздоровеет. Провидение сжалилось над юношей, и кризис миновал.

Наконец по милости Лакшми, богини счастья, Чандвинод поправился, но к тому времени в доме не осталось ни зернышка риса, чтобы поднести в дар богине. Мать принесла серп и попросила сына сходить в поле. По дороге он срезал пять стеблей тростника и, весело напевая баромаши, направился к своему рисовому полю³. И тут, к своему ужасу, он увидел, что осенние ливни погубили весь их урожай.

Опечаленный, Чандвинод вернулся домой и рассказал матери о беде. Им грозил голод. Продав буйволов и заложив землю, они кое-как еще протянули несколько месяцев. Наступило время весеннего сева, а у них — ни земли, ни быков.

В апреле, взяв клетку с соколом, Чандвинод решил пойти на охоту. В доме уже не оставалось даже рисовой пылинки. Со слезами на глазах проводила его мать, сокрушаясь, что не может накормить сына и дать ему еды в дорогу.

Чандвинод видел то здесь, то там уже порозовев-

шие, клонившиеся к земле метелки риса нового урожая. Путь его лежал мимо дома сестры, и он зашел к ней. Сестра приготовила ему несколько порций бетеля, дала с собой табак, узелок с поджаренным рисом и спелых бананов.

Проводив брата, сестра долго еще стояла у ворот и смотрела ему вслед, пока он не скрылся из глаз. А Чандвинод с прирученным соколом продолжал свой долгий путь...

Шло время. Наступили последние дни жаркого сезона, и сокол время от времени издавал пронзительный крик, радуясь приближающемуся муссону. Небо постепенно затягивалось тучами, и на землю ложились их темные тени.

Оставшись одна, мать все время беспокоилась о сыне. Вот-вот должен был наступить период дождей, а Чандвинод все не возвращался.

«Может, его укусила змея или разорвал тигр?» — думала бедная женщина, просыпаясь по ночам от малейшего шороха.

Время близилось к полудню, когда Чандвинод подошел к одной деревне. На окраине ее был пруд, заросший тростником, а на берегу росли банановые деревья, огороженные густой колючей изгородью.

Несмотря на усталость, Чандвинод залюбовался красивым видом. Около гхата, каменные ступеньки которого спускались прямо в воду, росло дерево-кадамба, сплошь покрытое цветами.

Чандвинод прилег под этим деревом и заснул крепким сном. Солнце клонилось к закату, а он все спал и спал.

Девушка по имени Малуа, придя к пруду за водой, была очень удивлена, увидев спящего юношу.

«Кто бы это мог быть?» — подумала она. Спустившись на последнюю ступеньку, Малуа поставила возле себя кувшин и стала украдкой разглядывать незнакомца. Как он был красив! Солнце уже начало спускаться за горизонт, и вечер был готов уступить свое место ночи.

— Что же, он так и будет спать под этим деревом? — забеспокоилась девушка. — Откуда он и где его дом? Неудобно будить его. Проснись, милый путник, проснись, — беззвучно шептали ее уста. — Не могу же я стоять здесь весь вечер! Если бы я могла, я разбудила

бы тебя и показала дорогу к своему дому. А когда опустится ночь, как ты узнаешь, куда идти?

Малуа наклонилась и стала бить рукой по воде. Но юноша все спал.

— Как же разбудить его? — размышляла девушка. — Была бы здесь моя невестка, мы с ней что-нибудь придумали бы. Да и мать наверняка согласилась бы пригласить его к нам переночевать. А одна я совершенно беспомощна. Как мне жаль его, наверное, он заблудился.

Малуа крепко прижала к себе латунный кувшин и прошептала:

— О кувшин, помоги мне разбудить его!

И она стала медленно наполнять кувшин водой. Звук льющейся воды разбудил Чандвинода и потревожил сокола, который громко закричал.

Приподняв голову, Чандвинод увидел прелестную девушку с кувшином воды в руках. Ее распущенные, черные, как ночь, волосы доставали почти до пят, и вся она походила на свежий цветок-махуа. А какие у нее были глаза! Их взгляд мог бы свести с ума даже святого.

— Я никогда еще не встречал такой красавицы! О чудный светильник, чей дом ты освещаешь? — прошептал юноша. — Что это — сон или явь? Расправь поскорее крылья, мой сокол, лети вслед за ней и разузнай, где она живет, кто ее родители, замужем она или нет.

Посмотрев вслед девушке, он проговорил:

— Оглянись назад, красавица, чтобы я мог еще раз увидеть сияние твоего луноподобного лица. Я поражен твоей красотой! Как мне теперь быть?

И Чандвинод выпустил сокола из клетки со словами:

— Лети домой и скажи моей матери, что Чандвинода растерзал тигр. Скажи, что ее любимый сын больше не вернется домой. Скажи это и моей сестре. А потом найди эту девушку и передай ей мои сокровенные мысли!

Облик незнакомца, прекрасного, как месяц, растревожил девичье сердце и залил румянцем стыдливости ее нежные щеки. Ведь она только-только вступила в пору своей юности! Однако скромность не позволила ей задержаться на берегу, и она заторопилась домой.

У Малуа было пять братьев. Их жены наутро встретили Малуа у порога ее комнаты и начали допытываться:

— Почему, сестрица, ты вчера ходила за водой одна и вернулась оттуда сама не своя? Да и кувшин твой был наполнен водой лишь наполовину. С тобой что-то произошло? Ты так изменилась: вчера была словно бутон, а сегодня похожа на чудесный распутившийся цветок. Не скрывай от нас ничего, скажи, что с тобой случилось? Пойдем теперь к пруду вместе. Возьми с собой кувшин, слюдяной гребень и флакончик с душистым маслом. Мы расчешем твои черные волосы и надушим их маслом. И когда останемся одни, расскажешь нам все, ничего не тая. Ты вступила сейчас в такой возраст, когда уже пора думать о женихе. Даже мы, женщины, не можем удержаться от восхищения при виде тебя!

— Почему вы не хотите пустить меня одну за водой? — спросила их Малуа.

— Ты прелестна, как луна, — отвечали невестки, — и мы боимся, как бы демон Раху не проглотил тебя⁴.

— Я вчера простудилась, — сказала Малуа, — и плохо себя чувствую. Идите сегодня к пруду одни, я не пойду с вами.

Невестки пошептались между собой и направились к гхату, а Малуа ушла в свою комнату.

Хирадхар, отец Малуа, принадлежал к касте пахарей и был старостой деревни. Его большая семья жила в достатке. Боги даровали ему шестерых прекрасных детей. Обширные поля давали два урожая риса в год, просторные амбары ломились от зерна. В загоне стояли десять молочных коров и вола — для пахоты.

В доме Хирадхара каждый год торжественно отмечались Дурга-пуджа и другие праздники. В дни поминовения предков угощали брахманов.

Малуа сидела у себя и все думала, думала: «Откуда же пришел этот юноша, прекрасный, как молодой месяц? Какой это был чудесный миг, когда я увидела его у пруда! Он, видно, случайно попал в наши края, охотясь со своим соколом. Как бы мне хотелось самой стать соколом, чтобы быть все время возле него. Облака, с кем вы так громко переговариваетесь там, в небесах? Наступил уже июль, и потоки дождя залили землю, реки переполнились водой и затопили свои берега.

Вокруг нет ни клочка сухой земли. Где же бедный юноша ночует в такую погоду? Если бы он зашел к нам, я попросила бы отца и он разрешил бы ему отдохнуть в нашем доме. Я разостлала бы для него красивую циновку и поднесла бы коробочку с бетелем».

Прошли ночь, утро и весь следующий день, а когда снова наступил вечер, Малуа взяла свой кувшин и побежала к пруду, ничего не сказав невесткам.

Косые лучи заходящего июльского солнца, пробиваясь сквозь облака, нестерпимо жгли тело. Но не за водой направилась девушка к пруду и не купаться. Два влюбленных сердца потянулись друг к другу!

Малуа подошла к пруду и снова увидела под деревом-кадамба спящего юношу. Сокол подал голос из клетки, и Чандвинод открыл глаза. Посмотрев на ступеньки гхата, он увидел, что вчерашняя красавица снова набирает воду.

— Послушай меня, девушка, — обратился к ней Чандвинод. — Я охотник, и зовут меня Чандвинод. А ты кто, красавица? Вижу, каждый день ты приходишь сюда за водой. Чья ты дочь? Ты замужем или нет? Если ты уже замужем, я в последний раз посмотрю на твое прекрасное лицо, уйду и никогда больше не вернусь. Вчера я увидел тебя здесь случайно, а сегодня нарочно пришел пораньше. Расскажи мне о себе.

— Моего отца зовут Хирадхар, а мать — Ашама, — отвечала Малуа. — Вчера я видела, как ты спал здесь под деревом. Знаешь, девушке неприлично вести беседу с незнакомцем. Приходи в дом моего отца, и тебя там примут как гостя. Я вижу, ты бродишь по лесам с соколом в руках. Но где ты устраиваешься на ночлег в этой глуши? Здесь полно тигров и медведей, разве ты не боишься за свою жизнь? Этот пруд совсем зарос, а в глубоких норах по берегам живут черные змеи. Если одна из них ужалит тебя, ты умрешь. Мои родители известны своей праведной жизнью. У меня пять братьев и много родственников. Мы живем все в одном доме. Приходи к нам переночевать, только не ходи по той тропинке, по которой я сейчас пойду. Видишь ту дорожку, пройдешь по ней немного и увидишь большой дом, а рядом — пруд. Дом стоит лицом на восток, двери у него стеклянные. Вокруг много фруктовых деревьев и цветов. Если заблудишься, спроси, где дом деревенского старосты. Невестки подадут тебе на ужин вкусные карри. Приходи, приходи к нам сегодня, славный юноша!

Малуа пошла домой, а Чандвинод взял клетку с солом и направился по другой дороге.

У дома Хирадхара он появился уже под вечер. Хозяин позвал сыновей и велел им принять гостя. Те принесли ему прохладной воды — умыться и омыть ноги, а их жены начали готовить ужин. Они разрезали на кусочки и зажарили съедобный корень-манкачу, сварили рыбу-кай, приправили ее джирой; приготовили тридцать шесть разновидностей карри, запекли вяленую рыбу в рисовом тесте. Когда все было готово, Чандвинод с братьями Малуа сели ужинать. Чандвинод ел с превеликим удовольствием. Затем подали различные сладости.

После ужина гостя отвели в отдельную комнату, приготовили удобное ложе, а рядом положили красивый слюдяной веер и коробочку с бетелем.

Утром Чандвинод распрощался с гостеприимной семьей, низко поклонился Хирадхару и его сыновьям и ушел.

На обратном пути Чандвинод зашел к своей сестре и все ей рассказал. Конечно, он ни слова не сказал о своей любви, но сестра сердцем угадала его сокровенные мысли.

Вернувшись домой, Чандвинод долго не решался поговорить с матерью о женитьбе. Миновал июль, потом август и сентябрь, и, не в силах более сдерживать свои чувства, он рассказал друзьям о своих страданиях. Это дошло до матери Чандвинода, и она послала к Хирадхару сватов.

Родители Малуа, как только ей исполнилось двенадцать лет, стали присматривать ей жениха. Одежды, которые она носила до сих пор, стали ей коротки. Она старательно натягивала на грудь край своего сари, однако оно не могло скрыть от посторонних глаз приметы расцветающей юности. Соседи с доброй улыбкой смотрели на нее и шутили:

— Смотрите, этот прекрасный бутон уже распустился!

В июле Хирадхару некогда было думать о свадьбе дочери. Следующий месяц оказался неблагоприятным: если бы Малуа вышла замуж в августе, она бы осталась вдовой. В сентябре, согласно обычаю этих мест, вообще нельзя проводить никаких празднеств. В ок-

тябре все заняты приготовлениями к Дурга-пудже, как-кая уж тут свадьба! С приходом ноября Хирадхар стал ждать появления жениха, прекрасного, как бог войны Карттикея. Предложений было много, но ни одно не устраивало отца.

Харидхар надеялся, что в декабре, когда поля стали золотыми от спелых метелок риса, для его дочери найдется жених под стать богатому урожаю. Но такой жених не объявился.

В январе все покрылось плотным туманом, и, по местным обычаям, в этом месяце свадеб не проводят.

Наконец, в феврале к Хирадхару пожаловало много сватов. У купца Шонадхара из Чампатылы был единственный сын, красивый, как Карттикея. Семья была богата и владела крупным наделом земли, но Хирадхар отказал им, считая, что купеческий сын не ровня его дочери.

Приехал сват даже из далекого Дигхалбаты.

— Семья жениха большая и богатая, — рассказал он. — У них много скота и земли, они снимают богатые урожаи риса и выгодно его продают.

Но Хирадхар не принял и этого предложения. Ходили слухи, что семья была замешана в какой-то истории.

Поступило предложение из Сусунга. Там и семья была уважаемая, и дела у нее шли неплохо: отец торговал рисом и имел четырех взрослых сыновей. У них были лодки, быки для боев и много ценного имущества.

Но Хирадхар нахмурил брови и ответил:

— У одного из их предков была проказа, я не могу отдать дочь в эту семью.

Когда все предложения были отвергнуты, пришел сват от матери Чандвинода. Хирадхар подробно расспросил о родителях жениха, о его доме и родственниках. Жених был красив, принадлежал к почитаемой касте, отец его славился мудростью и трудолюбием.

— И все же я не могу отдать дочь в этот дом, — рассудил Хирадхар. — Земли у них мало — негде даже рассыпать рис для просушки⁵, и дом почти развалился, крыша течет. Как там будет жить моя дочь в сезон дождей? Она из богатой семьи и привыкла к достатку, а там нет даже горсти риса, чтобы принести в жертву богине урожая. Моя дочь не всегда довольна и шелковым сари, как она будет ходить в рванье? Нет, не могу я дать свое согласие!

Сват вернулся и передал матери Чандвинода слова Хирадхара. Она была огорчена таким ответом.

«Провидение не хочет исполнить желание моего сына, — думала она, — но что поделаешь?»

А Чандвинод, узнав об отказе, решил отправиться в дальние страны, чтобы попытаться счастья.

— Я все обдумал, — сказал он матери. — Не пристало такому здоровому и крепкому юноше, как я, сидеть без дела. В доме нет ни денег, ни риса, как мы можем поддержать честь нашей семьи? Разрешите мне поехать на заработки.

Он взял прах от ног матери, завязал в узелок немного вареного риса и зеленого перца и отправился в путь, прихватив с собой клетку с соколом.

Бедная мать стояла у ворот и смотрела вслед сыну. Когда он скрылся в зарослях бамбука, она вытерла слезы и медленно пошла в дом.

Примерно через год прибежала к ней соседка и закричала:

— Пришел конец твоим тревогам! Иди скорее встречать сына.

Счастливая мать выбежала на порог и увидела сына, идущего по тропинке к дому.

Соколиная охота была на этот раз очень удачной. Диван-сахиб, правитель этого края, остался очень доволен искусством Чандвинода и наградил его двадцатью бигхами земли, не считая других наград и подарков.

На берегу реки Шутия Чандвинод возвел большой, красивый дом под восьмискатной крышей, тростниковые стены дома закрыл красивыми плетеными щитами, крышу покрыл тростником-улу⁶, двери украсил красивой резьбой в виде крыльев зимородка, перед домом он вырыл пруд и наполнил его прозрачной, свежей водой. Соседи только головами качали:

— Посмотрите на этого счастливича: за один год так разбогател, что купил себе даже слона!⁷ Видно, богиня Лакшми благоволит к этому дому.

Весть о возвращении Чандвинода быстро разнеслась по округе, и теперь уже сам Хирадхар послал к нему сватов. Было решено сыграть свадьбу в марте. Обсудили все детали и послали за астрологом. Тот заглянул

в свой календарь, определил наиболее благоприятное положение планет и назвал точный день и час для брачной церемонии.

Свадьбу, по обычаю, проводили в доме тестя. Все было очень торжественно. Чандвинод ехал на разряженном коне, впереди шли музыканты с барабанами и флейтами. Жениха сопровождали родственники и друзья. В небо пускали ракеты и огненные шары. Возле дома Хирадхара навстречу им вышли женщины, чтобы с почетом встретить жениха. Они благословляли его, дули в большие морские раковины, пели и били в барабаны. Мать невесты со старшими родственницами обходила дом за домом, испрашивая у соседей для дочери шохаг — благословение и пожелание супружеского счастья. Мать несла на голове большое плоское блюдо, прикрыв его концом своего сари. В блюде были подношения богине счастья Лакшми: горстка первосортной рисовой муки, три щепотки пыли со двора своего дома, несколько кусочков корня куркумы, топленое масло и цветные порошки. С этим блюдом она ходила от дома к дому, а сзади шли девушки и распевали свадебные песни. Затем она налила в чашу чора-пани для невесты и стала молиться о ее счастье. А чтобы дочь покорила сердце своего мужа, мать прикоснулась с молитвой к священному дереву-мана. Потом совершили нанди-мукху и другие обряды, после чего свадебные церемонии подошли к концу.

Вечером невеста и жених стали играть в кости. Чандвинод все проигрывал и проигрывал, и игра затянулась до утра. А следующая ночь была каларатри⁸, когда муж и жена не должны встречаться.

Наконец наступила шубхаратри⁹. Чандвинод вошел в брачную комнату, где горел маленький светильник, и прилег на ложе. В тот миг, когда ресницы его буквально смыкались, перед ним предстала новобрачная. Он замер от восхищения, сон как рукой сняло. Он взял ее за руки и стал говорить ей о своей любви, потом отвел с лица воздушное покрывало. В полумраке комнаты будто заблестал золотой самородок — так прекрасно было ее лицо с крутыми дугами темных бровей. Распущенные волосы спускались до самых пят, и он стал играть темными локонами, любуясь их красотой.

Но Малуа испуганно отстранилась и прошептала:

— Что ты делаешь, властелин моего сердца? Ни одна из моих невесток не спит, и все они сгорают от лю-

бопытства. Видишь, как через щели этих тростниковых стен они устремили на нас свои любопытные взоры? Я боюсь даже пошевелиться, чтобы не зазвенели мои украшения. Завтра невестки своим смехом поднимут на ноги весь дом и будут подшучивать надо мной, словно я в чем-то виновата. Подожди, мой повелитель, подожди еще немного...

Они погасили свет и легли спать порознь. Так прошла их «благоприятная ночь».

Утром, когда Малуа поднялась с постели, Чандвинод уже сидел во дворе и умывался прохладной водой, припасенной с вечера.

В тот день он увозил новобрачную к себе домой. Мать, тетка и все родственницы горько плакали, прощаясь с Малуа.

— Милая моя доченька, я растила тебя столько лет с такой любовью, а теперь ты нас покидаешь и уходишь в другую семью, — причитала мать.

Отец тоже утирал слезы и что-то бормотал про себя.

— Ну довольно, пора собирать их в дорогу! — сказали наконец соседи.

На прощание мать обняла Малуа и сказала:

— Тебе плохо было в родительском доме¹⁰, доченька, мало мы тебя лелеяли-холили. Пришло нам время проститься. Будь счастлива в новой жизни. Веди себя так, чтобы никто не мог упрекнуть тебя ни в чем.

Чтобы дорога была благополучной, Чандвиноду преподнесли чашу с дахи, и он сделал несколько глотков. Затем он низко поклонился тестю, теще и всем свойственникам. Наконец они тронулись в путь.

Что ты медлишь, мать Чандвинода? Приготовься, идет твой сын с молодой женой. И ты, тетушка Чандвинода, раскрывай поскорее золотой зонтик, чтобы поддержать его над головами молодых!

Мать вышла им навстречу и стала осыпать новобрачную рисом и молодой травой. Чандвинод почтительно взял прах от ног матери. Она обняла его и сказала с любовью:

— Как ты побледнел и осунулся за дорогу, сынок!

Молодую невестку мать приняла, как богиню Лакшми. Около новобрачных поставили сосуд со священной водой из Ганги, и женщины, распевая песни, стали дарить Малуа золотые и серебряные украшения.

Сердце матери трепетало от счастья; недаром говорится: «Дом красен цветником перед его окнами, а семья — новобрачной».

Исполнилась давняя мечта матери, ей нечего больше было желать. После свадьбы все пошло своим чередом, и семья Чандвинода зажила дружно и счастливо.

II

А теперь расскажем о другом периоде жизни Чандвинода, полном тяжелых и горьких испытаний.

Кази близлежащего города, которому подчинялись все окрестные деревни, был человек злой и порочный. Он обладал неограниченной властью, водил дружбу с ворами и убийцами, а честных людей преследовал. Напрасно было ждать от него справедливости. Он не различал добро и зло. Стоило какой-нибудь девушке или замужней женщине понравиться ему, и он насильно ее увозил.

Однажды кази проезжал верхом мимо пруда и увидел там Малуа, которая набирала воду. Ее красота ошеломила кази, и он, приподнявшись в стременах, уставил на нее свой ненасытный взор.

Волнистые волосы Малуа, ниспадающие до самой земли, ее прекрасное лицо, похожее на горный цветок-махуа, дивный взор и пленительная походка поразили кази, и в нем вспыхнула сатанинская страсть. С этого дня он стал проезжать здесь каждый день, и желание овладеть Малуа росло и росло, пока он совсем не обезумел от страсти.

Он долго думал, как быть, и наконец решил поехать к женщине по имени Нетай, которая всегда приходила на помощь тем, кто хотел совратить чужую жену. В молодости она слыла беспутной женщиной. Теперь, когда молодые годы были позади, она оставила прежнее занятие и редко выходила из дома. Нетай занималась тем, что сбивала с пути честных женщин.

Когда кази пришел к ней, она усадила его на почечное место и смиренно спросила:

— Что привело вас в мой дом? Чем я заслужила эту милость?

— Помоги мне осуществить одно мое желание, — ответил ей кази. — Если то, что я задумал, исполнится, обещаю закрыть глаза на все твои преступления, прошлые и будущие. Тебе нечего будет опасаться, ты ста-

нешь свободной, как дикая кобылица, и сможешь делать что твоей душе угодно. Я велю заново покрыть крышу твоего дома и дам столько денег, сколько ты попросишь. А дело вот в чем. Недавно я проезжал мимо ближней деревни и увидел у пруда молодую женщину необыкновенной красоты. Она — жена Чандвинода, которого я теперь считаю своим заклятым врагом. Разве нет в этом краю настоящей пчелы, если на такой чудесный лотос сел паршивый навозный жук? ¹¹. Ты должна под каким-нибудь предлогом пойти к ним в дом и передать ей наедине мое послание. Скажи, что я готов осыпать ее золотом, украсить шею жемчугом, подарить все, что только она пожелает. Скажи, что я схожу по ней с ума. Если она согласится стать моей женой, я сделаю всех остальных жен своего гарема рабынями ее желаний. Я одену Малуа в парчу и шелк, она будет спать на золотом ложе, как царица, и носить на груди ожерелье из золотых монет. Ее натх засверкает бриллиантами, а кувшин, с которым она ходит за водой, будет украшен золотом.

Когда кази уехал, старая Нетай стала думать, как получше устроить это дело. Однажды заглянула она в дом к Чандвиноду и завела с его матерью такой разговор:

— Чем ты сейчас занимаешься, сестрица? Вот зашла к тебе, давно не виделись. Слыхала я, что жена у твоего сына — красавица из красавиц, а видать не видала. Как бы мне на нее посмотреть?

С тех пор Нетай стала часто наведываться к ним и однажды застала Малуа возле пруда одну. Пользуясь случаем, она передала ей все, что говорил кази:

— Какая ты красавица, Малуа! Ты цены себе не знаешь. Слушай, что я тебе скажу: кази — великий судья всего этого края, он знатен и богат. Твоя красота свела его с ума, и для тебя он готов на все. Если ты согласишься выйти за него замуж, он сделает всех остальных своих жен рабынями твоих желаний. Он оденет тебя в парчу и шелк, подарит ожерелье из золотых монет. Твой натх будет сверкать бриллиантами, а кувшин для воды будет украшен золотом. И спать ты будешь, как царица, на золотом ложе.

Услышав речи старухи, Малуа не на шутку испугалась. Наполнив кувшин водой, она побежала к дому, но Нетай увязалась следом. Свекрови дома не оказалось, и Малуа волей-неволей пришлось терпеть присутствие

старой карги. Когда же она снова начала ее искушать, Малуа вся задрожала от гнева:

— Слушай, старуха, вот что я тебе скажу! Сейчас моего мужа нет дома, а если бы он был здесь, я сломала бы метлу о твою седую голову. Твоя молодость давно уже миновала, и смерть стучится в твои двери. В прошлом ты вела распутную жизнь и хочешь, чтобы все женщины походили на тебя. Скажи своему кази, что мне нет до него никакого дела! Пусть жены из его гарема выходят замуж по семь раз, если им это нравится; у нас, индусов, это не принято. Для меня мой муж — царь всех царей, величаяя вершина горы, прекрасная луна, освещающая землю своим сиянием. Распутник-кази не стóит даже мизинца моего мужа, можешь передать ему это! Он для меня теперь смертельный враг. Если он осмелится ко мне приблизиться, я скажу все это ему в глаза и швырну в лицо вот этот веник. Да будет мой муж здоров и да продлится его жизнь сотню лет! Он для меня дороже всего на свете, а все золото кази для меня ничего не значит. Прошу тебя, уходи отсюда и никогда больше не переступай этого порога!

Ничего не добившись, Нетай пошла к кази и все ему рассказала. Он разъярился и решил мстить. Чандвиноду был послан указ, в котором говорилось, что он должен в течение семи дней уплатить свадебный налог. «Ты женился шесть месяцев назад и до сих пор не уплатил налог дивану¹². Если ты в течение недели не погасишь долг, твой дом и вся твоя собственность будут конфискованы».

Чандвинод растерялся: ему следовало уплатить пятьсот рупий, собрать таких денег он не мог.

Через неделю пришел повторный указ, а затем на дом Чандвинода кази приказал повесить флаг. Это означало, что дом, земля и вся его собственность конфискованы.

Спокойная и счастливая жизнь Чандвинода разом оборвалась. Из амбаров вывезли весь рис, и семье нечего стало есть. Чандвинод продал буйволов, потом коров, и скоро у него ничего не осталось.

«Придется нам теперь жить под каким-нибудь деревом, — размышлял Чандвинод. — Но как же мне быть с моей дорогой Малуа и с моей старой матерью?»

Чандвинод понимал, что долго так продолжаться не может, и однажды сказал жене:

— Милая Малуа, бери мою мать и идите с ней к

твоему отцу. Ты — единственная сестра у своих пятирех братьев, которые нежно тебя любят. Привыкнув к богатой и обеспеченной жизни, ты не сможешь жить в бедности. У родителей тебе будет хорошо. Сам я привык к тяжелой жизни и останусь здесь. А тебе-то зачем страдать?

— Где бы ты ни жил — в лесу, под соломенной крышей или под тенью дерева, там теперь и мой дом, — с нежностью отвечала ему Малуа. — Если я выпью несколько капель чаранамриты¹³ — воды, коснувшейся твоих ног, — это будет для меня эликсиром жизни. Я не хочу жить, как царевна, в доме отца. Еды мне много не надо. Не страшны мне никакие лишения, лишь бы ты был рядом со мной. Ни за что не оставлю тебя одного!

Чандвинод хотел было отправиться в чужие края на заработки, но Малуа всеми силами противилась этому.

— Я не могу отпустить тебя, не могу жить без тебя, — говорила она. — Если ты меня не послушаешь и уедешь, я уморю себя голодом. Прошу тебя, возьми меня с собой. Я буду спать под деревьями, постелив под голову край своего сари, буду собирать для тебя лесные плоды и делить с тобой все радости и горести!

Июль они прожили на те деньги, которые Малуа выручила за свой натх. В августе она продала свое жемчужное ожерелье, в сентябре были заложены браслеты, в октябре — шелковые одежды, а в ноябре ей пришлось продать свои любимые серьги. Теперь все, что она имела, было продано или заложено.

Малуа ходила в рваной одежде, едва прикрывавшей ее тело. Часто они не ели по целым дням. У них не осталось даже горсточки риса, чтобы совершать ежедневное подношение богине урожая.

Настало время, когда их единственной пищей стали травы и коренья. Малуа смотрела на бледные лица мужа и свекрови, и сердце у нее обливалось кровью. Сама она могла не есть целыми днями, но горше всего было то, что нечем было кормить мужа и свекровь.

Настал день, когда она готова была идти по домам и просить милостыню. Узнав об этом, Чандвинод ничего не сказал ни жене, ни матери и тайком уехал на заработки в декабре.

В это тяжелое для Малуа время кази опять направил к ней сводню Нетай.

— Милая девочка, кази снова послал меня к тебе, — вкрадчиво начала старуха. — Зачем тебе страдать из-за

других? В доме кази ты будешь есть из золотых блюд. А сейчас ты голодаешь, ведь у вас нет ни горсточка риса. Сколько же тебе терпеть лишения? Где это видано, чтобы дочь богатого человека работала батрачкой, жала рис и пряла на чужих людей? Твое тело едва прикрыто рваным тряпьем, в носу и в ушах нет никаких украшений. Послушай моего совета, выходи за муж за кази и переходи жить в его дом!

Старуха сыпала соль на раны молодой женщины. Глаза Малуа вспыхнули гневом и стали похожи на маленькие угольки.

— Мой муж сейчас далеко, — отвечала она, — не стоит мне думать о нем, как мне сразу становится легче. Лучше я буду убирать чужой рис или ходить с протянутой рукой, чем получать благодеяния из рук кази. У меня пять братьев. Скажи я им, и они отрежут тебе нос, а гнусному кази — уши, разmozжат ваши голы о камни. Вот погоди, я напишу им письмо!

И опять старуха вернулась ни с чем.

Когда слухи о бедственном положении Малуа дошли до ее матери, она послала за ней своих сыновей.

Увидев братьев, Малуа заплакала. Зарыдали и они.

— Ты — наша единственная сестра, — говорили они ей. — Ты нам дороже всего на свете. Мы нашли тебе как нам казалось, достойного мужа. В том, что случилось с вами, виновата судьба. У наших жен много украшений, а у тебя, дорогая сестра, нет ничего. Твоя одежда изнасилась, и ты спишь на голой земле. До двенадцати лет, милая сестра, ты жила у нас без забот и горя, и никто не заставлял тебя ничего делать. Мать ждет не дождется твоего возвращения. Она приготовила для тебя твою комнату с мягкой постелью, достала сдюдяное опахало, повесила на окна кружевные занавески. Разве это не насмешка судьбы: у нас дома полным-полно всякой еды, мы кормим каждый день нищих и странников, а наша единственная сестра голодает! Если бы ты знала, сколько разных вкусных блюд наготовила для тебя мать! С тех пор как нам стало известно о твоем горе, она не спит, не зажигает огня в очаге и светильников в доме. Завтра утром мы придем за тобой паланкин. Мать умрет с горя, если не увидит тебя.

Не переставая плакать, Малуа отвечала им кротко и нежно:

— Как рассказать вам про мое горе, дорогие братья, как передать страдания моего сердца? Вы сами да-

ли согласие на то, чтобы я уехала сюда, в этот дом, вам нравился мой муж. Я ни в чем вас не виню, ведь нельзя избежать предначертаний судьбы. Я решила остаться в этом доме: он для меня больше чем храм, это мой Варанаси, мой Вриндаван. А вы возвращайтесь домой, к матери и отцу. Теперь я должна заботиться о моей убитой горем свекрови. Передайте матери, что я не могу оставить свекровь. Ваши жены позаботятся о матери, а у моей свекрови нет никого, кроме меня.

Братья вернулись домой и рассказали родителям, почему Малуа не хочет возвращаться домой.

Малуа вместе со свекровью продолжали батрачить у чужих людей. Так прошел январь и февраль. В марте и апреле Малуа надеялась получить какие-нибудь известия от своего мужа. В мае созрели манго; вороны и грифы, сидя на деревьях, пронзительно каркали целыми днями. Но от мужа по-прежнему не было никаких вестей.

В июне, когда зашумели ливни, загрохотал гром и засверкали молнии, Малуа день и ночь думала о муже и ждала встречи с ним. В июле все готовились к пудже в честь Моноши-дэви, и Малуа казалось, что муж вот-вот появится. Но прошел июль, затем август, и наступил сентябрь. Приближалась Дурга-пуджа, и люди не могли думать ни о чем другом. Но надежды Малуа снова не оправдались, муж не пришел даже к этому большому празднику. Как грустно выглядел в дни Дурги-пуджи их дом, в котором не было гостей.

Когда наступил октябрь, Чандвинод наконец вернулся домой с деньгами, заработанными за год. Он подошел к матери и положил перед ней туго набитый кошелек. Уплатив налог дивану, он вернул себе всю собственность, восстановил свой красивый дом под восьми-скатной крышей, обзавелся имуществом и скотом. Но самое главное — он снова был с Малуа, и она рассказывала ему в долгие осенние ночи все, что пережила за время его отсутствия.

Сладки мед и сахар! Сладки воды священной реки! Еще слаще сок кокосового ореха, холодный и освежающий. Сладки радостные дни, наступающие после несчастья. Сладко вновь обрести то, что считал потерянным навсегда. Сладко матери брать на руки своего ребенка, но слаще всего на свете встреча двух любящих после разлуки!

Казалось бы, все беды позади и небеса над головой Чандвинода прояснились. Однако хитрый и жестокий кази снова замыслил против него зло.

Чандвинод получил теперь новый указ: «Высокочтимый диван-сахиб изволил узнать, что в твоём доме живёт женщина необыкновенной красоты. В течение недели, считая сегодняшней день, ты должен послать свою жену во дворец досточтимого дивана. Если ты этого не сделаешь, заплатишься своей жизнью».

Прочитал указ Чандвинод и поник головой, словно олень, попавший в лапы тигра.

Прошла неделя, и в дом Чандвинода явился стражник, связал ему руки и ноги и потащил к кази.

— Негодяй, ты не подчинился моему указу, — закричал на него кази, — и все еще держишь красивую женщину в своём доме.

И, обернувшись к страже, приказал:

— Ответите его на торфяное болото и закопайте заживо, а жену доставьте во дворец досточтимого дивана Джахангира.

Стражники схватили Чандвинода и повели на торфяное болото.

— Дорогой сыночек! — рыдала мать. — За что судьба обрекла тебя на такую жестокую смерть?

Малуа всеми силами старалась успокоить свекровь, а сама обливалась слезами. Запиской она известила своих братьев, что по приказу кази Чандвинода должны закопать на болоте заживо. Эту записку она послала в дом отца с соколом.

Братья немедленно помчались на торфяное болото и успели вовремя: стражники уже вырыли яму для Чандвинода. Братья освободили зятя, а стражников поколотили. Потом они пошли к Малуа.

Увидев их, мать Чандвинода горько заплакала. В её доме уже не было самого дорогого сокровища: злой Раван похитил Ситу — верную подругу Рамы. Золотая клетка осталась на месте, но любимый попугай улетел! Братья онемели от горя. А Чандвинод, как безумный, кинулся к соколу:

— Скажи мне, мой старый и верный друг, где сейчас Малуа?

Малуа сидела во внутренних покоях дворца диван-сахиба и плакала. Для неё было приготовлено роскош-

ное ложе, но она оставалась на голом полу. Вокруг нее с блюдами, наполненными разными яствами, суетились слуги. Сам диван-сахиб подошел к ней и стал уговаривать, чтобы она поднялась с пола и хоть немного поела.

— Не делай меня самым несчастным из всех живущих на свете, — говорил он. — Отведай, что тебе нравится, и ложись отдыхать. Ты будешь иметь все, что захочешь. Из Дели тебе привезут самые лучшие сари, я прикажу сделать тебе украшения из чистого золота и окружу вниманием и заботой. В моем дворце сотни слуг и служанок, они все будут рады выполнить любое твоё желание. Ты будешь возлежать на этом прекрасном ложе, и я, твой покорный слуга, буду стоять рядом и развлекать тебя.

Малуа дрожала от страха, как лань, попавшая в когти к тигру. С плачем отвечала она диван-сахибу:

— Я дала обет воздержания на двенадцать месяцев, из которых девять уже прошло. Через три месяца кончается время моего обета. Я молю не прикасаться ко мне до тех пор. Я не буду есть пищу, приготовленную другими, не буду пить здесь ни капли воды. Я сама буду готовить себе еду из риса и овощей и не возьму в рот ни щепотки соли¹⁴. Постелью мне будет служить край моего сари. Все это время я не взгляну ни на одного мужчину и не позволю никому приблизиться к себе. Прошу тебя, досточтимый диван-сахиб, не входить ко мне три месяца, а потом я подумаю над твоим предложением. А если мне не дадут соблюсти обет, я отправлюсь.

Прошел месяц, потом другой, а на исходе третьего в комнате Малуа появился диван-сахиб.

Несчастливая затрепетала от страха.

— Видишь, я выполнил твою просьбу. Теперь ты можешь подняться с пола и занять это ложе. Прими меня в свое сердце с радостью как своего супруга. Я готов сделать для тебя все, даже освободить твоего мужа.

— Если бы ты знал, досточтимый диван-сахиб, — сказала Малуа, — сколько горя перенесла я от рук коварного кази. Ни за что ни про что он убил моего мужа. Как ты можешь надеяться, что я отдам тебе свое сердце до того, как буду отомщена? Как я могу забыть зло, которое причинил мне кази? Моего мужа закопали заживо в торфяном болоте.

Услышав это, диван-сахиб разгневался и приказал

страже схватить злодея и казнить, что тотчас же было исполнено. Как радовалась Малуа, что после стольких страданий, какие она претерпела, кази наконец получил по заслугам.

— Срок моей клятвы истекает через двенадцать дней, — сказала она диван-сахибу. — Наберись терпения и подожди еще немного. А пока вели снарядить лодку, мы поедем охотиться на соколов. Мой муж был хорошим охотником, и я многому у него научилась. Одной ловушкой я поймаю сотню соколов, вот увидишь!

Когда был назначен день и час охоты, Малуа написала своим братьям записку и отправила ее с верным соколом.

В назначенный день братья отправились в указанное сестрой место. На своих легких лодках они настигли лодку диван-сахиба, избили кормщика и гребцов и бросили их в воду.

Малуа перепрыгнула в лодку к братьям, и они стрелой помчались вперед, сбивая растущие на пути лилии. Так братья вызволили Малуа. Она снова соединилась с мужем, как некогда верная Сита с Рамой.

III

Прошло немного времени, и на голову Малуа обрушились новые беды. Один из родственников Чандвинода заявил:

— Малуа запятнала свою репутацию, пробыв у диван-сахиба целых три месяца. К тому же она принимала пищу из рук мусульман, поэтому ее надо изгнать из касты.

Дядя Чандвинода по материнской линии был одним из старейшин своей касты, и односельчане очень его почитали. Он сказал:

— Теперь я не могу брать пищу из рук Малуа. Пусть Чандвинод наложит на себя покаяние, тогда мы снова примем его в свою касту.

Его поддержал и дядя Чандвинода по отцовской линии.

— Не голодала же она все это время! — сказал он. Чандвинод не знал, как ему поступить, и пошел за советом к брахманам. Те сказали, чтобы он наложил на себя покаяние и оставил жену. Чандвиноду пришлось подчиниться.

Малуа плакала навзрыд.

— Куда же мне теперь идти, кому рассказать про свое горе? — причитала она. — Раз муж оставил меня, мне лучше умереть!

Пришли братья и начали ее уговаривать:

— Не плачь, дорогая, мы заберем тебя к себе, будем кормить и одевать. Тебе будет у нас хорошо.

Но, как ни старались братья успокоить Малуа и облегчить ее страдания, она была неутешна.

— Я готова остаться в доме мужа даже служанкой. Я буду мыть полы, стирать, выполнять самую черную работу, только бы быть рядом с ним.

А Чандвиноду она сказала:

— Раз я не могу теперь готовить тебе еду и прикасаться к воде, которую ты пьешь, возьми себе другую жену.

— Моя свекровь совсем стара, она ничего не видит и не слышит. Найдите моему мужу другую жену, — просила она братьев.

На этом настаивали и родственники Чандвинода. Они подыскали невесту и женили его.

Малуа стала в своем доме служанкой. Она выполняла самую тяжелую работу, которую обычно поручают слугам из низших каст. В комнаты ее не пускали. Она преданно служила свекрови, мужу и его жене, которую искренне любила.

Однажды Чандвинод отправился на охоту со своим соколом. На большой поляне, заросшей высокой травой и камышом, он выпустил сокола, а сам присел в тени дерева, под корнями которого жила большая черная змея. Она ужалила его в ногу, яд быстро проник в кровь и поразил мозг. Чандвинод зашатался и упал на землю.

— О птицы и звери, — прошептал он, — передайте моей матери, что я умираю от укуса змеи. Перед смертью я не увижу ни мать, ни красавицу Малуа, ни свой дом. Мне суждено умереть в этом лесу.

К счастью, мимо проходил путник, который сообщил матери, какая беда случилась с ее сыном. Прибежали родственники, подняли Чандвинода и принесли домой. Он был уже без сознания. Бедная мать рвала на себе волосы, а Малуа сидела возле мужа и приговаривала:

— О мой повелитель, сокровище моего бедного сердца, как мне теперь жить? Почему змея укусила тебя, а

не меня? Даже звери и змеи гнушаются презренной Малуа! Моим единственным утешением было видеть хоть изредка лицо мужа. Теперь я лишена даже этого счастья. Нет, я не хочу жить, я сожгу себя на твоём погребальном костре¹⁵ или утоплюсь в реке.

Пришли ее братья. Они склонились над Чандвинодом и увидели, что глаза его уже начали тускнеть, а в уголках рта показалась пена.

— Зачем ты покидаешь нас, дорогой брат? — запричитали они. — Теперь нашей сестре придется разбить свои ракушечные браслеты¹⁶. Трижды ее наказывала судьба, но она считала себя счастливой, пока ты был жив. А нам-то какво видеть сестру вдовой?

— Не плачьте, дорогие братья, — сказала им Малуа. — Слушайте, что я скажу вам. Возле гхата стоит наша лодка из дерева-манпобон. Давайте положим в нее моего мужа и отвезем к знахарю.

Братья подняли Чандвинода, перенесли его в лодку, взяли с собой Малуа и двинулись в путь. Они сами сели на весла, и лодка понеслась как стрела. Семидневный путь они прошли в один день. Знахарь внимательно посмотрел в лицо Чандвинода, послушал дыхание и ударил его рукой по голове. Яд из головы спустился к груди, потом к коленям и, наконец, к стопам. Черная змея выпила яд¹⁷, тело Чандвинода очистилось, и он открыл глаза.

Теперь Малуа с торжеством возвратилась домой. Вся деревня превозносила ее до небес.

— Это вторая Бехула! — говорили одни. — Она вернула жизнь мужу, как Бехула своему Лакшминдру.

— Небеса сжалились над ней, потому что она чиста и непорочна, — говорили другие. — Надо вернуть эту женщину в нашу касту.

Но дядя Чандвинода по материнской линии стоял на своем:

— Тот, кто посмеет это сделать, сам будет изгнан из касты!

— Мы не можем поступиться своей религией и кастой из-за Малуа. Пусть все остается по-прежнему, — поддержал его другой родственник.

И снова для Малуа настали печальные дни.

«Пока я жива, моему мужу не дадут жить спокойно, — думала она. — Зачем ему страдать из-за меня?»

И она решила умереть.

Однажды Малуа пошла на реку, взяла у гхата ста-

рую, дырявую лодку, села в нее и оттолкнулась от берега. Вода стала быстро заливать лодку.

На берег прибежала сестра Чандвинода и стала звать Малуа:

— Вернись, дорогая сестрица! Эта лодка дырявая!

— Нет! — отвечала Малуа. — Я не хочу, чтобы вы все страдали из-за меня. Лодка утонет, и я утону вместе с ней. Взгляни в последний раз на свою Малуа, которую ты так любила и которую больше никогда не увидишь.

Ни пришедшие на берег братья, ни старая свекровь, ни родственники — никто не мог отговорить Малуа. Когда вода в лодке поднялась вровень с бортами, прибежал Чандвинод.

— Не умирай, Малуа! Не уходи от меня! Ради тебя я откажусь от всего на свете. Ты снова войдешь в мой дом как жена, и, если община изгонит меня из касты, я откажусь и от касты. А если ты умрешь, я пойду за тобой, без тебя мне не жить. Пусть лучше померкнут солнце и луна, чем этот светильник моей души! Заклинаю тебя всеми богами, не умирай!

— Я не хочу больше жить, не хочу быть причиной твоих страданий, — отвечала Малуа. — Уходи! У тебя есть другая жена, будь с нею счастлив!

Подул ветер, отнес лодку на середину реки. Издалека донеслись последние слова Малуа:

— Не вините ни в чем моего мужа, это я причина всех его несчастий... Виной всему моя злая судьба.

С востока надвинулась черная туча, загрохотал гром, и поднявшиеся волны захлестнули лодку.

РУПАВАТИ

В городе Рампур, на реке Пхулешвари, правил некогда раджа по имени Раджчандра. Он получал со своих поместий по несколько лакхов рупий в год и построил себе просторный дворец с двенадцатью воротами. В его конюшнях и стойлах было тесно от лошадей и слонов, бесчисленное войско охраняло его земли, и множество чиновников собирали налоги. Раджа был любителем музыки, в его городе жило много певцов и музыкантов.

Однажды на дарбаре раджа выразил желание известить наваба Бенгалии, своего сюзерена. Придворные астрологи, получив приказ определить наиболее благоприятный для этого день и час, высчитали, что ему следует отправиться в путь через восемь дней.

Братья Чайта и Убхутия взялись оснастить для раджи корабль. На нем было шестнадцать гребцов и прекрасные паруса. На корабль погрузили множество ценных подарков: слюдяные гребни и веера, изделия из слоновой кости, ожерелья из крупного жемчуга и другие вещи, которые предназначались в подарок навабу. Кроме того, раджа взял с собой десять тысяч рупий — назар навабу. А чтобы в пути не скучать, прихватил с собой певцов и музыкантов.

Прощаясь с рани, раджа поручил ее заботам их единственную дочь Рупавати. Затем он простился с горожанами, собравшимися на проводы, раздал милостыню нищим и аскетам и взшел на корабль, который тронулся в путь, подгоняемый попутным ветром.

Раджа любовался видом деревень, живописно раскинувшихся по обоим берегам реки Пхулешвари. Вскоре они достигли устья Нарсунды, затем доплыли до реки Гхораутра и, наконец, увидели бурные воды Мегхны. Грудь реки была покрыта белым покрывалом из пены и брызг, а крутые берега, подмываемые быстрым потоком, грозили ежеминутно обрушиться вниз.

Три месяца провел раджа в пути и на четвертый прибыл в столицу наваба Муршидабад. Подарки раджи — слюдяные гребни тонкой работы, изделия из слоновой кости — пришлись по душе навабу; остался он доволен и назаром, который преподнес ему раджа. По приказанию наваба гостю был отведен роскошный дом, где он и расположился со своей свитой.

Дни шли за днями, минул год, затем второй, а раджа все не возвращался. По прошествии третьего года рани стала тревожиться о муже. Она не спала ночами и видела дурные сны. К этому времени их дочери исполнилось уже четырнадцать лет, а она все еще была не замужем. Соседи осуждающе качали головами, не одобряя такого отступления от обычаев.

Ни днем ни ночью не знала рани покоя. Наконец она решила послать радже письмо. После почтительных приветствий она сообщила о состоянии дел в их владениях и закончила письмо словами: «Вот уже три года, как ты в отъезде. За это время ты ни разу не поинтересо-

вался, как живет твоя дочь. А она вступила уже в пору юности, наши соседи только о том и говорят. Каково мне слышать все это? Если, достигнув зрелости, она останется незамужней, нам никогда не простится этот грех. Как только получишь мое письмо, не теряй ни одного дня и сразу возвращайся».

Это письмо рани отправила со слугой в Муршидабад.

Однажды во дворец раджи пришел некий астролог, развернул старые книги и начал старательно вычислять судьбу царевны.

— Ваша дочь прекрасна, как небесная дева, — сказал он под конец. — Мне не хватает слов, чтобы описать ее будущее. Но одно могу предугадать наверняка: она выйдет замуж за царевича и станет его главной женой.

Другой астролог предсказал:

— У нее прекрасные манеры. Брови у нее резко очерчены, волосы длинные, лоб высокий, зубы точно жемчужное ожерелье. Я предвижу, что она выйдет замуж за торговца с юга и целая сотня рабов будет у нее в услужении.

Третий астролог сказал:

— Все знаки благоприятны. Ее стопы подобны бутонам лотоса. Когда она идет, ее ступни оставляют четкие следы на земле, и на подошвах у нее нет впадин. Ее жених появится с севера. Расположение планет удачно, и я предвижу, что она станет женой правителя.

А еще один астролог, изучив линии на ее ладонях, предрек:

— Она скоро выйдет замуж за царевича. Взгляните на ее лицо. Оно прекраснее водяной лилии. Глаза у нее блестят, щеки румяны, а кожа будто излучает лунное сияние. Нет никаких дурных предзнаменований. Я предсказываю, что она станет царицей и родит семерых сыновей.

Наконец, объявился еще один прорицатель, который сказал:

— У нее прекрасные глаза, она станет знатной и счастливой. Но в ее судьбе есть одно небольшое пятнышко, которое я могу сейчас устранить. Дайте мне две смены шелковой одежды и принесите бананов. Наполните блюдо сливками, маслом и рисом и накормите этой едой двенадцать брахманов. Тогда пятнышко на ее судьбе исчезнет. Кроме того, ей нужно совершить омовение

водой, принесенной из святых мест. Это должно быть сделано здесь же, в моем присутствии. Если вы все это выполните в точности, вредное влияние планет будет уничтожено и она скоро выйдет замуж.

И благочестивая рани сделала все, что требовал прорицатель.

Наконец после долгого отсутствия раджа вернулся в родной город. Он был страшно подавлен. Целыми днями лежал он на тахте или бродил по дворцу, тяжело вздыхая и тихо шепча:

— О горе!

Обеспокоенная рани спросила:

— Что случилось с тобой, мой повелитель? Я приготовила тебе чудесный бетель, а ты к нему даже не прикоснулся; подаю твои любимые блюда с рисом и карри, готовлю разные сладости, а ты от них отворачиваешься. Даже дочери, которая была для тебя дороже жизни, ты не сказал ласкового слова. Тебя будто ядом опоили. Наш дом тебе опостылел, а я и наша любимая дочь больше тебе не милы. Тебя, видно, не интересуется даже ее замужество. Все это гнетет меня, порой мне даже не хочется жить.

— Если так, рани, — отвечал раджа, — мне придется тебе все рассказать. Я словно упал со скалы в море. Грудь моя разрывается от боли, будто ее рвут крокодилы. Я беспомощен, как человек, на которого напали тигры в непроходимых джунглях. Сердце мое обливается кровью, словно пронзенное стрелой. Если бы ты только знала, что ты наделала! В недобрый час отправила ты послание мне в Муршидабад! Получив твое письмо, я показал его навабу и стал просить разрешения поскорее вернуться домой. Наваб прочитал письмо, в котором ты сообщала, что наша дочь уже достигла юности, и сказал: «Я слышал, раджа, что твоя дочь очень красива. Почему бы тебе не отдать ее мне в жены? Это предложение для тебя очень почетно: я дарю тебе высокие титулы и на дарбаре буду приветствовать тебя в числе своих самых уважаемых родственников. Возвращайся поскорее домой, а я займусь приготовлениями к свадьбе».

О рани! Все погибло, моя каста, моя вера — все для меня потеряно! Что проку влачить это жалкое существование? Не нужны мне теперь и все мои владения, все

мои богатства. Давай бросим все и уйдем в лес! Послушай, вот что я надумал: мы отдадим нашу дочь за того, кого я первым увижу завтра утром, когда встану с постели. Кто бы он ни был — пария, дом или другой неприкасаемый, мне все равно. Главное, чтобы он был индусом. Но отдать дочь за мусульманина — нет, это невозможно, этого не будет никогда! Лучше мне покончить с собой, броситься в реку с камнем на шее. Ты говоришь, что меня опоили, но яд, разъедающий мою душу, не может быть удален даже несравненным искусством Дханвантари.

Если мы не отдадим нашу дочь навабу, мы потеряем все свои владения. Сюда придут солдаты-патаны, посланные навабом, свяжут мне руки и ноги и увезут в Муршидабад. Ведь наваб уже ждет невесту и начал готовиться к свадьбе. Что же мне делать? Как избежать этого страшного несчастья? Может, отравить дочь или сжечь ее? Отошли ее куда хочешь, жена, а я пойду и утоплюсь в реке.

И тогда рани приняла решение.

Был во дворце раджи слуга по имени Мадан, статный, красивый юноша. В его обязанности входило собирать цветы для храма и исполнять разные мелкие поручения рани. Тихий и услужливый, он был всегда под рукой. Рани решила, не считаясь с кастой и происхождением, отдать дочь за Мадана.

В полночь рани вошла в спальню к дочери. Не подозревая ни о чем, бедняжка крепко спала, и даже во сне ее лицо светилось, как луна. Сердце матери сжалось.

— Ах, моя бедная пташечка, — шептала она. — Как мне решиться выгнать тебя из золотой клетки любви, в которой я тебя вырастила. Вставай и взгляни на свою несчастную мать! Вставай и увидишь, как из-за тебя рухнет вся наша жизнь. Мы с отцом собрались уйти в лес.

Рудавати снилось, что весь город охвачен скорбью. Проснувшись от страха, она увидела мать, вытирающую слезы краем сари.

— Что случилось, мама? — спросила дочь. — Почему ты плачешь? Чем я тебя так расстроила?

— Ты ничего плохого не сделала, — отвечала несчастная мать. — Это провидение прогневалось на нас и разрушило все наши надежды. О жестокое провидение, зачем ты срубило дерево, в тени которого я искала про-

хлады? Никогда не будет теперь у меня счастья, никогда не видеть мне больше сияющее лицо дочери, никогда не слышать ее ласковый голос! О моя бедная пташка, неужели навсегда порвутся связывающие нас узы любви?

Не было на свадьбе Рупавати ни торжественных обрядов, ни песен. Гости не возглашали здравии молодым, а те не подходили под их благословение. Подружки не умащали тело невесты благовониями, не натирали куркумой². Не ходила ее мать к добрым соседкам испрашивать благословение для дочери, не собирались женщины на берегу водоема, чтобы наполнить водой кувшины для священного обряда, не пели песен, как того требует обычай.

Сердце матери обливалось кровью. Ночь была темная и тихая, на небе сверкали редкие звезды. В условленный час Мадан подошел к входу во внутренние покои дворца и стал ждать. Замирая от смущения и страха, Рупавати наскоро заколола свои длинные вьющиеся волосы и торопливо набросила на себя свадебные одежды.

В тот полночный час мать отдала дочь Мадану. Она взяла руки Рупавати и вложила их в руки юноши. И не было никаких свидетелей, и не было брахмана, чтобы прочитать положенные мантры. Дворец раджи не звенел ликующими голосами, благословляющими молодую чету. Вместо праздничного веселья сердце матери было исполнено скорби.

— Я отдаю тебе свою единственную дочь, светоч нашего дома, и призываю в свидетели солнце и луну, — сказала Мадану рани. — Мне кажется, будто я вырвала из своей груди сердце и вручила его тебе, будто я собственными руками сломала золотую клетку и отдала тебе любимую птичку, которую я пестовала все эти годы. Доведется ли вам жить среди людей или скитаться в лесу — помни мою просьбу: никогда не причиняй моей дочери горя. Ты стал сейчас ее господином, и от тебя зависит, будет она счастливой или несчастной. В мире нет теперь никого, кроме тебя, кто мог бы позаботиться о ней.

Мать и дочь горько плакали. На деревьях умолкли в печали птицы, а ветер тихо шелестел поникшей листвой.

Под покровом ночной темноты рани послала за лодчиком Чайта, который, хотя и был одноглазым, знал свое дело, как никто другой. Получив кошелек с деньгами, он усадил Мадана с Рупавати в лодку и отчалил.

Лодка летела по волнам, искусные гребцы без передышки работали веслами. Так они проплыли тринадцать речных излучин, а когда повернули на четырнадцатую, на востоке поднялось солнце. Тут Чайта направил лодку к берегу и сказал:

— Я вас не знаю, но, кто бы вы ни были, я не могу послушаться приказа царицы. Она велела высадить вас там, куда мы придем на восходе солнца.

Вокруг не видно было никакого жилья, беспокойные воды реки кишели голодными крокодилами, а из леса доносился рык тигров и рев медведей. Чайта высадил молодую чету на пустынный берег и поплыл назад.

— О лодка, лодка, — запричитала девушка, — ты тоже покидаешь меня! Так передай рани, что ее несчастная дочь оставлена в лесу. Расскажи и отцу, что я брошена здесь на произвол судьбы.

Вскоре лодка скрылась из виду, а Рупавати, словно дикая лань, стала бродить по лесу и со слезами на глазах говорила:

— О лес, поведай моей матери, что ее дочь разорвут здесь дикие звери.

— Не плачь, девушка, — промолвил Мадан. — Что проку печалиться о своей судьбе? Никто не может изменить волю богов. Если змея ужалила в голову и яд проник в мозг, разве поможет лекарь? Мы с тобой наказаны за какие-то наши грехи в прошлых рожденьях. Ты — словно священная жертва богам, а я — ничтожество, посмевшее к ней приблизиться. Я — презренный пария, ты для меня священна, как воды Ганги. Обещаю, что я не прикоснусь даже к твоим стопам. Я здесь для того, чтобы набрать тебе лесных плодов, когда ты будешь голодна, чтобы принести воды, когда ты захочешь пить. Я сделаю для тебя ложе из нежных листьев деревьев. Ты — дочь раджи и не привыкла к лишениям. Увы, тебе придется жить в изгнании, и ты не можешь оставаться одна. Как жаль, что спутником твоим будет только раб!

Рупавати выслушала эти слова и снова заплакала:

— Зачем мне таиться перед тобой, о владыка моего сердца? Моя мать отдала меня тебе в жены. Хоть мне

и придется жить в лесу, я знаю, что буду находиться под защитой моего мужа. В этом мире у меня нет никого, кроме тебя, и мне никто больше не нужен. Я плачу о том, что из-за моей несчастной судьбы и ты должен теперь жить в изгнании.

Жили-были два брата-рыбака — Кангалия и Джангалия. По утрам и вечерам они приходили к реке с сетями и с плетеными корзинами и ловили рыбу.

Случилось так, что они набрали на молодых изгнанников. У братьев было по три жены, но ни одна из них не родила им ребенка. Старшую из них, жену Кангалии, звали Пунай.

Вернувшись домой, Кангалия закричал:

— Пунай, посмотри, кого я привел!

Пунай вышла из дома и увидела юношу с девушкой, прелестной, как небесная дева или сама богиня счастья.

— Сегодня я закидывал сеть с утра до вечера и ничего не поймал. Но зато я нашел на берегу вот эту маленькую богиню. Возьми ее в дом и позаботься о ней.

Пунай обрадовалась девушке и засыпала ее вопросами:

— Чья ты дочь, дитя мое? Где твой дом и что это за юноша с тобой? — спрашивала она.

— У меня нет ни отца, ни матери, ни брата, — отвечала Рупавати. — Словно листок, подхваченный течением, я следую туда, куда влечет меня судьба. Сюда я попала по воле злого рока, и дни мои протекают в великой скорби и печали. Какое счастье, что мы встретили вас, теперь моя мать — это ты. Молю, дай мне приют у твоих ног.

Прежде Пунай горевала из-за того, что у нее не было детей, а теперь бог послал ей сразу сына и дочь, и она сочла это за великое счастье.

Прошло какое-то время, и Мадан стал просить Рупавати:

— О милая Рупавати! Умоляю тебя, разреши мне покинуть тебя на две недели. Я прожил во дворце твоего отца шесть лет, ни разу не отлучался домой и теперь ничего не знаю об отце и матери. Может, они уже умерли. Разреши мне навестить свой дом и родных.

Рупавати очень тосковала в разлуке с Маданом. Однажды она обратилась к пчеле, пролетающей мимо:

— Милая пчелка! У тебя темное тельце, а глаза блестят, как серебро. Кто из богов предназначтал тебе, маленькая гостья, вечно летать по лесам и лугам? Молю тебя, слетай туда, где находится мой Мадан, и принеси о нем весточку. Он отлучился на две недели и обещал скоро вернуться. Тогда было новолуние, а теперь, смотри, светит полная луна, а его все нет и нет. Неужели он забыл свою несчастную Рупавати? Я не свожу глаз с дороги ни днем, ни вечером, но все напрасно. Слезы застилают мне глаза, словно паутина. Мой любимый, как много гирлянд сплела я для тебя из цветов, и все они завяли. Зачем ты заставляешь меня томиться так долго? Я не сплю по ночам, предаваясь то надеждам, то отчаянию. Дни тянутся так медленно. В напрасном ожидании я проглядела все глаза, а тебя нет и нет.

Так в скорби и одиночестве девушка провела много дней.

А между тем раджа повелел бить в барабан на городских площадях и базарах и объявить:

— Тот, кто найдет злодея, укравшего мою дочь, опозорившего мой род и нанесшего оскорбление моей касте, получит большую награду! Злодей будет принесен в жертву богине Кали!

Кто-то тайно сообщил Рупавати, что Мадан схвачен слугами раджи и приговорен к смерти. Девушку будто громом поразило, а сердце ее словно пронзила острая стрела.

— Отпусти меня, о моя приемная мать Пунай, позволь мне уехать! — молила она. — Я услышала страшную новость, позволь мне уехать! Я родилась во дворце, но злой рок преследует меня. Кого же мне винить? Позволь мне уехать, о моя приемная мать!

Глубокой ночью мать отдала меня ему. Не ведая ничего о своем будущем, в великой скорби покинула я темной ночью родительский дом. Позволь мне, о приемная мать, уехать!

Я покинула богатый дом своего отца, где была добрая сотня слуг и служанок. С моим любимым, моим единственным спутником удалилась я в глубь лесов. Разрешите мне, о моя приемная мать, уехать отсюда!

Бог смиловился надо мной и послал мне человека, который стал моим приемным отцом. И в моей печальной жизни появился луч надежды. Позволь мне уехать!

Я позабыла отца, мать и всех, кого когда-то любила. Мне было суждено забыть всех близких и дорогих мне людей. Позволь мне уехать!

О я несчастная! Ни разу не приготовила я своими руками ароматный бетель для моего любимого. И ни разу ночью при свете лампы не посмотрела на его прекрасное, как луна, лицо. Позволь мне уехать!

Ни разу не сидела я на сиденье, украшенном слоновой костью, отдыхая от дневных забот и наслаждаясь беседой с любимым. Позволь мне уехать!

Ни дня не жили мы своим домом, как муж и жена. Злой рок преследовал нас и унес все наши надежды. Позволь мне уехать!

Стыдясь, я ни разу не украсила его гирляндой цветов, ни разу не приготовила ему еды из сладкого риса и не смотрела, как он ест. Позволь мне уехать, о дорогая моя приемная мать!

Пунай всеми силами пыталась успокоить девушку, но все было напрасно. Обхватив ноги Пунай, Рупавати умоляла отвезти ее к мужу:

— Я должна быть там, где он, о моя дорогая матушка! Я разделю с ним даже смерть. Без него я все равно не могу и не хочу жить.

О я несчастная! Ведь мы не насладились даже коротким супружеским счастьем. Мой отец теперь для меня злейший враг. Это он причинил мне все эти страдания. Мои родители поступают со мной так, будто они мне чужие. Я выпью яд, если ты не отвезешь меня к моему мужу! Я утоплюсь или перережу себе горло, и никто не сможет мне помешать.

С большим трудом удалось Пунай удержать убитую горем Рупавати в своем доме до утра. А рано утром Пунай велела Джангалии приготовить лодку и вместе с несчастной Рупавати отправилась во дворец.

Когда они прибыли, как раз собрался дарбар. Пунай вошла в зал и встала там, где обычно стоят просители. За ней встали Кангалия и Джангалия. Пунай сложила ладони рук и поклонилась богу Дхарме, потом почтительно обратилась к радже.

— Я прошу справедливости, о государь! — сказала она. — Ответь мне, за что держат взаперти моего зятя? За какое преступление его наказали?

Когда ее спросили, о ком идет речь, Пунай залилась горючими слезами:

— О высокочтимый раджа! Где это видно, чтобы человек убил свою любимую птицу, поджег дом, построенный собственными руками, срубил дерево, которое сам заботливо вырастил? Кто осмелится ударом ноги сбить священный кубок, хранящийся в храме богов? Только темная ночь, о раджа, может подтвердить, что твоя жена передала дочь юноше. И он стал твоим зятем, а зять все равно что родной сын. Ответь мне, в чем повинны твоя дочь и зять? Твоя дочь сходит с ума от горя и страха за мужа, она хотела покончить с собой. Каких трудов стоило нам отговорить ее от самоубийства! Послушай меня, повелитель! Ты должен немедленно пойти в темницу и освободить этого юношу. Зачем было давать согласие на женитьбу, а потом приговаривать его к смерти? Они скрывались в лесу и жили у чужих людей. Мы, бедные, простые люди, не понимаем, как можно так обращаться со своими детьми!

Пунай говорила все это радже прямо в лицо, и слезы градом катились по ее щекам. Придворные молча слушали ее речь.

Тогда раджа вспомнил ласковое лицо дочери. Сердце его смягчилось, глаза наполнились слезами, и он дал согласие на брак дочери и Мадана.

Молодая чета получила богатые подарки: слонов, коней, поместья, земли и дома. Раджа назначил дочь и зятя своими наследниками, для них возвели дворец с двенадцатью воротами. Мадап и Рупавати поселились в нем и зажили счастливо.

КАМАЛА

В деревне Гулия, одной из красивейших в округе, жил некогда чакладар по имени Маник. Он был богат и пользовался любовью и всеобщим уважением. Он владел сорока бигхами земли, несколькими красивыми домами с четырехскатными и восьмискатными крышами. В его загонах стояли десять слонов, в конюш-

нях — тридцать лошадей, на лугах паслись стада коров, коз и буйволов; закрома ломились от зерна. Богатства чакладара охраняла тысяча солдат.

Каждый день в его доме кормили сотни гостей. И если туда попадал случайный путник, он не уходил с пустыми руками. Факир или вишнунит стучался в его дверь¹ — все получали у него добрую меру риса, а если в доме была готова еда, гостя кормили и вдобавок давали новую одежду. Если же гостем оказывался брахман, он получал еще и деньги за то, что не погнушался принять пищу в доме хозяина. Каждый год здесь торжественно отмечали тринадцать различных праздников.

У чакладара был сын по имени Садхан, красивый, как Кама-дэва — бог любви, и столь же прекрасная дочь, по имени Камала, которой астрологи предсказывали счастливую судьбу. А пока она жила в доме отца, освещая его своей красотой, казалось, сама богиня Сарасвати спустилась с небес, приняв облик дочери чакладара.

У чакладара был управляющий по имени Нидан. Он собирал налоги и вел счет доходам и расходам хозяина. В той же деревне жила молочница Чикан. В молодости она была веселой и разбитной девушкой. Она торговала молоком, разбавляя меру молока тремя мерами воды, и всегда улыбалась покупателям. Ее речи были слаще молока, которым она торговала, и дела у нее шли бойко. Раньше поклонники вились около нее, как пчелы вокруг цветка, и ей не приходилось скучать в одиночестве. Само имя Чикан, что значит «Скользкая», «Хитрая», служило поводом для всяких пересудов.

Молодые годы Чикан остались далеко позади, но она по-прежнему одевалась ярко. Волосы у нее поседелли, много зубов выпало. Но она была не из тех, кто унывает, и, хотя ее муж давно умер, не расставалась с браслетами из ракушек². Поговаривали, что она колдунья, что бетель и масло, над которыми она колдовала, становились приворотным зельем и, отведав его, даже самые добродетельные жены бросали своих мужей.

Дочь чакладара была девушкой необыкновенной красоты. Ее речь напоминала нежное пение кукушки. Густые черные, как ночь, волосы она иногда заплетала в косы, а чаще они падали на ее плечи длинными вьющимися локонами. С ее удивительными глазами не могли

соперничать даже прекрасные темно-голубые цветы-апараджита. А когда она наряжалась в сари огненного цвета, красота ее превосходила красоту звезд.

Однажды в сопровождении служанок пошла Камала на пруд искупаться и присела на каменные ступеньки гхата. Тут ее и увидел управляющий Нидан. Когда она вошла в пруд, ее лицо казалось распустившейся на воде лилией. Нидан стоял за цветущими ветвями бокула и бросал на Камалу жадные взгляды. А когда, искупавшись, она медленно направилась по тропинке к своему дому, он укрылся за деревом-кадамба, чтобы лучше разглядеть девушку.

Старая молочница часто посещала дом чакладара, куда она приносила масло, творог и дахи. Она хорошо знала Камалу, и обе женщины часто беседовали.

Нидан узнал об их дружбе и о колдовских чарах молочницы. Заложив за щеку бетель и сделав вид, будто у него кончилась известь, без которой, как известно, бетель не бетель, он неспешным шагом направился к дому молочницы.

— Дай мне немного извести для бетеля, — сказал он Чикан, — я обыскал весь свой дом и ничего не нашел. Вот только я забыл захватить деньги, и мне нечем сейчас тебе заплатить.

— Я не торгую бетелем и известью, — с улыбкой отвечала ему молочница, — и никогда не беру за них деньги. Если, конечно, посетитель мне по душе.

— Ты немного старовата, — отшутился Нидан, — но твой муж, видно, заквасил в тебе добрую толику юмора, если ты его еще до сих пор не растеряла.

На это она ответила:

— Перец становится тем ароматнее и острее, чем дольше он зреет. Юмор необязательно покидает человека с возрастом, и меня все любят за мой веселый нрав. Не надо со мной хитрить, скажи прямо, зачем ты ко мне явился?

Молочница усадила гостя, приготовила для него бетель и подала хукку.

Нидан затянулся и начал изливать ей свое сердце:

— Когда-то ты и сама была молодая и в тебе бурлили чувства, точно морской прилив. Кто-кто, а ты хорошо знаешь, как желания молодости будоражат душу. К тебе я пришел потому, что недавно увидел Камалу, дочь чакладара, и с тех пор хожу сам не свой. Сделай так, чтобы она стала моею, не то я убью себя.

Молочница поджала губы и сказала:

— Никогда больше не заводи со мной такие речи. Если только чакладар узнает об этом, не сносить тебе головы. К чему все это? Зачем тебе губить свою молодую жизнь из-за несбыточной мечты?

Тогда Нидан упал перед ней на колени:

— Я знаю, что ты обладаешь волшебными чарами. Ты одна можешь мне помочь!

С этими словами он протянул ей толстый кошелек.

С тех пор управляющий стал часто навещать молочницу, хорошо оплачивая ее советы.

И вот однажды он написал Камале такое письмо: «О прекрасная, ты не ведаешь, какие я, незнакомец, испытываю к тебе чувства. При виде тебя я теряю самообладание. У меня, конечно, мало надежды, что ты захочешь отдать мне свою молодость. Зато я готов отдать тебе все, что имею: ради тебя я готов пожертвовать жизнью. Ты — моя вера, моя жизнь! Ты словно гирлянда цветов; если я не вижу тебя хоть один день, я не нахожу себе места и груз печали гнетет мою душу. В такие минуты даже деревья сочувствуют моим слезам, роняя листву. Один твой ласковый взгляд может возродить меня к жизни. Неужели тебя не тронут мои страдания?»

Завязав это письмо в уголок своего сари, молочница направилась в дом чакладара.

Камала сидела на золотой кушетке, прикрыв лицо и грудь свободным концом голубого сари, и жевала ароматный бетель. Когда она улыбалась, казалось, будто на ее губах распускаются белые цветы маллики; гирлянда из свежих цветов малати украшала ее шею. При виде молочницы она сказала с притворным гневом:

— Что случилось, молочница? Творог у тебя стал горьким, масло ты нам приносишь несвежее. Вот погоди, я пожалуюсь отцу, и он выгонит тебя из нашей деревни.

— Бедная я, бедная, — в тон ей отвечала старуха. — Когда-то я была молодая, и все у меня было сладкое — и молоко и творог. Даже когда я подмешивала к одной части молока три части воды, люди все равно хвалили мой товар. Тогда на него был большой спрос. Как пчелы вокруг улья, вились возле моего дома мужчины. А теперь, когда ушла моя молодость, все мною недовольны, хотя я делаю теперь творог из цельного молока. А

как старательно сбиваю я масло! И все равно никто не находит для меня ни словечка благодарности. Не стану я больше продавать ни творога, ни масла, как бы ни было мне трудно в мои годы.

Послушай лучше, что я тебе скажу, о прекрасная дева! Над тобой уже зажглась заря юности, а ты живешь суровой жизнью затворницы. Когда распускаются цветы, на них слетаются пчелы, но ни одна пчела не подлетит к засохшему цветку. Мне жалко тебя: ты сама плетешь себе гирлянды, чтобы украсить свою молодость. Разве это может доставить удовольствие? Много есть пчел, что стремятся к тебе, мой славный цветочек, зачем же тебе скрываться от них? Если бы ты вышла замуж, я бы приготовила твоему жениху такую вкусную дахи — пальчики оближешь!

Камала придвинулась ближе к молочнице и тихо сказала:

— Слушай, молочница, мои слова и запоминай: в этом мире нет никого, кто был бы мне под стать, кому я могла бы поднести гирлянду. В моей прошлой жизни я была Рати, женой Кама-дэвы — бога любви. Мы жили на небесах и были изгнаны на землю, полную горя и страданий. Посмотри на меня, разве мое лицо не сияет ярче луны? Какой из смертных юношей достоин меня? Но есть и еще одна причина, по которой я не выхожу замуж. Если я изберу себе кого-нибудь в мужья, а мой владыка Кама-дэва вдруг вздумает однажды посетить меня, как я тогда объясню ему свой поступок? Вот почему я поклялась не выходить замуж. Я буду медленно вести корабль своей юности по морю жизни с гордо реющим стягом Кама-дэвы и останусь верной ему до конца.

Молочница пришла в восторг от таких умных и веселых речей. Она смеялась до упаду, а потом сказала:

— Я тоже хочу рассказать тебе одну правдивую историю, не знаю только, поверишь ли ты мне? Недавно я побывала на небесах, чтобы предложить богам свой товар. Там я повстречала твоего Кама-дэву, он, бедняжка, совсем зачах в разлуке с тобой. Увидел он меня, обрадовался и говорит: «Ты пришла с земли, ты поставляла молоко и простоквашу во дворцы многих раджей. Скажи мне, молочница, не встречала ли ты где-нибудь мою Рати? Я должен знать правду». И я ответила ему: «Да, я знаю ее, она родилась в доме богатого земледельца. Ее теперь зовут Камала, никто не может сравниться с

ней красотой». Потом я рассказала ему о твоих родителях. Выслушал он меня и низко поклонился, а потом написал тебе письмо, оно у меня с собой. Прочти его, и ты поймешь, как он страдает по тебе. Ты не представляешь, через какие мытарства я прошла ради тебя. Мне долго пришлось карабкаться на небеса по лестнице, и теперь у меня разламывается поясница. Только одна я могла решиться на такое дело: я тебе преданна, как никто.

Когда Камала прочитала письмо, она сильно разгневалась. Кровь ударила ей в голову, сердце бешено заколотилось, но она подавила в себе ярость и сказала с деланной улыбкой:

— Да, милая молочница, ты и впрямь намучилась из-за меня и заслуживаешь щедрой награды. Шутка ли — взобраться на небеса. Разлученная со своим Камадэвой, я провожу дни в глубокой печали. Но, как видно, с твоей помощью скоро в моей жизни произойдет перемена. Скажи, как выглядит бог Камадэва, я ведь уже давно не виделась с ним.

— Красотою своей он подобен богу Карттикее и сияет, как молодой месяц. Спрятавшись за дерево, он видел, как ты купалась, и с тех пор только и бредит тобой. Если ты посмотришь в его глаза, они сразу очаруют тебя, как это уже случалось раньше со многими женщинами. Он служит у твоего отца управляющим, — сказала молочница.

— Чем я могу отблагодарить тебя за твои хлопоты? На, возьми вот это, — сказала Камала и сняла свое ожерелье.

Как только молочница потянулась за ним, Камала схватила ее за волосы и надавала таких крепких пощечин, что у старухи вылетели последние зубы.

Чикан повалилась Камале в ноги, обхватила их и стала просить прощения. Она не смела плакать громко, чтобы люди не узнали о ее унижении.

— Ты прожила уже три стадии своей жизни, подлая женщина, и доживаешь четвертую³, последнюю, — говорила ей Камала. — Ты вела беспутную жизнь и хочешь, чтобы все другие поступали так же. Если я расскажу обо всем отцу, тебе несдобровать. Но я не буду пачкать руки о такую мразь, как ты. Предупреждаю: никогда больше не показывайся мне на глаза, это будет стоить тебе жизни! И то же самое скажи негодяю управляющему. Он точно жаба, домогающаяся лотоса, раб, жаж-

душий стать властелином. Самым справедливым наказанием для такого человека была бы смерть.

Молочница, едва держась на ногах, поплелась во свояси. С губ ее капала кровь. Когда встречные спрашивали ее, что случилось, она отвечала, что у нее разболелись десны. А если кто-нибудь проявлял излишнее любопытство, она выходила из себя и начинала браниться.

Целый день управляющий не находил себе места, а вечером, как только стемнело, поспешил к молочнице, гадая, что ответила девушка на его послание. Не успел он переступить порог дома Чикан, как та набросилась на него с ругательствами.

— Негодяй! — кричала она. — Только посмей еще хоть раз явиться ко мне, я размозжу твою голову! Если ты не перестанешь домогаться того, что задумал, тебя наверняка казнят. Будь я мужчиной, а не слабой женщиной, я отрубила бы твои поганые уши!

Нидан был страшно оскорблен и, не отвечая на брань молочницы, вернулся домой, горя жаждой мщения.

«Клянусь, — говорил он себе, — что не пройдет и недели, как чакладар лишится своего состояния. Не такая уж он важная персона и целиком зависит от заминдара».

И Нидан написал донос в город Рагхупур заминдарау Дайялу, которому подчинялся Маник. Письмо гласило:

«Низко кланяюсь Вашей милости и прошу прочитать это письмо. Чакладар нашел в земле огромные богатства — семь больших сосудов с золотыми монетами. Раз земля Ваша, то найденные сокровища по праву принадлежат Вам. А чакладар их присвоил себе».

Как только заминдар получил письмо, он приказал немедленно доставить Маника во дворец. Тысячи стражников окружили дом чакладара, связали его по рукам и ногам и привезли в Рагхупур.

— Признавайся, какие сокровища ты отрыл в моей земле? — допытывался заминдар.

— Никаких сокровищ я не находил! — в смятении отвечал чакладар. — Кто возвел на меня эту напрас-

лину? И почему со мной здесь обращаются, как с преступником, когда я ни в чем не виноват?

Заминдар разгневался еще больше и приказал заточить чакладара в темницу, которую все называли «хуншала».

Тем временем Нидан продолжал действовать. «Я устранил одно препятствие, — думал он. — Теперь надо убрать сына чакладара — Садхана».

— Какое горе! — с притворным сочувствием стал говорить он юноше. — Твоего отца, связанного по рукам и ногам, бросили в темницу и положили ему на грудь тяжелый камень. Не пристало сыну, отец которого терпит такие муки, праздно сидеть и предаваться печали. В старых преданиях говорится о том, что Рама и Лакшмана ради отца ушли в лес и прожили в изгнании четырнадцать лет⁴. Парашурама⁵ по приказу отца убил свою мать. Не годится тебе в такой час сидеть дома. Надо спасти отца! Поезжай к заминдару и поднеси ему несколько золотых мохуров.

Послушавшись лукавых советов, Садхан отправился к заминдару, преподнес ему мешочек золотых мохуров и попросил освободить своего ни в чем не повинного отца.

— Ты должен немедленно отдать мне весь золотой клад, который нашел и незаконно присвоил твой отец, — заявил заминдар. — Только тогда я подумаю об освобождении твоего отца. Золотые монеты, найденные твоим отцом, по праву принадлежат мне, твой отец украл их у меня.

— Моего отца кто-то подло оклеветал, — ответил Садхан и стал просить заминдара о милосердии. Заминдар не стал ничего слушать и приказал заточить Садхана в ту же темницу, где лежал его отец, и положить ему на грудь тяжелый камень.

Приказ заминдара гласил: «Все золотые мохуры должны быть отданы их настоящему владельцу, то есть мне, только тогда отец и сын могут надеяться на освобождение».

Так Нидан устранил последнее препятствие со своего пути. Затем он выколотил с райатов все недоимки и отвез деньги заминдару. Заминдар остался доволен расторопностью Нидана и назначил его чакладаром вместо Маника.

Вернувшись в свою деревню, Нидан пришел к Камале и сказал:

— Сегодня я назначен на место твоего отца. Теперь тебе лучше принять мое предложение. Я буду выполнять твои малейшие желания, как самый преданный слуга. А если ты не согласишься, судьба твоя будет достойна жалости. Даже деревья сбросят свою листву при виде твоих страданий. Подумай хорошенько. Если ты не хочешь выйти за меня, уходи из этого дома, который больше не принадлежит твоему отцу: заминдар передал его мне за мою верную службу.

Камала с возмущением отвергла домогания Нидана.

— Где это слыхано, — ответила она ему, — чтобы девушка выходила замуж за дьявола в человеческом облике? Ты ел соль моего отца всю свою жизнь⁶, и сердце у тебя не дрогнуло, когда ты задумал его погубить. И с братом моим ты поступил так же. За все это ты заслуживаешь оплеуху. Лучше мне жить в лесу, чем оставаться под одной крышей с тобой. Скорее я буду просить милостыню, чем есть твой хлеб. Если бы сейчас здесь были отец и брат, тебя забили бы плетьюми до смерти!

Камала послала за носильщиками Андхи и Сандхи, преданными семье Маника, они тайно отнесли в паланкине ее и мать в дом к дяде, родному брату матери, который в это время был в отъезде.

Узнав, где находится Камала, Нидан написал ее дяде письмо: «Твоя племянница погубила свою репутацию. Если ты оставишь ее в своем доме, то панчат изгонит твою семью из касты. Цирюльники не будут заходить в твой дом, брахман не станет совершать в нем обрядов, одним словом, ты будешь отверженным. Твоя племянница связалась с парнем из касты чандалов, ради которого она презрела все обычаи и всех родственников. Ее изгнали из родительского дома, и теперь она скрывается у тебя, навлекая проклятие и на твой дом. Ты должен немедленно ее прогнать. Не забудь, что заминдар издал указ: тому, кто приютит ее в своем доме, грозит смертная казнь».

Дядя Камалы всему поверил и тут же послал своей жене такой наказ: «Мне передали, что Камала со своей матерью, моей сестрой, живет сейчас у нас в доме. Говорят, что она вступила в любовную связь с молодым чандалом. Ты должна немедленно выгнать ее, не то мы потеряем касту. Как только получишь это письмо, не-

медленно прогони ее, а если она не захочет уходить, хватай ее за волосы и выволакивай из дома».

Тетка Камалы очень расстроилась, когда прочитала это письмо. «Ведь мать Камалы — родная сестра моего мужа, — думала она, — а Камала нам племянница. Как прогнать их из дома? Куда же они пойдут и как тогда Камале сберечь свою честь? Что делать? Если мать и дочь узнают, что написал мне муж, они совсем отчаются. Я не могу смотреть им в глаза. Они совсем беспомощные, а я должна причинить им такую боль».

Долго размышляла тетка, не зная, как поступить. Наконец, когда Камалы с матерью не было дома, она зашла в их комнату и положила письмо мужа на видное место.

Вернувшись домой, Камала нашла письмо, прочитала его и залилась горькими слезами:

— О горе! Мой отец и брат брошены в тюрьму, один бог знает, какая злая доля привела меня в дом дяди. Мы все потеряли, наше состояние разграблено. И вот теперь эта беда!

Она долго рыдала, вспоминая, как жестоко обидел ее Нидан. Наконец она приняла решение: «Сегодня такое темное небо. Но все равно дольше оставаться в этом доме нельзя. Если я истинная дочь своих родителей, я здесь не останусь, что бы ни ожидало меня впереди. Лучше утону, отравлюсь или перережу себе горло. Пусть богиня Вана-Дурга решает теперь мою судьбу».

И, не попрощавшись со своей матерью, не сказав ни слова тетке, не думая о том, какое горе она им причинит, Камала ушла. Солнце только что скрылось за горизонтом, и на небе начали загораться звезды. Камала помолвилась Вана-Дурге и пошла, сама не ведая куда. Из-за слез она не различала дороги и брела наугад.

Не привыкшая к долгой ходьбе, Камала часто останавливалась, чтобы передохнуть, потом снова шла вперед. Так она добралась до густого леса, где не было никаких следов человеческого жилья и куда вообще редко ступала нога человека. Но всемогущий бог, наверное, услышал ее мольбы и послал ей навстречу путника — пастуха с буйволом. Увидев его, Камала промолвила:

— Ты послан мне, о пастух, самими небесами! Позволь мне называть тебя отцом. Большое несчастье заставило меня уйти из дому. Умоляю тебя, приюти меня

под своей крышей. Мне не нужно ни еды, ни питья, позволь мне только провести ночь хотя бы в хлеву, постелив под голову край своего сари.

Пастух был поражен ослепительной красотой Камалы. Он подумал, что это сама богиня счастья Лакшми приняла облик девушки и явилась ему, чтобы испытать его веру.

— Соболаговоли, о богиня, посетить мой дом, — смиренно отвечал он ей, — я буду молиться тебе от всего сердца. Ты навсегда должна остаться в моем скромном доме. Даруй мне свое благословение и сделай так, чтобы я преуспевал в делах, чтобы горе и беда никогда не переступали моего порога и чтобы мои буйволицы давали молока в три раза больше, чем сейчас.

Сказав это, пастух повел Камалу в дом. Она зажгла вечерний огонь, сделала всю работу по дому, потом пошла в хлев и разожгла огонь в кадилнице, чтобы дымом отогнать мошкору от скотины. Затем она своими нежными руками приготовила постель для старика.

Так продолжалось три дня. Когда пастух возвращался домой с пастбища, все в доме было прибрано, еда приготовлена. Из молока она делала вкусный творог, а поджаренный в печи рис так и таял во рту. Подав пастуху еду, она сама не притрагивалась к пище, а стояла рядом, пока он не кончит есть. Все преобразилось в доме пастуха, для него началась новая, счастливая жизнь.

Однажды в те места приехал поохотиться на соколов некий юноша. Никто не знал, откуда он родом; видели только, что он красив и строен, как бог. Лицо у него было светлое, одежды расшиты золотом — все говорило о том, что он — царевич.

Как-то вечером, вернувшись с пастбища, пастух увидел этого юношу у своего дома.

— Я очень устал, бродя по лесу, — сказал юноша, — и меня мучает жажда. Дай мне напиться!

Камала принесла ему воды. Напившись, он почувствовал, как усталость покидает его.

— Послушай, старец, — сказал юноша, — я не знаю, кем приходится тебе та, что напоила меня. Но она скромна, как вечерняя звезда, и прекрасна, как молодая луна. Красотой с ней не может сравниться даже богиня Лакшми. Кто она, эта девушка? Кто ее родители? Я принял ее за царевну, но, может быть, по милости

богов она родилась в твоём доме? Замужем она или нет? Расскажи мне о ней всю правду.

— О воплощение справедливости, соблаговоли выслушать меня, — смиренно отвечал ему старик. — Я и сам не знаю, кто её родители и где её дом. Думаю, это сама богиня Лакшми, которая сжалилась надо мной и поселилась в моём бедном жилище. С того самого дня удача сопутствует мне во всем: я стал продавать много молока, у меня появились деньги, а моя буйволица, которая всегда была яловой, вдруг принесла буйволят.

Охотник выслушал старого пастуха и сказал:

— Отдай мне девушку, я увезу её с собой. Взамен получишь от меня целую корзину жемчуга и золота, а от моего отца — четырнадцать бигхов земли.

— Не хочу я никаких богатств. Эта девушка мне как родная дочь, я не могу жить без неё. Всю жизнь я буду поклоняться её стопам-лотосам. Ведь это сама богиня Лакшми, ставшая для меня всем на свете. Без неё жизнь покажется мне мрачной и пустой.

Что только ни предлагал пастуху юноша, старик ничего не хотел слушать. Юноша уговаривал его целый день и всю ночь, и только на следующее утро старик сдался.

— Тебе у меня было не так уж сладко, — сказал он Камале. — Прости меня и не забывай этот дом. Не надо мне никаких даров — ни золота, ни земли. Пусть только благословение твое сойдет на меня в час моей смерти.

Старик расплакался, а царевич Прадип Кумар взял Камалу за руку и увел за собой.

Однажды вечером Камала зажгла светильник у себя в комнате и, вспомнив о доме и о матери, горько заплакала. В это время к ней неслышно вошел царевич Прадип Кумар и остановился возле её ложа.

— С тех пор как ты здесь поселилась, — сказал он девушке, — ты все время плачешь. А когда я спрашиваю тебя о причине твоих слез, ты отвечаешь: «Не сегодня...» Мне ведь пужно только знать, где твой дом и кто твои родители. Твоя красота сводит меня с ума. Но как мне быть, если я все время вижу тебя в слезах? Почему ты страдаешь? Осчастливь меня — выходи за меня замуж!

С того самого дня, как я увидел тебя в доме старого

пастуха, я решил посвятить тебе всю свою жизнь. Я потерял интерес к соколиной охоте и редко выхожу из дома — ты видишь сама. Меня теперь ничто не трогает, даже красивые цветы, распутившиеся в саду, потеряли для меня свое очарование. Я стал сам не свой. Для меня ты дороже всего на свете. Если ты покинешь меня, я побреду вслед за тобой.

Каждое утро и каждый вечер царевич входил в комнату Камалы и спрашивал:

— Ответь мне, красавица, кто ты?

— Я отвечу тебе, царевич, когда придет время. В нужный час ты все обо мне узнаешь, а пока наберись терпения и жди.

Как пчела неохотно улетает от желанного цветка, отказавшего ей в нектаре, а потом снова возвращается к нему, так и царевич то уходил от Камалы, то приходил к ней вновь.

Так продолжалось три месяца.

Однажды до обитателей дворца донеслись громкие звуки барабанов.

«Почему так громко бьют барабаны?» — спрашивали друг у друга люди. И шепотом передавали новость: раджа собирается почтить богиню Кали человеческими жертвоприношениями. Камала узнала, что в жертву будут принесены ее отец и брат. Она горько рыдала, и даже деревья в знак сочувствия стали сбрасывать цветы и листья.

В этот скорбный час в ее комнату вошел царевич Прадип Кумар.

— Слыхала ли ты, милая девушка, что мой отец собирается совершить богослужение в честь богини Кали и принести ей в жертву людей? Пойдем в храм и посмотрим на это зрелище.

С печалью и мукой в голосе она спросила:

— Кто же те несчастные, которые будут принесены в жертву?

Царевич поведал ей историю двух людей, предназначенных для жертвоприношения, и сердце девушки сжалось от горя. Камала вытерла слезы и, пряча от царевича лицо, сказала:

— Сегодня, царевич, ты услышишь ответ на свой вопрос. Я не стану больше скрывать от тебя ничего и все расскажу перед царским судом — воплощением спра-

ведливости. У меня к тебе одна просьба: в деревне Гу-
лиа живет некто Нидан, который стал теперь чакладар-
ром. Вели ему явиться сюда. Там живут и двое носиль-
щиков — Андхи и Сандхи. Пошли за ними — пусть они
расскажут, что знают обо мне. В этой же деревне жи-
вет молочница Чикан, она тоже может дать важные по-
казания.

Затем Камала назвала имена дяди и тетки; не за-
была она и старого пастуха, в доме которого нашел ее
царевич.

— Их всех надо пригласить на суд, — сказала она. —
Если это условие не будет выполнено, я ничего о себе
не расскажу.

Начался царский суд. Царевич Прадип Кумар занял
место рядом с отцом. Все внимательно слушали барома-
ши Камалы.

*«Послушайте, мудрые судьи, печальную историю не-
счастной девушки. Солнце и луна, будьте моими свиде-
телями. И вы, бессмертные боги, деревья и травы, огонь
и вода, и ты, великая богиня, перед алтарем которой я
стою, и ты, Индра, царь небес, и ты, Яма — владыка
царства мертвых, и ты, Мать-земля, подтвердите, что все
сказанное мною — правда. В лесу я часто молилась бо-
гине леса Вана-Дурге — я тоже призываю ее в свиде-
тели.*

*Первые мои свидетели — отец и мать. К их стопам
я припадаю сотни раз, я уважаю и чту их, как богов.
И брат мой милый тоже здесь — он подтвердит прав-
дивость моих слов. Пусть расскажут все, как было, и
Нидан, и молочница Чикан, а также мои дядя и тетка.*

*На небе зажглась вечерняя звезда — пусть и она
станет моей свидетельницей. Многие могут рассказать и
мои слезы, и вот это письмо, написанное дядей моей
тетке. Среди моих свидетелей и старый пастух, прию-
тивший меня. И наконец, мой последний свидетель —
царевич, который вызволил меня из беды. Он — власте-
лин моего сердца, и я ничего от вас не скрою, о пра-
ведные судьи.*

*В мае месяце, поздней ночью, когда черные тучи за-
крыли небо, родилась та несчастная, что стоит перед
вами. Моя любящая мать дала мне нежное имя — Ка-
мала. Через три года родился мой брат. Мое сердце тре-
петало от радости, когда я видела мальчика, прекрас-*

ного, как месяц, на руках матери. Я тоже брала его на руки, играла с ним и нежила, качала в колыбели. Так прошло мое детство — в радости и веселье. Когда мне исполнилось тринадцать лет, отец стал думать, что пора выдавать меня замуж.

Заря юности разукрасила алым румянцем мои щеки, и мать запретила мне ходить одной к реке. Я носила яркие сари, дорогие украшения, вплетала в косы гирлянды из чампы. Во время купания служанки умащали мое тело благовониями, расчесывали мои длинные волосы слюдяными гребнями. Каждый день я ходила на реку в сопровождении служанок, и никто из чужих не осмеливался приблизиться ко мне.

Пришел декабрь, месяц, когда наступают самые короткие дни. Из двенадцати братьев-месяцев декабрь — младший. Однажды, проснувшись поутру, я сотворила молитву Вана-Дурге. В полдень, умастив себя благовонными маслами и сняв ожерелье из крупных бриллиантов, я взяла золотой кувшин и отправилась со своими подружками на реку. По дороге они весело пели и плясали, и только мне было не до веселья: в самом начале пути я споткнулась о камень, а это плохая примета. О, если бы я знала, что встречу черную змею, я бы никогда не вышла из дому!

Слезы душили ее, и она указала на Нидана:

— Пусть этот человек расскажет суду, что произошло дальше!

Нидан молчал.

— Наступил январь, затем февраль — время сильных холодов, — продолжала Камала. — Бедняки мерзли без теплой одежды, а длинные ночи медлили, не желая уступать место дню. Однажды к нам пришла со своим товаром Чикан и принесла вот это письмо. Я не буду рассказывать, что в нем написано, прочтете сами.

Прошел март, пришел апрель — чудесное время года. Лианы и кустарники покрылись цветами, соперничая между собой в яркости красок. Казалось, будто за каждым кустом спрятался бог любви со своими цветочными стрелами. Те же, кто расставался в это время с близкими, испытывали нестерпимую боль.

Жужжание пчел оживляло сады, не переставая куковали кукушки. Один раз я услышала, что мой отец и мать шепчутся о моем замужестве. Как раз в это время прибыл гонец с приказом отцу явиться во дворец. Бы-

стро снарядили слонов и лошадей, отец подошел ко мне и сказал:

„Я не знаю, дорогая дочь, как долго я там пробуду. Будь осторожна без меня“.

Расставаясь с отцом, я безутешно плакала. После его отъезда весь дом будто погрузился во тьму.

Миновал май, пришел июнь, настали праздники в честь Вана-Дурги. Громко били барабаны, звенели карталы, играли оркестры. Все храмы были богато убраны, а нарядно одетые женщины и дети собрались под ярким навесом, чтобы принять участие в праздничной церемонии. Мы же с матерью сидели в одиночестве и горько плакали, опасаясь, как бы чего не случилось с моим отцом. Вскоре мы получили известие, что он заточен в темницу.

Теперь, о воплощение справедливости, я хочу спросить тебя: в чем виноват мой отец и за что наказан?

Нидан, наш управляющий, сказал брату, что он должен выручать отца из беды. Тогда уехал из дома и мой невинный брат, не знавший, как коварен мир. Мы же с матерью остались одни и горько плакали. Разве могла я принять участие в празднике Вана-Дурги? Мы слили воедино молитву наших сердец, обращенных к богине, прося ее о возвращении отца и брата.

К середине июня отцвели манговые деревья и на них появились зеленые завязи. Вокруг веселились люди, влюбленные качались на качелях, украшенных цветами, а мы получили известие, что мой брат тоже заточен в темницу. Что нам, бедным женщинам, оставалось делать, как не проливать слезы дни и ночи? Мы не знали, какому богу молиться о возвращении домой отца и брата. Место отца заняла черная змея, из страха перед ней мы даже не смели выражать вслух свое горе.

К концу июня ветви манговых деревьев покрылись спелыми плодами. Мать направилась в храм богини Чанди и стала поститься, молясь о возвращении мужа и сына. День и ночь она лежала, расprostершись ниц, у входа в храм. Я вытерла слезы, взяла мать за руку и привела домой, где она, не осушая слез, стала молиться богине Шаштхи.

Ставши пленницами в собственном доме, мы с матерью вынуждены были покинуть его, не взяв с собой ни одного каури. Носильщики отнесли нас в паланкине в дом дяди. В июле начались дожди, лившие день и ночь, и, подобно дождю, беспрестанно лились наши сле-

зы. Мы жили лишь одной надеждой; реки стали полноводными, мы смотрели на них и думали, что в один прекрасный день появится лодка, в которой возвратятся мои отец и брат.

И тут от дяди, находившегося в отъезде, пришло письмо, которое подлило масла в огонь. Мать не видела письма, я ничего ей не сказала и, не попрощавшись с ней, ушла из дома дяди. Вот это письмо, пусть оно будет еще одним свидетельством.

Я ушла потому, что не могла больше оставаться в доме дяди, не могла там ни есть, ни пить. Лучше мне было утопиться в реке или отравиться, чем оставаться там хоть на минуту.

И я побрела куда глаза глядят. Вскоре показался густой, темный лес, и я вошла в него. Меня не тронули ни ядовитые змеи, ни злые тигры. Со слезами я молила богов о защите и просила указать мне какое-нибудь убежище. И тут мне повстречался пастух.

Наверное, этот человек был моим другом в предыдущих рожденьях: он отнесся ко мне как родной отец и приютил меня в своем доме. Я пробыла там недолго. Этот пастух — мой главный свидетель, он спас мою честь, когда я была совершенно беззащитна.

Я рассказала вам все и назвала всех своих свидетелей. Теперь я хочу назвать того, кто стал владыкой моего сердца. Это произошло в августе, когда множество соколов наполнили своим криком небеса над болотами. Тогда в этих местах появился царевич, и я повстречалась с ним в доме пастуха. Он начал расспрашивать меня, кто я такая и кто мои родители. Я отвечала, что скажу об этом в должный час. Подавая ему напиток, я почувствовала, как в моем сердце вдруг проснулось нежное чувство к нему. Юноша был прекрасен, как бог Карттикея, и я не могла оторвать от него глаз. Он забрал меня с собой. Отделанная золотом лодка с гордо поднятым голубым парусом привезла меня сюда, во дворец, где я по своей воле стала служанкой царицы, которая относится ко мне как к родной дочери. Дни и ночи я ждала ее приказаний, готовая исполнить любое ее желание.

Однажды я услышала звуки барабанов, музыку, увидела на улицах нарядных людей и танцоров.

„Что это за торжество?“ — спросила я.

Мне ответили, что сегодня отмечается праздник в честь богини Моноша-дэви.

Услышав это, я вспомнила родной дом, и мое сердце забилось от волнения. Алтарь нашего дома был пуст. Я вспомнила о матери, которую я так жестоко покинула, ведь она не выдерживала разлуки со мной даже на короткое время. В сентябре мать обычно готовила различные сладости. Воспоминания об этих днях терзали мое сердце, я безумно тосковала по дому.

В сентябрьские ночи, когда луна светит так ярко, что в ее свете можно увидеть дно реки, мои глаза застилала мгла.

В октябре, когда в каждом доме празднуют Дургапуджу, никто не зажжет ни одной свечи в доме моего отца. В глубине своего сердца я молила Дургу сжалиться над моими отцом и братом и вернуть их домой.

В ноябре люди зажгли у своих домов яркие светильники, которые горели всю ночь⁷. Никто не спал, везде слышались музыка и песни. Девушки, надев свои лучшие наряды, веселились больше всех.

Настал декабрь, и на полях созрел рис. Вид золотого урожая наполнил радость сердца крестьян. По вечерам, когда они возвращались домой в венках из золотых колосьев, их жены брали зажженные светильники и с праздничными песнями выходили мужьям навстречу, моля Лакшми о ниспослании удачи на весь год. В каждом доме возносились молитвы богине Лакшми. Из риса нового урожая женщины готовили сладости и подносили их богине. Когда все люди молились богине счастья, я спрашивала себя: „Могу ли я надеяться на счастье?“ Я была разлучена с родителями, с братом, а у меня больше никого нет на свете. В слезах провела я всю ночь.

То, о чем я хочу рассказать дальше, может подтвердить сама царица. Недавно, когда я приготовила ей благовония и пошла на пруд за водой, вдруг раздались звуки барабанов, и я увидела, как куда-то спешили люди, одетые в праздничные одежды.

Я спросила у них, какое предстоит богослужение. Мне ответили, что на алтаре богини Кали будут принесены в жертву люди. Я услышала их имена: это были мои отец и брат.

Наполнив кувшин водой, я поспешила к царице, помогла ей искупаться, нарядила ее в лучшие одежды и проводила в храм, а сама вернулась в свою комнату. Вытерев слезы, я стала думать, как спасти отца и брата от смерти.

Тут ко мне вошел царевич. Я спросила его, что происходит во дворце и почему так громко бьют барабаны. Он ответил: „Сегодня мой отец собирается почтить богиню Кали человеческими жертвами“.

Он назвал мне имена тех, кто предназначался для жертвоприношения. Мой рассудок помутился от горя, но я сдержала себя.

„Сегодня, царевич, наступил тот день, когда я могу рассказать тебе историю своей жизни. Проводи меня в храм“, — сказала я.

Царевич привел меня сюда, и я все рассказала о себе перед лицом богини Кали. Пусть и она станет моей свидетельницей. О раджа, прошу тебя сначала вынести справедливое решение, а потом принести жертвы богине».

Баромаши, или песнопение о двенадцати месяцах, на этом кончается. Теперь послушайте решение раджи.

Он собрал всех своих министров и приближенных, чтобы разобрать дело и вынести приговор. Вне себя от гнева, он приказал Нидану сей же час во всем признаться. Тот со страху не мог вымолвить ни слова.

Раджа прочитал перед собравшимися его письмо, после чего обратился к молочнице:

— Расскажи-ка нам, ведьма, как ты потеряла свои зубы?

Молочница стала бормотать что-то невнятное в свое оправдание, а потом заявила:

— У меня долго болели десны, оттого я и потеряла зубы.

Раджа рассердился еще больше и приказал стражнику схватить ее за волосы. Старуха не выдержала и стала поносить Нидана последними словами:

— Это он во всем виноват! Я и знать не знала, что написано в письме. Я ни в чем не виновата, освободите меня, несчастную!

Братья Андхи и Сандхи показали, как они отнесли в паланкине Камалу с матерью к родственникам. Дядя и тетя Камалы поведали о том, что произошло в их доме, потом дал чистосердечные показания пастух, и, наконец, царевич рассказал о том, как он увидел Камалу в доме пастуха, когда охотился в тех краях.

Так один за другим дали показания все свидетели. Пора было выносить приговор. Нидана связали по ру-

кам и ногам и бросили к стопам раджи. Тот сказал, что преступника следовало бы посадить на кол и даже такое наказание недостаточно для него сурово. Было решено, что на рассвете, когда закончится богослужение матери Кали, Нидана принесут в жертву на ее алтаре.

А теперь расскажем о свадьбе Камалы.

Брахманы и астрологи определили благоприятный для бракосочетания день. Свадебные приглашения написали красными чернилами и поставили на них киноварью семь меток. День и ночь не смолкали барабаны, нежно звучала мелодия флейты. Дворец заполнился гостями, на женской половине собрались красавицы. Люди пели и танцевали, столы ломились от яств и сладостей, приготовленных лучшими поварами столицы. Дворец был красиво украшен и светился тысячами огней*.

Отовсюду съехались родственники, священнослужители и ученые брахманы. Богам воздали должное: Вана-Дургу почтили песнями, богине Кали принесли в жертву двух коз и буйвола. А во дворе храма устроили шраддху, чтобы почтить души предков.

---

* Здесь Д. Шен дает такое примечание: «Затем идет описание обрядов, совершаемых женщинами по случаю свадьбы, а также украшения и одежды невесты. Я опускаю эти детали.

Интересующиеся могут обратиться к подлинному тексту, опубликованному в отдельном томе».

Далее Д. Шен пишет: «К тексту приложена песня Камалы. Вероятно, это часть какой-то другой версии. Камала поет в одиночестве песню о своей любви — сразу после того, как она попадает во дворец раджи. Вот несколько строк из этой короткой песни: „О мой любимый, едва я услышу твои шаги, как сердце мое трепещет от радости. Стыдливость не позволяет мне признаться в том, что я чувствую. Если бы ты был птицей, мое сердце стало бы клеткой, а если бы ты был цветком, я бы постоянно носила тебя на своей груди. Если бы ты был месяцем, я бы не спала всю ночь и любовалась тобой из своего уединения. Я приготовила для тебя много сладкого бетеля, но, как мне вручить его тебе, любимый, я не знаю. И я проливаю горькие слезы из-за того, что так беспомощна“».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта книга — первая попытка издать на русском языке сборник бенгальских сказок и преданий.

Бенгальцы — один из крупнейших народов Южной Азии. До 1947 г. можно было сказать: «один из крупнейших народов Индии», но теперь такое утверждение прозвучало бы не вполне корректно. На той части Земли, которая до 1947 г. без какой-либо двусмысленности называлась Индией, теперь расположены три самостоятельных государства: Республика Индия (которую часто называют просто «Индия»¹), Народная Республика Бангладеш и Исламская Республика Пакистан. Бенгальцы живут в двух из них, а именно в Бангладеш (где они составляют подавляющее большинство более чем сто-миллионного населения) и в Республике Индии (где их не менее семидесяти миллионов, в основном проживающих в штате Западная Бенгалия). По числу говорящих на нем бенгальский язык входит в десятку крупнейших языков мира.

Всего в Южной Азии лингвисты насчитывают несколько сотен различных языков. Правда, большая их часть — это языки малых народов и племен, однако и достаточно много развитых *литературных* языков — около тридцати, т. е. примерно столько же, сколько в Европе за пределами СССР.

И по другим параметрам своего культурного многообразия Южная Азия вполне сопоставима с Европой. Но эти два субконтинента Евразийского материка существенно различаются между собой в плане политической истории.

Наибольшей степени политического единства Европа достигла в древности, в эпоху Римской империи. Греко-римское наследие было и остается основой европейской культурной общности, хотя в новое время здесь восторжествовал принцип «национального» государства. В нынешней Европе большинство народов живет в рамках «национальных», т. е. этнически более или менее однородных, государств, в каждом из которых существует свой, самобытный вариант общей для всех них европейской культуры.

В Южной Азии в отличие от Европы политическое единство более характерно для нового времени. Правда, и в древности империя Маурьев при императоре-буддисте Ашоке (III в. до н. э.) распространила свою власть на большую часть субконтинента. Но затем лишь в XIV в. н. э. мусульманским завоевателям (дельийским султанам)

---

¹ Слова «Индия» и «индийский» употребляются здесь в традиционном смысле, т. е. относятся ко всему Южноазиатскому субконтиненту. Крупнейшее современное государство Южной Азии будет называться его официальным именем — Республика Индия.

удалось повторить достижение Ашки. Несколько позже империя Великих Моголов в период своего наивысшего могущества (в конце XVII — начале XVIII в.) вновь объяла почти весь субконтинент. В XVIII—XIX вв. из обломков империи Великих Моголов британцы сложили свою индийскую империю. В XX в. ее наследниками стали сначала два, а потом, как уже сказано, три независимых государства.

Поэтому в Южной Азии культурная самобытность отдельных народов (этносов) складывалась и развивается в основном в рамках «супраэтнических» государственных образований. Бангладеш — единственное государство Южной Азии, которое однородностью своего этнического состава похоже на «нормальное» европейское государство. Но в Бангладеш проживает не более 60% всех бенгальцев.

Культурная самобытность Бенгалии начала складываться примерно тысячу лет назад: во времена буддийской династии Палов (VIII—XII вв.) и индусской династии Шенов [или Сенов (XII—XIII вв.)]. К эпохе Палов относятся древнейшие памятники бенгальского языка, буддийские стихотворения-песни «Чарья-гити» (датируемые X—XII вв.). В эпоху Шенов в Бенгалии расцвела литература на санскрите.

Санскрит (букв. «сделанный», «упорядоченный») как литературный язык был кодифицирован еще в конце I тысячелетия до н. э. Значение санскрита для Индии подобно значению древнегреческого и латинского языков для культуры Европы. Именно на санскрите наиболее полно и наиболее универсально выражены в слове религиозные, философские, социальные, эстетические и другие идеи и идеалы традиционной индийской культуры. Иначе говоря, подобно латыни в средневековой Европе, санскрит был «классическим» языком древней и средневековой Индии. На санскрите дошли до нас знаменитые эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», а также немало других произведений и поныне составляющих золотой фонд литературы Южной Азии.

Как и латыни в Европе, санскриту в Индии уже в I, а еще более во II тысячелетии н. э. противостояли другие, более «молодые» языки: на севере — так называемые индоарийские, «потомки» санскрита (ср. романские языки в Европе), на юге — дравидийские, «приемные дети» санскрита (ср. языки германские, славянские и др. в Европе). Бенгальский — один из новых индоарийских языков, и соотношение его с санскритом подобно соотношению французского или испанского с латынью. Но бенгальскому языку, как и другим новым индийским языкам, пришлось утверждать себя в более сложных исторических условиях, чем те, в которых развивались новые языки в Европе.

С XIII по XVIII в. на большей части Южноазиатского субконтинента, и в частности в Бенгалии, политически господствовали мусульмане. Они принесли с собой не только свою веру, но и два основных языка ислама — арабский и персидский, которые, подобно санскриту, приобрели в Индии значение «классических».

Для Бенгалии мусульманское завоевание имело особые последствия. Значительная часть бенгальцев обратилась в ислам. Как полагают историки, в ислам переходили в основном миряне-буддисты (из-за разрушения буддийских монастырей оставшиеся без духовного руководства) и представители низких индусских каст: принятие новой веры, провозглашавшей равенство всех людей перед Богом, повышало социальный статус новообращенных. К тому же это была вера могущественных мирских владык. В силу ряда причин уже к концу XVIII в. большинство бенгальцев-мусульман проживало в

Восточной Бенгалии, а большинство бенгальцев-индусов — в Западной.

В течение нескольких веков индуизм и ислам² сосуществовали в Бенгалии, взаимно влияя друг на друга, но всеобъемлющего и прочного культурного синтеза не произошло. Противостояние по религиозному признаку оказалось сильнее этнического и историко-культурного родства, и в середине XX в. это привело к политическому разделу Бенгалии.

Начиная с XVI в. все возрастающую роль в истории Бенгалии играли европейцы. Сначала тут появились португальские купцы и миссионеры. Последние довольно преуспели в своей деятельности, и в наши дни есть среди бенгальцев католики с португальскими именами. Вслед за португальцами свои торговые фактории в Бенгалии основывали голландцы и французы, датчане и британцы. Во второй половине XVIII в. англичане стали фактическими правителями Бенгалии (хотя официально еще до 1858 г. сохранялась фикция Могольской империи). Бенгалия была той исходной базой, опираясь на которую англичане постепенно подчинили своей власти всю Индию. Калькутта, основанная как торговая фактория в конце XVII в., уже в 1773 г. стала столицей всех британских владений на субконтиненте.

В эпоху колониального господства в Индии — и в Бенгалии, в частности, — произошли глубокие социально-культурные сдвиги. Индия все интенсивнее вовлекалась в процессы международного общения. Английский язык пришел на смену санскриту, персидскому и арабскому как новый всеиндийский язык новой элиты (и именно поэтому, как мы увидим далее, бенгальские сказки были впервые изданы на английском). Вместе с тем происходило становление культурного самосознания народов Индии, причем бенгальцы в этом отношении были едва ли не впереди всех (в результате они едва ли не первыми в Индии стали интересоваться своими народными сказками). Новые индийские языки и литературы на них постепенно завоевывали командные высоты в культуре. И здесь бенгальцы нередко первыми прокладывали пути. Достаточно вспомнить, что именно Бенгалия дала Индии и миру Рабиндраната Тагора (1861—1941), одного из самых знаменитых индийцев XX в., первого неевропейца, получившего Нобелевскую премию по литературе (в 1913 г.).

В этой книге представлены бенгальские сказки и так называемые «баллады». В них по-разному отразились особенности бенгальской истории, поэтому и говорить о них следует по отдельности. Сначала обратимся к сказкам.

* * *

В ноябре 1824 г. А. С. Пушкин писал брату Льву из Михайловского в Петербург: «...вечером слушаю сказки — и вознаграждаю

---

² Во II тысячелетии н. э. буддизм уже не был здесь живой и действенной культурной силой, хотя, несомненно, сохранялся как культурный субстрат. Даже в наши дни в Бенгалии существует небольшое буддийское меньшинство (правда, это в основном не бенгальцы, а представители других этнических групп). Одна из сказок в этой книге («Маланчамала») была записана из уст старой женщины — возможно, буддийской монахини — на рубеже XIX—XX вв.

тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма»³.

Одним из первых в России Пушкин оценил народные сказки как произведения искусства⁴. Позднее, в 30-е годы, он создал высокие образцы авторской сказки, используя в основном фольклорные сюжеты. Многогранный гений Пушкина и здесь предвосхитил последующее развитие русской культуры: в XIX—XX вв. устная, фольклорная сказка стала предметом внимательного и любовного изучения в России⁵, а многие русские писатели — и среди них крупнейшие, такие, как Л. Н. Толстой, — создавали свои обработки народных сказочных сюжетов.

Само слово «сказка» как будто одно из самых простых и понятных, не требующее долгих объяснений. На самом деле оно (вернее, то, что этим словом обозначается) таит в себе немало загадок. Сказка — это интереснейший, увлекательный предмет научных исследований. Изучение сказок — сказковедение — давно уже оформилось в особую гуманитарную дисциплину или даже в особую науку⁶, нахо-

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. X. Л., 1979, с. 86.

⁴ Ср.: «В истории русской художественной культуры Пушкин был первым человеком, который от простой крестьянки стал записывать сказки с полным пониманием всей красоты народной сказки» (Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984, с. 68—69).

⁵ См., например: Савченко С. В. Русская народная сказка. История собирания и изучения. Киев, 1914; Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М., 1965; Ведерникова Н. М. Русская народная сказка. М., 1975; Аникин В. П. Русская народная сказка. М., 1984; Пропп В. Я. Русская сказка.

⁶ Ср. слова В. Я. Проппа: «Область сказки огромна, для ее исследования требуется работа нескольких поколений ученых. Изучение сказки — не столько частная дисциплина, сколько самостоятельная наука энциклопедического характера» (Пропп В. Я. Русская сказка, с. 24). Зачинателями сказковедения были в основном немецкие ученые (В. и Я. Гримм, Т. Бенфей и др.), и в Германии был создан сам термин *Märchenkunde*, или *Märchenforschung* (т. е. «сказкознание», «сказковедение»). В нашей стране, как уже отмечено, сказковедение получило большое развитие. Помимо исследований, посвященных в основном русской сказке, на русском языке создан и ряд важнейших книг по проблемам общего сказковедения. Всемирную известность получила книга: Пропп В. Я. Морфология сказки. Л., 1928; 2-е изд. М., 1969. К сказковедческой классике относятся книги: Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946; Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958 — и другие работы отечественных авторов. Однако на русском языке нет книги, которая давала бы общий обзор сказковедения в целом (его истории, проблематики, достигнутых результатов и поставленных задач). По-видимому, наиболее полной работой подобного рода остается до сих пор книга известного американского ученого Стиса Томпсона (1885—1977) «Фольклорная сказка» (Thompson S. The Folktale. N. Y., 1946; перепечатана Издательством Калифорнийского университета: Berkeley—Los Angeles—London, 1977; цитируемые отрывки даны по этому изданию. Некоторым аналогом книги С. Томпсона (по охвату материала менее полным, но, пожалуй, более ярким по своим литературным достоинствам) является посмерт-

дающуюся на стыке фольклористики, этнологии, языкознания, литературоведения, истории и общей культурологии⁷.

По традиции словом «сказка» обозначается совокупность разных видов устных фольклорных повествований (не говоря уже о сказке литературной). Например, понятие «русская сказка» охватывает (согласно принятым ныне представлениям) такие виды текстов, как сказки о животных, волшебные, легендарные, новеллистические (или бытовые), анекдоты и т. д. Правда, границы между названными видами сказок в действительности не всегда бесспорны, не всегда ясны даже для специалиста⁸; столь же небесспорны порой границы между сказкой и другими видами (жанрами) фольклорных повествований.

Еще более многозначным оказывается слово «сказка», если выйти за пределы одной языковой (национальной) традиции и попытаться охватить взором повествовательный фольклор многих (в идеале — всех) народов мира. Тогда выясняется, что у разных народов повествовательный фольклор может немало различаться по своему видовому составу, внутренней структуре и соответственно по спосо-

---

но изданная книга В. Я. Проппа «Русская сказка», составленная из лекций, прочитанных автором в Ленинградском университете. Содержание книги шире ее названия: русская сказка рассматривается в ней в контексте общего сказковедения. О самом В. Я. Проппе (1895—1970) см., например, предисловие К. В. Чистова к названной выше книге «Русская сказка». См. также: Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В. Я. Проппа (1895—1970). М., 1975.

⁷ В наши дни сказковедение имеет тенденцию расширять сферу исследований и включать в нее кроме сказок многие другие виды повествований, которые так или иначе связаны или сопоставимы со сказками. Коллектив немецких ученых (в сотрудничестве с учеными других стран, в том числе и СССР) издает сейчас обширную «Энциклопедию сказки» (Enzyklopädie des Märchens. В. — N. Y., Walter de Gruyter, Bd. 1—5, 1977—1986; всего задумано двенадцать томов). Эта энциклопедия имеет характерный подзаголовок: «Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung», т. е. «Словарь по историческому и сравнительному сказковедению» (или, может быть, «повествознанию»? «нарратологии»?). См. рецензию Б. Л. Рифтина на первые три тома этой энциклопедии (Народы Азии и Африки. 1983, № 3, с. 191—197).

⁸ Ср.: «Мы вынуждены признать, что в нашей науке до сих пор нет общепринятой классификации сказок» (Пропп В. Я. Русская сказка, с. 57). Что касается общего определения понятия «сказка», то в русской научной традиции наиболее корректным, по-видимому, признается то, которое было сформулировано А. И. Никифоровым (1893—1942): «Сказка — это устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением» (Никифоров А. И. Сказка, ее бытование и носители. — Каница О. И. Русская народная сказка. М.—Л., 1930, с. 7). См. комментарий В. Я. Проппа к этому определению (Пропп В. Я. Русская сказка, с. 38—41). Интересно, что С. Томпсон в своей книге «The Folktales» практически уклоняется от формулирования общего определения сказки.

бам классификации и обозначения фольклорных текстов. И даже в тех случаях, когда в данной языковой традиции есть слово, как бы эквивалентное русскому «сказка», эквивалентность эта чаще всего не полная, а лишь частичная⁹.

Чем больше отличается тот или иной народ по своей культуре от русских, тем больше вероятность, что и в его фольклоре встретятся непривычные для нас произведения. Так, включенная в данную книгу «Маланчамала» отнесена нами к классу сказок потому, что в русской традиции нет какого-либо иного, более адекватного названия для подобных произведений (как нет у нас и подобных сказок).

История восприятия и изучения сказок — весьма важная и показательная часть истории культуры. Так, увлечение Пушкина народными сказками в 20-х годах XIX в. и позднее было проявлением не только его собственной индивидуальности, но и общеевропейского «духа времени». В Германии романтики (Новалис, Людвиг Тик и др.) «открыли» народную сказку еще в конце XVIII — начале XIX в.¹⁰. В 1812 г. братья Гримм, Якоб (1785—1863) и Вильгельм (1786—1859), начали издавать свои «Детские и семейные сказки». То было

---

⁹ Ср. у С. Томпсона: «Французское выражение „conte populaire“, немецкое слово „Märchen“, норвежское „eventyr“, шведское „saga“ и русское „сказка“, конечно же, отнюдь не всегда означают в точности одно и то же» (The Folktale, с. 21). См. также в книге В. Я. Проппа «Русская сказка» главу «Обозначение понятия „сказка“ на разных языках» (с. 32—36). В этой связи стоит процитировать такое признание нашего известного сказковеда: «...создание сравнительной фольклористики в мировом масштабе есть дело довольно далекого будущего» (Пропп В. Я. Русская сказка, с. 26).

¹⁰ См., например: Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе. М., 1960, с. 203 и сл. Конечно, устная сказка бытовала и была известна в Европе (включая Россию) задолго до XVIII в., но отношение к ней большей частью было пренебрежительное (если не резко отрицательное) — как к низкой (если не порочной и греховной) забаве. Тем не менее сказковеды отмечают, что народная сказка уже со времен европейской античности иногда «пробивалась» в высокую литературу. Вот несколько наиболее ярких примеров.

Одна из вставных новелл в романе Апулея (II в. н. э.) «Золотой осел» — «Амур и Психея». В основе этой новеллы — сказочный сюжет, иной вариант которого известен нам по сказке С. Т. Аксакова «Аленький цветочек» (ср. ниже о бенгальской сказке «Царевич Шобур»).

Сказочные сюжеты так или иначе использовали и итальянские новеллисты XIV—XVII вв. Знаменитый «Декамерон» Боккаччо (XIV в.), по утверждению сказковедов, наполовину состоит из сюжетов фольклорных. Дж. Страпарола (XVI в.) обработал несколько сказок в своем сборнике новелл «Приятные ночи» (см.: Страпарола Дж. Приятные ночи. М., 1978). Целиком из сказочных сюжетов в своеобразной интерпретации состоит книга еще одного итальянского автора, Дж. Базиле (XVII в.), под названием «Пентамерон» («Пятидневник»).

В конце XVII в. издал сборник своих сказок Шарль Перро. Сказковеды считают их очень бережным воспроизведением сказок фольклорных. Как будет показано ниже, некоторые из сюжетов бенгальских сказок, представленных в этой книге, имеют параллели в книгах Дж. Страпаролы, Дж. Базиле и Ш. Перро.

время становления общенемецкого национального сознания. В Германии раздробленной и разгромленной Наполеоном, собрание и публикация немецких народных сказок воспринимались как поступки подчеркнута патриотические. К тому же в народных сказках видели не просто игру фантазии, но подлинное воплощение «народного духа». По словам Дж. Коккьяры, «деятельность братьев (Гримм. — С. С.), хотя они и держались весьма скромно, имела... характер как бы национального вызова»¹¹. И поныне сказки братьев Гримм остаются одним из классических творений немецкой культуры — как для самих немцев, так и в восприятии других народов. А для сказковедов это к тому же и классический образец собрания европейских народных сказок.

Здесь следует остановиться на одной довольно сложной проблеме сказковедения. Привычно различать сказки народные и авторские, литературные. Однако и в этом случае граница зачастую оказывается довольно зыбкой, а при более пристальном рассмотрении обнаруживаются различные промежуточные формы.

Братья Гримм утверждали, что публикуют тексты сказок именно в том виде, как они их услышали. Правда, Л. А. фон Арним (1781—1831) уже тогда им не верил. Позже исследователи с несомненностью установили, что братья Гримм подвергали тексты устных сказок определенной редактуре, как композиционной (содержательной), так и языковой (стилистической)¹². Поэтому сказки братьев Гримм занимают некое промежуточное положение между сказками действительно фольклорными (бытующими в устном исполнении и фиксируемыми в точных записях современных фольклористов) и сказками полностью авторскими. Советская исследовательница Л. Ю. Брауде предлагает называть такой промежуточный тип сказок «фольклористическим»¹³. Как мы увидим ниже, к таким «фольклористическим» сказкам следует отнести и большинство бенгальских сказок, включенных в данную книгу.

В XIX в. не только в Германии, но и в некоторых других европейских странах становление национальной культуры и национального самосознания ярко проявилось в собирании и издании народных сказок. Причем в ряде случаев дополнительным импульсом послужило знакомство со сказками братьев Гримм, быстро получившими всеевропейскую известность¹⁴. Так, в Норвегии П. К. Асбьёрсен (1812—1885) и И. И. Му (1813—1882) в 40-х годах XIX в. издали собрания норвежских народных сказок, приобретшие значение национальной классики¹⁵. Норвежские собиратели сказок состояли в переписке с

¹¹ Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе, с. 255.

¹² См., например: Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе, с. 243—248; Брауде Л. Ю. Скандинавская литературная сказка. М., 1979, с. 14—15.

¹³ См.: Брауде Л. Ю. Скандинавская литературная сказка, с. 7—11.

¹⁴ На эту тему есть специальное исследование: Lucke H. Der Einfluss der Brüder Grimm auf die Märchensammler des 19. Jahrhunderts. Greifswald, 1933.

¹⁵ См. английский перевод с иллюстрациями, также ставшими классическими: Norwegian Folk Tales. From the Collection of Peter Christen Asbjørnsen [and] Jorgen Moe. Illustrated by Erik Werenskiold [and] Theodor Kittelsen. Tr. by Pat Shaw Iversen [and] Carl Norman. Oslo. Dreyers Forlag, 1978.

братьями Гримм и даже посвятили им один из своих сборников¹⁶.

Примером братьев Гримм вдохновлялся и известный французский фольклорист Эмманюэль Коскэн (1841—1921), в 1876 г. начавший издавать сказки Лотарингии, позднее вышедшие в виде книги¹⁷.

Как мы увидим ниже, собрание братьев Гримм послужило одним из образцов и для первого собирателя бенгальских сказок — Лалбихари Дэ (1824—1894).

В России обширный свод фольклорных сказок впервые издал А. Н. Афанасьев (1826—1871) в 1855—1863 гг.¹⁸ Через сто лет В. Я. Пропп свидетельствовал: «...это собрание — одна из любимейших и наиболее читаемых русских книг, а имя Афанасьева произносится с любовью и уважением по сегодняшний день»¹⁹.

Приступая к изданию русских сказок, А. Н. Афанасьев также поставил себе за образец сборник братьев Гримм. Но, по замечанию В. Я. Проппа, «Афанасьев как издатель сказок далеко превзошел своих германских предшественников»²⁰. Во-первых, собрание Афанасьева, содержащее около шестисот текстов, — «самый большой сборник народных сказок, известный мировой науке»²¹. Во-вторых, братья Гримм давали каждый сюжет лишь в одном варианте: если в их распоряжении оказывалось несколько вариантов, они сводили их воедино, очевидно полагая, что «восстанавливают» «подлинный» облик текста. А. Н. Афанасьев же исходил из того, что устная сказка по самой природе своей бытует в виде разных вариантов, каждый из которых имеет самостоятельную ценность, и поэтому публиковал варианты «в той мере, в какой он ими располагал»²². А. Н. Афанасьев гораздо осторожнее, чем братья Гримм, редактировал изданные им тексты (большей частью они достались ему в рукописях, в записках других лиц), но все же, очевидно, определенное число сказок А. Н. Афанасьева также должно быть признано не собственно фольклорными, а «фольклористическими» (по терминологии Л. Ю. Брауде)²³.

---

¹⁶ См.: Брауде Л. Ю. Скандинавская литературная сказка, с. 34—35.

¹⁷ *Cosquin E. Contes populaires de Lorraine*. P., 1887. По словам С. Томпсона (*The Folktale*, с. 393), это собрание сказковеды считают столь же представительным для Франции, как собрание сказок братьев Гримм для Германии. Вряд ли случайно то, что французский фольклорист в 1870—1880-х гг. издавал сказки именно из Лотарингии, после франко-прусской войны 1870—1871 гг. отошедшей к Германии. Это лишь один из ярких примеров того, сколь тесно такая, казалось бы, невинная деятельность, как собиране сказок, может быть связана со злобой дня и общественными страстями.

¹⁸ См.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах (подготовка текста, предисловие и примечания В. Я. Проппа). М., 1957 (далее — Афанасьев). О самом А. Н. Афанасьеве см., например, предисловие В. Я. Проппа к названному изданию, а также статью Исидора Левина в первом томе «Энциклопедии сказки». Сказки А. Н. Афанасьева изданы также в серии «Литературные памятники».

¹⁹ Афанасьев. Т. I, с. XIII.

²⁰ Там же, с. X.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Ср. мнение писателя Ю. Нагибина: «...сказки делятся... на народные, созданные коллективной фантазией наших предков, и на ли-

Наконец, у братьев Гримм последовательность сказок в сборнике случайна, а А. Н. Афанасьев для второго издания своей книги (вышедшего посмертно в 1873 г.) выработал классификацию сказок (разделив их на сказки о животных, волшебные и бытовые или новеллистические), которая позже легла в основу общепринятой и поныне классификации Аарне — Томпсона.

Давно уже было замечено, что в повествовательном фольклоре разных народов Европы и Азии встречаются очень похожие ситуации (мотивы, как говорят ученые) или даже целые сюжеты (т. е. определенные последовательности ситуаций-мотивов)²⁴.

Вот, например, в бенгальской сказке «Приключения двух воров и их сыновей» один вор уводит у другого корову (с награбленным сокровищем) при помощи такой хитрости: он бросает на дорогу сначала один красивый башмак, а на некотором расстоянии от него — другой, под пару первому. Другой вор, идущий с коровой, первый башмак не поднимает, а увидев второй, привязывает корову к дереву и возвращается за первым. Корова таким образом становится добычей первого вора.

В одной из сказок А. Н. Афанасьева (№ 390) вор Сенька Малый точно таким же способом уводит быка у трех мужиков: сначала бросает на дорогу правый сапог, а потом, забежав вперед, левый²⁵. По свидетельству С. Томпсона, рассказы о подобных фокусах с обувью (имеющих целью кражу животного, как правило быка) известны во всех частях света «в более чем трехстах версиях»²⁶. В данном случае мы можем говорить о повторяемости мотива или короткого сюжета.

Еще более удивительны случаи повторяемости длинных и сложных сюжетов. Вот, например, бенгальская сказка «Киранмала». Некий раджа подслушивает ночью беседу трех девушек-сестер, которые высказывают свои заветные желания. Младшая говорит, что она хотела бы стать женой раджи. Раджа берет ее в жены. Через какое-то время царица рождает сына, но завистливые сестры сообщают радже, что его жена родила щенка... Всякий читатель, мало-мальски знакомый с русской литературой, сразу вспомнит «Сказку о царе Салтане» А. С. Пушкина. Правда, вариант, обработанный А. С. Пушкиным, во многом отличается от бенгальской сказки, но в сборнике А. Н. Афанасьева есть и другие варианты этого сюжета, поразительно похожие на «Киранмалу». Это сказки № 288 и 289 под названием «Поющее дерево и птица-говорунья». Первая была записана в Тверской губернии, вторая — в Оренбургской. Предоставим читателям самим провести сравнение бенгальской и русских сказок и удивиться сходству их сюжетов, вплоть до деталей. И вновь сошлемся на С. Томпсона, согласно которому «это один из восьми или десяти са-

---

тературные, авторские, являющиеся плодом писательского творчества. Посредине находятся народные сказки, подвергшиеся литературной обработке, таковы сказки братьев Гримм или Афанасьева» (Нагибин Ю. О сказках и сказочниках. — Сказки зарубежных писателей. М., 1986, с. 3).

²⁴ См. формулировку у В. Я. Проппа (вслед за А. Н. Веселовским): «Мотив есть простейшая, неразложимая далее повествовательная единица. Сюжет есть комбинация мотивов» (Пропп В. Я. Русская сказка, с. 98).

²⁵ Афанасьев. Т. 3, с. 176.

²⁶ Thompson S. The Folktale, с. 175.

мых известных мировых сюжетов. Беглый просмотр доступных справочных работ обнаруживает 414 версий, и это говорит о том, что более тщательные поиски могли бы привести к открытию и еще нескольких сотен версий»²⁷.

Как объяснить подобные сходства сюжетов в фольклоре разных стран? Почему, например, и у бенгальцев, и у русских, и у других народов в их сказках эпизод подслушивания царем разговора трех девушек так крепко связан с последующими эпизодами подмены младенцев (и именно в такой последовательности: два сына и младшая дочь), а затем эти спасшиеся младенцы непременно отправляются на поиски — по очереди, по старшинству! — волшебной вещицы птицы? Какие силы тяготения существуют в пространственно-временном континууме повествования?

Современные сказковеды смиренно воздерживаются давать авторитетные ответы на такие вопросы. Но в прошлом (особенно в более наивном и более самонадеянном XIX в.) на этот счет предлагались разные теории, разные объяснения (которые теперь, как правило, мало кого удовлетворяют, по крайней мере в своем первоначальном виде).

Словно подчиняясь известному канону сказочного повествования (а именно канону утращения сюжетных ходов), в XIX в. одна за другой возникли три теории, стремившиеся объяснить сходство фольклорных сюжетов у разных народов²⁸.

Первой по времени была теория, известная под именем «мифологической» или «арийской»²⁹. Она возникла параллельно с развитием сравнительного языкознания, открывшего историческое родство языков так называемой индоевропейской семьи. Поэтому сходство сказочных сюжетов у разных народов Европы и Азии также предлагалось объяснять изначальным родством «индоевропейцев». В сказках видели отражение древних мифов «индоевропейцев» (отсюда — первое название данной теории), а первоначальные формы этих мифов отыскивали в мифологии древних индийцев — «ариев» (отсюда — второе имя теории). Основателями этой теории считаются братья Гримм. В России ее сторонником был, например, А. Н. Афанасьев. Увеличение знаний о фольклоре и мифологии разных народов и вульгаризация самой теории в трудах эпигонов лишили ее научного престижа к концу XIX в. В частности, выяснилось, что сходные сюжеты широко встречаются у народов, не объединенных «индоевропейским родством».

Вторую теорию называют «миграционной» или «индологической». Сходство сказочных сюжетов у разных народов эта теория стремилась объяснить прежде всего заимствованиями, миграциями сказок. Причем главным источником сказок объявлялась Индия. Одним из основоположников этой теории считают немецкого индолога Теодора Бенфея (1809—1881). Во введении к своему знаменитому изда-

²⁷ Там же, с. 121.

²⁸ См., например: *Thompson S. The Folktale*, с. 367—383; *Пропи В. Я.* Русская сказка, с. 89—172; *Коккьяра Дж.* История фольклористики в Европе; *Зограф Г. А.* Предисловие. — Сказки народов Индии. Л., 1976, с. 4—6.

²⁹ Энцикл.: *Гусев В. Е.* Мифологическая школа. — Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. М., 1967, с. 874—876.

нию «Панчатантры»³⁰ Т. Бенфей действительно высказал мысль, что сказки о животных мигрировали в основном с Запада на Восток, а волшебные и новеллистические сказки — в основном с Востока, а именно из Индии, на Запад. Эпигоны Т. Бенфея стремились во что бы то ни стало отыскать истоки чуть ли не всех сказочных сюжетов в Индии.

Время внесло поправки и в эту теорию. Как пишет С. Томпсон, «большинство современных сказковедов убеждены в том, что, хотя Индия и сыграла важную роль как источник многих сюжетов, она была лишь одним из нескольких великих центров создания и распространения сказок»³¹.

Особенность Индии, индийской культуры сказковеды теперь видят прежде всего в том, что здесь уже в древности получили письменную, литературную обработку многие сказочные сюжеты, и эти литературные версии затем активно мигрировали в иные страны, особенно на Запад. Речь идет о буддийских джатаках (рассказах о прежних рождениях Будды), о таком всемирно известном памятнике индийской литературы, как «Панчатантра», и о других сборниках древнеиндийской прозы на санскрите («Жизнь Викрамы, или Тридцать две истории царского трона», «Двадцать пять рассказов Веталы», «Семьдесят рассказов попугая» и др.)³².

Третья теория получила название «антропологическая», или теория самозарождения сюжетов³³. Она сформировалась в Англии в связи с развитием общей антропологии (по-русски этнологии, этнографии) в последней трети XIX в. Крупнейшими представителями этой научной школы считаются Эдуард Б. Тайлор (1832—1917)³⁴, Эндру Лэнг (1844—1912)³⁵ и Джеймс Джордж Фрэзер (1854—1941)³⁶. Увеличение знаний европейских ученых о различных народах мира (в частности, о так называемых «примитивных народах») показало, что сходство фольклорных сюжетов, засвидетельствован-

---

³⁰ *Benfey Th. Panchatantra. Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen. Bd. I—II. Lpz., 1859.* Первый том — введение, второй — перевод и примечания. По словам В. Я. Проппа, «это издание стало поворотным пунктом в истории европейской фольклористики» (*Пропп В. Я. Русская сказка*, с. 129).

³¹ *Thompson S. The Folktale*, с. 379. См. также: *Аникин В. П. Миграционная теория.* — *Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. М., 1967*, с. 821—822.

³² См.: *Гринцер П. А. Древнеиндийская проза (обрамленная повесть).* М., 1963.

³³ См., например: *Аникин В. П. Самозарождения сюжетов теория.* — *Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971*, с. 637.

³⁴ У нас фамилию этого ученого (E. V. Tylor) в прошлом неверно транскрибировали как «Тэйлор» (именно такая транскрипция в русских переводах его книг, изданных у нас в 20-х и 30-х годах). См. статью (*Гусев В. Е., Тайлор Э. Б.* — *Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1972*, с. 353—354).

³⁵ Andrew Lang, в русском написании иногда ошибочно «Ланг» (см., например: *Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. М., 1967*, с. 23).

³⁶ Недавно у нас были переизданы массовыми тиражами две его известнейшие книги: *Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии.* 2-е изд. М., 1986; *Фрэзер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом Завете.* М., 1986.

ных в весьма удаленных друг от друга местах планеты, не всегда можно объяснить общим мифологическим наследием или заимствованиями в результате контактов. Отсюда следовал вывод, что сходные сюжеты, очевидно, могут возникать независимо друг от друга, самостоятельно у разных народов, просто в силу сходства условий их жизни.

Основной недостаток этнологических теорий Э. Б. Тайлора и его школы теперь определяют как «однолинейный эволюционизм». Э. Б. Тайлор, как и многие другие европейские ученые XIX в., исходил из довольно произвольного (по нынешним взглядам) предположения, что все народы мира проходили и проходят в своем историческом бытии одни и те же «стадии общественного развития» и на одинаковых «стадиях» у всех народов возникают одинаковые явления духовной культуры (например, сказки). В XX в. историки и этнологи осознали, что история человечества, история различных человеческих культур более многообразна и многолинейна.

Что касается конкретной проблемы сходства сказочных сюжетов у разных народов, то уже известный русский ученый А. Н. Веселовский (1838—1906) резонно заметил, что отдельные мотивы (например, мотив подмены новорожденного завистливыми родственниками матери) и в самом деле могут возникать самостоятельно, независимо друг от друга, но труднее поверить в неоднократное независимое возникновение сложных, многомотивных сюжетов (например, типа «Сказки о царе Салтане»). В подобных случаях заимствование остается наиболее правдоподобным объяснением³⁷.

Современные сказковеды не принимают ни одну из трех названных теорий в тех формах, в каких они исповедовались в XIX в., но все же усматривают в каждой из них определенные доли истины. Характерно в этом плане такое, например, высказывание Г. А. Зографа: «Близость индийской и русской сказки не может иметь однозначного объяснения. Здесь проявились, по-видимому, и генетические связи народов, как это показывают, в частности, последние исследования „основного“ индоевропейского мифа — о бже грозы и его противнике, змееподобном держателе вод. В какой-то мере должно было сказаться и странствование сюжетов. Нельзя отрицать и отражения в фольклоре некоторого сходства представлений о мире, возникших у первобытных народов. И наконец, далеко не последнюю роль играют общие закономерности устного народного творчества. Но показать, какое место принадлежит каждому из этих факторов в том или ином частном случае сюжетного совпадения, можно только углубленным его исследованием на самом широком фольклористическом, конкретно-историческом и этнографическом фоне»³⁸.

История сказковедения — это интересный пример (парадигма) развития научной дисциплины в XIX—XX вв. Показательны, в частности, соотношения между «основоположниками» и эпигонами. Так, братья Гримм отнюдь не несут ответственности за все те «нерегибы» в использовании «арийской» («мифологической») теории, которые

---

³⁷ См. также: *Жирмунский В. М.* К вопросу о международных сказочных сюжетах. — Историко-филологические исследования. Сб. статей к 70-летию акад. Н. И. Конрада. М., 1967, с. 283—289. Далее цит. по: *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение. — Восток и Запад. Л., 1979, с. 336—343.

³⁸ *Зограф Г. А.* Предисловие. — Сказки народов Индии. Л., 1976, с. 18.

стали предметом насмешек уже во второй половине XIX в.³⁹. Подобным же образом следует различать взгляды самого Т. Бенфея и более поздних «бенфейстов»⁴⁰. В свою очередь, С. Томпсон подчеркивает, что Э. Лэнг отнюдь не был безоговорочным сторонником «теории самозарождения сюжетов», одним из основателей которой его считают⁴¹.

Пожалуй, еще более интересна и показательна история развития идей так называемой «финской» или «историко-географической» школы фольклористики.

К концу XIX в. увеличение знаний и движение исследовательской мысли в очередной раз привели к качественному скачку в развитии научных теорий и методов. Фольклористы пришли к выводу, что, прежде чем искать ответ на общие вопросы о происхождении и сущности сказки, необходимо исследовать конкретную историю конкретных сказочных сюжетов во всемирном масштабе. Центром нового научного направления стала Финляндия, зачинателем и многолетним координатором сказковедческих исследований нового типа — финский ученый Карле Крун (или Крон, 1863—1933)⁴².

Чтобы как-то ориентироваться во множестве собранных к началу XX в. европейских сказок, ученик К. Круна, Антти Аарне (1867—1925), составил «Указатель сказочных типов»⁴³ (основанный главным образом на финских, датских и немецких собраниях сказок)⁴⁴. Понятие «тип» — это, выражаясь языком современного науковедения, теоретический конструкт: сюжеты, которые можно считать достаточно сходными, подобными друг другу⁴⁵, объединяются в группу, которая получает обозначение как определенный «тип». В «Указателе» А. Аарне за каждым «типом» был закреплен свой номер.

³⁹ В приложении к третьему изданию третьего тома «Детских и семейных сказок» (1956 г.) Вильгельм Гримм изложил в наиболее полном и окончательном виде свои мысли о сказке. Кроме того, что легло в основу «мифологической» теории, здесь можно найти и соображения в духе теории «миграционной» и даже предвосхищения «теории самозарождения сюжетов». См.: *Brüder Grimm. Kinder-und Haus-Märchen. Bd. 3. Stuttgart, 1984, с. 405—414. Ср.: Thompson S. The Folktale, с. 368—370.*

⁴⁰ «„Восточная теория“ Бенфея, рассматриваемая как теория происхождения народных сказок... не столь догматична, как это... может показаться. Точнее говоря, в догму возвели ее последователи Бенфея...» (*Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе, с. 323*).

⁴¹ *Thompson S. The Folktale, с. 380 и 394.*

⁴² Становление финской школы фольклористики было во многом обусловлено и историей культуры самой Финляндии в XIX в. Так, Карле Крун был сыном крупного финского поэта, ученого и общественного деятеля Юлиуса Круна (1835—1888), который, в свою очередь, был учеником Элиаса Лёнрота (1802—1884), собирателя знаменитой «Калевалы». См.: *Thompson S. The Folktale, с. 395—397; Карху Э. Г. История литературы Финляндии. Л., 1979, с. 149—174, 291—296.*

⁴³ *Aarne A. Verzeichnis der Märchentypen (Folktale Fellows Communications, № 3). Helsinki, 1910.*

⁴⁴ А. Аарне, несомненно, учитывал и опыт русской фольклористики: ведь в начале XX в. Финляндия еще была частью Российской империи.

⁴⁵ Здесь имеет место одна из основных операций научного метода — «абстракция отождествления».

С самого начала и А. Аарне, и другим сказковедам был очевиден экспериментальный, предварительный характер «Указателя». Так, при выделении «типов» логическая стройность иногда приносилась в жертву практическому удобству⁴⁶. Очевидна была и ограниченность культурно-географической базы «Указателя» (в основном север Европы). Тем не менее «типология», разработанная А. Аарне, оказалась достаточно применимой к сказкам других европейских народов. Уже в 10—20-е годы в нескольких европейских странах были изданы национальные каталоги сказок «по системе Аарне». Так, в 1929 г. вышел «Указатель» Н. П. Андреева, в котором «типология Аарне» (к тому времени уже модифицированная С. Томпсоном) была приспособлена к русскому материалу⁴⁷.

В 1928 г. С. Томпсон издал расширенный и переработанный вариант «Указателя» А. Аарне⁴⁸. С тех пор принято говорить о классификации или типологии сказок Аарне—Томпсона (сокращенно: АаТн, или АТ). В 1961 г. вышло еще одно, более обширное издание «Указателя Аарне—Томпсона», в котором были учтены результаты полувекковой работы сказковедов многих стран⁴⁹. При всех своих очевидных недостатках «система Аарне—Томпсона» оказалась весьма жизнеспособной. В 1979 г. коллектив советских ученых составил ценный указатель восточнославянских сказочных сюжетов, в основу которого положена именно эта система⁵⁰.

Вместе с тем со временем все отчетливее выявлялась и недостаточность, неуниверсальность типологии Аарне—Томпсона. С одной стороны, как писал В. М. Жирмунский, эта типология не вполне учитывает «более глубокие и органические структурные связи между мотивами сказочного сюжета, отдельными сказками и группами сказок»⁵¹. С другой стороны, «чем дальше от европейского центра, тем более эта система обнаруживает свою несостоятельность вследствие растущего местного своеобразия»⁵².

Впрочем, все это понял и сам С. Томпсон еще в 20-е годы, когда начал изучать повествовательный фольклор североамериканских индейцев. Именно тогда С. Томпсон пришел к выводу, что указатель

---

⁴⁶ См., например: *Thompson S. The Folktale*, с. 417—418; *Пропп В. Я. Русская сказка*, с. 61—62.

⁴⁷ *Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне*. Л., 1929.

⁴⁸ *Thompson S. The Types of the Folktale. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen translated and enlarged (FFC № 74)*. Helsinki, 1928.

⁴⁹ *Thompson S. The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen translated and enlarged by S. Thompson. Second revision (FFC № 184)*. Helsinki, 1961 (Reprinted: 1964, 1973)

⁵⁰ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979 (далее — СУС). Этот указатель снабжен очень информативным предисловием и богатой библиографией по сказковедению.

⁵¹ *Жирмунский В. М. К вопросу о международных сказочных сюжетах*, с. 341. См. также: *Пропп В. Я. Морфология сказки*. 2-е изд. М., 1969, с. 15—16.

⁵² *Там же*. Как выразил ту же мысль Г. А. Зограф, типология Аарне—Томпсона «выглядит тем менее универсальной, чем далее углубляемся мы в Азию, Африку, Океанию или Америку» (Сказки народов Индии. Л., 1976, с. 7).

сказочных сюжетов должен быть дополнен указателем мотивов, встречающихся в повествовательных произведениях (фольклорных и околофольклорных) разных народов⁵³. Первое издание «Указателя мотивов» С. Томпсона вышло в 1932—1936 гг., второе — в 1955—1958 гг.⁵⁴. «Указатель сюжетов» Аарне — Томпсона (в издании 1961 г.) и этот «Указатель мотивов» взаимно дополняют друг друга (содержат много взаимных отсылок).

Конечно, в будущем, с дальнейшим ростом знаний и развитием научной мысли, будут разработаны более совершенные, более адекватные и универсальные классификации сказок⁵⁵, но на сегодняшний день типология Аарне — Томпсона остается самой удобной, хотя бы потому, что она получила широкое международное признание и может сравнивать между собой сказки разных народов, например сказки европейские и индийские.

Изучению индийских сказок много внимания уделял сам С. Томпсон. Уже с конца 1930-х годов он работал над указателями сюжетов и мотивов, засвидетельствованных в индийских устных сказках. В 1958 г. вышел «Указатель мотивов», составленный С. Томпсоном в сотрудничестве с литовским фольклористом Йонасом Балисом⁵⁶. В предисловии к этой книге С. Томпсон признавался, что составить указатель сюжетов индийских сказок «по системе Аарне — Томпсона» оказалось довольно сложно, так как большое число индийских сказочных сюжетов в эту систему укладывается с трудом. Именно поэтому и был сначала сделан «Указатель мотивов». Но все же в 1960 г. вышел и «Указатель сюжетов», составленный С. Томпсоном в сотрудничестве с У. Робертсом⁵⁷. Следует подчеркнуть, что в обоих названных указателях учтены только те индийские сказки, которые переведены на европейские языки. Таким образом, полноценной «стыковки» общего сказковедения и собственно индологии пока не произошло. Сказочные богатства Индии изучены еще, по сути дела, довольно плохо⁵⁸.

⁵³ См.: *Thompson S. The Folktale*, с. 422—423.

⁵⁴ *Thompson S. Motif-Index of Folk-Literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, tables, mediaeval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. Vol. 1—6. Helsinki, 1932—1936 (Bloomington, 1932—1936); он же. Motif-Index of Folk-Literature. Revised and enlarged edition. Vol. 1—6. Copenhagen, 1955—1958 (Reprinted: Bloomington-London, 1975).*

⁵⁵ См., например, обещающие наметки в работах отечественных авторов: *Мелетинский Е. М.* Структурно-типологическое изучение сказки. — *Пропи В. Я.* Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969, с. 158—162; *Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М.* Проблемы структурного описания волшебной сказки. — *Труды по знаковым системам. Вып. IV.* Тарту, 1969, с. 86—135 (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 236).

⁵⁶ *Thompson S., Balys J. The Oral Tales of India.* Bloomington, 1958.

⁵⁷ *Thompson S., Roberts W. E. Types of Indic Oral Tales.* India, Pakistan and Ceylon (FFC, № 180). Helsinki, 1960. Данные этого указателя были включены (с помощью отсылок) в последнее издание (1961 г.) общего указателя сказочных сюжетов Аарне — Томпсона.

⁵⁸ Ср. свидетельство В. М. Жирмунского: «...современный Восток — в первую очередь Индия, Иран, арабский мир, Средняя и Юго-Восточная Азия — очень малоизвестен европейским фольклористам, несмотря на богатую документацию памятниками прошлого» (*Жир-*

Изучение устных, фольклорных индийских сказок (в отличие от сказок, издревле вошедших в письменную традицию) началось сравнительно поздно, лишь в последней трети XIX в. И довольно долгое время собиранием сказочного фольклора в Индии занимались в основном неиндийцы; администраторы или миссионеры⁵⁹. Так, первая книга индийских фольклорных сказок возникла в семье британского губернатора Бомбейского президентства сэра Барта Фрэра. Дочь губернатора Мэри Фрэр, сопровождавшая отца в одной из его служебных поездок, попросила свою няню-индианку развлечь ее сказками. Няня была христианкой из Гоа, звали ее Анна Либерата де Соуза. Эта индийская Арина Родионовна рассказала своей госпоже несколько сказок на ломаном английском языке, и Мэри Фрэр, под редактивровав их, издала эти сказки в виде отдельной книги (к которой отец-губернатор написал предисловие)⁶⁰.

Первые книги фольклорных сказок, записанных в Бенгалии, также выходили на английском языке⁶¹. В этом ряду стоит и книга бенгальца-христианина Лалбихари Дэ «Народные сказки Бенгалии»⁶², о которой речь пойдет ниже.

Лишь позднее, в конце XIX — начале XX в., бенгальцы стали издавать свои народные сказки и другие произведения фольклора на бенгальском языке⁶³. Заметный вклад в это внес Рабиндранат Тагор⁶⁴. Правда, в Бенгалии (как и в других частях Индийского субконтинента) не появилось в XIX—XX вв. ничего, подобного сказкам братьев Гримм, собраниям норвежских сказок П. К. Асбьёрнсена и И. Му или «Калевале» Э. Лёнрота. Очевидно, тому причиной — наличие в Индии мощных эпических традиций древности («Махабхарата», «Рамаяна», пураны и др.), а также распространенность классических литературных обработок сказочных сюжетов («Панчатантра», «Двадцать пять рассказов Веталы» и др.).

И все же в Бенгалии в начале XX в. было опубликовано несколько сравнительно небольших сказочных сборников, которые стали классическим достоянием современной бенгальской культуры. Первыми в этом ряду должны быть названы книги Докхинаронджона Мит-

---

мунский В. М. К вопросу о международных сказочных сюжетах, с. 340).

⁵⁹ Очерк истории изучения индийского фольклора см., например, в книге: *Elwin V. Folktales of Mahakoshal. Bombay—Madras, 1944*; см. также книгу бангладешского автора: *Mazharul Islam. A History of Folktales Collections in India and Pakistan. Dacca, 1970*.

⁶⁰ *Frere M. Old Deccan Days or Hindoo Fairy Legends Current in South India. L., 1868*. Эта книга имела большой успех и была переведена на несколько европейских языков.

⁶¹ См., например: *Stokes M. Indian Fairy Tales. Calcutta, 1879*. Как и М. Фрэр, составительница этой книги была дочерью британских служащих в Индии.

⁶² *Day L. V. The Folktales of Bengal. L., 1883*.

⁶³ См.: *Новикова В. А. Современное изучение бенгальского фольклора в Индии и Пакистане. — Советская этнография. 1969, № 5, с. 98—105*. См. также: *Sen-Gupta S. Folklorists of Bengal. Calcutta, 1965*; *Bengalische Märchen. Herausgegeben von Heinz Mode und Arun Ray (Einleitung von Heinz Mode). I.pz., 1984*.

⁶⁴ См. *Abu Saeed Zahurul Haque. Folklore and Nationalism in Rabindranath Tagore. Dacca, 1981*; *Dasgupta A., Latze L. Bengalisches Erzählgut. — Enzyklopädie des Märchens. Bd II, с. 109—114*.

ро-Моджумдара (1877—1957) «Бабушкина сумка» («Тхакурмар джхули», 1907)⁶⁵ и «Дедушкина сумка» («Тхакурдадар джхули», 1909)⁶⁶.

К первой книге восторженное предисловие написал Рабиндранат Тагор⁶⁷. Вторую он также высоко оценил⁶⁸. Во многом благодаря Р. Тагору появился на свет и очень популярный теперь сборник сказок о животных под названием «Тунтунир бои» («Пташкина книжка», 1910), который составил заминдар из Майменсинга (Восточная Бенгалия, ныне — Бангладеш) Упендрокишор Райчоудхури (1863—1916)⁶⁹.

Большой вклад в изучение бенгальского фольклора внес профессор Калькуттского университета Динешчондро Шен (1866—1939). Ему принадлежит и первый обобщающий труд по бенгальским сказкам⁷⁰.

Изучение своих фольклорных сказок и фольклора в целом бенгальцы продолжают и в наши дни. Так, в Западной Бенгалии (Республика Индия), в университете г. Кальяни (Колляни), недалеко от Калькутты, учрежден специальный Институт фольклора. В Бангладеш фольклорными исследованиями руководит Бенгальская Академия (г. Дакка) — государственное учреждение, призванное способствовать общему развитию бенгальской словесности.

В нашей стране изучение фольклора Южной Азии имеет давние и славные традиции. Если заглянуть в «Библиографию Индии»⁷¹, то можно увидеть, что первые переводы индийских сказок появились в России уже в конце XVIII — начале XIX в. Правда, индийские языки у нас тогда мало кто знал, и поэтому на первых порах индийские тексты переводили с европейских переводов.

Крупнейшим русским индологом XIX в. был Иван Павлович Минаев (1840—1890)⁷². Во время одной из своих поездок в Индию, в 1874—1875 гг., он записал некоторое количество сказок и легенд от жителей Кумаона (предгорья Гималаев) и, вернувшись на родину, опубликовал эти тексты в русском переводе⁷³. Таким образом,

⁶⁵ *Mitra-Majumdār D. Thākurmār jhuli. Calcutta, 1907.*

⁶⁶ *Mitra-Majumdār D. Thākurdādār jhuli. Calcutta, 1909.*

⁶⁷ «Бабушкина сумка» многократно переиздавалась в Бенгалии. В моем распоряжении оказалось двадцать седьмое (!) издание (Калькутта, 1976/77). Несколько сказок из этой книги уже переводилось на русский язык.

⁶⁸ Из «Дедушкиной сумки» взята «Маланчамала», публикуемая по-русски в настоящем издании.

⁶⁹ *Raycaudhuri U. Tuntunir boi. Calcutta, 1910.*

⁷⁰ *Sen D. The Folk-Literature of Bengal. Calcutta, 1920.* В 1923 г. краткую, но содержательную рецензию на эту книгу опубликовал наш известный востоковед Б. Я. Владимирцов (1884—1931). См.: Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Книга третья. М. — Пг., 1923, с. 187—188.

⁷¹ Библиография Индии. М., 1976.

⁷² См.: Иван Павлович Минаев. Сб. статей (Серия: «Русские востоковеды и путешественники»). М., 1967.

⁷³ *Минаев И. П. Индийские сказки и легенды, собранные в Кумаоне в 1875 г. СПб., 1876.* На эту книгу в 1877 г. откликнулся рецензией А. Н. Веселовский (см.: *Веселовский А. Н. Собр. соч. Т. 16. М. — Л., 1938, с. 137—148.*) Книга была переиздана в 1966 г. с предисловием Е. М. Медведова: *Индийские сказки и легенды, собранные в Кумаоне в 1875 году И. П. Минаевым. М., 1966.*

И. П. Минаев был одним из первых собирателей живой фольклорной сказки в Индии.

Учеником И. П. Минаева был другой наш выдающийся индолог — Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934), академик (с 1908 г.) и в течение четверти века (с 1904 по 1929 г.) непререкаемый секретарь Академии Наук⁷⁴. Правда, С. Ф. Ольденбург не занимался непосредственным собиранием фольклора в Индии и больше изучал индийскую повествовательную литературу (джатаки и т. п.), но у него есть ряд важных теоретических работ по фольклору, в частности несколько рецензий на издания индийских фольклорных сказок⁷⁵. Кроме того, С. Ф. Ольденбург активно работал на поприще российской фольклористики. Он был организатором и бессменным председателем специальной Сказочной комиссии Русского географического общества⁷⁶.

Своеобразным проявлением интереса С. Ф. Ольденбурга к индийскому сказочному фольклору была книга «Индийские сказки», которую он посвятил своим внукам⁷⁷. Книга имела популярный характер и состояла из тридцати сказок в переложении С. Ф. Ольденбурга (без какого-либо научного аппарата)⁷⁸.

---

⁷⁴ См.: Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Сб. статей. Л., 1934; Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986.

⁷⁵ Библиографию работ С. Ф. Ольденбурга см. в книгах, указанных в предыдущей сноске. См. также: Библиография Индии.

⁷⁶ См.: Азадовский М. К. С. Ф. Ольденбург и русская фольклористика. — Сергею Федоровичу Ольденбургу, с. 25—35. По словам М. К. Азадовского, С. Ф. Ольденбург «был собирателем сил русских фольклористов, их организатором и в значительной степени их вдохновителем» (там же, с. 25). См., также: *Пропп В. Я.* Русская сказка, с. 143—144.

⁷⁷ Первое издание вышло в 1921 г.: Индийские сказки. По-русски пересказал Сергей Ольденбург. Изд-во З. И. Гржебина. Берлин — Петербург, 1921. В 1923 г. вышли еще два почти идентичных издания: *Ольденбург С. Ф.* Индийские сказки. Изд-во З. И. Гржебина. Берлин — Петербург — Москва, 1923; *Ольденбург С. Ф.* Индийские сказки. Государственное издательство РСФСР. Берлин, 1923.

В 1956 и 1957 гг. появились еще два идентичных друг другу издания, в которые вошли двадцать девять из тридцати сказок С. Ф. Ольденбурга: Индийские народные сказки [в обработке академика С. Ф. Ольденбурга. Под ред. М. Клягиной-Кондратьевой]. М., 1956 (и 1957).

⁷⁸ На первое издание этой книги известный литературовед Н. К. Гудзий (1887—1965) написал краткую рецензию, которую здесь стоит воспроизвести полностью: «Пересказанные по-русски акад. С. Ф. Ольденбургом индийские сказки в числе тридцати прельщают своим изяществом и той своеобразной теплотой тона, которая всем им присуща. Как всякое подлинное художественное произведение, сказки эти интересуют и простодушного, не слишком мудрствующего читателя, и такого, который искушен в чтении „серьезной“ литературы. Последний в чудесной фантастике найдет приятный контраст с тем, что представляет собой всегда более суровая действительность, тем более что всюду конец неизменно благополучный и добродетель неизменно увенчивается наградой, а порок наказывается. Как и следовало ожидать, при чтении этих сказок приходят на память

Сборник С. Ф. Ольденбурга был одной из немногих на русском языке публикаций индийских сказок, появившихся в первой половине XX в.⁷⁹ Качественный скачок (даже взрыв) в этой области произошел во второй половине 50-х годов.

Несколько раз переиздавалась книга «Индийские сказки»⁸⁰, дважды — «Индийские сказки» С. Ф. Ольденбурга. Несколько сборников индийских сказок выпустил Детгиз⁸¹.

В те же годы у нас вновь стали активно переводить с санскрита старинные литературные версии индийских сказок. В 1958 г. были изданы в русском переводе одна из версий «Двадцати пяти рассказов Веталы»⁸² и одна из наиболее известных версий «Панчатантры»⁸³. В 1960 г. вышли русские переводы «Семидесяти рассказов попугая»⁸⁴ и «Жизни Викрамы» («Тридцать двух историй царского трона») ⁸⁵.

В 1960-е годы у нас впервые появились книги, в которых объединенными усилиями индологов (в основном ленинградских) были напечатаны сказки, переведенные с нескольких новых индийских язы-

разнообразные мотивы наших русских народных сказок, часто идентичные с мотивами своих индийских собратьев, но лишь иначе сгруппированные, — наглядное подтверждение теории международного обмена, в который вовлечено народное творчество различных племен. Материал пересказан хорошим литературным языком. Была бы очень кстати вводная статья С. Ф. Ольденбурга. К сожалению, она отсутствует» (Новый Восток. 1923, № 3, с. 542).

⁷⁹ В качестве еще одного и в своем роде весьма показательного примера упомянем вышедшую в годы гражданской войны книгу: *Бэббит Э. К. Сказки далекой Индии*. Пер. с англ. М., [1919].

⁸⁰ *Индийские сказки*. Пер. с урду [М. И. Клягиной-Кондратьевой и В. Л. Крашенинникова]. М., 1955 (1956, 1957, 1958). Первую часть книги составили сказки, взятые «из сборников, изданных в Индии и Европе в XIX и XX вв.»; вторая часть — перевод одной из обработок «Рассказов попугая», впервые изданный (в иной редакции) в 1933 г.

⁸¹ См., например: *Индийские сказки* (Для старшего дошкольного возраста). М., 1955 (1957, 1958, 1959); *Сказки Индии*. (Серия «Школьная библиотека»). М., 1957.

⁸² *Двадцать пять рассказов Веталы*. Пер. с санскр. И. Серебрякова. М., 1958. Другую версию еще до войны перевела Р. О. Шор: *Двадцать пять рассказов Веталы*. Пер. с санскр., ст. и коммент. Р. О. Шор. Л., 1939.

⁸³ *Панчатантра*. Пер. с санскр. и примеч. А. Я. Сыркина. М., 1958. В художественном отношении, на мой взгляд, удачнее более позднее (несколько сокращенное) издание: *Панчатантра*. Пер. с санскр. и предисл. А. Сыркина. М., 1972. Ср. также: *Панчатантра. Избранные рассказы*. Пер. с древнеиндийского, предисл. и примеч. Р. О. Шор. М., 1930.

⁸⁴ *Шукасапатаи. Семьдесят рассказов попугая*. Пер. с санскр. М. А. Ширяева. Предисл. и примеч. В. И. Кальянова. М., 1960 (этот перевод сделан еще в 1937 г.). Позже у нас были опубликованы переводы двух персоязычных индийских версий этого сборника: *Зийа ад-Дин Нахшаби. Книга попугая* (Тути-наме). Пер. с перс. Е. Э. Бертельса. М., 1979 (этот перевод сделан в 1920 г.); *Имад ибн Мухаммад ан-Наари. Жемчужины бесед* (пер. с перс. М.-Н. О. Османова). М., 1985. (См. также примеч. 80.)

⁸⁵ *Жизнь Викрамы, или Тридцать две истории царского трона*. Пер. с санскр., предисл. и примеч. П. А. Гришера. М., 1960.

ков. Следуя хронологии, первой должна быть названа книга «Сказки народов Востока»⁸⁶, в которую вошли переводы двадцати шести индийских сказок, в том числе — трех бенгальских. Еще шире был отражен сказочный фольклор народов Индии в книге, составленной В. М. Бескровным (1908—1978)⁸⁷.

В 1960-е годы и в последующие у нас продолжали выходить русские переводы литературных версий индийских сказок и подобных им повествований⁸⁸.

В 1970-е годы появились два ценных издания индийских фольклорных сказок: сборник, представляющий собой фольклор малых народов Центральной Индии⁸⁹, и новое, значительно преобразованное издание ленинградского сборника 1964 г.⁹⁰

Но с 1976 г., вот уже более десяти лет, на русском языке не было опубликовано, насколько мне известно, ни одного сборника индийских фольклорных сказок. Индологическое сказковедение в нашей стране практически не развивалось, и этот факт отражает многие трудности отечественной индологии в «эпоху застоя». Между тем интерес нашего общества к индийской культуре не только не уменьшается, но, напротив, растет. Существует постоянный читательский спрос на переводы индийских сказок. И пока наши индологи не в состоянии удовлетворить эту общественную потребность, за дело берутся энтузиасты-любители.

А. Е. Порожняков — журналист-международник, который несколько лет прожил в Республике Индии и в Пакистане, где заинтересовался фольклором этих стран⁹¹. К сожалению, А. Е. Порожняков не знает индийских языков и поэтому свои переводы делает с английского. С английского языка он перевел и бенгальские сказки.

---

⁸⁶ Сказки народов Востока. М., 1962; 1967.

⁸⁷ Сказки народов Индии. Пер. с языков маратхи, панджаби, тамили, телугу, хинди. М. — Л., 1964. Книге предпослано содержательное предисловие Г. А. Зографа (с. 5—27). Эта книга интересна еще и тем, что в нее вошли русские переводы пяти сказок телугу, которые ленинградский индолог Н. В. Гуров записал с уст индианки, г-жи М. Адилакшми, профессора языка телугу в ЛГУ.

⁸⁸ См.: Повести, сказки, притчи древней Индии. Пер. с пали и санскр. М., 1964; Сомадева. Повесть о царе Удаяне. Пять книг из «Океана сказаний». М., 1967; Сомадева. Необычайные похождения царевича Нараваханадатты. М., 1972; Сомадева. Дальнейшие похождения царевича Нараваханадатты. М., 1976; Джатаки. Из первой книги «Джатак». Пер. с пали Б. Захарьина. М., 1979; Индийская средневековая повествовательная проза. Пер. с санскр. М., 1982.

⁸⁹ Сказки Центральной Индии. Пер. с англ. и сантальск. Г. А. Зографа и З. Е. Самойловой. Под общей ред. Г. А. Зографа (Сказки и мифы народов Востока). М., 1971. Это единственная до сих пор книга индийских сказок, вышедшая в данной серии. Племенной фольклор Центральной Индии представляет собой и переводная книга: Фукс С. Легенды и сказки Гондваны. Пер. с англ. М., 1970.

⁹⁰ Сказки народов Индии. Пер. с бенгали, маратхи, панджаби, тамильского, телугу, хинди, англ. Л., 1976. В этой книге по сравнению с изданием 1964 г. заменено более трети сказок. Она ценна также новым предисловием Г. А. Зографа и его же сказковедческими комментариями.

⁹¹ Ранее в его переводе были изданы «Сказки, басни и легенды белуджей» (М., 1974).

Но я почти забыл те сказки, или, во всяком случае, они все перемешались в моей голове: конец одной сказки приклеился к началу другой, а начало третьей — к концу четвертой. Как жаль, что бедной „Матери Шамбху“ уже не было в живых! Она давным-давно отбыла в те края, откуда не возвращается ни один путник, и ее сын Шамбху последовал за ней.

После долгих поисков я нашел мою Гаммер Гретель — хотя она не была и наполовину столь стара, как Frau Viehmännin¹⁰² из Гессен-Касселя, — в лице одной бенгальской христианки, которая еще маленькой девочкой, живя в своем языческом доме, слышала много сказок от своей старой бабушки. Эта женщина-христианка оказалась хорошей рассказчицей, но запас ее был невелик, и, услышав от нее десять сказок, я должен был отправиться на поиски свежих источников. Один старый брахман рассказал мне две сказки, один старый цирюльник — три, мой старый слуга рассказал мне две, а остальные я услышал еще от одного старого брахмана. Никто из моих рассказчиков не знал английского языка. Они все рассказывали мне свои сказки на бенгальском, а я, приходя домой, переводил их на английский. Я слышал много других сказок помимо тех, которые вошли в эту книгу, но многие я отверг, потому что мне показалось, что они содержат сомнительные добавления к тем подлинным сказкам, которые я слышал в детстве. У меня есть основания полагать, что сказки, представленные в этой книге, — верные образцы тех старых, старых сказок, которые старые бенгальские женщины рассказывали из века в век, в сотнях поколений.

„Мать Шамбху“, как и всякий правочерный бенгальский рассказчик сказок, всегда завершала каждую свою сказку одной и той же формулой-концовкой:

Вот и сказка кончилась,

*Звочка-колючка скрючилась*¹⁰³.

— *Почему ты, колючка, скрючилась?*

— *Почему объедает меня корова?*

— *Почему ты, корова, объедаешь колючку?*

---

¹⁰² Frau Viehmännin — «госпожа скотница» (нем.). Эти немецкие слова взяты из предисловия братьев Гримм к их «Детским и семейным сказкам». Ср: «Одна из наших удач заключалась в том, что мы познакомились с крестьянкой из деревни Нидерцверн, расположенной близ Касселя, и она рассказала нам большую и лучшую часть сказок второго тома. Эта госпожа скотница (die Frau Viehmännin) была еще вполне крепкого здоровья, и лет ей было немногим более пятидесяти» (*Brüder Grimm. Kinder- und Hausmärchen. Bd. I, s. 19*). Ср.: *Кокьяра Дэ. История фольклористики в Европе, с. 246*.

¹⁰³ Лалбихари Дэ дает, разумеется, английский перевод этой формульной концовки. Но когда я показал этот перевод бенгальцам, живущим в Москве, они сразу прочитали мне наизусть первые строки бенгальского оригинала и указали на то, что похожая формульная концовка приведена в книге Д. Митро-Моджумдара «Бабушкина сумка».

Растение, названное в оригинале («колючка», в передаче Лалбихари Дэ — «*Natiya-thorn*»), — это *Amarantus viridis*, а по-русски — перница зеленая, сорняк, широко распространенный и у нас в средней полосе. Благодарю Д. Шорму, специалиста-ботаника (Бангладеш), за помощь в идентификации этого растения.

- Почему не кормит меня пастух?
- Почему ты, пастух, не кормишь корову?
- Почему не дает мне риса невестка?
- Почему ты, невестка, не даешь ему риса?
- Почему мой ребенок плачет?
- Почему ты, ребенок, плачешь?
- Почему меня укусил муравей?
- Почему, муравей, ты его укусил?
- Тук! Тук! Тук!¹⁰⁴.

Что эти строки означают, почему они повторяются в конце каждой сказки и как части этой концовки соединяются между собой, я не знаю. Возможно, это лишь веселая бессмыслица, выдуманная для того, чтобы забавлять маленьких детей¹⁰⁵.

«Народные сказки Бенгалии» Лалбихари Дэ — своего рода классическое произведение бенгальской литературы XIX в. Современные сказковеды рассматривают эту книгу как достаточно адекватное воспроизведение фольклорных бенгальских сказок. Едва ли не все тексты Лалбихари Дэ учтены в указателе индийских сказочных сюжетов С. Томпсона — У. Робертса. Вместе с тем несомненно, что Лалбихари Дэ подверг услышанные им сказки некоторой (сознательной

¹⁰⁴ «Тук! Тук! Тук!» (в бенгальском оригинале — «Кут! Кут! Кут!») — по объяснению моих информантов-бенгальцев, это звукоподражание означает ответ муравья на заданный ему вопрос: словами он ответить не может и лишь клацает зубами.

¹⁰⁵ На самом деле приведенная концовка — это образец так называемой «кумулятивной сказки». Ср., например, у А. Н. Афанасьева сказку № 68 (по СУС № 2021В, «Петушок вышиб курочке глаз орешком»), в которой за кратким введением следует такая цепь вопросов и ответов:

- Курочка, Курочка! Что ты плачешь?
- Мне кочеток вышиб глазок.
- Кочеток, кочеток! На что ты курочке вышиб глазок?
- Мне орешня портки раздрала.
- Орешня, орешня! На что ты кочетку портки раздрала?
- Меня козы поглодали.
- Козы, козы! На что вы орешню поглодали?
- Нас пастухи не берегут.
- Пастухи, пастухи! Что вы коз не бережете?
- Нас хозяйка блинами не кормит.
- Хозяйка, хозяйка! Что ты пастухов блинами не кормишь?
- У меня свинья опару пролила.
- Свинья, свинья! На что ты у хозяйки опару пролила?
- У меня волк поросенчика унес.
- Волк, волк! На что ты у свиньи поросенчика унес?
- Я есть захотел, мне бог повелел.

См. статью В. Я. Проппа «Кумулятивные сказки»: Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976 (а также главу «Кумулятивные сказки» в его книге «Русская сказка»). Есть и специальная, хотя довольно старая работа о формульных концовках в народных сказках: Petsch R. Formelhafte Schlüsse im Volksmärchen. Stuttgart, 1900. См. также: Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М., 1974.

и/или неосознанной) редакции, ведь ему пришлось преобразовывать устные бенгальские тексты в письменные английские. Поэтому, прибегая к термину Л. Ю. Брауде, мы можем назвать сказки, представленные в книге Лалбихари Дэ, не собственно фольклорными, а «фольклористическими»¹⁰⁶.

Из предисловия Лалбихари Дэ к его книге явствует, что, во-первых, он был хорошо знаком с тогдашними достижениями европейской фольклористики и наиболее известными собраниями европейских народных сказок; во-вторых, одним из мотивов его работы над этой книгой было стремление показать на материале сказок историческое «родство» индийцев и европейцев. Вполне возможно, что эти два обстоятельства сыграли определенную роль в том, какие именно сказки из услышанных им Лалбихари Дэ поместил в своем сборнике. Случайно ли, что большая часть их имеет довольно близкие параллели среди сказок европейских?

Рассмотрим вкратце сказки из книги Лалбихари Дэ, переведенные А. Е. Порожняковым. Здесь нет ни возможности, ни необходимости подробно анализировать их сюжеты и мотивы. Цель следующих ниже заметок — дать лишь самый общий сказковедческий комментарий к текстам.

Вот сказка «Плешивая жена» (№ 22, последняя у Лалбихари Дэ). Несмотря на индийскую экзотику, мы легко угадываем здесь очень знакомый нам сюжет (или «тип сюжета» — по терминологии финской школы). В указателе А. Аарне — С. Томпсона (далее — АТ) этому «типу» присвоен номер 480. В указателе С. Томпсона — У. Робертса (далее — ТР) данная сказка отнесена к специальному индийскому подтипу 480А. Как писал С. Томпсон, «это одна из самых популярных устных сказок, распространенная едва ли не по всему миру»¹⁰⁷. В собрании братьев Гримм этот международный сюжет воплощен в знаменитой сказке «Госпожа Метелица» («Frau Holle», № 24)¹⁰⁸. Из русских вариантов, пожалуй, наиболее известен тот, который называется «Морозко» (Афанасьев, № 95—96; см. также СУС, тип 480, «Мачеха и падчерица», с различными подтипами).

---

¹⁰⁶ Х. Моде пишет: «Сказки Лалбихари Дэ не свободны от художественных трансформаций; значительные уступки английским нормативам выражения привели к тому, что многие свойства фольклорного повествовательного стиля были потеряны. На это указал уже Динешчондро Шен... в своей книге „Народная литература Бенгалии“» (Bengalische Märchen, с. 15). В названной книге Д. Шена действительно есть кое-какие критические замечания в адрес Лалбихари Дэ (см.: *Sen D. The Folk-Literature of Bengal*, с. 68, 178—179, 193—194, 265—266), но в них слишком чувствуется неприязнь индуса к верототушнику-христианину. Было бы интересно провести детальное (и объективное) сравнение текстов Лалбихари Дэ с соответствующими вариантами, записанными по всем правилам современной фольклористики, чтобы выяснить, какие именно трансформации он внес в данные им сказки.

¹⁰⁷ *Thompson S. The Folktale*, с. 126. См. также: *Пронн В. Я.* Русская сказка, с. 230—231. Есть и литературные версии: у Дж. Базиле в «Пентамероне» и у Шарля Перро.

¹⁰⁸ В собрании братьев Гримм за каждой сказкой закреплен свой номер, поэтому нет необходимости ссылаться на какое-либо издание, достаточно указывать номер сказки.

На русском языке опубликованы уже по крайней мере два индийских варианта этого сюжета: сказка «Горошина и Бобок» в сборнике С. Ф. Ольденбурга и сказка «Счастливица и Несчастливица» в переводе В. А. Новиковой¹⁰⁹.

В сказке «Сватовство шакала» мы столь же легко узнаем не менее распространенный сюжет (АТ 545В), обычно обозначаемый — по известной сказке Шарля Перро — «Кот в сапогах». Еще до Ш. Перро этот сюжет обрабатывал Дж. Страпарола в своих «Приятных ночах» и Дж. Базиле в «Пентамероне». У братьев Grimm этому сюжету соответствует № 214 («Кот в сапогах»). В сборнике А. Н. Афанасьева — в сказках № 163 («Бухтан Бухтанович») и № 164 («Козьма Скоробогатый») — на царской дочери героям помогает жениться лиса (о других русских, украинских и белорусских сказках этого «типа» см. СУС 545В). Сказка Лалбихари Дэ — еще один яркий пример универсального (общемирового) сюжета в культурно-специфическом (в данном случае — в бенгальском) обличье.

Специфически индийский вариант всемирно известного сюжета представлен и в сказке «Брахман и оборотень» (№ 12 у Лалбихари Дэ). В указателе Аарне — Томпсона выделен «тип» 926 — «Соломоново решение», — названный так по сюжету из Библии (царь Соломон решает, какая из двух женщин — настоящая мать ребенка). Для Индии выделен специальный «тип» АТ 926А: решение вопроса о том, какой из двух претендентов — настоящий супруг женщины. (Ср. переведенную на русский язык сантальскую сказку «Шакал и молодые супруги»¹¹⁰, а также бенгальскую сказку этого же сюжетного «типа», переведенную на немецкий язык Х. Моде¹¹¹.)

Сказка «Бедный брахман» (№ 3 у Лалбихари Дэ) сопоставима с двумя родственными сюжетными «типами» АТ 563 и АТ 564. В СУС первый «тип» называется «Чудесные дары», второй — «Чудесные дары (Двое из сумы)». У братьев Grimm «типу» АТ 563 соответствует сказка № 36 («Столик-накройся, золотой осел и дубинка из мешка»). У А. Н. Афанасьева соответствующие сказки — № 186 («Конь, скатерть и рожок», АТ 563) и № 187 («Двое из сумы», АТ 564). Специальное исследование посвятил сказкам этого «типа» еще сам Антти Аарне¹¹². Как пишет С. Томпсон, и этот сюжет имеет всемирную популярность¹¹³. Наиболее раннюю письменную его фик-

---

¹⁰⁹ Сказки народов Востока. 2-е изд. М., 1967, с. 136—143. Эта сказка взята из сборника Д. Митро-Моджумдара «Бабушкина сумка». См. немецкий перевод и комментарий Х. Моде (Bengalische Märchen, с. 381—389). См. также специальное исследование о сказках этого типа в Индии: Wagner R. Einige vorder- und hinterindische Fassungen des Märchens von der Frau Holle (Goldmarie und Pechmarie). — Zeitschrift für Volkskunde. NS IV, 1933, с. 163—178.

¹¹⁰ Сказки Центральной Индии, с. 64—66 (№ 18). Эта же сказка в: Сказки народов Индии. Л., 1976, с. 248—250 (пер. с англ. Г. А. Зографа).

¹¹¹ Bengalische Märchen, с. 280—282. В комментариях на с. 450—452 Х. Моде приводит параллели из индийской и мировой литературы к начальному мотиву этого сюжета — появлению ложного супруга.

¹¹² Aarne A. Die Zaubergaben. — Journal de la Société Finno-Ougrienne. XXVII. Helsinki, 1911, с. 1—96.

¹¹³ Thompson S. The Folktale, с. 72.

сацию обнаруживают в китайском собрании буддийских легенд (VI в.)¹¹⁴.

На русский язык переводились уже две другие версии этого сюжета: см. сказку № 12 («Хвастунишка») в сборнике И. П. Минаева и сказку «Бедный ткач» (переведенную с хинди Г. А. Зографом)¹¹⁵.

Сказка № 13 из сборника Лалбихари Дэ, которая в русском пересказе озаглавлена «Аскет и богиня», с точки зрения типологии сюжетов Аарне — Томпсона должна быть интерпретирована как контаминация по крайней мере двух сюжетных «типов»: АТ 303 («Два брата») и АТ 1121 (в его индийской разновидности — ТР 1121В). Первый сюжетный «тип» имеет разные варианты в фольклоре многих народов¹¹⁶. У братьев Grimm он представлен в сказке № 85 («Золотые дети»), у А. Н. Афанасьева — в сказке № 155 («Два Ивана, солдатских сына»). «Тип» АТ 1121 воплощен, например, в известной сказке братьев Grimm «Гензель и Гретель» (№ 15): ведьма хочет жарить Гретель в печи, но девочка просит ведьму показать ей, как залезать в печь, и сама заталкивает туда злодейку. Похожие события происходят и в сказке А. Н. Афанасьева «Князь Данила-Говорила» (№ 114) и в других русских сказках, где Баба-Яга пытается засунуть героя в печь. Как отмечает Г. А. Зограф¹¹⁷, в индийских сказках аналогом нашей Бабы-Яги часто выступает аскет, садху, йог, иногда помогающий героям, а иногда пытающийся их погубить¹¹⁸.

Интересно, что на русском языке уже опубликованы по крайней мере две индийские сказки, в которых также контаминированы сюжетные «типы» АТ 303 и АТ 1121, — это сказка № 46 в сборнике И. П. Минаева («Отданный царевич») и сказка «Отчего смеялась рыба» в сборнике С. Ф. Ольденбурга¹¹⁹. В сказке «Анарзади»¹²⁰ сюжетный «тип» АТ 1121 контаминирован с двумя другими (АТ 408 и АТ 462).

По крайней мере два сюжетных «типа», отдельно описанные в указателе Аарне — Томпсона, представлены и в сказке «Царевич Шобур» (№ 8 у Лалбихари Дэ): АТ 923В и АТ 432. «Тип» АТ 923 в указателе Аарне — Томпсона имеет название «Love Like Salt» («Любовь, как соль»): отец спрашивает своих дочерей, как они его любят; старшие расписывают свою любовь к родителю, а младшая говорит, что любит его, как соль; оскорбленный отец прогоняет ее,

¹¹⁴ См.: *Chavannes E. Cinq cent contes et apologues extraits du Tripitaka chinois. Vol. 1—4. P., 1910—1934* (№ 468).

¹¹⁵ См.: Сказки народов Индии. М.—Л., 1964, с. 276—282; Сказки народов Индии. Л., 1976, с. 150—154.

¹¹⁶ См.: *Thompson S. The Folktale. с. 25—27; Ranke K. Die Zwei Brüder: eine Studie zur vergleichenden Märchenforschung* (FFC, N 114). Helsinki, 1934.

¹¹⁷ Зограф Г. А. Предисловие. — Сказки народов Индии. Л., 1976, с. 14.

¹¹⁸ См. также: *Bloomfield M. On False Ascetics and Nuns in Hindu Fiction. — Journal of the American Oriental Society. XLIV, 1924, с. 202—242.*

¹¹⁹ Названные сюжетные «типы» составляют лишь начало сказки у С. Ф. Ольденбурга (по изданиям 1956 и 1957 гг. это с. 142—143).

¹²⁰ См.: сказки народов Индии. Л., 1976, с. 87—89 (пер. с хинди А. С. Бархударова); см. там же, на с. 346, комментарий Г. А. Зографа. Ср. также один из эпизодов сказки № 48 в: Сказки Центральной Индии, М., 1971, с. 208.

но позже убеждается в истинной любви к себе именно младшей дочери¹²¹. С. Томпсон пишет, что этот короткий сюжет часто выступает начальным мотивом более длинных повествований¹²². Подобным конфликтом отца и дочери открывается трагедия У. Шекспира «Король Лир».

Особенность индийского варианта (АТ 923В) — в форме вопроса. Отец спрашивает у дочерей: «В чьих руках ваша судьба?» Старшие отвечают: «В твоих!», а младшая: «В моих собственных!» (или как-нибудь еще в этом роде). Отец прогоняет младшую дочь, но позже она вызволяет его из беды. Такими событиями исчерпывается, например, одна короткая сказка из сборника И. П. Минаева (№ 45 — «Свое счастье»).

«Тип» АТ 432 (у Аарне — Томпсона он называется «Принц-птица»; в русской традиции — «Финист — ясный сокол», см. СУС 432) — еще один из самых популярных сказочных сюжетов: поиск исчезнувшего чудесного супруга¹²³. Подобный поиск входит и в сюжетный «тип» АТ 425 («Амур и Психея»), русский вариант которого (СУС 425С) известен нам по сказке С. Т. Аксакова «Аленький цветочек»¹²⁴. В сказке Лалбихари Дэ «Царевич Шобур» русский читатель сразу узнает знакомые мотивы: и из «Аленького цветочка», и из «Финиста — Ясного сокола» (см., например, Афанасьев, № 234, 235).

В сборнике С. Ф. Ольденбурга есть сказка («Чему быть, то и будет»), очень похожая на сказку «Царевич Шобур», т. е. также представляющая собой контаминацию сюжетов АТ 923В и АТ 432.

Более сложна по своему строению сказка «Факир-чанд» (№ 2 у Лалбихари Дэ). В ней много разных мотивов и сюжетных ходов, ее анализу можно было бы посвятить довольно длинное исследование. Здесь отметим лишь, что конец этой сказки соответствует сюжетному «типу» АТ 516. У братьев Гримм данный «тип» отражен в сказке № 6 («Верный Йоганнес»), у А. Н. Афанасьева — в сказке № 158 («Кощей бессмертный»)¹²⁵.

Сюжетный «тип» АТ 516 широко представлен во многих странах — «от Португалии до Индии»¹²⁶ — и давно привлекает к себе внимание исследователей¹²⁷. В сборнике С. Ф. Ольденбурга он воплощен в сказке «Рама, Лакшмана и ученая сова» (также в контаминации с другим сюжетным «типом»).

---

¹²¹ Сюжеты этого «типа» встречаются, хотя и не часто, также и в восточнославянском фольклоре: см. СУС 923.

¹²² *Thompson S. The Folktale*, с. 128.

¹²³ См., например: *Thompson S. The Folktale*, с. 102—103.

¹²⁴ См. прекрасный разбор «Амура и Психеи» в сравнении с «Аленьким цветочком» и «Финистом — ясным соколом» в книге В. Я. Проппа «Русская сказка» (с. 210—224). См. также статью греческого ученого Г. А. Мегаса «Амур и Психея» в «Энциклопедии сказки» (Т. I, с. 464—472).

¹²⁵ См. также СУС 516 («Верный слуга»). Интересно, что и у братьев Гримм, и у А. Н. Афанасьева, и у Лалбихари Дэ сюжетный ход «типа» АТ 516 «приставлен» как заключение к сюжетам о добывании невесты.

¹²⁶ *Thompson S. The Folktale*, с. 112.

¹²⁷ См. специальную работу: *Rösch E. Der getreue Johannes* (FFC, N 77). Helsinki, 1928. См. также: *Krohn K. Übersicht über einige Resultate der Märchenforschung* (FFC, N 96). Helsinki, 1931, с. 82 и сл.

Пожалуй, еще более, чем «Факир-чанд», многосоставна сказка «История о ракшасах» (№ 4 у Лалбихари Дэ). И о ней можно было бы написать отдельное исследование. Здесь обратим внимание лишь на два отрезка повествования в этой сказке, представляющие собой варианты общемировых сюжетов.

Раздел «Волшебные сказки» в указателе Аарне — Томпсона (и соответственно в СУС) открывается «типом» АТ 300. В СУС этот сюжетный «тип» описан так: «Победитель змея: герой освобождает обреченную на съедение царевну и женится на ней. Чаще всего входит в сказку как эпизод»¹²⁸. Данный сюжетный «тип» опять-таки один из самых распространенных в мировом фольклоре¹²⁹. Отражен он и в двух индийских сказках, уже переведенных на русский язык¹³⁰. Читатель без труда определит соответствующий эпизод и в сказке «История о ракшасах».

Другой эпизод этой сказки представляет собой своеобразный вариант сюжетного «типа» АТ 302 [«Жизнь чудища в яйце», в восточнославянском варианте — СУС 302 («Смерть Кошеля в яйце»)]. У братьев Гримм этот «тип» отражен в сказке № 197 («Хрустальный шар»), а у А. Н. Афанасьева — в сказках № 156—158 («Кошечья бессмертная»). Из переведенных на русский язык индийских сказок можно назвать в этой связи гондскую сказку «Женитьба на Бэлканни»¹³¹ и уже упомянутую сказку из Кашмира «Царевич Шердил».

Единственная в сборнике Лалбихари Дэ неволшебная сказка — «Приключения двух воров» (№ 11), о которой уже шла речь выше, также может быть разложена на несколько сюжетных «типов» из серий «О разбойниках и ворах» (см., например, СУС 950—973) и «О хитрых и ловких людях» (см. СУС 1525—1639)¹³².

В связи со сказками «Факир-чанд», «История о ракшасах» и «Приключения двух воров» стоит процитировать следующее замечание С. Томпсона: «Структура сложных сказок (в Индии. — С. С.) очень рыхла (loose), так что их сюжеты часто трудно подогнать под образцы (patterns), определенные исходя из европейских аналогов. Иногда создается впечатление, что репертуар индийского сказочника состоит только из разрозненных мотивов, которые он связывает вместе почти произвольно»¹³³.

Несколько другие проблемы со сказкой «Брахман и брахмадайтия» (№ 15 у Лалбихари Дэ). Сказку, кое в чем похожую на эту,

---

¹²⁸ СУС, с. 103 (см. там же ссылки на многочисленные восточнославянские тексты).

¹²⁹ См., например: *Thompson S. The Folktale*, с. 24—33; *Пронн В. Я. Русская сказка*, с. 201—205.

¹³⁰ См.: Об одном царевиче и царевне Гуландаз. — Индийские сказки. Пер. с урду; а также сказку «Царевич Шердил» — Сказки народов Индии. М. — Л., 1964, с. 327—339, и Сказки народов Индии. Л., 1976, с. 71—80 (пер. с хинди В. И. Баллина).

¹³¹ См.: Сказки Центральной Индии, с. 208.

¹³² В указателе индийских сказок Томпсона — Робертса эта сказка сопоставляется с «типами» АТ 950 (что, впрочем, сомнительно), с несколькими разновидностями «типа» АТ 1525, а также с «типом» 1654 (ср. сказку А. Н. Афанасьева № 452 «Скряга» — сюжет о мнимом мертвече).

¹³³ *Thompson S. The Folktale*, с. 16.

перевели с бенгальского на немецкий Х. Моде и О. Рай¹³⁴. В комментарии к этому переводу Х. Моде сопоставляет обе сказки с «типом» АТ 750А («Три желания», см. у братьев Гримм сказку № 87 — «Бедняк и богач»)¹³⁵ и одновременно с «типом» АТ 555 (у братьев Гримм № 19 — «Рыбак и его жена»)¹³⁶. На мой взгляд, для сказки «Брахман и брахмадайтъя» такое сопоставление довольно условно. Три желания, успешно осуществленные в ней брахманом (при содействии чудесных помощников), включены в весьма специфический контекст. Может быть, тут стоит говорить об особом индийском (бенгальском) варианте универсального сюжетного мотива.

Согласно указателям Аарне — Томпсона и Томпсона — Робертса, специфичен для Индии и сюжет сказки «Откуда взялся опиум» (№ 9 у Лалбихари Дэ). Очевидно, он относится к «типу» АТ 2031С (в восточнославянском фольклоре не засвидетельствован). Несколькими иными вариантами этого сюжета мы находим в «Панчатантре» (книга III, рассказ № 13). Ср. также индийскую сказку «Сильнее всех», переведенную с хинди В. И. Балиным¹³⁷. Особенность сказки Лалбихари Дэ — в этиологической концовке, якобы объясняющей происхождение свойств опиума.

Только в Индии засвидетельствован и сюжет сказки «Мудрый Хираман» (№ 16 у Лалбихари Дэ, АТ 546 — «Умный попугай»). Очень похожая сказка уже переводилась на русский язык с хинди под названием «Царь Дханрадж и его попугай»¹³⁸.

По-видимому, специфичен для Индии также и сюжет сказки «Поле костей» (№ 21 у Лалбихари Дэ)¹³⁹, хотя отдельные его фрагменты можно сопоставить с международными образцами. Так, центральный для этой сказки мотив собирания развеянного праха и оживления умерших широко распространен в мировом фольклоре¹⁴⁰. Тот же мотив составляет ядро одного небольшого рассказа в «Панчатантре» (книга V, рассказ № 3): о трех ученых, лишенных здравого смысла, и об одном неученом, здравый смысл имевшем. Ученые демонстрируют свои познания: первый соединяет кости льва в скелет, второй облекает их плотью, третий готов льва оживить. Неученый их друг выражает сомнение в целесообразности такого применения науки. Но энтузиаста уже не остановить. Он оживляет льва, и тот

¹³⁴ *Bengalische Märchen*, с. 378—381.

¹³⁵ См. в СУС несколько иные разновидности этого «типа» (750В и др.).

¹³⁶ Эта сказка братьев Гримм легла в основу пушкинской «Сказки о золотой рыбке».

¹³⁷ Сказки народов Востока, с. 184—185. Разные варианты этого сюжета не раз пересказывались на русском языке. Есть отдельное издание для детей с картинками: О мышонке, который был кошкой, собакой и тигром. Индийская сказка. Л., 1958. Существует даже советский мультфильм, в основе которого тот же сюжет.

¹³⁸ Сказки народов Индии. М. — Л., 1964, с. 434—438; Сказки народов Индии. Л., 1976, с. 108—114 (пер. с хинди А. Бархударова и Л. Черновой).

¹³⁹ Интересно, что на русский язык переведена тамильская сказка, практически тождественная этой бенгальской, но только «привязанная» к Тамилнаду. См.: Животворная мантра. — Сказки народов Индии. Л., 1976, с. 168—181 (пер. с тамильского А. М. Дубянского). См. также комментарий Г. А. Зографа к этой сказке (там же, с. 347).

¹⁴⁰ См., например: Неклюдов С. Ю. Душа убиваемая и мстящая. — Труды по знаковым системам. Вып. VII. Тарту, 1975, с. 68.

сдается трех ученых (человек здравого смысла предусмотрительно забрался на дерево)¹⁴¹.

Итак, мы исчерпали список сказок, взятых А. Е. Порожняковым из книги Лалбихари Дэ «Народные сказки Бенгалии».

Одну сказку — «Киранмала» — А. Е. Порожняков взял из книги, которая тоже называется «Народные сказки Бенгалии» и принадлежит перу нашей современницы Гнты Моджумдар¹⁴². Эта книга входит в серию из двадцати томов, выпущенных индийским издательством «Стерлинг публишерз», каждый из которых представляет сказки какого-либо народа (или какого-либо ареала) Республики Индии. Серия имеет скорее популярный, чем научный, характер и призвана прежде всего познакомить тех индийских читателей, которые читают по-английски, с многообразным фольклором их многонародной родины (в целях «национальной интеграции»).

В книгах этой серии, как правило, нет указаний на то, откуда взяты те или иные сказки, но в данном случае можно предположить, что Г. Моджумдар пересказала сказку «Киранмала» из знаменитого сборника «Бабушкина сумка» Д. Митро-Моджумдара. К сожалению, в пересказе Г. Моджумдар сжатая и по-своему изысканная проза бенгальского оригинала (перемежаемая в нем стихотворными вставками) передана стилем многословным и маловыразительным¹⁴³. К стилю оригинала ближе другой русский перевод этой сказки, сделанный с языка хинди¹⁴⁴. Хотелось бы надеяться, что в следующий раз сказка «Киранмала» будет переведена наконец с бенгальского.

По классификации Аарне — Томпсона сюжет сказки «Киранмала» относится к «типу» АТ 707 (в СЭС он обозначен как «Чудесные дети»). Как уже сказано, это один из самых популярных сюжетов мирового фольклора. У братьев Гримм этому «типу» соответствует сказка № 96 («Три птички»). О подобных сказках у А. Н. Афанасьева уже шла речь выше. «Сказка о царе Салтане» А. С. Пушкина — не единственная литературная обработка этого сюжетного «типа» в Европе. Самой ранней литературной версией считается одна новелла в «Приятных ночах» Дж. Страпаролы (ночь четвертая, № 3).

Своеобразная индийская версия того же сюжетного «типа» — сказка народности кота «Дети в барсучьей норе»¹⁴⁵.

Еще три бенгальские сказки А. Е. Порожняков взял из книги Динешчондро Шена «Народная литература Бенгалии», где они даны в пересказах на английском языке.

По свидетельству Д. Шена, сюжет сказки «Шокхи-шона» очень популярен в Бенгалии и существует в разных версиях, происходящих как из мусульманской, так и из индусской среды. В своей книге

¹⁴¹ Несколько иной вариант той же истории переведен на русский язык с маратхи: Три умника. — Сказки народов Индии. М. — Л., 1964, с. 295—297 (пер. Б. Кузнецова).

¹⁴² *Majumdar G. Folktales of Bengal.* New Delhi, 1971.

¹⁴³ Вот один характерный пример. В бенгальском оригинале одна короткая (предпоследняя) фраза сообщает, что злых сестер царицы заживо зарыли в яме, наполненной колючками (ср. подобную расправу с ворами в сказке Лалбихари Дэ). Г. Моджумдар посвящает этой теме целый абзац и заставляет царя помиловать злодеек, привнося в сказку несвойственную ей идею ненасилия.

¹⁴⁴ Царские дети. — Сказки народов Индии. М. — Л., 1964, с. 302—310 (пер. А. Гавриловича).

¹⁴⁵ См.: Сказки народов Индии. Л., 1976, с. 185—192 (пер. с англ. Н. В. Гурова).

Д. Шен пересказывает три версии¹⁴⁶: одну мусульманскую, «составителем» которой он называет некоего Мухаммада Корбан Али¹⁴⁷; стихотворную версию, созданную в середине XVI в. поэтом-индусом по имени Факир Рама Кавибхушана, и, наконец, версию Д. Митро-Моджумдара, включенную им в книгу «Дедушкина сумка». В этой версии героиню зовут не Шокхи-шона, а Пушпамала, и по ее имени названа и самая сказка¹⁴⁸. А. Е. Порожняков перевел первую, «мусульманскую» версию¹⁴⁹.

В указателях Аарне — Томпсона и Томпсона — Робертса эта сказка (все три ее названные версии) отнесена к особому «типу» АТ 977 («Сбежавшая пара и разбойники»), который засвидетельствован только в Индии. Но очевидно, что в данной сказке есть сюжетные мотивы, встречающиеся и за пределами Индии.

То же можно сказать и о другой сказке, взятой А. Е. Порожняковым из книги Д. Шена, — «О трех братьях»¹⁵⁰. Д. Шен пересказывает эту сказку как образец предания о Сатья-пире, легендарной (если не мифической) личности, которой поклонялись и которую прославляли в Бенгалии и индусы и мусульмане. Как и в случае со сказкой «Шокхи-шона», Д. Шен приписывает версию приводимого им предания некоему мусульманину по имени Вазид Али (о котором, кроме имени, никаких иных сведений не дается).

Не берусь здесь судить о том, можно ли сопоставить это предание с каким-либо определенным сказочным «типом» (или несколькими «типами») по классификации Аарне — Томпсона¹⁵¹, но достаточно очевидно, что сюжет предания составлен из мотивов вполне сказочных, имеющих международный характер (хотя и выступающих в специфическом индийском — бенгальском — облике). Если я не ошибаюсь, сказковедческий анализ этого текста еще никем не проводился.

¹⁴⁶ *Sen D. The Folk-Literature of Bengal. Calcutta, 1920, c. 195—218.*

¹⁴⁷ По-видимому, речь идет об обработке, подобной лубочным изданиям русских сказок в XVIII—XIX вв. О самом Мухаммаде Корбан Али, «составителе» этой версии, Д. Шен сообщает лишь, что он житель (деревни?) Бутуни в дистрикте Дакка.

¹⁴⁸ См. перевод этой сказки, сделанный с языка хинди: Царевна Пушпамала. — Сказки народов Индии. М. — Л., 1964, с. 310—320 (пер. А. Гавриловича). См. также немецкий перевод в «*Bengalische Märchen*» (с. 211—236) и там же комментарий Х. Моде (с. 438—440). Один из эпизодов этой сказки отразился в стихотворении Р. Тагора «Сын раджи и дочь раджи». См.: *Тагор Р. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 2. М., 1962, с. 142—143.*

¹⁴⁹ Д. Шен подчеркивает: «Все эти версии... пересказаны мною в очень сокращенном виде, и если читатель хочет сравнить их и получить более полное представление об их особенностях, то он должен обратиться к самим оригиналам» (*Sen D. The Folk-Literature of Bengal, c. 219—220*).

¹⁵⁰ Там же, с. 103—113. Название «О трех братьях» принадлежит Порожнякову. У Д. Шена это предание никак не озаглавлено.

¹⁵¹ Ср. замечание В. Я. Проппа об указателе Аарне — Томпсона: «Путь от указателя к сказке легок, но путь от сказки к указателю очень труден. Собирателю, который хотел бы определить свой материал по Аарне, придется перелистывать множество страниц и примерять десятки типов раньше, чем он найдет нужные» (*Пропп В. Я. Русская сказка, с. 62*).

Несколько большей информацией мы располагаем о сказке под названием «Маланчамала». В своей книге «Народная литература Бенгалли» Д. Шен приводит не только перевод-пересказ этой сказки¹⁵², но и довольно длинный комментарий к ней¹⁵³. «Маланчамала» переведена и на немецкий язык, и Х. Моде также дает к ней интересный комментарий¹⁵⁴.

Повествование о Маланчамале было опубликовано Д. Митро-Моджумдаром в книге «Дедушкина сумка». Он записал этот текст с уст старой женщины в восточнобенгальском дистрикте (округе) Майменсинх (ныне, как уже упоминалось, территория Бангладеш) на рубеже XIX—XX вв.¹⁵⁵. Данная запись (как и другие, вошедшие в книгу «Дедушкина сумка») обладает особой ценностью потому, что Д. Митро-Моджумдар пользовался фонографом и при издании этого текста воспроизвел даже диалектальные особенности языка своей информантки.

Отметим еще несколько моментов, чтобы читатель мог вернее оценить своеобразие и достоинства повести о Маланчамале.

Прежде всего, только с определенной долей условности эта повесть может быть названа «сказкой». От «обычных» волшебных сказок (хотя бы от тех, что вошли в данную книгу) «Маланчамала» отличается большим драматизмом, даже трагичностью своего сюжета, хотя, как и в сказках, сюжет завершается как будто счастливым концом¹⁵⁶. «Маланчамала» — это скорее нечто вроде эпоса, эпической поэмы. Д. Шен относит «Маланчамалу» к особому виду «народных сказок», которые он называет «гита-катха» (букв. «песни-сказки», «песни-повествования») в отличие от «рупа-катха» (термин, который трудно перевести на русский язык буквально, но который примерно соответствует нашему термину «волшебные сказки»). В этих «песнях-сказках» прозаическое повествование перемежается с песнями.

Об обстоятельствах исполнения таких «песен-сказок» Д. Шен сообщает следующее: «В Восточной Бенгалии старые вдовы из бедных слоев обычно рассказывали (used to recite) эти сказки в сопровождении хора дамам благородных семейств во время их послеродового затворничества. Особенно в шестую ночь после рождения ребенка (когда, как считали, бог судьбы Видхата-пуруша приходит, чтобы написать на лбу младенца его судьбу) и сама мать, и ее окружающие должны были бодрствовать. Вот они и слушали эти сказки...»¹⁵⁷.

¹⁵² *Sen D. The Folk-Literature of Bengal*, с. 267—322.

¹⁵³ Там же, с. 261—266, 323—344.

¹⁵⁴ *Bengalische Märchen*, с. 38—79 (перевод), с. 397—402 (комментарий). Много внимания «Маланчамале» уделяет Х. Моде и в предисловии к этой книге (с. 16—26).

¹⁵⁵ К сожалению, более точные сведения, как и сама кинга «Дедушкина сумка», мне были недоступны. И Д. Шен и Х. Моде сообщают лишь, что тексты, опубликованные в «Дедушкиной сумке», были записаны в 1896—1902 гг. Д. Шен пишет, что «Маланчамала» записана от старой женщины касты «юги» (*Sen D. The Folk-Literature of Bengal*, с. 262). Х. Моде утверждает, что информантка Д. Митро-Моджумдара была буддийской монахиней (*Bengalische Märchen*, с. 16).

¹⁵⁶ По авторитетному мнению Х. Моде, сюжет «Маланчамалы» в целом нельзя отождествить ни с каким «типом» Аарне — Томпсона, хотя отдельные составляющие ее мотивы можно найти и в «обычных» сказках (см.: *Bengalische Märchen*, с. 397).

¹⁵⁷ *Sen D. The Folk-Literature of Bengal*, с. 261.

Далее Д. Шен отмечает, что в «Маланчамале» сильно чувствуется влияние буддийских идей. В отличие от других (индусских) эпических сюжетов повествование в «Маланчамале» движется без вмешательства богов. «Герои устраивают свои судьбы лишь силой собственной кармы, и это — буддийская идея. В конце повести Маланчамала не возвращается во дворец в течение нескольких дней. Она откладывает осуществление своей мечты, и лишь по одной причине: она не согласна радоваться сама, пока не излечены полностью беды и печали всех тех людей, с которыми ее связала жизнь. Такое самоотречение опять-таки чисто буддийская идея. Не спасать себя, пока не спасен весь мир, — вот принцип буддизма махаяны в ту эпоху»¹⁵⁸. Идея абсолютного непротивления злу и насилию, которая столь ярко (и даже, на вкус современного европейца, гротескно) выражена в повести о Маланчамале, также сближает это произведение с буддийскими преданиями¹⁵⁹.

И содержательное и чисто языковое своеобразие повести о Маланчамале создает особые проблемы при переводе ее на другие языки. Д. Шен писал: «...мой перевод этой повести выглядит лишь жалким отражением оригинала. Нежность бенгальского стиля., его изящество и поэтичность — все это теряется в переводе, и, сравнивая его с оригиналом, я нахожу этот перевод скучным, неинтересным, а местами гротескным. Но было бы несправедливо судить о самой повести по этому переводу...»¹⁶⁰. И чуть ниже: «К сожалению, как я уже сказал, эта повесть имеет в моем переводе странный вид: она похожа на бенгальскую женщину, которая прекрасно выглядит в сари, но довольно нелепа в европейском платье; однако с этим ничего не поделаешь»¹⁶¹.

К нашему читателю повесть о Маланчамале приходит, таким образом, в переложении с переложения, и если читатель не увидит в ней произведения выдающегося, то пусть он отложит свое окончательное суждение до той поры, когда она будет переведена на русский язык непосредственно с бенгальского оригинала (и желательно не просто ученым-филологом, а поэтом)¹⁶².

¹⁵⁸ Там же, с. 330.

¹⁵⁹ Буддийский характер образа Маланчамалы подчеркивает и английский исследователь Дж. Боултон: «Маланчамала, я думаю, была буддисткой: она верила не в божественные силы, но в возможность почти безграничного совершенствования человеческой природы путем самоотречения и самоконтроля. Достигнутое совершенство высвобождает огромные силы добра изнутри самого человека» (*Boulton J. Eastern Bengal Ballads. — The Bengali Academy Journal. Dacca, April 1971, vol. II, № 1, с. 53*).

¹⁶⁰ *Sen D. The Folk-Literature of Bengal*, с. 323.

¹⁶¹ Там же, с. 339.

¹⁶² «Маланчамала» должна заинтересовать и историков письменной литературы. Так, Дж. Боултон полагает, что сюжет этой «сказки» был использован классиком новой бенгальской литературы Бонкимчондро Чоттопаддхайтем (1838—1894) в его романе «Деби Чоудхурани» (1884) (см.: *Boulton J. Eastern Bengal Ballads*, с. 55; о Бонкимчондро Чоттопаддхайе и его романе см.: *Новикова В. А. Бонкимчондро Чоттопаддхай. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 156—159*). Х. Моде видит сходство между «Маланчамалой» и романом французско-цыганского писателя Матео Максимова (р. 1912) «Предсказания» («*Ursitory*») (см.: *Bengalische Märchen*, с. 400; *Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975, с. 410*).

В разделе «Сказки» нам осталось рассмотреть еще один текст, который также назван по имени героини — «Каджалрекха». В центре этого сюжета широко распространенный в мировом фольклоре мотив «подменной невесты»¹⁶³. Этот мотив присутствует в нескольких сюжетных «типах» классификации Аарне — Томпсона. Очевидно, «Каджалрекха» наиболее соответствует «типу» АТ 437, который называется «Подменная невеста (царевич в иголках)»¹⁶⁴. Очень близок к этому и «тип» АТ 533¹⁶⁵, к которому относятся, например, сказку братьев Grimm № 89 (в русском переводе — «Гусятница») и сказку А. Н. Афанасьева № 127 («Купеческая дочь и служанка»).

Очень похожая сказка есть в сборнике Д. Митро-Моджумдара «Бабушкина сумка». Там она называется (по именам героинь) «Канконмала и Канчонмала». Эта сказка уже дважды переводилась на русский язык: в первый раз — с хинди, во второй раз — с бенгальского оригинала¹⁶⁶.

Особенность текста под названием «Каджалрекха» в том, что, как и повесть о Маланчамале, он, по-видимому, должен быть отнесен к классу «песенных сказок», или «сказок-песен». В бенгальском оригинале «Каджалрекха» — прозаическое повествование с многочисленными и длинными стихотворными вставками. А «открыта» и записана эта «сказка» была вместе с так называемыми «балладами», которые составили второй раздел настоящей книги.

В 1913 г. профессор Калькуттского университета Динешчондро Шен прочитал в провинциальном журнале «Шоуробх» («Аромат»), издававшемся в восточнобенгальском дистрикте Майменсинх, заметки некоего Чондрокумара Дэ о местном, майменсинхском фольклоре. Эти заметки настолько заинтересовали профессора, что он вступил в переписку с Чондрокумаром Дэ, которая затем переросла в долготелее сотрудничество. Под заочным руководством Д. Шена и при финансовой поддержке Калькуттского университета Чондрокумар Дэ стал целенаправленно собирать и записывать произведения восточнобенгальского (майменсинхского) фольклора. Главным открытием Чондрокумара Дэ были так называемые «баллады», которые Д. Шен

---

¹⁶³ См.: *Arfert P.* Das Motiv von der unterschobenen Braut. Rostock, 1897; *Thompson S.* The Folktale, с. 117—120.

¹⁶⁴ В немногочисленных восточнославянских вариантах этого «типа» мотива «Царевича в иголках» нет, но есть похожий мотив ослепления невесты. Вот как описан этот «тип» (АТ 437) в СУС: «Царевна и служанка: по пути к жениху служанка заставляет царевну поменяться с ней платьями, ослепляет ее и выдает себя за царскую невесту; истина выясняется, царевна возвращает себе глаза, служанка наказана» (СУС, с. 134).

¹⁶⁵ См. описание этого «типа» в СУС: *Подменная царевна: по пути к жениху служанка заставляет царевну поменяться с ней платьем и местами, выдает ее за служанку, а себя — за невесту царя; истина выясняется, царь женится на своей настоящей невесте, обманщицу приказывает казнить»* (СУС, с. 154). Основное отличие от «типа» АТ 347 — отсутствие мотива ослепления.

¹⁶⁶ См.: Царица и служанка. — Сказки народов Индии. М. — Л., 1964, с. 297—302 (пер. с хинди А. Гавриловича); Пастух и царевич. — Сказки народов Востока. М., 1967, с. 131—136 (пер. с бенгал. В. Новиковой). Эта же сказка переведена на немецкий язык Х. Моде и О. Райем (*Bengalische Märchen*, с. 100—106; см. также комментарий на с. 406—408).

опубликовал и по-бенгальски, и в английских переводах в 1923—1932 гг.¹⁶⁷ Как писал в 1923 г. Д. Шен, «истинные эти баллады и песни явились для нас неожиданным литературным сюрпризом¹⁶⁸. Они слишком сильно отличались от всех известных к тому времени произведений бенгальского фольклора и старинной бенгальской литературы. В течение многих лет авторитетные историки бенгальской словесности (в основном западные бенгальцы) игнорировали эти «баллады», и лишь сравнительно недавно их ценность стала осознаваться бенгальской литературоведческой наукой¹⁶⁹. Немалая заслуга в том видного чешского бенгалиста Душана Збавителя, который посвятил «майменсинхским балладам» специальную монографию¹⁷⁰. Основные идеи этой монографии сам Д. Збавитель кратко и четко изложил в своей книге по истории бенгальской литературы: «Очевидно, эти баллады или, вернее сказать, то, что от них осталось, были зафиксированы в самый последний момент их существования. Теперь их уже не услышишь. Они погибли и заменены другими формами народных развлечений.

Хотя в издании Динешчондро Шена есть песни из разных районов Бангладеш, подавляющее большинство баллад происходит из восточной части Майменсинха. Они имеют светский характер. Это большей частью баллады о любви, чаще всего трагической. Трагедия обусловлена или социальным, кастовым неравенством (например, между девушкой-цыганкой и заминдаром в балладе о Махуа), или произволом власть имущих (чаще всего высокопоставленных мусульман, как, например, в балладе „Диван Бхабна“¹⁷¹). Одна из самых своеобразных черт этих баллад заключается в том, что обычно истинные герои в них — женские персонажи. Изображенные здесь девушки и женщины должны бороться за свою любовь, страдать из-за нее и даже умирать, нередко оставленные всеми. Эти персонажи, несомненно, относятся к числу самых благородных женских образов в современной бенгальской литературе.

¹⁶⁷ Издания бенгальских текстов: *Maimansimha-gīlikā* (I). Calcutta, 1923; *Pūrvabāṅga-gīlikā* (II—IV). Calcutta, 1926—1932. Издания переводов: *Eastern Bengal Ballads*. Mymensing. Vol. I. Pt. I. Calcutta, 1923; *Eastern Bengal Ballads*. Vol. II—IV. Calcutta, 1926—1932. О Чондрокумаре Дэ (1889—1946) см. предисловие Д. Шена к первому тому английских переводов (с. XIII—XXII) и справочник «*Caritābhidhān*» (с. 96). Чондрокумар Дэ был родом из бедной семьи и серьезного образования не получил. В историю бенгальской культуры он вошел лишь как собиратель майменсинхского фольклора.

¹⁶⁸ *Eastern Bengal Ballads*. Mymensing, с. XXXIV.

¹⁶⁹ В неприятии западнобенгальскими учеными майменсинхских (восточнобенгальских) «баллад» могли сказаться и определенные внешне научные факторы. Дело в том, что существуют некоторые различия (культурно-историческое и даже отчасти антропологическое) между западными и восточными бенгальцами (не совпадающее с делением на индусов и мусульман) и основанная на этом различии рознь. Западные бенгальцы называют восточных «бангал» (букв. «житель Восточной Бенгалии», что звучит примерно как наше «неотесанная деревенщина»), а восточные западных величают кличкой «гхоти» (букв. «металлический горшок», ср. русское выражение «кувшинное рыло»).

¹⁷⁰ *Zbavitel D. Bengali Folk-Ballads from Mymensingh and the Problem of their Authenticity*. Calcutta, 1963.

¹⁷¹ В русском переводе здесь «Шунай и Мадхав»;

мер, в «балладе» о Малуа особенно ярко представлен кризис бенгальского общества того времени: «наверху» — произвол властей-мусульман, а «внизу» — косность и замкнутость подвластных индусов. Однако восточнобенгальские «баллады» не отмечены печатью религиозной узости. Д. Шен видел в них — и, вероятно, справедливо — одно из проявлений индусско-мусульманского синтеза на единой бенгальской почве¹⁷⁹.

Некоторые из «майменсинхских баллад» уже по крайней мере дважды переводились на другие европейские языки, кроме английского. Сестра Ромена Роллана Мадлен Роллан перевела на французский язык английские переводы Д. Шена¹⁸⁰. Четырнадцать «баллад» перевели с бенгальского на немецкий Душан Збавитель и Хайнц Моде¹⁸¹.

А. Е. Порожняков, словно следуя примеру М. Роллан, также обратился к переводам Д. Шена и отобрал из первого тома пять «баллад»: «Чандравати», «Диван Бхавна» (здесь «Шунай и Мадхав»), «Малуа», «Рупавати» и «Камала» (а также «сказку» «Каджалрекха»). Еще три сюжета, восходящие в конечном счете к изданиям Д. Шена, он взял из книги «Народные сказки Пакистана»¹⁸², в которой эти сюжеты пересказаны в сокращенном (и несколько измененном) виде. Это «Манджурма», «Махуа» и «Повесть о Бхелуа».

К работе над книгой были привлечены (в качестве ответственных редакторов) индологи. Переводы А. Е. Порожнякова были слиты с теми текстами, которые служили ему оригиналами. В некоторых случаях произведены необходимые уточнения. Нередко и ответственные редакторы испытывали трудности в понимании текстов (особенно «баллад», бенгальские оригиналы которых были недоступны) или расходились во мнении при интерпретации того или иного места. В ряде случаев такие «темные» места были сокращены, поскольку это не наносило ущерба смыслу текста в целом.

Несомненно, эта книга даст читателям определенное представление о повествовательном фольклоре Бенгалии. Но пусть одновременно она послужит и напоминанием о том, что нам пора возрождать лучшие традиции И. П. Минаева и С. Ф. Ольденбурга, т. е. развивать научное индологическое сказковедение и переводить индийские фольклорные тексты не только с английских переводов или пересказов, но и с подлинников на индийских языках.

С. Д. Серебряный

¹⁷⁹ Eastern Bengali Ballads, с. XXXII, LXIX.

¹⁸⁰ Vieilles ballades du Bengale, trad. de M. Rolland, d'après les textes bengalis et anglais édités par D.Ch.Sen. Mouans-Sartoux, [s. a.].

¹⁸¹ Bengalische Balladen. Herausgegeben von Dušan Zbavitel und Heinz Mode. Lpz., 1976. Книга содержит введение (с. 5—19), написанное Д. Збавителем.

¹⁸² Folktales of Pakistan. Compiled by Zainab Ghulam Abbas [née Christian Vlasto]. Karachi, 1964 (1st ed., 1957). Из шести других сюжетов, представленных в этой книге, четыре уже так или иначе могут быть знакомы нашему читателю. Легенду о Момалье и Рано перевел на русский язык А. Е. Порожняков (см.: Сказки, басни и легенды белуджей, с. 118—122). Легенды о Сасси и Пунну, а также о Сохни и Махинвале можно в несколько иных версиях прочитать в: О храбрых, нежных и влюбленных. Сказания Пятиречья. М., 1967, а сказку «Китайская принцесса» по-своему (или по другому варианту) пересказал С. Ф. Ольденбург (см. сказку «Женщина-змея и царь Али Мердан» в его книге «Индийские сказки»).

ПРИМЕЧАНИЯ

Сказки

Сваговство шакала

¹ *...обитель бога Индры* — сказочно богатый город с золотыми дворцами, украшенными драгоценными камнями, носящий имя Амаравати, букв. «Бессмертная».

² Небесные девы, небесные танцовщицы (апсары) отличаются необыкновенной красотой; принадлежат к одному из классов полубогов, обитают между небом и землей; небесные девы составляют свиту богов.

³ *Если мой царь прибудет к вам, как положено, со всей своей огромной свитой, слугами, лошадьми и слонами* — по индийским обычаям, свадьба празднуется в доме будущего тестя; жених приезжает туда во главе свадебной процессии, которая должна быть тем торжественнее, чем выше социальный статус жениха.

⁴ В Индии день свадьбы, как и других важных событий, поручают определять астрологам. Они сопоставляют гороскопы жениха и невесты и назначают день и час брачной церемонии.

⁵ *...противно записала тысяча воробьев* — имеются в виду яванские воробьи (в тексте *rice bird*) с неприятным, скрипучим голосом.

⁶ *...и вскоре брачный узел был завязан навечно* — по индуистскому обычаю, во время заключительной части брачной церемонии жених и невеста, связанные полами своих одеяний, обходят вокруг священного жертвенного огня семь раз (или делают семь шагов) в присутствии брахмана, читающего ведические тексты и приносящего положенные жертвы.

⁷ *Навой* — большая катушка в ткацком станке для навивки нитей основы.

⁸ *...запричитала царевна, ударяя себя ладонью по лбу* — этот жест выражает состояние отчаяния и досады.

Мудрый хираман

¹ *Хираман* — зелено-золотистый попугай, традиционный персонаж индийских сказок.

² *...нараспев произносила имена индуистских богов* — имеется в виду *джана*, простейшая молитва, заключающаяся в многократном повторении имени бога или богов — не только во время богослужения, но и на работе, на отдыхе, в транспорте и т. д. Это можно делать мысленно (про себя, шепотом или вслух, а также писать на бумаге).

³ ...имена индуистских богов, а их всего — триста тридцать миллионов — точное число имен богов, входящих в индуистский пантеон, сосчитать практически невозможно. Помимо общих богов существует множество более мелких, местных, многие боги и богини имеют по нескольку имен и титулов (у Вишну, например, их более тысячи).

⁴ Тогда решено было ударить в барабан и объявить... — в старые времена важные объявления поручалось делать глашатаям, которые привлекали внимание слушателей барабанным боем. Тот, кто знал что-либо в связи с объявлением, должен был подойти и коснуться барабана рукой.

⁵ ...взял мешок с серебряными рисинками и клювом выложил из них дорожку от дерева... до покоев красавицы-царевны — действия пугая, возможно, имеют ритуальный смысл. Ко дню свадьбы родственницы невесты на полу, на стенах, вокруг брачного алтаря выкладывают цветным, подкрашенным рисом или рисуют рисовой пастой магические узоры альпона (алипона). Узоры наносятся также по случаю праздника, поста и т. п.

⁶ В ритуальной практике индуизма большая роль отводится различным обетам, которые принимаются в какой-либо важный или трудный момент жизни. Неукоснительное соблюдение обета и всех связанных с ним ритуалов обеспечивает милость богов и обретение желаемого дара.

⁷ ...на крыше дома одной набожной женщины всегда насыпано много зерна — действия царевны помимо практического имеют также и ритуальный смысл. Вплоть до настоящего времени благочестивые индуски не завершают своего поста, не накормив брахманов, нищих аскетов и животных.

⁸ По индуистским представлениям, помет и моча священных животных имеют очистительное и целебное действие и могут быть использованы в ритуальной практике и народной медицине.

Киранмала

¹ Шастры — древние священные книги; в более позднее время — трактаты по различным областям знания. Часто под шастрами понимается брахманская ученость во всей ее совокупности.

² Индусы почитают корову (и быка) как священное животное; уход за ней — одна из главных обязанностей женщины-индуски.

³ Религия предписывает брахману в конце жизненного пути отрешиться от бытия, что может пониматься и как добровольная смерть; брахман-йог может усилием воли заставить душу покинуть телесную оболочку.

⁴ Майя — название горы, в буквальном переводе с санскрита означает «Иллюзия», «Магия», «Колдовство». В религиозной индийской философии этот термин символизирует иллюзорность материального мира.

⁵ ...оделась как саньяси — женщине в Индии не подобает путешествовать в одиночку, поэтому герония вынуждена одеваться по-мужски.

⁶ ...и где-то сладко запели кукушки — имеется в виду индийская кукушка; в индийской поэтической традиции кукушке принадлежит примерно то же место, что соловью в европейской.

⁷ Асан — место для сидения. Здесь — четырехугольный ковер небольшого размера, на который усаживают почетного гостя.

¹ Не прикасайся к моим ногам... ведь я только кшатрий — прикосновение к ногам — дань высокого уважения младших по отношению к старшим, жены — к мужу, человека из низшей касты — к представителю высшей.

² Индусы, как правило, кремируют умерших. Исключения бывают редко, в частности не сжигаются тела детей и отшельников.

Факир-чанд

¹ По народным поверьям, в голове кобры находится драгоценный камень, равный по стоимости «сокровищам семи царей».

² Имеется в виду так называемый брак по обряду гандхарвов — одна из восьми известных в древней Индии форм брака, когда жених и невеста просто обменивались цветочными гирляндами, выражая этим свое взаимное согласие стать мужем и женой.

³ См. примеч. 4 к сказке «Мудрый хираман».

⁴ В Индии к замужней женщине принято не обращаться по имени, а называть ее «мать такого-то», имея в виду старшего сына.

⁵ *Рохита* — вид крупной рыбы типа карпа (*Cyprinus rohitaka*).

⁶ ...грациозная, словно у молодой слоники, поступь — в системе традиционных изобразительных средств индийской литературы сравнение женской походки с походкой слона, а лица — с полной луной означает высшую степень похвалы.

⁷ В представлении индуса, смотреть на полуобнаженную женщину, которая не является его женой, — великий грех, равнозначный прелюбодеянию.

Шокхи-шона

¹ Шокхи-шона (бенг.) — букв. «Подружка-золото».

² ...попросила юношу поднять ее (тетрадь) — царевна сидела на возвышении, а остальные ученики — прямо на земле.

³ Индуизм запрещает людям из высших каст принимать еду из рук людей, принадлежащих к низшей касте. Поэтому царевна готовит еду сама.

История о ракшасах

¹ С древних времен и вплоть до XX в. в Индии существовал обычай ранних браков. Девушка считалась совершеннолетней в двенадцать лет. Браки официально могли заключаться и в более раннем возрасте. В этом случае девочка-невеста оставалась в доме своих родителей до совершеннолетия.

² Служение гостю — одна из важнейших заповедей индуизма.

³ Кешавати — в переводе с санскрита значит «Имеющая длинные косы», «Прекрасноволосая».

⁴ ...у него были миллионы подданных — пример сказочной гиперболы.

⁵ ...в ворохах священного трилистника, что были возложены богу Шиве — трилистник — обычное подношение индуистским богам.

⁶ ...наполнила пиалу теплым горчичным маслом — индийцы втирают подогретое растительное масло в кожу ног, головы и т. п. для снятия боли и усталости.

⁷ ...обменялись гирляндами цветов — см. примеч. 2 к сказке «Факир-чанд».

Плешивая жена

¹ Сними гирлянды из ракушек, которыми увиты мои рога, и надень их себе на руки вместо браслетов — гирлянды из ракушек на запястьях у женщины — символ супружеского счастья.

Поле костей

¹ Стража (время, через которое сменялся караул в Индии) — одна восьмая часть суток (т. е. три часа).

Похождения двух воров и их сыновей

¹ Пруд — здесь искусственный водоем на пастбище.

² Чарнаи — переносная деревянная кровать с веревочной сеткой.

³ См. примеч. 4 к сказке «Мудрый хираман».

Брахман и оборотень

¹ Сегодня неблагоприятный день для отъезда — индуистская традиция запрещает предпринимать путешествия или другие важные дела в определенные дни недели и даже в определенное время суток.

Аскет и богиня

¹ Здесь имеется в виду тантрический ритуал, цель которого — обретение сверхъестественных способностей.

Брахман и брахмадайтья

¹ Брахмадайтья (т. е. дух умершего брахмана) — повелитель демонов, которого бенгальская фольклорная традиция наделяет добрыми свойствами.

² ...до биньяна, убежища злых духов — в индуизме сохранился древний культ деревьев; одни из них считаются обителью или даже воплощением божества, другие — нечистой силы.

³ ...хочу накормить тысячу брахманов — накормить брахмана, подать ему милостыню — богоугодное дело, которое приравнивается к жертве богам.

⁴ За работу принялись сто поваров-брахманов — пищу для брахманов может готовить только брахман.

Царевич Шобур

¹ Шобур (араб. *Сабур*) — мусульманское имя, букв. «Терпеливый», «Стойкий».

² Богиня удачи — богиня Лакшми.

³ Приношения в жертву богине Кали животных, а иногда и людей имели место в древней Индии; отдельные случаи человеческих жертвоприношений происходили и в новое время. Обычно жертвоприношение совершалось перед началом какого-либо важного дела, чтобы обеспечить с помощью богини его успех.

⁴ См. примеч. 5 к сказке «Киранмала».

⁵ Число «семь» считается счастливым в магической практике.

¹ ...пока не выведет красными чернилами имя Дурги по крайней мере сто восемь раз — род джапы (см. примеч. 2 к сказке «Мудрый хираман»).

Каджалрекха

¹ Двенадцать лет — для девушки возраст совершеннолетия, когда ее полагалось выдавать замуж. Безбрачие дочери считалось (и считается) большим грехом и позором как для нее самой, так и для ее родителей.

² По индуистскому обычаю, передача дочери жениху (*каньядана*) должна совершаться обязательно в присутствии свидетелей.

³ Почитание супруга как божества — религиозный долг женщины-индуски, ее *дхарма*. Непорочность, верность и самоотверженное служение мужу побеждают даже смерть.

⁴ *Лик твой прекрасен, как луна* — см. примеч. 6 к сказке «Факир-чанд».

⁵ Непротивление злу — важнейшая буддийская заповедь, воспринятая индуизмом. Идеальное исполнение заповедей религии и своей *дхармы* (для женщин) это — преданное служение мужу) дает ей власть над силами природы (см. ниже, примеч. 20).

⁶ Пост и затворничество невесты, а также ритуальное омовение — неперемненные составные части свадебной церемонии.

⁷ Омовение для индусов — обязательный очистительный акт перед отправлением любого религиозного обряда, в данном случае — перед бракосочетанием.

⁸ ...но никто не захотел ее купить — среди различных категорий рабов — долговые рабы, потомственные рабы, рабы царя (военнопленные), добровольные рабы, продающие себя в рабство за плату, существовала и категория, которую составляли дети, проданные в рабство родителями или другими лицами.

⁹ Канкан-даси — в переводе с санскрита значит «Служанка (или рабыня) за браслет».

¹⁰ *Левый глаз у нее задергался* — дурная примета.

¹¹ ...в мокрой после купания одежде — индийские женщины совершают омовение в одежде.

¹² ...попросила плетеную корзину, совок и лоток — здесь перечислены принадлежности для веяния зерна. Рис провеивают, подбрасывая его на широких плетеных подносах-лотках с бортиками по краям; традиционно эту работу выполняют женщины.

¹³ По традиции на домашнем алтаре хранится в металлическом сосуде вода из священных рек или озер, которая используется в ритуальной практике.

¹⁴ ...осталась на кухне — т. е. не пошла отдыхать на женскую половину дворца. Индусы восприняли у мусульман обычай, по которому женщины не сдят вместе с мужчинами и не участвуют в общем застолье.

¹⁵ *Коджагар-ратри* — ночь полнолуния в месяце *ашвин*, когда полагается бодрствовать, чтобы привлечь в свой дом богиню счастья и процветания *Лакшми*.

¹⁶ В индийской поэтической традиции лапы ворон символизируют безобразное.

¹⁷ В английском тексте сказки говорится не о богине счастья, а о богине плодородия. Среди исследователей существует мнение, что

имя Шри — «Счастье», «Изобилие» (одно из имен богини Лакшми) было присвоено ариями одной из богинь плодородия, которым поклонялось доарийское население Индии.

¹⁸ *Сиддхи* — полубожественные существа, обитающие между землей и небом.

¹⁹ *Вахана* (санскр.) — «средство передвижения». В индийской мифологии — общее обозначение животных, служащих средством передвижения для богов. Каждый бог имеет свою вахану («ездовое животное»): у Картикеи это павлин или слон, у Ганеши — мышь или крыса.

²⁰ *Если я чиста перед мужем, пусть по моему велению встанет из воды остров!* — героиня использует «заклинание правдой» (санскр. *сатья-крийа*). Залогом действительности заклинания является идеальное исполнение человеком дхармических предписаний, что дает власть над силами природы и приводит к гармонии с космосом.

Маланчамала

¹ Царь отвечает котвалу пословицей, считая, что он берется за дело, которое ему не по плечу. Русский аналог — пословица «Нашему бы теляти да волка съесть».

² В число богоугодных дел, совершаемых обычно по обету, входят рытье колодцев, строительство дорог и приютов для паломников, раздача милостыни брахманам и нищим аскетам и др.

³ В астрологической практике число, оканчивающееся нулем, считается неблагоприятным. Поэтому к такому числу обычно прибавляется единица.

⁴ Здесь перечислены детали ритуального торжества по поводу рождения царевича и ритуальные предметы: музыкальные инструменты, без которых не обходится ни один индуистский ритуал, священный огонь, отгоняющий злых духов, жертвенные светильники, красный порошок, топленое масло, сандал, цветы, подносимые богам судьбы, чтобы их задобрить, и др.

⁵ *Боги призвали в свидетели три небесных звезды* — переступить через спящую женщину нельзя, но у богов нет другого выхода, и они просят звезды засвидетельствовать это.

⁶ *...на ладонях — символы знамени и лотоса* — т. е. знаки царского рода и благоприятной судьбы.

⁷ *Даже солнце и луна попадают в пасть демона Раху* — имеется в виду миф о царе асуров (демонов) Раху. Боги, лишившиеся в результате гибели вселенной всех своих сокровищ, пахтают Молочный океан и достают напиток бессмертия — амриту. Демону Раху удастся отпить амриты, которая дошла ему до горла и сделала бессмертной его голову. Бог Вишну узнал об этом от Чандры (Луны) и Сури (Солнца) и отсек Раху голову. Но бессмертная голова демона осталась на небе. С тех пор он метит Солнцу и Луне, время от времени проглатывая их, — этим объясняются солнечные и лунные затмения.

⁸ В индуизме огромное значение придается ритуальной чистоте пищи. Представители высших каст не принимают пищу из рук членов низших каст, чтобы «не оскверниться». Вопросы, которые задает Маланчамала царю, подчеркивают неравный характер брака.

⁹ Мелодия, исполняемая на флейте (свирели), — обязательное условие свадебной церемонии. На свирели любил играть бог Кришна, водивший хороводы с пастушками. Этот инструмент символизирует верность и любовь супругов.

¹⁰ ...невеста семь раз обошла вокруг жениха — ср. примеч. 6 к сказке «Сватовство шакала».

¹¹ Белый цвет имеет благоприятное, охранительное значение.

¹² *Каджал* — черная краска из жирной сажи; каджал наносят на веки для защиты глаз от неблагоприятного воздействия яркого солнечного света и от слезу.

¹³ Места кремации — шмашаны — расположены обычно у воды, куда опускают непрогоревшие останки тела. Предание воде и огню, имеющим очистительное действие, — обязательные составные части индуистского погребального обряда.

¹⁴ *Духи и демоны почуяли добычу* — мертвое тело, над которым не совершен погребальный обряд, становится добычей злых духов.

¹⁵ *Если я чиста и верна ему, ты... обратишься в пепел... А ты, ночь, если не кончишься сию же минуту* — «заклинания правдой» (см. примеч. 20 к сказке «Каджалрекха»).

¹⁶ ...полным-полно грамотеев, кричащих «хукка-хуа» — «хукка-хуа» — звукоподражание крику шакала.

¹⁷ ...в то утро, как обычно, протрубила раковина — в Восточной Бенгалии женщины утром трубят в раковину (*шанкху*), обратившись лицом к солнцу (ритуал встречи дневного светила).

¹⁸ Маланча прикоснулась к ногам ребенка, и он заподозрил, что она — его жена. Прикосновение к ногам мужа (земной поклон) — проявление уважения женщины к мужу, свекру и т. п.

¹⁹ Заговоренные нити — средство защитной магии. Нить, которую повязала Маланча на шею Пакшираджа, обладала волшебной силой благодаря ее неукоснительному следованию своей дхарме.

²⁰ По индуистскому обычаю, девушка, одарившая юношу цветочной гирляндой, избирает его своим мужем.

²¹ Перевод условный. В английском тексте речь идет о секрете, выделяемом головными железами тигров.

²² ...я, недостойная, узрела стопы своего свекра — уничижительная форма для обращения невестки к свекру, перед которым она даже не смеет поднять голову.

²³ Зеленая трава, рисовые зерна — обычные подношения богам (особенно у вишнуитов).

²⁴ ...подняв соединенные руки ко лбу — руки, сложенные ладонями внутрь, подносятся ко лбу (для выражения почтения) и к груди (для выражения любви); приветственный жест индусов.

Легенды

Манджурма

¹ Человек, лечащий с помощью заклинаний, должен делать это бесплатно, иначе заклинание потеряет силу.

Бхелуа

¹ ...знал разные науки и искусства — в древние времена в Индии существовал «список» различных знаний и умений, которыми должны были владеть люди определенного положения. Сюда входили: пение, танцы, музыка, театральное искусство, живопись, знание языков, плетение гирлянд, обучение попугая человеческой речи и многое другое — всего 64 вида искусств.

¹ ...свила... гирлянду и надела ее на шею юноше — т. е. избрала его своим мужем.

² ...оно (солнце) засверкало золотом на небосклоне и окрасило все в золотистый цвет — Д. Шен считает, что желтый цвет здесь символизирует грядущее бракосочетание: по бенгальскому обычаю, невеста и жених во время свадебной церемонии надевают желтые одеяния, окрашенные куркумой.

³ В тексте — «Чакраварти» и «кулин». Чакраварти — родовое имя одной из бенгальских брахманских семейно-родовых групп — готр; к «кулинам» (в переводе с санскр. «родовитый») относились самые древние брахманские роды, ведические свое происхождение от дэва-риши — божественных мудрецов.

⁴ *Адхиваса* — здесь — обряды, совершаемые в доме невесты накануне свадьбы. В адхивасу входит и церемония поминовения предков (см. след. примеч.).

⁵ Обрядам *шраддхи* — поминовения предков (до четвертого поколения) — в индуизме придается большое значение. Считается, что они обесчечивают душам предков посмертное блаженство и влияют на характер будущих рождений в новой телесной оболочке. Душам предков предлагается угощение в виде сладких рисовых шариков, фруктов и воды.

⁶ ...вырыли жертвенный алтарь — т. е. вырыли углубление для жертвенного огня. Почитание священного огня — центральный момент свадебной церемонии.

⁷ *Тилак* — здесь — знак, который наносят на лоб жениху, символ обручения.

⁸ *Я решила не выходить замуж и посвятить себя служению Шиве* — обычай посвящения девушек в храмы был широко распространен, они становились дэвадаси (рабынями бога). В их обязанности входило исполнение ритуальных танцев, песен и стихов.

Шунай и Мадхав

¹ *Когда... к цифре один присоединился ноль* — см. примеч. 3 к сказке «Малапчамала».

² *Пора тебе, красавица, вить гирлянду* — намек на скорую свадьбу.

³ *Кончается год* — бенгальский год начинается с середины апреля.

Малуа

¹ ...не размыло ли там валки — на рисовых полях для задержания воды устраиваются земляные перемычки — валки, которые делят поля на небольшие прямоугольные участки; эти валки являются и пешеходными тропинками.

² *Рис стали продавать по полторы меры за рупию* — переводчик восклицает по этому поводу: «Добрые, старые времена!»

⁸ ...он срезал пять стеблей тростника и... направился к своему рисовому полю — перед началом осенней жатвы крестьяне связывают тонкими стеблями тростника несколько маленьких снопиков риса, окрашивают их в красный цвет и подносят в дар богине счастья Лакшми.

⁴ *...мы боимся, как бы демон Раху не проглотил тебя* — невестки, подшучивающие над Малуа, хотя бы этим сказать, что она красива, как сама луна, и демон Раху может проглотить ее по ошибке (см. примеч. 7 к сказке «Маланчамала»).

⁵ *...негде даже рассыпать рис для просушки* — рис, который едят с карри, отваривают в шелухе, чтобы он не разваривался, потом просушивают на солнце и очищают. Отец Малуа хочет подчеркнуть небеспеченность семьи жениха.

⁶ Крыши домов обычно кроются рисовой соломой, пальмовыми листьями и тростником-улу. Только очень зажиточные крестьяне кроют свои дома черепицей.

⁷ *...купил себе даже слона* — слоны в Индии используются в хозяйстве для выполнения тяжелых работ — переноски тяжестей, корчевания деревьев и т. п.

⁸ *Каларатри* (санскр., букв. «черная ночь») — неблагоприятная ночь, когда супружеские отношения нежелательны.

⁹ *Шубхаратри* (санскр.) — благоприятная ночь.

¹⁰ *Тебе плохо было в родительском доме* — в такой форме мать невесты выражает ей пожелание счастливой жизни в доме мужа, где ей должно быть лучше, чем даже у своих родителей.

¹¹ Пчела и цветок — традиционный образ индийской поэзии, символизирующий влюбленного и предмет его страсти.

¹² По свидетельству Д. Шена, в Бенгалии до установления британской власти существовал налог на женитьбу, который назначался в произвольном размере и мог привести к полному разорению семьи жениха.

¹³ *Чаранамрита* (санскр., букв. «нектар с ног») — вода, которой омыты ноги божества. Правоверные индусы выпивали каждый день по несколько капель чаранамриты, в которую добавлялись лепестки цветов и листья священных деревьев, поднесенные богу во время пуджи. Набожные индуски не принимали пищи до тех пор, пока не выпьют несколько капель воды, которой омыты ноги мужа, почитаемого, как божество. В наше время этот обычай практически исчез.

¹⁴ *...не возьму в рот ни щепотки соли* — Д. Шен поясняет в примечании, что такое ограничение может быть вызвано трауром; другое предложенное им объяснение заключается в том, что Малуа не хочет быть ничем обязанной дивану.

¹⁵ *...сожгу себя на твоём погребальном костре* — имеется в виду обычай самоожжения вдов на погребальном костре мужа.

¹⁶ *...придется разбить свои ракушечные браслеты* — в традиционной Индии вдова-индуска не имела права на вторичное замужество и была наиболее бесправным и униженным членом общества. Ей разрешалось носить только простую белую одежду без каких-либо украшений.

¹⁷ *Яд из головы спустился к груди, потом... к стопам. Черная змея выпила яд* — черная змея, по преданию, живет в подземном, нижнем мире, т. е. ближе к ногам, чем к голове.

Рунавати

¹ *Давай бросим все и уйдем в лес* — см. примеч. 3 к легенде «Камала».

² *...не натирала куркумой* — по обычаю, тело жениха и невесты перед свадьбой натирают порошком из корня куркумы, имеющим желтый цвет.

Камала

¹ *Факир или вишнуит стучался в его дверь* — это, по-видимому, значит, что хозяин дома был лишен чувства религиозной нетерпимости и не делал разницы между мусульманскими и индуистскими нищим-аскетами.

² *...хотя ее муж давно умер, не расставалась с браслетами из ракушек* — такие браслеты носят только замужние женщины. Здесь имеется в виду, что Чикан не хочет мириться с положением бесправной и забытой вдовы.

³ *Ты прожила уже три стадии своей жизни... и доживаешь четвертую* — индусы считают, что каждый член общины должен пройти четыре стадии жизни: отрочество и юность; семейная жизнь; уход в лес — для очищения души; отшельничество (нищенство, аскеза). Последняя стадия предписывалась по преимуществу брахманам. Камала хочет сказать, что у молочницы Чикан жизнь уже позади и ей пора оставить греховные помыслы.

⁴ *Рама и Лакшмана ради отца ушли в лес* — имеется в виду эпизод из «Рамаяны»: герой поэмы Рама, старший сын царя Дашаратхи и наследник престола, из-за опрометчивого обещания отца добровольно удалился в изгнание с братом Лакшманой и женой Ситой и прожил в лесу четырнадцать лет.

⁵ *Парашурама — воин-герой, одно из воплощений бога Вишну. Здесь имеется в виду эпизод из «Махабхараты». Мать Парашурамы, Ренука, увидев однажды некоего купающегося раджу, возжелала его. Разгадав мысли Ренуки, ее муж Джамадатни приказал своим сыновьям отсечь матери голову. Парашурама исполнил повеление отца.*

⁶ *Ты ел соль моего отца всю свою жизнь* — «есть чью-либо соль» означает пользоваться милостями, опекой, покровительством кого-либо.

⁷ *В ноябре... зажгли у своих домов яркие светильники, которые горели всю ночь* — имеется в виду праздник огней дивали, отмечаемый в новолуние месяца *картик* (октябрь—ноябрь).

СЛОВАРЬ НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

Альпона, алипона — магические рисунки, узоры.

Ана — денежная единица, равная $\frac{1}{16}$ рупии; отменена в 1957 г.

Ара, ари — мера веса зерна, равная четырем манам; один ман равен 37,3 кг.

Арек — плод арековой пальмы.

Ашарх, асарх — третий месяц бенгальского календаря, соответствующий июню—июлю.

Ашвин — шестой месяц бенгальского календаря, соответствующий сентябрю—октябрю.

Баньян (смоковница индийская) — вечнозеленое дерево, род фикуса, со множеством стволов, образованных отходящими от ветвей дерева и достигающими земли воздушными корнями.

Баромаша — букв. «[песня] двенадцати месяцев»; в песнях баромаша месяц за месяцем описывается любовное томление разлученных возлюбленных на фоне изменений в природе, полевых работ, праздников и т. п.

Бегам — «госпожа» (о жене мусульманского правителя, знатного мусульманина).

Бель (*Aegle marmelos*) — дерево семейства рутовых, имеющее шаровидные плоды диаметром 5—10 см с твердой оболочкой и оранжевой сладкой мякотью; культивируется как плодовое и лекарственное растение.

Бенарес (Варанаси) — город в среднем течении Ганги, священный для индусов.

Бетель — растение из семейства перечных. Листья бетеля смазывают небольшим количеством извести, после чего в них заворачивают кардамон, кусочки арека и другие специи. Бетель обладает тонизирующим свойством, считается лакомством и преподносится в знак уважения.

Бигх — мера площади, около 0,3 акра.

Бойшакх — первый месяц бенгальского календаря, соответствующий апрелю — маю.

Бокул — вечнозеленое дерево с мелкими ароматными цветами.

Брахма — бог-творец — один из главных богов индуистского пантеона.

Брахманы — высшая варна, сословие жрецов в Индии. Традиционные занятия брахманов связаны с отправлением религиозного культа; в современных условиях они могут иметь обычные, «мирские» занятия и профессии.

Булбуль — певчая птица, индийский соловей.

Вана-Дурга — богиня леса.

Варанаси — см. Бенарес.

Веды — памятники древнеиндийской литературы (конец II — начало I тысячелетия до н. э.), представляющие собой сборники гимнов, жертвенных формул, заклинаний и песнопений.

Виндхья — горная гряда в Центральной Индии.

Вихангама (м. р.), Вихангами (ж. р.) — в индийской

мифологии — супружеская пара бессмертных птиц, наделенная даром предвидения.

Вишну — бог-хранитель — один из главных богов индуистского пантеона, входящий вместе с Брахмой (творцом) и Шивой (разрушителем) в божественную триаду. Его главные земные воплощения (аватары) — Кришна и Рама.

Вишнуит — почитатель бога Вишну. Вишнуизм — одно из важнейших направлений в индуизме наряду с шиваизмом.

Вриндаван — место паломничества индусов, город в Северной Индии.

Ганга — в индийской мифологии — небесная река, сошедшая на землю. Вода Ганги считается священной, ее хранят в каждом индуистском доме и используют для ритуальных целей. На берегах Ганги расположено несколько наиболее почитаемых мест паломничества индусов.

Ганджа — индийская конопля, гашиш.

Ганеша — один из популярных индийских богов, бог мудрости и устранитель препятствий; изображается с человеческим туловищем, четырьмя руками и слоновьей головой.

Гаури — одно из имен богини Шакти, или Махадэви (Великой богини), супруги бога Шивы. Гаури, Ума, Парвати и другие ипостаси, представляют милостивое начало в культе Великой богини; Кали, Дурга — грозное.

Голок, Голока — рай бога Вишну; букв. перевод с санскр. значит «Мир коров». Это связано с тем, что Кришна, одно из земных воплощений (аватар) Вишну, вырос среди пастухов и пастушек.

Гуру — духовный руководитель, наставник, избираемый на всю жизнь и почитаемый наравне с отцом или даже более его.

Гхат — спуск к воде озера, реки или пруда в виде каменных ступеней, где берут воду, совершают омовения и т. п.

Дарбар — зал заседаний (во дворце); заседание совета при государе; царский суд.

Дахи — род простокваши.

Диван — высокий административный пост в могольскую эпоху, главный сборщик налогов в провинции.

Дом — название одной из низших каст в Индии, наследственным занятием которой было сожжение трупов и плетение корзин. Ее не следует смешивать с мусульманской кастой домов — танцоров и музыкантов.

Дурга — см. **Гаури**.

Дурга-пуджа — праздник в честь богини Дурги, отмечающийся дважды в году — весной и осенью. Осенняя Дурга-пуджа приходится на месяц ашвин и длится восемь дней.

Дханвантари — врачеватель богов.

Дхарма — сумма религиозно-этических установлений, регулирующих социальное поведение индивида; нравственно-этические обязанности человека, выполнение которых — основная цель жизни индуса.

Дхарма — сын Брахмы, один из прародителей земных существ; олицетворение справедливости и правосудия.

Заминдар — букв. «держатель земли», административный пост в могольскую эпоху, управляющий какой-то областью.

Зенана — внутренние покои, женская половина дома, дворца.

Икари (бенг. и кори, о करा) — кустарник с цепкими, как у репейника, плодами.

Индра — бог грома и молнии, владыка небес, глава древнеиндийского пантеона, «царь богов».

- Иоджана — мера длины, приблизительно равная 8 милям.
- Кадамба — дерево с оранжевыми цветами, имеющими тонкий аромат; цветет в период дождей.
- Казы — местный судья при мусульманской администрации, часто выполнявший и административные функции.
- Кайварта — каста рыбаков.
- Кайласа — гора в Гималаях, обитель бога Шивы; «владыка Кайласы» — один из эпитетов Шивы.
- Кали — грозная ипостась богини Маха-дэви, супруги бога Шивы. Одна из наиболее почитаемых богинь в Индии.
- Кама, Кама-дэва — бог любви.
- Камала — одно из имен богини красоты, счастья и процветания Лакшми.
- Канкан — браслет, который носят на предплечье.
- Карри — острое блюдо из птицы, рыбы или дичи; обычно карри едят как приправу к отварному рису.
- Картал — ударный музыкальный инструмент в виде парных медных чашек.
- Карттик — седьмой месяц бенгальского календаря, соответствует октябрю — ноябрю.
- Карттикея — сын Шивы и Парвати, бог войны, изображается в виде красивого юноши с копьем и луком.
- Каури, коури, кори — вид ракушек, служивших в древней и средневековой Индии в качестве монеты.
- Кейа — см. кетака.
- Кетака — небольшое вечнозеленое дерево или кустарник с белыми ароматными цветами.
- Котвал — начальник стражи.
- Кубера — бог богатства и сокровищ.
- Кшатри — вторая (после брахманов) варна (сословие) в древней Индии; к ней принадлежали правители и воины.
- Лакшмана — сводный брат и верный помощник Рамы — героя древнеиндийского эпоса «Рамаяна».
- Лакшми — богиня красоты, счастья и процветания, супруга бога Вишну.
- Мада — букв. «Опьяняющий» (санскр.) — одно из имен бога любви Кама-дэвы.
- Майна — певчая птица из семейства скворцов.
- Малати — разновидность жасмина (*Jasmini goandiflorum*).
- Маллика — растение, цветущее белыми цветами.
- Малуа — женское имя, происходящее от названия цветка маллики.
- Манаса-дэви (бенг. Моноша-дэви) — богиня, защищающая от змеиного яда; широко почитается в Бенгалии.
- Манго — широко распространенное в Индии дерево (*Magnifera indica*), плоды которого ароматны и нежны на вкус.
- Мантра — магическая словесная формула, заклинание. Мантры произносятся во время ритуальных церемоний.
- Махуа — название тропического растения, из сока которого изготовляют опьяняющие напитки; женское имя.
- Монпабан — по-видимому, род древесины, которая отличается прочностью и легкостью, благодаря чему используется в судостроении.
- Мохур — золотая монета.
- Мриданг — двухмембранный барабан, имеющий вид удлиненного цилиндра, несколько расширенного посередине.

Муни — святой мудрец, аскет.

Наваб, набоб — мусульманский правитель, наместник.

Нагешвара (*Ochrocarpus longifolius*) — вечнозеленое дерево, цветет розовыми или белыми с красными полосками цветами, издающими дурманящий запах.

Назар — подарок (вассала сюзерену); налог, побор, откупные.

Намабали — одежда, испещренная именами почитаемого божества.

Натх — украшение для носа в виде кольца, продаваемого в поздю.

Пайса — денежная единица, равная 1/100 рупии.

Пакширадх (санскр. «царь птиц») — мифический крылатый конь.

Пандит — ученый брахман; учитель; брахман, исполняющий религиозные обряды в индуистской общине.

Панчаят — совет сельской общины.

Парвати — см. Гаури.

Пария — представитель одной из «неприкасаемых» каст.

Паус, Пус — девятый месяц бенгальского календаря, соответствующий декабрю — январю.

Пир — мусульманский проповедник, святой.

Праджапати (санскр.) — букв. «владыка созданий» — божественный персонаж, иногда отождествляемый с создателем вселенной.

Пуджа — почитание божества, поклонение, совершаемое перед его изображением или символом.

Пураны — сказания о старине, эпические поэмы на санскрите. Авторство пуран приписывается Вясе и другим божественным мудрецам.

Пура — см. бигх.

Пури — порт на побережье Бенгальского залива, место паломничества индусов.

Пушнака — небесная колесница, на которой передвигаются боги.

Раджа — царь, индийский феодальный владетель. До 1947 г. раджи возглавляли формально самостоятельные государства-княжества, фактически находившиеся под британским контролем. Таких княжеств насчитывалось несколько сотен, иногда их территория ограничивалась одним городом или несколькими деревнями.

Рэкиша Кали («Кали-охранительница») — одна из ипостасей Маха-дэви (Великой богини), супруги бога Шивы.

Ракшасы, ракшаси (ж. р.) — злые демоны, великаны, пожиратели живых существ.

Рани — жена раджи.

Рама — легендарный герой эпоса «Рамаяна».

Рати — супруга Кама-дэвы, бога любви.

Рупия — основная денежная единица в Индии.

Савитри — персонаж эпоса «Махабхарата», дочь бога Сурьи; почитается как образец преданной и мудрой жены.

Садху — отшельник, святой.

Санад — письменное распоряжение или указ мусульманского правителя.

Сандаал — тропическое дерево с твердой благоухающей древесиной; используется в парфюмерии и обрядовой практике, а также как поделочный материал.

Саньяси — отшельник, святой.

Саранги — струнный смычковый музыкальный инструмент.

Сарасвати — богиня знания и красноречия.

Сатья-пир — мифологическая личность, якобы жившая в Бенгалии в XVI в. и обладавшая божественной силой; одинаково почитается бенгальскими индусами и мусульманами; проповедовал единение религиозных взглядов мусульман и индусов.

Сари — род женской одежды, длинная полоса материи, драпирующая женскую фигуру.

Сва я м в а р а — церемония избрания жениха невестой, обычно знатного происхождения.

Сита — персонаж древнеиндийского эпоса «Рамаяна», жена Рамы.

Сурья — солнце, бог Солнца ведического пантеона.

Тамаринд (*Tamarindus indica*) — растение семейства бобовых со съедобными плодами.

Тулси — разновидность базилика (*Ocimum sanctum*), почитается как священное растение; листья и ветви подносят в дар богу Вишну, из веток вырезают бусы и четки. Вишнуиты сажают его во дворе своего дома, считая воздвигением пастушки Радхи, возлюбленной бога Кришны.

Улу (*Imperata apar*) — травянистое растение, тростник.

Факир — нищенству подвиг мусульманин.

Хиджал, Хаджа — джор — вечнозеленое дерево с раскидистыми ветками (*Barringtonia acutangula*); растет обычно у воды.

Хуншала — «дом смерти», «дом убийств» — название тюрьмы в средневековой Индии.

Хукка — индийский кальян, небольшой курительный прибор, в котором дым очищается, проходя через воду.

Чакладар — субарендатор.

Чампак, Чампа (*Michelia champaka*) — кустарник с желто-ватыми ароматными цветами, которые используются в парфюмерии.

Чанда — представитель одной из «неприкасаемых» каст.

Чатака (*Cuculus melanoleucas*) — пестрая индийская кукушка, которая, по поверью, пьет только падающие с неба капли дождя.

Чорапани — вода, которую мать невесты ставит в комнату дочери в ночь свадьбы. В эту воду опускаются монеты и кольцо. Чорапани значит «вода-воровка», так как она укрывает вещи, предназначенные для невесты.

Шали — высокосортный рис с удлиненными зернами.

Шашти (букв. «шестая») — богиня — охранительница детей.

Шива — бог-разрушитель, один из главных богов индуистского пантеона, входящий вместе с Брахмой и Вишну в божественную триаду.

Шлока — один из наиболее популярных размеров древнеиндийской поэзии. Этим размером в основном написаны «Махабхарата» и «Рамаяна». Шлока состоит из двух полустихий по шестнадцать слогов, каждое из которых делится цезурой на две восьми-сложные части — пады.

Шмашан — место кремации.

Шондеш — сладости, приготовляемые на основе творога.

Шраван, сраван, саван — четвертый месяц бенгальского календаря, соответствующий июлю — августу.

Шраддха — церемония поминовения предков.

Шьяма (санскр.) — букв. «Темный», одно из имен Вишну.

Яма — владыка царства мертвых, подводящий итог добрым и злым деяниям умершего и выносящий решение о дальнейшей судьбе его души.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сказки			
Сватовство шакала	6	Бедный брахман	107
Мудрый хираман	11	Каджалрекха	112
Киранмала	16	Маланчамала	130
Откуда взялся опиум	26	Легенды	
Факир-чанд	30	Манджурма	164
Шокхи-шона	47	Бхелуа	168
О трех братьях	50	Махуа	175
История о ракшасах	55	Чандравати	181
Плешивая жена	69	Вингатай и Мадхав	190
Поле костей	71	Вингатай	199
Похождения двух воров	89	Вингатай и святи	220
и их сыновей	89	Вингатай и святи	230
Брахман и оборотень	91	Вингатай и святи	250
Аскет и богиня	96	Вингатай и святи	289
Брахман и брахмадайтья	100	Вингатай и святи	289
Царевич Шобур		Словарь непереведенных	299
		слов	

Литературно-художественное издание

СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ БЕНГАЛИИ

Редактор Э. О. Секар. Младший редактор Н. Л. Скачко. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор М. В. Погоскина. Корректор В. Н. Багрова

ИБ № 16278

Сдано в набор 10.11.88. Подписано к печати 13.03.90. Формат 84×108¹/₃₂. Гумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 15,96. Усл. кр.-огт. 16,17. Уч.-изд. л. 18,38. Тираж 50 000 экз. Изд. № 6482. Зак. № 32. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы 103051, Москва К-51,
Цветной бульвар, 21

1-я тип. ИПО ВЦСПС Профиздат, 109044, Москва, Крутицкий вал, 18.

Отпечатано в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16,
Заказ 1190